

Московский городской психолого-педагогический университет

Н. П. Бусыгина

**МЕТОДОЛОГИЯ
КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПСИХОЛОГИИ**

Учебное пособие

Допущено

*УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших
учебных заведений, обучающихся по специальностям
ВПО 030301 «Психология», 030302 «Клиническая психология»
и направлению подготовки ВПО 030300 «Психология»*

Москва 2011

УДК 159.9.072
ББК 88.3
Б92

Бусыгина Н. П. **Методология качественных исследований в психологии. Учебное пособие.** – М.: ????????, 2011. – 284 с.

Наталья Петровна Бусыгина – кандидат психологических наук, доцент Московского городского психолого-педагогического университета. Автор монографии «Качественные исследования в психологии: Методологические основания, подходы, методы» и научных статей по методологии психологических исследований. Занимается разработкой методологии герменевтической феноменологии и дискурс-анализа применительно к исследованиям в области психологии личности и консультативной психологии. Автор спецкурса «Методология качественных исследований в психологии», который читает на факультете психологического консультирования МГППУ.

Настоящее пособие является наиболее полным и систематическим изложением методологии качественных исследований (qualitative research) – со-временной бурно развивающейся области исследовательской практики в психологии и социогуманитарных науках. Качественные исследования рассматриваются не только в связи с преимущественно используемым в них типом методов (качественных, а не количественных), но и как специфическая исследовательская «культура», для которой характерна особая организация исследования. В книге представлен анализ методологии качественных исследований как на уровне «философии метода» (1-я часть книги), так и на уровне технологии – конкретных приемов сбора данных и их качественного анализа (2-я часть книги). Особое внимание уделяется принципам и стратегиям валидации результатов качественных исследований. Сохраняя объемное теоретическое ядро, пособие имеет ярко выраженное прикладное значение. Вторая часть книги представляет собой одно из немногих руководств, в которых обобщены требования к построению и проведению разных типов качественных исследований. Описание техник и методов качественного анализа данных иллюстрировано соответствующими примерами из собственных исследований автора, а также исследований зарубежных и отечественных коллег. Пособие адресовано студентам, аспирантам, а также преподавателям и исследователям, интересующимся методологическими проблемами психологии и возможностями применения качественных методов в психологических исследованиях.

ISBN

© Бусыгина Н. П., 2011.
© МГППУ, 2011.

Содержание

Предисловие 5

ЧАСТЬ 1

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ: «ФИЛОСОФИЯ МЕТОДА»

Глава 1. Социокультурные предпосылки и философские основания качественных исследований.....	13
Методический и методологический смысл дихотомии качественного/количественного	16
Социокультурные предпосылки исследовательских традиций в психологии	21
Философские основания качественных исследований: идеи философской герменевтики, феноменологии, социального конструкционизма и постструктурализма	30
Многообразие качественных подходов	67
Глава 2. Качественные исследования в контексте современных представлений о научной рациональности.....	79
«Позитивистское перенапряжение» психологии.....	82
Конструктивистские тенденции в современной философии науки и качественная исследовательская методология	87
Обоснование достоверности знания в методологии гуманитарных наук.....	93
Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации	109

ЧАСТЬ 2

ТЕХНОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 3. Особенности планирования и проведения качественного исследования	134
Концептуализация исследовательского вопроса и типы исследования.....	134
Начало исследования	136
Исследовательские вопросы и вопросы для респондентов.....	142
Формулирование вопросов для респондентов.....	146
Формирование выборки респондентов	154
Исследование случая (case study)	164

Глава 4. Анализ качественных данных	176
Техника кодировки и категоризации значений (качественный контент-анализ)	177
Анализ данных в подходе обоснованной теории (grounded theory)	193
Техника конденсации смысла.....	204
Феноменологическое описание.....	206
Интерпретация в качественных исследованиях	215
Дискурс-аналитические подходы в психологии	232
Представление результатов	246
Заключение	250
Литература	252
<i>Приложение 1. Роль психолога в организации (по представлениям предпринимателей) Фрагменты интервью</i>	267
<i>Приложение 2. Фаина Раневская о книге воспоминаний</i>	269
<i>Приложение 3. Франц Кафка «Письмо отцу» (фрагменты)</i>	271
<i>Приложение 4. Программа учебной дисциплины «Методология качественных исследований в психологии»</i>	273

Предисловие

Качественные исследования становятся все более популярной областью исследовательской практики в психологии и социальных науках. В последние десятилетия опубликовано значительное количество весьма серьезных работ, посвященных методологии качественных исследований (*Квале*, 2003; *Мельникова*, 2007; *Улановский* 2006; 2007; *Charmaz*, 2006; *Creswell*, 2007; *Denzin, Lincoln*, 2005; *Miles, Huberman*, 1994; *Moustakas*, 1994; *Seal*, 1999; *Silverman*, 2000; *Stake*, 2005 и др.). Отметим, что в психологии качественные исследования отнюдь не являются изобретением последнего времени: они составляют важную часть традиции психологической науки – достаточно вспомнить психоаналитические исследования «психопатологии обыденной жизни», эффектов остроумия и других бессознательных феноменов в работах З. Фрейда, экзистенциально-феноменологический анализ случаев в работах Л. Бинсвангера, психобиографическое исследование «кризиса идентичности» молодого Лютера в известной книге Э. Эриксона, работу Б.М. Теплова «Ум полководца» и многие другие, да и метод «клинической беседы», и проективные методы исследования личности давно стали необходимой частью исследовательской практики и подготовки отечественных психологов. Особенность современной ситуации – в другом: качественные исследования входят в методологическую фазу своего развития, характерными чертами которой являются философско-методологическая рефлексия оснований данного вида исследовательской практики, выраженный междисциплинарный характер проектов, широкое обращение психологии к методологическим поискам и достижениям таких дисциплин, как социология, культурная антропология, теория дискурса, социолингвистика и др., целенаправленная разработка и систематизация специфических методических процедур и развитие на этой основе университетских образовательных программ непосредственно по качественной методологии.

Качественные исследования – весьма разнородное исследовательское поле. Различны не только методы сбора данных и техники аналитической интерпретации, но и сами концептуальные подходы, в рамках которых выполняются исследования. Однако при этом, безусловно, существует и нечто общее, что позволяет относить качественные исследования, выполненные с опорой на весьма отличающиеся один от другого концептуальные подходы, к одному исследовательскому полю. Общее, о котором идет речь, – это отказ от квантификации данных, а также ориентация на интерпретативные техники работы с текстом, направленные на раскрытие заложенных в нем смыслов.

Итак, под «качественными исследованиями» мы будем иметь в виду исследования, в которых применяются нестатистические и неколичествен-

ные способы сбора и анализа данных (Семенова, 1998; Страусс, Корбин, 2007). Для сбора данных могут использоваться методы наблюдения, интервью или беседы, всевозможные проективные вербальные и рисуночные методики, кроме того, для получения данных возможно обращение исследователя к материалу личных документов, дневников, писем, продуктов деятельности и т. п. Полученные таким образом данные анализируются путем применения различных техник аналитической интерпретации заложенного в них смысла (например, техник кодировки и категоризации, дискурс-аналитических техник, комплексных методов интерпретации и др.). Представление результатов может быть различным (в зависимости от ориентации исследователя на тот или иной концептуально-методологический подход), но, как правило, по стилю это близкое к обыденной или художественной речи описание с большим количеством цитат из устной или письменной речи респондентов, а по жанру – интерпретация, гипотезы или размышление об интересующем исследователя феномене (Семенова, 1998).

Ниже речь пойдет преимущественно о работе с вербальным материалом, хотя, безусловно, только им качественные исследования не ограничиваются. Для достижения определенных научных целей мы можем использовать и различные невербальные (например, рисуночные) методики и подвергать их качественной интерпретации. Наш выбор работы с вербальным материалом обусловлен, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, в мировой социальной науке качественные исследования традиционно имеют дело с вербальными данными – именно сбору вербальной информации и интерпретации полученного текстового материала посвящена значительная часть изданных на сегодняшний день пособий по качественным исследованиям. Второе же обстоятельство вполне личное – предпочтение автора работать именно с текстами, а не с рисунками. Кроме того, несмотря на довольно распространенную среди психологов практику обращения к материалу рисунков, только в последнее время стали появляться работы, в которых представлена попытка систематического обоснования самой возможности подобной интерпретативной работы, дается анализ научного статуса получаемых интерпретаций невербального материала, и обсуждаются возможные критерии оценки валидности интерпретации (см., напр.: Rose, 2001). Многие вопросы, касающиеся интерпретации визуального материала, по-видимому, еще ждут своих исследователей. Так что это – поле возможной будущей работы.

В данном нами определении качественных исследований акцентируются технические аспекты, что делает его несколько механистичным и поверхностным. Однако качественные исследования сегодня – это не только особая технология, это прежде всего своеобразное «мировоззрение»; именно с их развитием связаны наиболее жаркие дискуссии по поводу статуса знания, критериев научности, понимания истины и т. п.

Развитие качественной методологии исследования во второй половине XX столетия далеко не случайно. В психологии критика в адрес традици-

онной естественно-научной методологии неоднократно высказывалась как теми, кто считает себя приверженцем альтернативных (герменевтических) подходов в психологии, так и теми, кто в целом ориентирован на развитие психологии по образцу естественных наук. В числе последних можно назвать такого виднейшего методолога психологии, как К. Левин. Левин негативно относился к засилью в психологии наивного эмпиризма, предполагающего возможность обосновывать научный опыт данными непосредственного чувственного восприятия. По его мнению, принципиальным для развития психологии является поворот ее от «аристотелевской» науки, занимающейся поиском статистических взаимосвязей между феноменами, к науке «галилеевской», одной из основополагающих черт которой является открытие «чистых» закономерностей, имеющих статус всеобщности и необходимости, что, в свою очередь, предполагает манипулирование идеальными объектами и глубокое изучение индивидуальных случаев (см.: Левин, 1990).

Другая ветвь критики доминирующей в психологии практики исследования более радикальна и связана с обоснованием невозможности строить психологию по образцу естественных наук. Сегодня можно говорить о двух основных аспектах этой критики. Во-первых – и этот аспект мы бы назвали «жизненно-практической критикой», – академическая психология слишком оторвана от жизни, ее построения искусственны, она оперирует конструктами, которые невозможно применять для анализа повседневных человеческих проблем; кроме того, основная ветвь академической психологии, ориентированная на сциентизм и количественные экспериментальные методы исследования, не в состоянии ассимилировать богатейший опыт, накопленный в рамках практической психологии и психотерапии, что порождает в психологии внутренний раскол, или «схизис» (см.: Василюк, 2003).

Во-вторых – и этот аспект критики можно назвать «антропологической критикой» (она известна в основном по работам гуманистических и экзистенциальных психологов), – естественно-научная методология в психологии не позволяет постичь человека в его целостности, она редуцирует его до уровня механического объекта. При таком подходе «человеческое в человеке» – его ценностно-смысловая сфера, способность к самотрансценденции и самодетерминации – оказывается «за кадром». В отечественной психологии критика такого рода принадлежит, в частности, Б.С. Братусю, предпринявшему попытку прояснить особенности образа человека, подразумеваемого тем или иным психологическим подходом (см.: Братусь, 1997).

В последней четверти XX века в работах представителей социального конструкционизма и дискурсивной психологии появился еще один тип критики, который можно назвать «культурно-исторической критикой». Согласно авторам, относимым к названным направлениям, научные методологии – это определенные дискурсивные практики, сложившиеся в тех или иных социоисторических условиях (см., напр.: Джерджен, 2003). С этой точки зрения, традиционная естественно-научная методология в психологии

и эксперимент как основной метод, на который она ориентируется, могут рассматриваться лишь в качестве одного из возможных риторических приемов поиска «истины». И их оценка предполагает не столько ответ на вопрос, соответствуют ли они некоей универсальной человеческой сущности, сколько соотношение их с целостным культурно-историческим ансамблем, ответ на вопрос о том, насколько ценностные регулятивы и нормы научного исследования в традиционной академической психологии отвечают ожиданиям и требованиям современной культурно-исторической ситуации – в философии, в методологии научного и социального познания, в культуре в целом. Односторонняя направленность научной психологии на квантификацию данных и статистические обобщения в контексте современной культуры выглядит очень архаично. Однако было бы, безусловно, нелепо полностью отвергать ценность статистических исследований в психологии: подобный жест тотального отвержения не менее (если не более) архаичен, чем некритическое следование какому-либо образцу как единственно верному. Скорее, сегодня речь должна идти об относительной ценности и относительной же ограниченности любой парциальной методологии. С этой точки зрения, естественно-научная методология в психологии вполне необходима для решения определенных – но весьма локальных – задач.

Безусловно, многие из тех, кто высказывал критику в адрес традиционной естественно-научной методологии в психологии, предлагали свои позитивные программы исследования. И ориентацию на качественные методы исследования тоже можно рассматривать как одну из таких программ, которые призваны преодолеть отмечаемые критиками недостатки «естественно-научного» подхода. Ориентируясь на использование естественного языка и понимание жизненных проблем и жизненных смыслов респондентов, исследователь-«качественник» оказывается гораздо ближе миру повседневных практик, чем экспериментатор. Благодаря отсутствию жестких конструкций и более открытому характеру, качественные исследования позволяют диалогически постигать особенности жизненного мира респондентов, их способы интерпретации событий и отношений и пути придания смысла последним, что делает эти исследования особенно актуальными для сферы консультативной психологии. Качественные исследования дают гораздо больше возможностей для проявления субъектных свойств респондентов, поскольку предполагают свободные ответы, диалог и направлены на активное конструирование смыслов участниками диалога. И, наконец, они в значительной степени отвечают современной ситуации в познании, тесно связаны с методологией герменевтики и «интерпретативного поворота», характерного для философии и социальных наук второй половины XX века. Впрочем, как утверждают некоторые авторитетные авторы (см., напр.: *Kleinig, Witt, 2001*), качественные методы исследования вполне созвучны не только методологии герменевтики, ориентированной на интерпретацию и понимание, но и методологии эвристики, цель которой – научные открытия. Кстати сказать, послед-

няя стала весьма популярна в последнее десятилетие, и связано это с новой популярностью методологии «единой науки», исходящей из идеи глубинного родства естественно-научного и гуманитарного знания. По вопросу общности/отличия мы разделяем точку зрения, согласно которой науки о человеке продолжают сохранять свою специфику, несмотря на наблюдающееся в последнее время движение к объединению наук. В социогуманитарных науках требуется не только наблюдение, но и участие: в них мы не просто придаем значение наблюдаемым вещам, но должны эксплицировать уже данные значения, т. е. если естественные науки дотеоретическое знание замещают верным теоретическим, то гуманитарные и социальные науки это дотеоретическое знание эксплицируют, выводят наружу. В этом смысле гуманитарное знание в чем-то подобно искусству, которое позволяет представить знакомое имплицитно в ясном свете сознания. Затронутый нами вопрос далеко не прост: в западной психологии его обсуждение под влиянием идей Л. Витгенштейна и аналитической философии вылилось в концептуализацию проблемы ментальных понятий. Должны ли мы в психологии пользоваться естественным языком или создавать искусственный (язык нейронных сетей, например)? На этот вопрос также можно ответить по-разному. Но если мы все-таки выбираем естественный язык, нам никуда не деться от необходимости прояснения того «шлейфа» значений, которые он за собой несет, будучи употребляемым в контексте повседневных практик.

Кроме того, в отличие от данного нам физического мира, которым занимаются естественные науки, социальный мир мы в некотором смысле создаем сами. Безусловно, каждый из нас появляется в мире уже существующих символических структур – мы не придумываем его заново. Но символические структуры – не абстракция (в духе постулируемого Лаканом Символического): они существуют только в виде постоянного воспроизводства в рамках реальных отношений между людьми и могут меняться (хотя и медленно) посредством изменения этих отношений. Мы, можно сказать, живем между структурой и перформансом. И как любой исследователь в области социогуманитарных наук, психолог всегда включен в производство и воспроизводство циркулирующих в обществе дискурсов. А потому он просто не может быть ценностно нейтральным. Социальное исследование всегда является выражением определенных интересов, тесно связанных с властными практиками общества. Поэтому для исследователя в области социальных и гуманитарных наук особое значение приобретает рефлексивный компонент исследования: какую социальную позицию я занимаю, какое социальное действие я произвожу посредством собственной речи, какой в конечном счете служу идеологии и т. п. Когда говорят, что психологи должны быть ближе к практике, сама практика, на наш взгляд, нередко понимается чересчур узко: нам нужно иметь в виду не только профессиональную практику, но весь набор социальных практик, в которые неизбежно включен исследователь. Социальная ответственность психологов – это не громкие сло-

ва, а требование реальности: исследователю слишком легко стать адептом идеологии, для него неприемлемой и даже отвратительной.

Говоря о методологии качественных исследований, под «методологией» мы имеем в виду рефлексивное описание принципов научного исследования, т. е. своего рода «самосознание» научной деятельности (безусловно, как любое «самосознание», методология может оказаться неадекватной рассматриваемой ею научной деятельности) (Белановский, 2001). Таким образом, можно надеяться, что настоящий текст представляет собой одну из попыток рефлексивной реконструкции принципов научного качественного исследования в психологии; во всяком случае, именно такова была изначальная интенция его написания.

В настоящее время уже никто не говорит о рефлексивном знании как о высшей форме знания (а методология, как об этом говорилось в предыдущем абзаце, – род рефлексивного знания). Рефлексивное знание – лишь одно из многих, оно рядоположно другим формам знания. И в обыденной, и в профессиональной жизни нам доступно практическое знание, лишь ничтожную часть которого мы способны четко выразить словами. Мы обладаем «молчаливым» знанием – знанием «на кончиках пальцев», «на острие взгляда», – знанием, принципиально не артикулируемым в языке. Вместе с тем, хотя рефлексивное знание лишилось своего привилегированного статуса, в ряду других форм знания ему предназначены свои важнейшие функции. Рефлексия – это постановка под вопрос условий возможности собственного опыта, исследование предпосылок, позволяющих именно так, а не иначе смотреть на мир. Проблематизируя само собой разумеющееся, рефлексия, по меткому выражению К. Ясперса, не позволяет стать «пленником собственных предрассудков», она хранит в себе потенциал для изменения, поскольку анализ предпосылок собственного мышления, усиливая самопонимание, дает возможность попробовать мыслить иначе, чем мы мыслим, и тем самым стать более свободными (если самопонимание и свобода вообще продолжают иметь в обществе хоть какую-то ценность).

Наконец, мы подходим к прояснению самого сложного, а именно того, что в контексте данной книги мы будем подразумевать под «психологией». Однако если говорить о возможном определении, то в отношении психологии его дать весьма непросто. Здесь сказывается обычный парадокс словоупотребления: наиболее вроде бы понятное в практике употребления – сложнее всего определить. Речь идет о «качественных исследованиях в психологии», поскольку автор ориентируется на собственную принадлежность к сообществу психологов, а также предполагает именно психологов в качестве основного адресата настоящего текста. Однако нужно иметь в виду, что качественные исследования – поле, в котором сходятся интересы многих дисциплин: помимо психологии, это социология, культурная антропология, социолингвистика и исследования дискурса, философия языка, педагогика, этнография, исследования массовой коммуникации (коммуникативистика) и др.

Сегодня качественные исследования часто называют междисциплинарным и трансдисциплинарным, мультипарадигмальным и мультиметодологическим полем, где, во-первых, стираются четкие границы между дисциплинами (нередко понять, к какой именно области знания относится то или иное исследование, можно лишь по соответствующим вне-содержательным маркерам, например, обратив внимание на название журнала, в котором оно опубликовано) и где, во-вторых, ни одна методология или парадигма не имеет привилегий перед другой: исследователь-качественник, как бриколёр (мастер на все руки), работает между и в рамках конкурирующих и частично совпадающих перспектив и парадигм (Denzin, Lincoln, 2005). Итак, основные работы по качественной методологии носят междисциплинарный характер. Поэтому на страницах настоящей книги мы позволяем себе делать ссылки на достижения целого ряда дисциплин, которые могут быть весьма полезны для решения психологией ее собственных задач.

Теперь несколько слов о жанре и содержании текста. Данная книга представляет собой учебное пособие к одноименному авторскому спецкурсу. Как мы уже отметили, в настоящее время качественные исследования вступили в новую – собственно методологическую – фазу своего развития. В отличие от более раннего периода, когда умение проводить качественные исследования и грамотно интерпретировать данные связывалось с некой общей эмпатической чувствительностью исследователя и его опытом работы «в поле», теперь речь идет о необходимости систематической подготовки исследователя в области качественной методологии. Решению задачи такой подготовки и служит как разработанный автором спецкурс, так и предлагаемое учебное пособие по методологии качественных исследований.

В соответствии с логикой спецкурса в данной книге внимание уделяется разным уровням качественной методологии – уровню «философии метода» (часть 1) и уровню исследовательской технологии (часть 2). В первой части пособия представлен анализ социокультурных предпосылок и философских оснований качественного подхода в психологии (глава 1), рассматривается проблема научного статуса знания, получаемого в результате проведения исследований текстуального типа, и дается представление о способах повышения качества таких исследований (глава 2). Как можно видеть, первая часть настоящей книги насыщена философскими и методологическими идеями, а потому, вполне вероятно, наиболее сложна для понимания.

Вторая часть учебного пособия посвящена технологии качественных исследований. В ней рассматриваются особенности планирования и проведения качественных исследований, обсуждаются основания выбора качественного «дизайна» исследования, особенности формулирования гипотез, стратегии формирования выборки исследуемых, принципы и правила формулирования вопросов для интервью и т. д. Особое внимание уделяется анализу текстовых данных. Мы останавливаемся на различных техниках ка-

качественного анализа, начиная от более формализованных пошаговых (или поэтапных) и заканчивая более свободными, фокусирующимися на целостности текста, интерпретативными. Отдельный фрагмент пособия посвящен дискурсивному повороту в психологии и анализу дискурс-аналитических техник, успевших зарекомендовать себя в психологических исследованиях. Описание техник мы иллюстрируем собственными примерами, а также примерами из исследований отечественных и зарубежных коллег. Если первая часть книги адресована студентам, аспирантам и дипломированным психологам, заинтересованным в прояснении философских и методологических оснований психологической науки, то ее вторая часть может быть полезна всем, кого интересует сама практика качественных исследований.

В приложении помимо исследуемых нами текстов приводится учебная программа по дисциплине «Методология качественных исследований в психологии», которую автор читает на факультете психологического консультирования МГППУ. В программе сформулированы вопросы для самостоятельной работы студентов, развернутые ответы на которые можно найти в соответствующих параграфах предлагаемого пособия.

Хотелось бы выразить благодарность Федору Ефимовичу Василюку за ту научную и человеческую поддержку, которую он оказывал на протяжении всего процесса работы над книгой. Мы благодарим всех студентов и аспирантов, слушавших курс по методологии качественных исследований и своими вопросами значительно продвигавших нашу работу над текстом, а также тех, кто писал под нашим руководством курсовые и дипломные работы и чьи материалы мы использовали в настоящем пособии. Особую благодарность хотелось бы выразить Татьяне Петровне Толстой – редактору книги, чьи предложения помогли сделать текст более ясным и читабельным.

ЧАСТЬ 1 КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ: «ФИЛОСОФИЯ МЕТОДА»

Глава 1 Социокультурные предпосылки и философские основания качественных исследований

В знаменитой работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский говорит о растущем разрыве двух психологий – двух «непримиримых типов науки», двух «принципиально разных конструкций системы знания». В терминах самого Выготского, это естественно-научная, материалистическая психология и психология идеалистическая (спиритуалистическая), – или «объясняющая» и «понимающая» психологии. Именно тезис о существовании двух, а не многих психологий, с точки зрения Выготского, наиболее верно выражает смысл кризиса психологической науки (*Выготский, 2003*).

Сегодня противостояние двух психологий, о которых говорил Выготский, не только не ушло в прошлое, но стало одной из самых ярких особенностей «жизненного мира» нашей дисциплины. В психологии сосуществуют несколько метатеоретических и методологических ориентаций, ведущими из которых являются традиционный сциентизм неопозитивизма и герменевтические установки альтернативных позиций (социального конструкционизма и феноменологического подхода) (*Гараи, Кечке, 1997; Джерджен, 1995; Мазюков, 2003; Якимова, 1995; Packer, Addison, 1989; Polkinghorne, 1983*). «Психология находится в уникальном положении, так как линия раскола проходит как раз по ее корпусу, рассекая его на две полунауки: считающая себя одной из естественных наук, применяющая их позитивистскую методологию “объясняющая психология” – и помещаемая среди исторических наук, орудуемая их герменевтической методологией “понимающая психология”» (*Гараи, Кечке, 1997, с. 92*).

С некоторой долей условности можно сказать, что дихотомия «количественной» и «качественной» традиций исследования соответствует разделению психологии на естественно-научную и гуманитарную. Во всяком случае можно утверждать, что развитие качественных интерпретативных методов в психологии действительно связано с ориентацией психологии на отличную от естественных наук логику гуманитарных дисциплин, как и применение в психологии стандартизованных эмпирических методов имеет отношение к попыткам строить психологию по образцу классического естествознания (другое дело, как при этом понимаются сами естественные науки: в следую-

щей главе речь пойдет о том, что психология нередко ориентируется на устаревшие представления о естественных науках, так что «физика для психологов» в значительной мере отличается от «физики для физиков»).

В истории психологии (в том числе и на современном этапе ее развития) хорошо известны многочисленные критические выпады приверженцев обеих «полупсихологий» в адрес теоретических и методологических позиций противоположной стороны. Для сциентистов гуманитарное исследование не объективно, поскольку в нем нет различия между объективными фактами и субъективными интерпретациями исследователя. Представители же гуманитарных подходов говорят, что сциентистские исследования вообще теряют целостный взгляд и цель своего исследования и к тому же не соответствуют «природе» самого исследуемого объекта – человека. Причем усердствуют в своей критике именно «гуманитарии», поскольку как раз исследования, выполненные в гуманитарном ключе, несмотря на их растущую популярность среди психологов, по-прежнему выпадают из общего потока научных исследований и критика принятых идеалов научности становится для «гуманитариев» важным средством завоевания для себя некоторого концептуального пространства.

Одной из важных тем современных дискуссий в области научной рациональности (более подробно о них будет сказано в следующей главе) является тема тесной связи науки с более широким социокультурным контекстом. Видимо, если говорить глобально, то одна из особенностей современной ситуации познания – разрушение веры в единство процесса развития, в то, что за историей стоит разворачивание неких скрытых сил (вспомним гегелевские идеи о движении абсолютного Духа или позитивистское представление о движении разума от мифологического к научному), другими словами, разрушение модернистского понятия необходимого прогресса. Сегодня все большую популярность завоевывает исторический подход к пониманию научной рациональности (Позер, 1996; Хьюбнер, 1994 и др.), который, ставя под сомнение существование вечной истины и универсальных форм рациональности, тем не менее придает большое значение истине, соотносимой с системой априорных предпосылок, имеющих культурно-исторический характер. Если, вслед за сторонниками исторического подхода, принять тезис, что любое знание – это знание не о каком-то объекте, обладающем абсолютно независимым существованием, но об объекте, рассматриваемом с точки зрения ряда постоянно обновляющихся принципов, то можно сказать, что рациональность решений всегда обусловлена историческими обстоятельствами и оценивать тот или иной методологический подход можно только ориентируясь на некоторый конкретный контекст.

Условием существования любой научной дисциплины является набор онтологических и методологических допущений (установлений различного порядка), которые зачастую не являются предметом специальной рефлексии до тех пор, пока в науке не появляются альтернативные системы базисных идеализаций, вызванных к жизни логикой движения самой научной дисциплины

либо общими изменениями интеллектуального климата, в котором эта дисциплина существует. Появление альтернатив приводит к тому, что априорные предпосылки дисциплины проблематизируются и перемещаются с периферии в центр ее внимания (Ромек, 2001). Что касается психологии, то она, как мы это отметили, никогда не знала единства, поэтому рефлексия исследовательских оснований всегда была для психологии актуальной. Несмотря на эмпиристскую ориентацию основной ветви психологии, гуманитарные идеи в психологии также успешно развивались (например, представителями экзистенциального и гуманистического направлений). В последней же четверти XX века гуманитарный подход в психологии стал еще более укреплять свои позиции, в свою очередь усилив необходимость методологического осмысления собственных оснований. Развитие качественных исследований оказалось тесно связано с общекультурными изменениями, характерными для второй половины XX века, в частности, с изменениями в содержании дискуссий относительно природы научной рациональности. С другой стороны, сами качественные исследования включились в продолжающийся диалог, касающийся целей, ценностей, возможностей, форм и способов познания в условиях современности (Улановский, 2005).

Обозначенное понимание познавательной ситуации подводит нас к необходимости критического исследования предпосылок тех типов рациональности, с которыми мы сталкиваемся в психологии. Какие факторы культурно-исторического характера стали решающими для становления естественно-научной (количественной) традиции психологических исследований? И каковы социокультурные предпосылки и философские основания качественной исследовательской методологии?

Исследование предпосылок двух подходов предполагает несомненность их разделения. Более того, всякое исследование подобного рода будет содействовать его дальнейшему упрочению. Но существует ли это разделение в реальной исследовательской практике? (Мы не берем здесь дискурс обоснования.) Ведь может оказаться и так, что мыслим мы – в смысле самой «технологии» мышления – одинаково, независимо от приверженности тому или иному подходу. И насколько сегодня мы вообще нуждаемся в том, чтобы мыслить разделение методологических подходов? Не должны ли мы, учитывая сегодняшнее движение к сближению естественно-научного и гуманитарного познания, искать основания для их объединения? Тем более что разговоры о кризисе внутри психологии по сей день не утихают, оставляя по-прежнему актуальной задачу поиска условий единства психологической дисциплины.

Приступая к исследованию предпосылок исследовательских подходов в психологии, мы на время отставим в сторону обозначенную нами группу вопросов о существовании и осмысленности разделения подходов. Известный принцип «дверных петель», сформулированный Л. Витгенштейном, гласит: чтобы двери вращались, петли должны оставаться неподвижными, или, иначе, – чтобы в чем-то сомневаться, что-то должно оставаться

ся несомненным. Чтобы раскрыть сам смысл исследовательских подходов и понять «культуру» каждого из них, мы должны оставить несомненным факт их раздельности. И лишь поняв, о чем идет речь, можно позволить себе «усомниться» в подобном разделении.

Методический и методологический смысл дихотомии качественного/количественного

Буквальный смысл разделения исследовательских подходов на «количественные» и «качественные» говорит о том, что конституирующим признаком этого разделения является использование в исследовании языка цифр. Однако само по себе наличие (или отсутствие) языка цифр не конституирует исследовательскую методологию, хотя квантификация данных в случае количественного исследования и отказ от нее в случае качественного исследования действительно являются характерными чертами соответствующих подходов.

Сегодня сама дихотомия качественного/количественного употребляется в двух смыслах – методическом и методологическом, и смешение этих смыслов подчас приводит к неясности авторских позиций. В методическом смысле качественные исследования противопоставляются количественным по типу используемых в них методов – соответственно качественных или количественных. Однако можно полагать (и в этом и будет состоять методологический смысл указанной дихотомии), что качественные и количественные исследования отличает друг от друга не только тип предпочитаемых методов: они представляют собой различные исследовательские традиции («мировоззрения» или даже «культуры»), которые основаны на различных допущениях о природе объекта исследования, об отношениях между исследователем и исследуемым и о характере исследования, и именно специфика этих допущений и определяет тот момент, что в качественных исследованиях предпочтение отдается качественным, а в количественных – количественным методам, хотя возможны и варианты их различных соединений.

В настоящей работе мы ставим задачу обосновать второе – методологическое – разделение качественных и количественных исследований. На наш взгляд, сегодня можно говорить о качественной и количественной методологиях (или методологических традициях) исследования, которые базируются на отличающихся друг от друга философских основаниях. Безусловно, методология логически независима от методов, однако она сама может задавать приоритет использования тех или иных методов. В этом смысле можно думать, что квантификация данных в рамках условной «количественной» исследовательской традиции применяется именно потому, что она органично вписана в общие представления, что, для чего и как должно быть исследовано, точно так же как и ориентация на работу с качественными данными в рамках «качественной» исследовательской традиции укоренена в соответствующих философских воззрениях на природу человеческой реальности и способы ее постижения. Поясним, что, разделяя ме-

тодологии, мы совершаем действие идеализации: мы представляем некоторые идеализированные типы исследовательских методологий. Разумеется, в реальной исследовательской практике далеко не все столь однозначно, и, скорее, нужно говорить лишь о тяготении исследователя к тому или иному типу исследовательской методологии.

И. Линкольн и Э. Гьюба (*Lincoln, Guba, 1985*) предлагают удобную схему для анализа исследовательских традиций, которой мы воспользуемся, чтобы дать общую характеристику как количественной, так и качественной методологии исследования. По мнению Линкольна и Гьюбы, исследовательская методология задается ответами на три основных вопроса: онтологический (какова природа реальности, что может быть о ней известно), эпистемологический (какова природа отношений между познающим (исследователем) и тем, что может быть познано) и методологический (как исследователь может (должен) познавать то, что может быть познано).

Количественная исследовательская методология исходит из онтологии «эмпирического реализма», допускающего существование объективного мира, не зависящего от познающего. В качестве объекта количественных исследований выступают, как правило, натуралистически понимаемые психические процессы и состояния. Психическая реальность при этом понимается как нечто естественно данное, что должно быть постигнуто. Предполагается, что мир (в том числе психический) структурирован посредством общих закономерностей, которые необходимо вскрыть и тем самым получить возможность предсказывать и контролировать события. Полкинхорн (*Polkinghorne, 1983*) говорит о характерном для науки «берущем», «воспринимающем» взгляде: есть нечто внешнее по отношению к нам, что мы воспринимаем и можем изучать; а от того, как мы сами участвуем в его порождении или конструировании, мы отвлекаемся.

В эпистемологическом плане количественная исследовательская методология базируется на идее объективного познания, предполагающего четкое отделение исследователя от объекта исследования. Исследователям предписывается позиция беспристрастного ученого, способного достичь точки зрения, свободной от ценностей и субъективных искажений. Поскольку субъективность исследователя и его возможное влияние на исследуемый процесс рассматриваются как угроза валидности результатов, в методологическом плане предлагаются специфические способы контроля такого влияния и всевозможных искажений, привносимых в исследование исследователем. Разрабатываются критерии внутренней и внешней валидности, надежности исследования. В общем можно сказать, что интерес исследователя в данном типе методологии – контроль над объективными процессами и предсказание; метацель исследователя – обобщенное знание, выявление универсальных закономерностей (каузальных законов или хотя бы корреляционных связей между переменными, которые можно осмыслить в контексте общих закономерностей, существующих в психическом мире);

наконец, данному типу методологии присущ особый этос, тесно связанный с идеями контроля над объективными процессами, повторяемости и предсказания, – этос манипуляции и инструментальности.

В методологическом плане количественные исследования, как правило, предполагают наличие определенной структуры и логики: исследователь фокусирует внимание на отдельных сторонах изучаемого объекта и занимается поиском причинно-следственных обобщений. Общая методологическая стратегия исследователя – абстрагирование от сложности психической жизни и моделирование наиболее фундаментальных, с его точки зрения, процессов, которые эту психическую жизнь обуславливают. Модели, как правило, представляют собой упрощенную репрезентацию реальности, но именно в этом упрощении их сила и их смысл. Как пишет Р. Аксельрод, «модели, цель которых – постичь фундаментальные процессы, нужно оценивать по их плодотворности, а не по точности (воспроизведения реальности. – *Н.Б.*). Для этой цели реалистическое отображение множества деталей не только не обязательно, но и контрпродуктивно» (цит. по: *Dessler, 2003, p. 22*). Обычно исследования, выполненные в рамках количественной методологии, носят гипотетико-дедуктивный характер: они представляют собой проверку теоретических предположений исследователя, а потому требуют достаточно четкого формулирования гипотез, которые могут быть опровергнуты в результате эмпирического исследования. Процедуры стандартизованные, применяется квантификация данных и методы математической обработки результатов.

Обозначенные нами основания количественной методологии делают вполне понятным свойственное данной исследовательской перспективе стремление к математизации. Математика дает возможность говорить на языке однозначно определенных символов. Живому языку свойственна, по удачному выражению В. фон Гумбольдта, существенная широта колебаний, и живое слово всегда несет в себе неопределенность (до известных пределов, разумеется), а потому может быть и произнесено, и воспринято по-разному. Благодаря системе искусственных символов (наподобие языка цифр) происходит своеобразное самопреодоление языка, что является одним из важнейших шагов на пути к универсальной объективности – полагаю «бытия как полностью имеющейся в распоряжении субъекта предметности» (*Гадамер, 1988, с. 482*). Так что квантификация данных в количественных исследованиях является одним из естественных воплощений свойственных данной исследовательской методологии познавательных допущений.

Что касается качественной исследовательской методологии, то она предполагает иные онтологические, эпистемологические и методологические допущения. В онтологическом плане в качественной исследовательской методологии мы имеем дело не с «реальностью самой по себе», а с теми смыслами, посредством которых структурируется реальность в человеческих сообществах. Онтология качественных исследований – это онтология жизненного мира, нередко ее называют конструкционистской он-

тологией. Впрочем, понимание природы объекта в качественных подходах может варьироваться. Так, объект исследования может мыслиться в радикально конструкционистской перспективе, поддерживающей веру в существование не одной, а множества реальностей, которые конструируются в процессе социальных практик и зависят от перспективы исследователя. Однако можно понимать его и в более реалистической перспективе (например, с позиций критического или конструкционистского реализма), которая предполагает гораздо меньшую степень свободы исследовательских взглядов и в большей мере ориентируется на жизненный мир как разделяемый людьми горизонт значений и практической очевидности. Но в любом случае в качественных исследованиях мы будем иметь дело не с натуралистически понимаемым миром психических процессов, состояний и т. п., а с миром intersubjectивных значений и смыслов.

В эпистемологическом плане качественной исследовательской методологии присуще особое видение отношений между познающим и познаваемым. Ставятся под вопрос возможность и необходимость ценностно-нейтрального исследования, поскольку при таком подходе теряются важнейшие грани познания человеческого опыта, связанные, например, с процессом придания смысла. Качественные подходы интерпретативны, иными словами, в них отрицается возможность постижения объектов вне практик репрезентации. Соответственно, важнейшее значение приобретает рефлексия того, как в исследовании выстраивается репрезентация объекта, что вкладывает исследователь в эту репрезентацию и каким образом можно позитивно использовать эти «вклады» в процессе производства знания. Интерес исследователя-«качественника» – это понимание переживания и опыта людей, реконструкция свойственных им систем смыслов, а также эмансипация (или социальные изменения в сторону большей свободы и равноправия). Метацель исследователя – «плотное» описание, получение локального знания внутри определенного контекста. Нельзя сказать, что качественным исследованиям не присущи обобщения: генерализация – необходимая часть любых научных изысканий. Однако обобщения в качественных исследованиях имеют свою специфику. Наиболее ясно ее выразил Г. Гирц, по мнению которого, основная задача качественных исследований – «не зафиксировать абстрактные регулярности, но сделать возможным плотное описание, обобщать не от одного случая к другому (across cases), но в рамках отдельных случаев (within cases) <...> сделать обобщенные выводы из небольшого количества плотно описанных фактов» (цит. по: *Dessler, 2003, p. 23*). Обобщения в качественных исследованиях, как правило, носят не статистический, а аналитический характер. Наконец, можно сказать, что качественные исследования культивируют особый этос – этос со-авторства, со-творчества, диалога и т. п. Исследователь и объект исследования взаимодействуют друг с другом, и результаты исследования рождаются в самом процессе этого взаимодействия. Исследователь здесь – заинтересованный участник, и такая позиция дает ему возможность

получать не отчужденное, а «жизненное» знание, которое может быть интересно широкому кругу людей.

В методологическом плане качественные исследования отличаются от количественных рядом особенностей. Если количественное исследование предполагает абстрагирование от жизненной целостности феномена и выделение в нем отдельных сторон (как бы взгляд через микроскоп), то в качественных исследованиях, напротив, феномен предстает перед нами во всей своей жизненной полноте, мы не пытаемся редуцировать его до более или менее правдоподобной модели, но исчерпывающе описываем его особенности (это взгляд с разных сторон и как бы немного сверху, позволяющий увидеть феномен в его жизненном контексте). По сравнению с количественным, качественное исследование (особенно на начальном этапе) носит гораздо более открытый характер. Предварительные концепты и понятия исследования формулируются в самом общем виде; на начальном его этапе, как правило, имеет место лишь общая проблема и список общих вопросов, а гипотезы формулируются уже после погружения исследователя в исследуемую область, в результате некоторого обобщения (Семенова, 1998). Как видим, для качественных исследований более характерна не дедуктивная, а индуктивная логика исследования. Еще одно отличие качественных исследований касается самого процесса исследования. Так, этапы количественного исследования более или менее четко разграничены: исследователь вначале собирает данные, а затем их анализирует. В качественных исследованиях такое четкое разграничение этапов, как правило, отсутствует. Сбор данных и анализ осуществляются параллельно: исследователь должен быть готов одновременно и наблюдать, и анализировать увиденное. В.В. Семенова (*там же*) описывает циклический характер логики качественного анализа, предполагающий постоянное возвращение исследователя к исходным эмпирическим данным. Работая над качественными данными, исследователь двигается от низкого к более высокому уровню абстрагирования, следуя принципу спирали. Такая логика позволяет строить обобщения различного уровня абстракции в зависимости от конкретных целей исследования (*там же*).

В качественных исследованиях огромное значение придается естественному языку, поскольку именно на нем основано и в нем выражается то, что для человека есть проживаемый им мир. Искусственные системы математических символов весьма ограничены в своей способности «схватывать» живые процессы смыслообразования, отсюда и ориентация интерпретативных подходов на работу с качественными данными. Проблемы «качества» подобного рода исследований решаются путем разработки специфических критериев – оценки кредита доверия к исследованию, критериев правдоподобия, обоснованности, подтверждаемости, аутентичности и др. (Bailey, 1996; Lincoln, Guba, 1985 и др.).

Как уже было сказано, именно ответы на онтологический, эпистемологический и методологический вопросы определяют качественную и количествен-

ную методологии исследования. Повторим еще раз, что прояснение методического и методологического смыслов качественно-количественной дихотомии позволяет более прицельно ставить вопрос о научном статусе качественных исследований, обсуждение которого на сегодня является одной из самых актуальных тем в области методологии психологического исследования.

Описанные отличия количественной и качественной исследовательских методологий можно кратко представить в виде таблицы:

Основные характеристики исследовательских методологий

Конститутивные аспекты методологии	Методология исследования	
	количественная	качественная
Природа исследуемого объекта	Онтология эмпирического реализма; натуралистически понимаемые психические процессы, состояния и т. п.	Онтология «жизненного мира»; мир intersубъективных значений и смыслов
Отношения исследователя и исследуемого	Эпистемология позитивизма; субъект-объектное разделение; интерес исследователя – контроль над объективными процессами и предсказание; метацель исследователя – получение обобщенного знания, выделение универсальных закономерностей; статистические обобщения; «инструментальный этос»	Эпистемология интерпретивизма; участливая позиция исследователя; интерес исследователя – понимание и социальные изменения; метацель исследователя – «плотное» описание; получение локального знания внутри четко очерченного контекста; аналитические обобщения; этос диалога
Структура и логика исследовательского процесса	Абстрагирование от сложности психической жизни и моделирование фундаментальных процессов; гипотетико-дедуктивный характер исследования; стандартизация процедур; квантификация данных; применение методов математической статистики	Целостное описание феномена; индуктивный характер исследования; нестандартность процедур; зависимость от контекста; неразделенность этапов исследования; циклический характер анализа; работа с качественными данными

Социокультурные предпосылки исследовательских традиций в психологии

Как научная дисциплина психология «родилась» во второй половине XIX столетия, а основные принципы исследования, построенные на применении методов математической статистики, сложились в первой четверти прошлого

столетия. Именно в это время в культуре отчетливо оформляется особое отношение к человеку: развитие товарно-денежных отношений превращает человеческие качества в товар, имеющий денежный эквивалент. Как пишет С. Московичи, деньги рождают определенную философию культуры: благодаря посредничеству денег не только материальные предметы, но и духовные сущности, идеи и ценности «становятся миром столь же автономным и объективным, как и мир физический». Деньги «раздробляют и стерилизуют, как нечто мешающее им, тот тип человеческих связей, в основе которого лежит смесь чувств и интересов, превращают личные отношения в безличные, при которых человек становится вещью для другого человека» (С. Московичи, цит. по: *Степин*, 2004, с. 38). Деньги создают культурную атмосферу, позволяющую превращать неповторимые человеческие качества в количественные, калькулируемые объекты. (Современный мир – это мир, знающий единственную свободу: свободу себя продавать, – Ж. Бодрийяр).

Важнейшей предпосылкой становления психологии как одной из основных наук о человеке явилось характерное для буржуазной культуры отношение к человеку как к предмету рациональной регуляции. В исследованиях М. Фуко, посвященных формированию клиники, истории тюрьмы, истории сексуальности, достаточно убедительно показано, что во всех этих практиках, сферах человеческой жизни реализовался некоторый общий принцип «знания-власти» (*Степин*, 2004). Открытая власть суверена, основанная на страхе казнимого и пытаемого тела, уступает место «микроразделению власти», реализуемой в практиках регуляции и дисциплинирования социального тела. У Фуко есть замечательная метафора современной власти – утопия Бенгама, образцовый «Паноптикон», демонстрирующий абсолютную власть тотальной видимости. Это тюрьма специального архитектурного устройства, где находящийся в центральной башне надзиратель видит субъектов-заключенных в расположенных вокруг башни клетках-камерах, оставаясь для них невидимым. «Видеть, не будучи видимым» – вот формула паноптической власти. Не наказание, а дисциплинирование: человеческие тела учатся быть податливыми и функционировать в качестве взаимозаменяемых единиц (*Фуко*, 1999).

Современная власть основана на «публичном досмотре». Реализуется подобный досмотр в самых различных практиках – медицинском обследовании, организации тюремного надзора, тестировании при приеме на работу, публичном обсуждении проблем сексуальности, экзаменах в учебных заведениях и т. д. Человек выступает как предмет, который нужно исследовать и постоянно рационально регулировать при помощи правил. Психологические знания в этом контексте становятся своеобразными регулятивами, они задают научно выверенные (к науке есть доверие!) нормативные рамки; говоря несколько огрубленно, они выполняют социальный заказ, становясь частью «знания-власти», нормализующей и дисциплинирующей человеческую субъективность, которая теперь обретает форму «послушного тела», определяемого не

столько внешними правилами властной регуляции и подчинения, сколько внутренними нормами саморегуляции, самоуправления и самоконтроля.

Можно сказать, что психология тесно связана с характерными для современной культуры формами управления людьми. А.А. Пузырей, анализируя значение некоторых идей Фуко для мышления психологов, подчеркивает, что представителям психологического знания нужно осознавать реальную встроенность психологии в аппараты и механизмы власти, ангажированность властью. Психология «консервирует» критически не продуманные представления, бытующие в социуме, давая им «научные», «объективные» обоснования и тем самым как бы «вступая в сговор» с властью (*Пузырей*, 1999).

К примеру, Фуко, исследуя сексуальность, показывает, что ее отношения с властью нельзя свести к отношениям подавления; напротив, власть индуцирует, взращивает и культивирует такого человека, чья психическая организация подчинена логике желания. Современная культура делает удовольствие принудительным. Тем самым она заставляет человека выстраивать определенные формы отношений, причем делает это не посредством прямого насилия, а гораздо более тонкими способами. Важно, что действующая в культуре власть осуществляет себя не столько на уровне сознания и рациональных моментов, сколько на уровне тела и бессознательного. Как говорит М. Фуко, микровласть в ее вездесущности конституирует тела как тела желающие, склонные к чему-то и не склонные к другому, тела, выбирающие ориентацию, установку (*Фуко*, 1996б). Психология же – и именно это и становится условием существования ее в современном обществе – поставляет научно обоснованные «истины» о человеческой природе, в соответствии с которыми мы определяем себя и свою жизнь. В этой связи важно напомнить, что профессиональная психология всегда была под влиянием инструменталистского этоса с его акцентом на решении проблем, так что ее главным вкладом в культуру стал «дискурс дефицита» (*Джерджен*, 2003): психологи говорят о людях не столько в позитивных терминах уникальных идентичностей, сколько в клинических терминах, которые позволяют очерчивать проблемы, чтобы затем помогать людям изменяться, двигаясь в «нужном» направлении.

Как подчеркивает А.А. Пузырей, в свете методологического анализа, подобного тому, который проделывает Фуко, выясняется не только «неприродный», «неестественный» характер всех тех «объектов» («реальностей»), с которыми имеет дело психология, но и их внешний по отношению к ней характер. Объекты формируются не внутри самих научных исследований, но внутри и ввиду нужд и интересов различных стратегий власти в обществе. В результате сами научные исследования оказываются втянутыми, захваченными властью и ее диспозитивами, вовлеченными в осуществление стратегий власти (*Пузырей*, 1999).

Можно предположить, что традиционная логика психологических исследований, основанных на сравнении групп посредством применения методов математической статистики, имеет прямое отношение к описывае-

мым Фуко формам «знания-власти». Более того, есть все основания полагать, что статистические методы более ста лет назад были изобретены в поддержку политически мотивированной науки и сегодня используются таким образом, что позволяют конструировать знание, легитимирующее определенные формы доминации (Hughes, 1995; Tankard, 1984).

Не случайно первые исследования с использованием статистических методов были посвящены обоснованию расовых различий между людьми: и Ф. Гальтон, и К. Пирсон, и Р.А. Фишер не были заинтересованы в разработке методов статистической оценки самих по себе; то, что их действительно волновало, была евгеника и принципы улучшения человеческой породы. К. Пирсон, будучи биографом Ф. Гальтона – а именно с работ последнего начинается то, что сегодня называют статистическим анализом, – подчеркивал, что Гальтон открыл новую эру в науке, показав возможность квантификации свойств разума; в то же время, пишет К. Пирсон, можно видеть, что исследования Гальтона «в области теории наследственности, антропометрии, психометрии и статистики не были независимыми исследованиями, все они служили главному объекту его интереса – улучшению людского рода» (цит по: Tankard, 1984, p. 40). Сам Гальтон полагал, что открытые им математические принципы наследственности помогут создать научный базис для политических и нравственных реформ общества, способствующих такому улучшению.

К. Пирсон продолжил разработку математических методов, обосновывающих наследственный характер ментальных способностей. И он также был заинтересован прежде всего в развитии евгеники, когда создавал свой коэффициент корреляции или такой статистический коэффициент, как χ^2 , позволяющий сравнивать эмпирическое распределение признака с нормальным, ожидаемым в людской популяции. Сын К. Пирсона, И.Ш. Пирсон, комментируя математические работы отца, говорит: «Основной целью его исследований было развитие и применение статистических методов для изучения проблем наследственности и эволюции. Было бы, безусловно, неверно думать, будто Пирсон в то время был заинтересован в развитии статистической теории самой по себе» (цит. по: Tankard, 1984, p. 69).

Согласно представлениям Гальтона, такие свойства, как характер, установки личности, интеллект, обусловлены исключительно наследственностью. Эти «природные качества» или «таланты» составляют социальную значимость личности. По Гальтону, современное ему общество включает в себя различные категории людей, которые можно проранжировать согласно их социальной значимости – начиная от высшего класса, представляющего собой «мозг нации», и заканчивая всевозможными криминальными элементами. И математический аппарат, изобретенный Гальтоном (кстати, человеком весьма богатым), позволял ему продемонстрировать, что классовое неравенство людей объясняется различием их ментальных качеств, в свою очередь, обусловленных биологически (Hughes, 1995).

Последователь Гальтона К. Пирсон, хотя и не сводил значимость людей к уровню их богатства, тоже не отличался эгалитарным мировоззрением. Он считал, что люди профессионального среднего класса, унаследовав высокий интеллект и другие ментальные способности, по праву занимают в обществе высшие позиции. Политические и научные взгляды Пирсона получили воплощение в серии написанных им в 1930–40-е годы статей, в которых он весьма последовательно обосновывал негативные следствия иммиграции евреев на территорию Англии. Вообще исторические исследования ряда авторов дают основания полагать, что Пирсон был одним из тех, кто ответственен за то, что слово «евгеника» стало широко использоваться в гитлеровской пропаганде (*Ibid.*).

Дальнейшее развитие статистики связано с именем Р.А. Фишера, который расширил понятие теста значимости, придуманного, по-видимому, Госсетом, но долгое время не очень известного в силу ряда факторов, имеющих отношение к жизни и обстоятельствам работы самого Госсета (подробнее об этом см.: Tankard, 1984). Фишер изобрел нуль-гипотезу, а также способ квантификации значимости экспериментальных результатов и найденных «различий» между группами. Сегодня институционально поддерживается мнение, что именно статистически значимые различия имеют статус факта, истины, объективного знания. Научные исследования в психологии конструируются так, чтобы выявлять различия: выявление и объяснение различий становятся вкладом в научное знание. Как в случае Гальтона и Пирсона, математические изыскания Фишера были непосредственно связаны с научной поддержкой евгеники – он был заинтересован прежде всего в том, чтобы предложить научно обоснованные способы отбора людей для формирования населения будущего (Hughes, 1995).

Таким образом, именно евгеника мотивировала создание статистических методов и соответствующую науку. Пионеры статистики изобретали математический аппарат, пытаясь обосновать политическое, социальное и экономическое неравенство людей различиями в наследственности. Они представляли себе, что в будущем на смену естественной репродукции людей придут формы социального контроля над репродуктивными практиками. Математические техники, сложные и обладающие достаточным научным авторитетом, предлагались для того, чтобы легализовать определенную политическую идеологию, на которой базировалась евгеника. Разумеется, историческая связь изобретения статистики с социально-политическим интересом обоснования превосходства одних групп людей над другими отнюдь не говорит о том, что математика неверна или что знание, полученное с ее помощью, ничего не стоит. Однако она позволяет поднять вопрос о природе «объективности» научного метода и увидеть, что сама наука всегда существует внутри определенного социального, политического и экономического контекста. Х.-Г. Гадамер, затрагивая тему объективности в социогуманитарных науках, справедливо напоминает, что статистика «является столь удобным средством

пропаганды именно потому, что говорит языком фактов и тем самым создает видимость объективности, каковая на самом деле зависит от оправданности ее постановок вопроса» (*Гадамер*, 1988, с. 356).

«Статистика – часть технологии власти в современном мире» (Р. Капандия, цит. по: *Hughes*, 1995, р. 404). Эту фразу можно понимать в перспективе критики идеологии, как это делает Хьюс (*Ibid.*) и другие феминистские авторы, имея в виду репрессивный характер власти, которую осуществляют в обществе одни группы людей над другими. Статистический анализ, фокусируясь на различиях (именно различия в измеряемых характеристиках – базовое условие статистического анализа, в противном случае, если мы отталкиваемся от идеи сходства, статистические методы становятся не нужны), превращается в мощный инструмент конструирования тех групп людей, которые по отношению к доминирующим группам выступают как «другие», – это женщины, гомосексуалы, черные, старые, бедные, больные, социально неуспешные и т.д. Как правило, переменные, которые интересуют исследователей, тесно связаны с социальными интересами определенных групп, однако квантификация переменных зачастую порождает иллюзию, будто научное исследование далеко от любых форм политики: цифры становятся выражением беспристрастной объективности, и если исследователям удастся дополнить свои идеи языком цифр (безусловно, в соответствии с определенными методологическими правилами), статус этих идей в глазах научного сообщества обычно значительно возрастает. Вооруженный математическими методами исследователь воспринимается как дистанцированный от объекта исследования наблюдатель, поэтому создается впечатление, что полученные им квантифицированные данные рассказывают историю о мире, не искаженную социальными и политическими представлениями самого исследователя. А возрастающая сложность математического анализа побуждает видеть в исследовательском предприятии доступный лишь «элите» поиск абсолютной истины.

В итоге статистический анализ конструирует различия таким образом, что они становятся бесспорным фактом. Результаты «значимых различий» валидируют идеи о различиях между группами людей. Если «различия» доказаны при помощи научного метода, значит у нас есть все основания полагать, что «другой» действительно другой. Научные результаты поддерживают политическую власть в конструировании теоретических объяснений «различий» и тем самым вносят свой вклад в поддержку имеющейся политической структуры: доминирующие группы чувствуют себя защищенными в своей социальной, политической и экономической доминации, а подчиненные группы интернализируют свое подавление как «факт», что они действительно другие (*Barry*, 1979; *Harding*, 1991; *Hughes*, 1995; *Rowland*, 1988; *Sampson*, 1993 и др.).

Мы думаем, однако, что фразу о тесной связи статистики с современными технологиями власти можно прочитывать и несколько иначе, в большей

мере солидаризуясь с перспективой рассмотрения власти, которую предлагает М. Фуко. Напомним, что Фуко меньше всего интересует вопрос, кто над кем осуществляет власть. Он концептуализирует современную власть как «био-власть», основанную на том, что субъекты могут активно «субъективировать» сами себя, оказывать на себя влияние и специфическим образом себя изменять. В такой перспективе власть не только подразумевает доминацию и ограничение, но и представляет собой продуктивную силу, индуцирующую желание и субъективную привязанность к определенным способам создания смысла. Власть, таким образом, диктует восприятие нами самих себя как личности определенного типа, тем самым в современном обществе она тесно связана с типом знания, подобным психологии, призванной говорить «истину» о субъективности. Статистический анализ как раз позволяет четко выстраивать такие «истины», конструируя значимые различия между имплицитно подразумеваемым нормативным образом человека и всеми остальными его вариациями. Например, нас могут интересовать столь, казалось бы, далекие от политики вопросы, как связь продуктивности мыслительной деятельности с мотивационными характеристиками личности. Предполагая, что внутренняя познавательная мотивация будет значимо влиять на продуктивность мышления, мы построим исследование таким образом, чтобы в результате его проведения можно было бы получить значимые различия по показателю продуктивности между группами с различным уровнем познавательной мотивации. По негласному соглашению (например, чтобы можно было опубликовать результаты исследования), мы должны получить данные в пользу нашей гипотезы, т. е. мы должны получить значимые различия между группами. Тем самым у нас появляется возможность научно («объективно») обосновать некоторую «истину» о человеке, востребованном современной социальной жизнью, а именно представление о первичной значимости внутренних детерминант для продуктивного выполнения той или иной деятельности. Казалось бы, социально и политически не ангажированное исследование вносит свой вклад в продвижение образа человека, которому, для того чтобы быть успешным членом общества, необходимо активно включаться в процесс собственного «самостроительства», но в том-то и дело, что цель такого «само-» довольно жестко задается социальными приоритетами. «Порядок культуры» (опять-таки не без влияния дисциплин «пси») определяет смысловые ориентиры и желания индивида, причем таким образом, что он вынужден постоянно балансировать между провокацией и запретом, виной и послушанием. В итоге индивид делает то, что от него ожидают, но делает это в режиме «свободы выбора».

Впрочем, связь психологических исследований с технологиями власти, понимаемой как в перспективе парадигм доминации, так и в фукианской перспективе, фокусирующейся на дисциплинарных практиках и способах осуществления знания-власти, конструирующей и регулирующей человеческую субъективность, – тема отдельного исследования. Здесь нам хотелось

лишь подчеркнуть то важное, на наш взгляд, положение, что рациональность, лежащая в основе доминирующего типа психологических исследований, не является абсолютной, а представляет собой лишь ее возможную форму, во многом обусловленную конкретными культурно-историческими и социальными обстоятельствами.

Если статистические исследования в психологии во многом связаны со свойственным техногенной цивилизации стремлением калькулировать человеческие качества и изменениями в формах власти, то интересно задать вопрос, насколько качественные исследования в психологии и психотерапия как одна из качественных форм получения знания (вспомним, что психоанализ З. Фрейда был не только собственно психотерапевтической, но и исследовательской практикой, да и современная психотерапия имеет в том числе и познавательные функции) свободны от затронутой идеологии отношения к человеку? С одной стороны, в лице качественной методологии мы имеем практику, гораздо в большей мере окрашенную тонами гуманизма. Однако, как утверждает М. Фуко, гуманизм – обратная сторона террора. Гуманизм связан с тонкими формами осуществления власти, мишенью которой теперь становятся самые глубинные формы субъективности. Власть оказывается вездесущей, поскольку проникает повсюду.

Достаточно вспомнить, что качественная методология, пожалуй, впервые зарекомендовала себя в психологии в контексте маркетинговых исследований. Вдохновленный интерпретационным подходом психоанализа (а позже и недирективными техниками интервью, предложенными К. Роджерсом), Э. Дихтер разработал маркетинговое интервью, направленное на исследование скрытых символических значений, которые имеет продукт для потенциального потребителя. Еще в 1930-х годах им были проведены исследования покупки автомобилей, основанные на подробных интервью. Сам Дихтер писал, что проведенные им интервью «выявили, что машины представляют собой нечто большее, чем просто средство передвижения. Машина – действительно символ, выражение человеческого желания. Ее внешний вид, технические характеристики, социальные функции помогают выстроить эту символическую ценность» (цит. по: *Квале*, 2003, с. 77). Идеология введенного Дихтером маркетингового подхода в рекламе отвечала тем изменениям в экономике, которые стали характерны для XX века, особенно его второй половины, когда акцент с контроля производства продукции сместился на потребление и коммуникацию. «В обществе потребления обширные знания о переживаниях, смыслах, чувствах, желаниях и жизненных стилях потребителей очень важны для планирования и продажи товаров потребления. Эмпатическое раскрытие переживаемых смыслов и принятие точки зрения потенциального потребителя облегчает манипулирование его покупательским поведением» (*Там же*, с. 77).

Можно сказать, что качественные методы психологического исследования – могущественный инструмент получения знаний о глубинных пере-

живаниях людей, и их становление связано с формированием утонченных форм власти. В противоположность более откровенному технологическому предсказанию и контролю, отстаиваемому психологией, ориентированной на классическое естествознание, более мягкие гуманные формы контроля над чувствами, переживаниями и субъективным миром в целом обнаруживаются гораздо труднее. Осуществляя на основе взглядов М. Фуко «деконструкцию» психотерапии и гуманистической психологии, П. Ричер указывает на эти скрытые формы контроля как более эффективные, чем техники формирования поведения в бихевиоризме. «Психология – вся психология – это департамент полиции; психодинамика и гуманистическая психология – это тайная полиция» (П. Ричер, цит. по: *Квале*, 2003, с. 78).

И все-таки мы полагаем, что можно говорить и об альтернативных «овещняющему» отношению к человеку мировоззренческих координатах качественного гуманитарного подхода в психологии. Следуя Ю. Хабермасу, связавшему знание с типом интереса, можно сказать, что если естественно-научная парадигма в психологии характеризуется интересом к техническому знанию, направленному на предсказание и контроль над объективными процессами, то гуманитарная парадигма движима интересом к пониманию и эмансипации.

Кстати, именно Ю. Хабермас предложил наиболее острую критику теории власти М. Фуко (*Хабермас*, 2003; см. также о полемике Хабермаса и Фуко в: *Фурс*, 2002). По его мнению, Фуко рисует крайне одностороннюю картину социальной жизни. Вне поля зрения при этом остается развитие нормативных структур, ведущее к гарантиям свободы в правовом государстве. Из генеалогии Фуко оказываются вытеснены основополагающие понятия, позволяющие осмыслить символическое предструктурирование систем действия, социального значения межличностной коммуникации, включенной в контекст жизненного мира. В результате, по мнению Хабермаса, взгляд Фуко страдает отсутствием дифференцированности: просвещение и манипуляция, силы производства и силы разрушения, то, что гарантирует свободу, и то, что ее лишает, истина и идеология – все эти моменты сливаются воедино.

В свете предложенной Ю. Хабермасом теории интересов можно мыслить близость ориентированных на самопонимание и эмансипацию качественных исследований в психологии разворачиванию символических структур жизненного мира. Основная задача качественных исследований – «описание и понимание смысла центральных аспектов жизненного мира респондента» (*Квале*, 2003, с. 39). Не случайно развитие качественных исследований совпало с активизацией ряда освободительных общественных движений – феминистского, антирасистского, антиколониального, антипсихиатрического, гей/лесбийского. Традиционный для психологии дискурс дефицита не отвечал нуждам и потребностям целого ряда людей, желающих продвигать и укреплять свою уникальную культурную и социальную идентичность. Акцент на культурном многообразии, ставший одним из ценностных приоритетов современной жизни, потребовал от исследователей тонкой настройки ме-

тодов на культурную стилистику объекта. Изменение ценностных приоритетов можно считать одной из важнейших социокультурных предпосылок того, что на смену монополии универсальной познавательной схемы постепенно стала приходиться плюралистическая методология, а жесткие формализованные методы начали дополняться мягкими интерпретативными и диалогическими (Теория и жизненный мир человека, 1995).

Коль скоро мы говорим о многообразии культурных и жизненных миров, то задача психолога будет состоять не столько в том, чтобы предложить универсальные абстракции, которым придается онтологический статус (например, ответить на вопрос, что такое свобода, присоединившись тем самым к голосу «законодательного разума»), сколько в том, чтобы наиболее полно очертить семантическое пространство возможных смыслов (понять, что такое свобода для тех или иных людей). И именно этой задаче наиболее полно отвечают интерпретативные качественные методы исследования. Ведь, в конечном счете, в мире культурного многообразия психология призвана помогать людям лучше понимать друг друга, а также способствовать улучшению самопонимания как отдельных людей, так и общества в целом.

Философские основания качественных исследований: идеи философской герменевтики, феноменологии, социального конструкционизма и постструктурализма

Мы полагаем, что философским основанием «количественной» традиции исследования в психологии является идея «единой науки», как она высказывается в позитивизме и близких позитивизму движениях. Методологическая позиция, именуемая позитивизмом, восходит к О. Конту и Дж. Ст. Миллю, но с определенными оговорками ее можно отнести также ко всей интеллектуальной традиции философии Просвещения (*Вригт фон*, 1986). Обозначить основные черты позитивизма довольно сложно: различные авторы дают свои версии позитивизма, причем интересно, что среди этих версий мы не сможем найти даже двух идентичных друг другу. Однако все-таки попробуем, не слишком глубоко вдаваясь в этот вопрос, привести несколько постулатов позитивизма, упоминаемых авторитетными авторами (*Вригт фон*, 1986; *Kolakowski*, 1972 и др.), чтобы в общих чертах обозначить ту позицию, альтернативу которой (как основание «качественной» исследовательской методологии) мы намереваемся подробно рассмотреть.

Итак, среди основных постулатов позитивизма можно выделить следующие: 1) универсализм, т. е. идея о том, что статус знания получают лишь те утверждения, содержание которых контролируется средствами, доступными для всех; 2) объективизм, или четкое субъект-объектное разделение; 3) методологический монизм, т. е. идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования; 4) принятие точных естественных наук (в частности, математической физики) за методологический идеал или стандарт, по которому измеряют степень развития и совершенства всех

других наук, включая гуманитарные; 5) ориентация на каузальное объяснение, заключающееся в подведении индивидуальных случаев под гипотетические общие законы природы, включая «природу человека»; интенциональные объяснения, т. е. попытки трактовать факты в терминах намерений, целей, стремлений либо отвергаются как ненаучные, либо делается попытка показать, что их можно преобразовать в каузальные, если должным образом очистить от «анимистских» и «виталистских» элементов.

Что касается «качественной» традиции исследования в психологии, то она опирается на философские идеи обоснования специфики гуманитарных наук, в которых предпринимается попытка показать особенности объекта исследования в науках о человеке, делающие несостоятельной ориентацию гуманитарного познания на методологические идеалы естественных наук. Так же, как мы поступили в случае позитивизма, рискнем обрисовать несколько основополагающих особенностей (постулатов) указанной философской традиции: 1) в отличие от представителей естественных наук, социальные и гуманитарные исследователи изучают реальность, уже конституированную значениями и смыслами; в человеческом мире мы изначально имеем дело с intersubjectивными смыслами, а не с жесткими фактами; соответственно речь может идти лишь о включенном (а не об объективном) и о контекстуальном (а не универсальном) знании; 2) социальный мир нуждается в понимании, а не в каузальном объяснении; методов естественных наук недостаточно для понимания человека, нужны особые техники интерпретативного анализа смыслов; 3) в социогуманитарных науках особое значение приобретают не каузальные, а телеологические (интенциональные) объяснения.

В соответствующей методологической литературе качественные исследования обычно характеризуют как социоконструкционистские. И методологическое оформление качественного интерпретативного подхода связано в основном с экспликацией идей, имеющих отношение к движению социального конструкционизма. Однако, во-первых, многие положения социального конструкционизма весьма проблематичны (например, серьезного прояснения требует идея языкового конструирования реальности, поскольку ее радикализованные варианты ведут к крайним формам релятивизма и эпистемологического произвола), а во-вторых, на наш взгляд, философские источники «качественной» традиции исследования более разнообразны и, помимо социоконструкционистских идей, включают в себя идеи, развиваемые в рамках философской герменевтики, феноменологии, критических социальных теорий. Более того, последовательное продумывание важных для социального конструкционизма положений в контексте представлений философской герменевтики и феноменологии, как нам представляется, позволяет сгладить ряд присущих ему крайностей, в частности, связанных с пониманием языковой личности и отношений языка и мира.

Качественные исследования укоренены в философских традициях, хотя не всегда эта укорененность оказывается достаточно отрефлексированной.

Мы представим ряд идей философской герменевтики, феноменологии, социального конструкционизма и критических теорий, – эти идеи, безусловно, не исчерпывают ту или иную философскую традицию, но, как нам думается, наиболее важны для оформления концептуальных ориентиров исследователя-«качественника». Указанные философские традиции очерчивают контуры человеческой реальности, с которой имеет дело гуманитарный психолог, и дают возможность полнее осмыслить специфику познавательных ситуаций в качественных исследованиях. Кроме того, анализ различных философских источников может дать возможность внутри самой практики качественных исследований в психологии выделить несколько методологических подходов, предполагающих разные ответы на онтологический, эпистемологический и методологический вопросы.

Герменевтические основоположения качественной исследовательской методологии

Обычно герменевтику определяют как искусство интерпретации. Первоначально герменевтический подход применялся к интерпретации библейских, литературных и юридических текстов. Позже, усилиями прежде всего В. Дильтея (2000), герменевтика превратилась в своеобразный органон гуманитарных наук. Х.-Г. Гадамер (1988) занимался не только проблемами истолкования текстов, но и вслед за М. Хайдеггером (2002) разрабатывал философскую герменевтику бытия человека в мире. П. Рикер (1995) обосновал адекватность герменевтического подхода к человеческому действию. Сегодня некоторые авторы относят к герменевтике вообще все интерпретативные акты, а поскольку человеческая жизнь насквозь пронизана интерпретацией, герменевтика становится в некотором смысле вездесущей. В связи с этим Р. Рорти замечает, что «сама идея герменевтики должна исчезнуть, как исчезают старые основополагающие идеи, когда они теряют свою полемическую силу и становятся применимы к любому случаю» (Rorty, 1991, p. 71). Однако мысль Рорти об универсальной применимости герменевтики более созвучна европейскому контексту, где герменевтике действительно принадлежит важнейшая роль в дискуссиях в области социальных и гуманитарных наук. Галлахер (Gallagher, 1992), к примеру, свидетельствует, что в Северной Америке герменевтика далеко не так влиятельна. Что же касается России, то, скажем, в рамках методологических вопросов психологии идеи философской герменевтики практически не обсуждаются, хотя и существуют отдельные попытки обоснования эвристичности герменевтических идей для психологических исследований (см., напр.: Доценко, 1997).

М. Пэкер и Р. Эддисон (Packer, Addison, 1989) указывают на то, что герменевтика служит важнейшим источником для качественных исследований. В самом деле, герменевтика занята раскрытием опосредованных языком процессов человеческого понимания и интерпретации; но то же самое интересует и качественный подход. Более того, герменевтика обращает внимание на ограниченность естественно-научного взгляда. Гадамер, к примеру, отмечал:

«В противовес всей нашей цивилизации, основанной на современной науке, мы должны вновь спросить, не упущено ли нами что-то» (Gadamer, 1990, p. 153). И вот это «что-то» и является предметом пристального внимания герменевтики и, как можно думать, качественного исследовательского подхода тоже. Поэтому понимание герменевтических идей может значительно обогатить и углубить наше осмысление вопросов, имеющих непосредственное отношение к исследованиям текстуального и интерпретативного характера.

Одна из попыток адаптации герменевтики к анализу качественных данных приведена в книге С. Квале: ставя перед собой прагматическую задачу осветить те философские идеи, которые могут быть непосредственно применены в процессе качественных исследований, автор описывает семь канонов герменевтической интерпретации текстов, релевантных исследовательскому интервью (Квале, 2003). Однако Квале обращается преимущественно к методической герменевтике, на наш же взгляд, большее значение для прояснения тех реалий, с которыми сталкивается исследователь-«качественник», имеет онтологическая герменевтика М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Именно последняя раскрывает наиболее важные аспекты знания, релевантные качественным исследованиям. Ниже мы предлагаем краткое обсуждение ряда идей онтологической герменевтики, которые, по нашему мнению, создают необходимый контекст для осмысления теоретических и методических вопросов, связанных с использованием качественной исследовательской методологии.

Поиск понимания. Цель герменевтического подхода – достичь понимания, а не предложить объяснение или обеспечить авторитетное прочтение либо концептуальный анализ текста. Напомним, что именно осмысление, что есть понимание, в отличие от методов естественных наук, играло ключевую роль в оформлении традиции обоснования специфики гуманитарного познания. Хотя в методологической литературе достаточно внимание уделяется и характерным для наук о человеке формам объяснения (например, объяснению на основе практического вывода (Вригт фон, 1986)), осмысление понимания по-прежнему занимает важнейшее место в самоопределении гуманитарной традиции.

Следуя Гадамеру, Д. Джардайн (Jardine, 1992) говорит, что цель герменевтики не в том, чтобы методически выстроить отношения с каким-либо предметом и таким путем обеспечить понимание. Для Гадамера герменевтика – средство против засилья метода (но не против методологичности в более широком смысле). И ее задача – восстановить контуры и текстуру жизни, которой мы уже живем, жизни, которую невозможно понять, делая ее объектом. Герменевтика призвана не столько предложить процедуру понимания, сколько прояснить интерпретативные условия, в которых происходит понимание (Гадамер, 1988; Jardine, 1992).

Герменевтику нередко критикуют за ее концептуально неопределенный характер. Однако ее развитие в XX веке было подчинено обоснованию исходной интуиции о возможности познания и истины за пределами построе-

ния прочной системы знания, отвечающей методологическому идеалу науки. Как пишет Гадамер, «феномен понимания... пронизывает все связи человека с миром» (1988, с. 38). И даже в науке он имеет самостоятельное значение и противодействует всем попыткам превратить его в какой-либо научный метод. Есть опыт постижения истины, превышающий область, контролируемую научной методикой. И герменевтические исследования пытаются раскрыть этот опыт – везде, где мы с ним сталкиваемся, – и поставить вопрос о его собственном обосновании (*там же*).

Гуманитарная традиция – и это очень важно для осмысления качественной исследовательской методологии, укорененной в этой традиции, – связана с целостностью нашего опыта о мире. Но каким образом мы можем мыслить эту связь? Уже В. Дильтей, стремясь отделить отношения человеческого (духовного) мира от причинных взаимосвязей природы, показывает, что психическая структура, хотя и складывается под воздействием целого ряда факторов, не является простым следствием этих факторов, иными словами, ее невозможно понять, лишь анализируя формы причинного обусловливания. Напротив, она представляет собой некое единство жизни, которое находит свое выражение в каждом из ее проявлений и потому может быть понято на основе каждого из них. «Независимо от порядка обусловливания нечто складывается здесь в своеобразную фигуру. Именно это и подразумевал Дильтей под структурной взаимосвязью и называл теперь вместе с Гуссерлем значением» (Гадамер, 1988, с. 275). Значение понимается Дильтеем как выражение жизни. Причем выражаемое наличествует в выражении по-другому, чем причина – в следствии: выражаемое само присутствует в выражении и становится понятным, когда понято выражение. Жизнь, вырабатывая устойчивые единства значений, сама себя истолковывает. Можно сказать, что жизнь имеет герменевтическую структуру, а потому является истинной основой наук о духе.

Дильтей обосновывает философию и науки о духе «жизнью», полагая тем самым преодолеть интеллектуализм западной традиции, согласно которой именно рефлексивное знание упорядочивает непостоянную действительность жизни. Согласно Дильтею, знание имманентно жизни, т. е. сама жизнь как бы сориентирована на осознание себя. В переживании есть момент внутреннего восприятия, который можно понимать как своеобразный возврат жизни к самой себе. Имманентная рефлексивность жизни, о которой говорит Дильтей, означает, что еще до рефлексивной объективации существует нечто вроде естественного понимания жизнью самой себя, и выражается это понимание в языке, традициях, нравах, религии, искусстве и других продуктах Духа (Дильтей, 2000). Понимание в таком контексте может мыслиться как часть смыслового свершения, в котором осуществляется жизнь традиции.

Между тем Гадамер показывает, что в мышлении Дильтея отсутствует внутренняя цельность и, хотя последний и пытается обосновать основоположения наук о духе, ссылаясь на тезис об имманентности знания жизни,

он остается под влиянием западноевропейского теоретико-познавательного идеала, мыслящего систематическое научное знание в качестве высшего и единственно верного способа познания. «Когда Дильтей говорит о знании и рефлексии, то он имеет в виду не общую имманентность знания жизни, но *направленное против жизни движение*... Можно с удовольствием признать вместе с Дильтеем, что влияние мышления на жизнь “проистекает из внутренней необходимости в непостоянной смене чувственных восприятий, возделений и ощущений стабилизировать нечто прочное, что делает возможным постоянную и единую направленность жизни”». Но этот акт мышления имманентен самой жизни и совершается в объективациях духа, в нравах, праве, религии, на которые опирается индивид, когда он отдает себя объективности общества. С воззрениями философии жизни просто невозможно примирить тезис Дильтея о том, что для этого надо принять “точку зрения рефлексии и сомнения” и что эта работа совершается “во всех формах научного размышления” (и более нигде)» (Гадамер, 1988, с. 288–289).

Эпохальный переворот в герменевтике совершает М. Хайдеггер в «Бытии и времени» (2002). Пока мы будем, подобно Дильтею, мыслить понимание как метод, обладающий столь же универсальными возможностями познания, что и методы наук о природе, мы будем оставаться в рамках допущений об объективном познании. Хайдеггер радикально переворачивает сам вопрос, ставя на место эпистемологии понимания онтологию понимания: понимание выступает уже не как способ познания, но как способ бытия. «Вопрос: при каком условии познающий субъект может понять тот или иной текст или историю? – заменяется вопросом: что это за существо, бытие которого заключается в понимании? Таким образом, герменевтическая проблематика становится областью аналитики того бытия, Dasein, которое существует, понимая» (Рикер, 2002, с. 36).

Зададимся вопросом, что дает хайдеггеровская «онтология понимания» герменевтике, но не в ее философской ипостаси, а в ее роли возможного основоположения гуманитарной традиции в психологии? Нам думается, что значение это двойственное. С одной стороны, поставив вопрос о бытии, Хайдеггер дает возможность выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и дойти до изначальной связи человека с целостностью опыта, предшествующей субъект-объектному разделению. Тем самым понимание в гуманитарной традиции перестает быть неполноценной копией естественно-научных методов: всякой методологии предшествуют истины действительной жизни, к которым нужно приблизиться.

Однако, с другой стороны, в перспективе Хайдеггера истина оказывается абсолютно оторванной от метода. Тем самым исследования бытийного плана отгораживаются от любых методологических подходов к интерпретации (к примеру, лингвистических, дискурсивных и т. п., прорабатывающих языковые проблемы интерпретации), а оторванные от онтологических вопросов гуманитарные науки при этом становятся неизбежно сведенными к язы-

ку как замкнутому в себе целому. Безусловно, перед Хайдеггером в философской плоскости такая проблема вообще не стояла: он, по меткому выражению П. Рикера, хотел лишь «перевоспитать наш глаз и переориентировать наш взгляд». Но в исследовательской и психотерапевтической практике, двигаясь вслед за Хайдеггером, мы теряем методологические опоры, мы больше не знаем, что нужно делать, чтобы адекватно понимать тексты, чтобы отстаивать гуманитарное познание перед лицом методологически выверенного естественно-научного познания, чтобы совершать выбор между противоречащими друг другу интерпретациями, и т. д. Забывая же Хайдеггера в своей погоне за методом, мы оказываемся целиком в плену у языка – в «лингвистической тюрьме». А «такое гипостазирование языка отрицает фундаментальную интенцию знака – быть пригодным для..., то есть, растворяясь в том, что он имеет в виду, выходить за свои пределы. Сам язык как означающая среда требует соотнесения с существованием» (Рикер, 2002, с. 48).

П. Рикер называет путь, пройденный Хайдеггером к онтологии понимания, «коротким» и, в свою очередь, предлагает следовать к ней «длинным», «окольным и более трудным путем» (там же). Рикер высказывает сомнение, что возможно создать «непосредственную онтологию, свободную от любого методологического требования, а следовательно, и от проблем интерпретации, теорию которой она сама же и создает» (там же, с. 37). «Длинный путь» начинается с анализа языка и через его связь с рефлексивным планом вновь приводит к онтологическим корням понимания. Онтология понимания из начала исследовательского пути, как это было у Хайдеггера, становится у Рикера горизонтом, т. е. скорее целью, чем фактом. «Обособленная онтология – вне нашей досягаемости» (там же, с. 52). Мы начинаем с того, что интерпретируем символы – структуры значения, обладающие, по определению Рикера, двойным смыслом. Формы интерпретации соотносятся с определенными сетками прочтений, свойственными тому или иному интерпретативному подходу. Например, психоанализ задает свои правила дешифровки значений исходя из того, что можно назвать «семантикой желания»; экзистенциальные подходы интерпретируют символические выражения в перспективе «экзистенциальных тем» – темы смерти, свободы, вины, смысла, одиночества и т. д. К самим себе и своему существованию мы приходим не до, а после этих интерпретативных усилий, хотя желание понимать себя и направляло изначально сами усилия. Собственную жизнь мы постигаем лишь окольным путем – путем расшифровки ее свидетельств. И «рефлексия – это присвоение нашего усилия существовать и нашего желания быть через произведения, обнаруживающие это усилие и это желание» (там же, с. 50). Таким образом, мы достигаем бытия лишь в процессе интерпретации. На примере психоанализа можно отследить возможность этого восхождения от рефлексии к существованию, которое здесь предстает в виде движения от смысла к желанию: «желание как основа смысла и рефлексии раскрывается в расшифровке уловок желания; я не могу говорить о самостоятельном

существовании желания вне процесса интерпретации; оно всегда является интерпретированным; я его разгадываю в загадках сознания, но я не могу схватить его как таковое, потому что существует угроза породить мифологию влечений, как это иногда случается в примитивных представлениях о психоанализе» (там же, с. 54). «...Существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, рождающихся в мире культуры; существование становится самим собой – человечески зрелым существованием, – лишь присваивая себе тот смысл, который пребывает сначала “вовне”, в произведениях, институтах, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа» (там же, с. 55).

Условия понимания. Итак, существование всегда остается интерпретированным существованием. Очерчиваемые Хайдеггером и Гадамером условия понимания (и прежде всего «герменевтический круг») можно прочитывать как свидетельство теснейшей связи онтологии понимания с методологией интерпретации. И хотя герменевтика в перспективе Хайдеггера и Гадамера не выстраивает метода понимания наподобие методов естественных наук – напротив, она показывает, что использования научных методов еще недостаточно, чтобы гарантировать истину, – она тем не менее дает исследователю-«качественнику» важнейшие методологические ориентиры, поскольку, раскрывая, что есть понимание, ведет речь все же о некоей дисциплине вопрошания, основанной на условиях истины, не лежащих в логике исследования, а предшествующих ей. П. Рикер, в свою очередь, проясняет смысл и специфику методологических процедур, встроенных в «понимающее» исследовательское предприятие.

Герменевтика, как уже было сказано, не столько предлагает техническую процедуру понимания, сколько раскрывает, проясняя его условия, сам опыт понимания – везде, где мы с ним сталкиваемся (а феномен понимания, согласно герменевтике, пронизывает все связи человека с миром). Совершая смысловое движение понимания, мы попадаем в герменевтический круг, само понимание достигается благодаря слиянию горизонтов понимающего и понимаемого, которое осуществляется посредством диалектики вопроса и ответа.

Герменевтический круг в методологической литературе обычно описывается как постоянный процесс перемещения туда и обратно между частями и целым (Квале, 2003; Bontekoe, 1996; и др.). Хотя такое движение в пределах текста в принципе бесконечно (как бесконечно стремление к совершенству), оно снимается в законченной понимании, например, когда достигнут осязаемый «гештальт» – свободный от противоречий смысл текста, удовлетворяющий исследователя (Квале, 2003).

Однако герменевтический круг можно описывать и по-другому. М. Хайдеггер обращает внимание на то, что «всякое толкование, призванное доставить понятность, должно уже иметь толкуемое понятным» (Хайдеггер, 2002, § 32, с. 152). Гадамер, двигаясь вслед за Хайдеггером, замечает, что «предвосхищающее движение предпонимания постоянно определяет пони-

мание текста» (Гадамер, 1988, с. 348). Таким образом, циркулярность интерпретации – это не просто методологический процесс, но и сущностная черта любого знания и понимания. Понимание предполагает жизненное отношение интерпретатора к тому, что ему предстоит понять, его предварительную связь с понимаемым. Эту герменевтическую предпосылку называют предпониманием, поскольку она не достигается в процессе понимания, но предполагается как бы уже заранее данной. Причем «заранее данное» здесь не нужно понимать в механическом смысле: то, что мы назвали «жизненным отношением к понимаемому», само основано на формах «расхожего» толкования людей и мира, так что можно сказать, что интерпретация (толкование) является неизбежной частью любых человеческих попыток понимания; иными словами, любое толкование основывается на других толкованиях – а значит, не существует никакого основания, метода, опыта или смысла, которые были бы независимы от толкования или носили бы более базовый характер, что позволило бы избежать герменевтического круга.

Безусловно, то, что «толкование должно всякий раз уже двигаться в понятном и питаться от него», причем «предпосылаемая понятность сверх того еще движется в расхожем знании людей и мира» (Хайдеггер, 2002, § 32, с. 152), опять отдаляет понимание от методологического идеала науки: то, что должно быть обосновано научным доказательством, не может быть предпосылкой этого доказательства. Однако, как утверждает Хайдеггер, нам не нужно пытаться «подтягивать» понимание и толкование до идеала познания: задача не в том, чтобы выйти из круга, а в том, чтобы правильным образом войти в него (см.: там же). Вхождение в круг не является актом полностью субъективного характера. Оно питается из той совокупности знания и опыта, которую мы несем в себе как участники общего человеческого бытия. И наше предпонимание, которое мы привносим в ситуацию понимания, меняется в самом процессе понимания, и круг возобновляется.

Можно предположить, что, в отличие от порочного круга, подлинный герменевтический круг носит развивающий характер и всегда остается чувствителен к новизне. Вместе с тем наше понимание направляет и такая формальная предпосылка, как «стремление к завершенности»: например, «читая какой-либо текст, мы всегда предполагаем его смысловую завершенность», и понятным для нас «является лишь то, что действительно представляет собою законченное смысловое единство» (Гадамер, 1988, с. 348). Получается, что реальный процесс понимания всегда заканчивается чем-то вроде порочного круга. Как только понимание удовлетворяет интерпретатора, или он теряет интерес к той или иной проблеме, или, наконец, накладывает на понимаемое уже готовую отработанную схему (не секрет, что психоаналитики частенько грешат таким преждевременным пониманием), он полагается на уже достигнутый уровень понимания, и смысловое движение, которое только и составляет сущность понимания, приостанавливается (по крайней мере, временно). В порочном круге «игнорируется ори-

гинальность новых случаев; истощение или отсутствие интереса заставляет нас видеть в них (случаях) уже известное. Таким образом, процесс понимания может возобновиться, лишь когда мы замечаем отличие чего-либо от всего бывшего ранее и вопрошаем о его значении» (Bontekoe, 1996, р. 3).

«...Понимание, – пишет Гадамер, – начинается с того, что нечто к нам обращается» (1988, с. 354). Понимая, мы осознаем инакость обращаемого и отделяем горизонт того, что нам предстоит понять, от нашего собственного смыслового горизонта, образованного совокупностью пред-суждений благодаря нашей включенности в множество современных нам дискурсивных традиций. Однако, делая набросок горизонта другого, мы тотчас включаем его в собственный горизонт понимания. Последний же не является «некоей собственной, упорно сохраняемой или проводимой точкой зрения», а выступает, скорее, как «мнение и возможность, которую мы вводим в игру и ставим на карту и которая помогает нам действительно усвоить себе то, что говорится» (там же, с. 452). В конечном счете происходит то, что Гадамер называет «слиянием горизонтов»: рождается и развивается нечто, что невозможно редуцировать ни к интерпретатору, ни к интерпретируемому, ни к их связи – «более высокая общность, преодолевающая не только нашу собственную партикулярность, но и партикулярность другого» (там же, с. 361).

Наше понимание всегда вращается в контексте тех вопросов, которые мы задаем понимаемому. Собственно, отсюда и вытекает методологическое требование четкого определения исследовательских вопросов, с которыми мы подходим к анализу текстовых данных (Квале, 2003). Однако в контексте понимания как слияния горизонтов мы можем более тонко отследить природу и иного вопрошания. Понимая, мы не только методологически движемся по пути, открываемому нам контекстом исследовательских вопросов, но и как бы реконструируем тот вопрос, в свете которого смысл текста понимается как ответ, причем реконструкция этого вопроса переходит в наше собственное спрашивание. Речь здесь, как видим, идет не о конструировании смысла текста в соответствии с вопрошанием исследователя, отвечающем его же замыслу. Местом первоначального вопроса становится не интерпретатор, но сам текст. К примеру, в случае понимания литературного произведения само содержание произведения задает нам вопрос, тем самым проблематизируя и выводя в открытое наши собственные мнения. Понять текст – значит понять этот вопрос. А для этого мы, вопрошаемые, должны сами начать спрашивать. Причем спрашивать таким образом, чтобы усиливать сказанное, обращаясь к самому делу – заключенному в сказанном смысле.

Диалектика понимания и объяснения. Герменевтика показывает, что интерпретация основана на неявном («молчаливом») знании – структурах пред-понимания, разделяемых людьми как участниками совместного бытия. И хотя понимание предполагает соблюдение правил или приемов – некую дисциплину спрашивания, по своей сути оно всегда будет оставаться интуитивным, поскольку полагается существование глубинного родства между интерпретатором и тем, что ему необходимо понять.

Между тем интуитивное движение понимания, обрисовываемое герменевтикой, не снимает проблему множественности различных интерпретаций. В исследовании мы нуждаемся еще и в методологических процедурах, позволяющих в условиях конфликтующих интерпретаций делать выбор в пользу того или иного прочтения. Поэтому интерпретация не может быть понята без этапа объяснения.

Смысл рождается в процессе взаимодействия между говорящим и слушающим, между сказанным и контекстом этого сказанного. Будучи людьми и тем самым разделяя друг с другом культурно-исторический опыт, мы зачастую имеем возможность непосредственно, без специальных рефлексивных процедур «схватывать» эти взаимодействия. Как справедливо указывает М. Солнер (*Salner*, 1989), первоначально акт понимания есть верное (или ошибочное) предположение, и не существует методов, используя которые, мы могли бы научиться делать эти предположения, не существует правил порождать инсайты. Методологическая активность интерпретации начинается, когда мы приступаем к проверке и критике наших предположений (*Ibid.*).

В том же ключе размышляет и Рикер, заявляя, что интерпретация не может основываться только на «молчаливом» знании или эмпатии (*Ricoeur*, 1979). Понимание опосредовано объяснительными процедурами, которые его сопровождают. Иными словами, понимание достигается благодаря активности, посредством которой мы проверяем и критикуем наши предположения, рожденные «молчаливым» знанием и эмпатией. «Показать, что интерпретация более вероятна в свете того, что нам известно, не то же самое, что показать, что наш вывод истинен. В этом смысле валидизация не есть верификация. Валидизация – это аргументативная дисциплина, сравнимая с юридическими процедурами судебной интерпретации» (*Ibid.*, р. 90). «...Процессы валидизации имеют полемический характер <...> Все интерпретации в области литературной критики и социальных наук могут быть оспорены, и вопрос “что может разбить утверждение” – общий для всех аргументативных ситуаций. Только в ситуации суда присутствует момент, когда все процедуры апелляции оказываются исчерпанными. Происходит это потому, что решения суда поддерживаются силой общественной власти. Ни в литературной критике, ни в социальных науках такого нет. Либо, если оно есть, мы называем это насилием» (*Ibid.*, р. 93–94).

Следует подчеркнуть еще и то обстоятельство, что далеко не всегда мы можем непосредственно «схватывать» смысл всего текста: очень часто возникает ситуация, когда какая-то его часть остается для нас непонятной. В этом случае нам необходимо совершить ряд операций. Вначале формируется реконструкционная гипотеза о смысле целого; затем представляется гипотеза о смысле непонимаемой части по отношению к смыслу целого (при учете введенной ранее реконструкционной гипотезы); при этом смысл целого объясняет смысл непонимаемого остатка, если последний становится частью системы целого так, что не противоречит этому целому и согласованию его частей (*Кузнецов*, 1999).

Таким образом, было бы неверно говорить о четкой дихотомии «объяснения» и «понимания», как это делал, к примеру, В. Дильтей, соотнося их с двумя различными областями реальности – природой и духом соответственно. Объяснение стало важнейшей частью гуманитарного познания. По мнению П. Рикера, развитие современной семиотики и распространение структурного анализа на различные категории письменного дискурса привело к окончательному краху противопоставления понятий «объяснять» и «понимать» (*Рикер*, 1995).

Вслед за Рикером (*Там же*) можно сказать, что в области качественных исследований понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание. Это двойное соотношение Рикер резюмирует с помощью девиза, который может быть очень полезен для исследователей-«качественников»: больше объяснять, чтобы лучше понимать.

Глубинная герменевтика. Как можно видеть, герменевтика, раскрывая условия понимания, исходит из предположения, что нечто (к примеру, текст) обращается к нам в своей истине. В герменевтике понять текст – значит усилить сказанное им, фокусируясь на заключенных в нем смыслах. Герменевтика предполагает наличие смысловых пробелов в тексте, которые она пытается понять посредством реконструкционной гипотезы о смысле целого. Герменевтическая интерпретация сродни переводу с одного языка на другой, когда переводчику приходится предпринимать усилие выражения сказанного в тексте на своем языке. Интерпретатор, как и переводчик, оказывается причастен смыслу сказанного. Одни и те же выражения в зависимости от контекста приобретают разное значение, и интерпретатор собирает эти выражения в связное символическое целое. Как видим, традиционная герменевтика, если можно так выразиться, работает «по горизонтали»: понимая, мы пытаемся реконструировать связность сообщаемого, не подразумевая выхода в «вертикаль» – в дискурс бессознательного.

Однако в психологии зарекомендовала себя и иная традиция интерпретации, инициированная, пожалуй, психоанализом. Традиция эта базируется на идее, что в тексте всегда есть такие смысловые разрывы, которые недоступны основанному на языковом пред-понимании традиционному герменевтическому прочтению: разрывы смысла обусловлены бессознательной работой шифровки, так что смысл сказанного оказывается скрыт не только от того, кто слушает, но и от того, кто говорит. Можно по-разному понимать природу бессознательного. Например, можно, ориентируясь на критическое понимание с позиции здравого смысла, полагать, что смысловые искажения обусловлены бессознательными стратегиями самообмана, и соответственно прочитывать сообщения в контексте достаточно широкого повседневного знания человеческой психологии. Можно ориентироваться и на определенные теоретические традиции психологии – психоанализ, экзистенциальную психологию, когнитивные теории и т. д., и интерпретировать смысловые разрывы в свете тех или иных теоретических представлений о природе и содер-

жании бессознательного. Но в любом случае мы будем полагать, что в сообщении есть нечто такое, что «прячется», скрывается за обычными символическими значениями, в них же одновременно и открываясь. Увидеть это «нечто» и уже с его учетом реконструировать символический смысл сообщения – задача интерпретатора. В философском смысле такое обращение к «вертикали», предполагающее учет бессознательного и постижение происходящего из того, что сокрыто, нередко относят к «глубинной герменевтике». Можно сказать, что именно идея «глубинно-герменевтического» метода является одним из важнейших философских оснований психологических интерпретаций (размышления о психоанализе как «глубинной герменевтике» см.: Лоренцер, 1996; Руткевич, 1992).

Объяснения в естественных науках и науках о человеке. Пожалуй, продумывание моделей объяснения, специфичных для наук о человеке, в большей мере характерно для аналитической философии, чем для собственно герменевтики. Однако характерные для гуманитарных наук интенциональные (телеологические) объяснения человеческих поступков по своему смыслу являются «понимающими»: прояснение интенциональной составляющей поступка и является собственно пониманием этого поступка. Именно тесная связь интенциональных объяснений с пониманием и побудила нас включить обсуждение моделей объяснения в раздел, посвященный герменевтике.

Сегодня можно сказать, что введенное Дильтеем и неокантианцами противопоставление наук о природе и наук о человеке по параметру объяснение/понимание остается верным лишь в том случае, если под объяснением мы понимаем каузальные модели объяснения, отстаиваемые, в частности, сторонниками логического позитивизма. В целом нельзя сказать, что логический позитивизм рассматривал каузальные модели в качестве единственной легитимной формы научного объяснения, хотя в исторической традиции позитивизма в более широком смысле такая тенденция прослеживается. По крайней мере, можно говорить о том, что в позитивизме акцент действительно сделан на каузальных формах объяснения. Если говорить более точно, в позитивистских (и близких позитивизму) концепциях объяснение заключается в подведении индивидуальных случаев под гипотетические общие законы природы, включая «природу человека».

Наиболее полная и ясная формулировка позитивистской теории объяснения принадлежит К.Г. Гемпелю, который сформулировал ее в 1942 году. Однако аналогичные ей концепции выдвигались уже логическими позитивистами. По существу, все эти концепции – варианты теории объяснения, выдвинутой еще классическим позитивизмом, в частности, Дж.-Ст. Миллем (*Вригт фон*, 1986).

Теория Гемпеля получила название теории объяснения посредством охватывающего закона, или «подводящей» теории объяснения. Она включает в себя две модели – дедуктивно-номологическую и индуктивно-вероятностную. Мы приведем формулировку лишь первой из них – чтобы

было понятно, о чем идет речь. Хотя, как показывает Г.Х. фон Вригт, между двумя моделями существует довольно значимое отличие (*там же*), для наших целей оно не играет важной роли.

Итак, модель объяснения посредством закона выглядит следующим образом. Допустим, у нас есть некоторое событие E , и мы хотим дать ему объяснение. Почему произошло E ? Чтобы ответить на этот вопрос, мы указываем на некоторые другие события (антецеденты) $E1, \dots, E_n$ и говорим, что существует один или несколько законов $L1, \dots, L_n$, в соответствии с которыми при условии указанных нами событий и происходит E (*там же*). Типичный пример дедуктивно-номологического объяснения приводит сам Гемпель: «Почему радиатор моего автомобиля ночью лопнул? Бак был полон воды; крышка была плотно завинчена; не был добавлен антифриз; автомобиль был оставлен во дворе; температура в течение ночи неожиданно упала ниже нуля. Это все антецеденты. В сочетании с законами физики, в частности, с законом, по которому вода при замерзании расширяется, эти предшествующие события объясняют разрыв радиатора. Зная антецеденты и соответствующие законы, мы могли бы с определенностью *предсказать* рассматриваемое событие» (*Там же*, с. 49).

Хотя в гемпелевской модели не используются понятия причины и следствия, по своей сути объяснение посредством общих законов – это каузальное объяснение. В философии, в основном благодаря усилиям Д. Юма, от-refлексировано различие между причиной и следствием, с одной стороны, и основанием и следствием – с другой: первое отношение является фактуальным и эмпирическим, второе – концептуальным и логическим. В гемпелевском объяснении участвуют законы, которые обязательно выражают лишь эмпирические, а не логические связи. Понятно, что хотя все каузальные связи являются эмпирическими, не все эмпирические связи являются каузальными. Но прояснение этого непростого вопроса сейчас для нас неактуально.

Модель объяснения, предложенная сторонниками идеи специфики гуманитарных наук, представляет собой альтернативу гемпелевской модели – это практический силлогизм или практический вывод, идея которого восходит еще к Аристотелю. В наиболее простом варианте она выглядит следующим образом:

A намеревается осуществить (вызвать) P

A считает, что он не сможет осуществить P , если он не совершит a

Следовательно, A принимается за совершение a .

Эта схема – «перевернутая» схема телеологического объяснения. Исходный пункт последнего – некто принимается за совершение какого-либо действия. Мы спрашиваем – почему? Ответ – чтобы осуществить P .

Обратимся еще раз к примеру Гемпеля. Почему мой радиатор ночью вышел из строя? Возможно, меня не устроит ответ: потому что ночью температура внезапно опустилась ниже нуля... Для меня это ясно, но это не ответ на

тот вопрос, который меня интересует. Другой ответ: потому что техник по обслуживанию машин в очередной раз сделал что-то не так (забыл залить антифриз) – по причине своей безалаберности или, например, чтобы «насолить» мне (по какой-нибудь еще известной мне причине). Такой ответ будет соответствовать объяснению, выражаемому схемой практического вывода (строго говоря, соответствовать будет лишь второй вариант – «чтобы насолить»; «забыл...», потому что безалаберный» можно переписать в виде практического вывода, если подвести под «безалаберность» мотивационную основу, например, бессознательное извлечение каких-нибудь психологических выгод).

Объяснение на основе практического вывода не будет каузальным, поскольку между интенцией и самим действием связь не эмпирического, а логического (семантического) характера: указание на интенцию (мотив, желание, убеждение и т. п.) является неотъемлемой частью описания осмысленного действия как чего-то отличного от описания чисто физического движения, так что мы не можем, к примеру, независимо друг от друга верифицировать само действие и его интенцию (*Вригт фон*, 1986). Приведем хрестоматийный для обсуждения данного вопроса пример: Джонс карабкается по лестнице на крышу, чтобы достать унесенную ветром шляпу, – в данном случае мы описываем действие именно как влезание на крышу за шляпой; если же мы привлечем другие интенции (намерение покончить с собой, пережить острые ощущения, полюбоваться ночным городом, самоутвердиться в своей храбрости или кому-то понравиться), изменится само описание действия.

Таким образом, в случае разбираемых интенциональных (понимающих) объяснений будет правильно говорить не о причине, а об основании действия. Объясняя-понимая действие, мы должны найти его *рациональное* основание – рациональное в том смысле, что оно делает это действие уместимым для нас.

Тот факт, что посылки и заключение практического вывода логически связаны друг с другом, не означает, что посылки вызывают действие с логической необходимостью. Из того, что мастер автосервиса хочет мне насолить, не будет с логической необходимостью вытекать его действие: он всегда может поступить по-другому. Если я принимаюсь за написание диссертации, посвященной качественным исследованиям, это вовсе не означает, что я не могу писать какой-нибудь другой работы или вообще ничего не писать. Здесь мы сталкиваемся с вопросом научного статуса практических объяснений. Какой смысл в тривиальных объяснениях, которые подходят лишь для частного случая и которые нельзя подвести под общие законы, получив тем самым возможность предсказывать действия хотя бы с той или иной степенью вероятности? По всей видимости, утверждение или отрицание научности подобных объяснений будет зависеть от того, какая традиция обоснования знания – «галилеевская» (про-позитивистская) или «аристотелевская» (к ней относится и традиция обоснования специфики наук о Духе) – принимается исследователем. Не думаем, что сегодня мож-

но привести окончательные аргументы в пользу одной из них, как не думаем, что принятие той или иной традиции есть полностью иррациональный акт веры. Если мы разделяем точку зрения, согласно которой гемпелевская «подводящая» модель объяснения неудовлетворительна для целого ряда ситуаций, характерных для наук о человеке, – это происходит потому, что мы разделяем приводимую в пользу данной точки зрения аргументацию. На наш взгляд, сегодня интерес к психологии вызван далеко не только интересом к предсказанию человеческого поведения (что как раз оправдывало бы построение каузальных моделей, объясняющих, почему дела обстоят так-то и так-то). Интерес вызывает психология, которая показывает умопостигаемость человеческих поступков, предполагая, что эти поступки в принципе могли бы быть другими. Такая психология соответствует тому, что Р. Арон называет «метафизикой, в которой мы все живем», или «метафизикой повседневной жизни» (*Арон*, 2003). Можно сказать, что в практике наук о человеке мы имеем дело с типом детерминизма, связанного не с идеей предсказуемости, а с идеей осмысленности (умопостигаемости) процессов, происходящих в человеческом мире (*Вригт фон*, 1986).

Феноменология и качественные исследования

Пожалуй, из всех философских направлений именно феноменология оказала на психологию наибольшее влияние (*Шпигельберг*, 2002). К феноменологии широко обращались представители экзистенциальной психологии (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Мэй и др.), ряд феноменологических идей был глубоко осмыслен гештальтпсихологами. Сегодня появляются интересные проекты, соединяющие в себе феноменологию Э. Гуссерля и когнитивные исследования сознания (см., напр.: *Gallagher*, 1997). Основанный на философской феноменологии феноменологический подход стал одним из самых популярных в области качественной методологии исследования (*Giorgi*, 1970; *Valle, Holling*, 1989 и др.).

Вместе с тем следует сказать, что вплоть до 1970-х годов феноменология не могла утвердить себя в качестве «жизнеспособной альтернативы традиционному натуралистическому подходу в психологическом исследовании» (*Stones*, 1988, p. 141). Причина этого, как считает Джорджи, состояла в том, что феноменологический праксис в его систематической и принятой форме еще не был развит (*Ibid.*). Довольно бурное развитие феноменологии, последовавшее после Второй мировой войны, сменилось периодом ее временного забвения. Наконец, в 1970-е годы феноменологические психологи предложили праксис, ставший методологической реализацией философской феноменологической установки, и с этого времени интерес к феноменологии в психологическом сообществе снова стал возрастать.

Описывая некоторые идеи феноменологии, имеющие, на наш взгляд, самое прямое отношение к развитию качественной исследовательской методологии в психологии, мы будем в основном опираться на представления Э. Гуссерля, который, несмотря на немалое количество пост-гуссерлевских

исследований, был и остается «центральной фигурой в развитии феноменологического движения» (*Шпигельберг*, 2002, с. 89).

Критика «физикалистского объективизма» в психологии и поворот к субъективности. Согласно Гуссерлю, несостоятельность психологии обусловлена прежде всего тем, что она с самого начала ориентировалась на идеалы, которые несло в себе новоевропейское естествознание (*Гуссерль*, 2004). Почему же, с точки зрения Гуссерля, ориентация на европейское естествознание делает психологию несостоятельной? Во-первых, Гуссерль показывает, что имплицитно подразумеваемый в естественных науках «физикалистский объективизм» как философская позиция полностью себя дискредитировал. И во-вторых, с его точки зрения, несостоятельна сама аналогия между телом и душой. По всей видимости, пишет Гуссерль, принципиальное уравнивание тела и души в натуралистическом методе опирается на их изначальное уравнивание «в их донаучной данности, в их данности в опыте жизненного мира» (*там же*, с. 286). Гуссерль же показывает, что такое уравнивание абсурдно, поскольку противоречит тому, что действительно дано в опыте жизненного мира. Душа в самом деле «есть» в мире, но присутствует она в нем не так, как это свойственно физическим телам. Например, то, что душа всегда имеет свою телесную воплощенность, получает в жизненном мире принципиально иной смысл по сравнению с вещью: я существую в качестве «живого тела» (*Leib*). И то, что составляет живую телесность, «я познаю только по своему “живому телу” (*Leib*), а именно по своему постоянному и непосредственному властвованию единственно в этом теле (*Körper*)» (*там же*, с. 288). Человеческое тело остается «живым» – «моим телом», которое я «привожу в движение», при помощи которого «я действую как Я на расстоянии, в первую очередь, на телесную сторону объектов мира» (*там же*). Психология же, упуская все эти особенности бытия души, прощается с самой возможностью постичь ее такой, какая она есть.

Гуссерль предлагает «вне каких бы то ни было предрассудков принять жизнь сознания как то, что она совершенно непосредственно дает нам здесь в качестве самой себя» (*там же*, с. 308). Причем Гуссерль с самого начала своего творческого пути был противником релятивизма. Он полагал, что нужно искать абсолютно несомненные (аподиктические) истины. И примером такой аподиктической истины для Гуссерля стала истина *cogito* – несомненное существование сознания, открытое в опыте радикального сомнения Декартом: я могу сомневаться во всех вещах мира, включая мое собственное тело, но не могу сомневаться в собственном сомнении, т. е. сомневаться в том, что я мыслю, а следовательно, существую. Правда, с точки зрения Гуссерля, Декарт оказался недостаточно последователен в движении открытого им метода поиска несомненных истин – вместо такого поиска он углубился в онтологическое доказательство бытия Божьего (чего, между прочим, так и не доказал). Гуссерль же предлагает идти дальше по пути, открытому Декартом, но до конца, видимо, не понятому им самим, и

искать несомненные истины внутри трансцендентального субъекта (а не снаружи его – все равно, в трансцендентном человеческому сознанию мире физических объектов или бытии Бога). В своих исследованиях Гуссерль обнаруживает, помимо истины *cogito*, множество других аподиктических истин. Например, Гуссерль говорит, что граница несомненности проходит не между сознанием и телом, а между чистым сознанием и эмпирическим сознанием – последнее как раз и выступает предметом естественно-научной психологии – или трансцендентальным субъектом и эмпирическим субъектом. Гуссерль открывает, что сознание всегда интенционально, т. е. всегда является «сознанием о...», причем с несомненностью перед нами выступают не только интенциональные акты сознания (восприятие, воображение и т. д.), но и интенциональные объекты, на которые эти акты направлены, поскольку они являются неотъемлемыми частями самих актов. Подчеркнем, что речь у Гуссерля идет не о реальных объектах, но лишь о тех, которые существуют в сознании, – именно существование последних является аподиктической истиной, первые же, по Гуссерлю, всегда сомнительны. Я.А. Слинин (2004) абсолютно справедливо указывает, что до Гуссерля мира интенциональных объектов никто не замечал, а его обнаружение открыло бесконечную перспективу исследований связей между этими объектами и, тем самым, возможность описания его структуры.

Таким образом, Гуссерль продолжает радикальный поворот к субъективности (нет объекта без субъекта) и при этом предлагает способ достоверного познания этой субъективности в ее собственных координатах – науку о «чисто психическом как таковом» (*Гуссерль*, 2005, с. 300). Собственно, интерес к субъективности вместе с методологическими ориентирами ее достоверного познания и становятся отправным пунктом продумывания идей Гуссерля в плоскости разработки качественной исследовательской методологии. В области качественных исследований феноменология стала пониматься как «изучение структуры (и ее вариаций) сознания, которому явлены любая вещь, событие или человек» (А. Джорджи, цит. по: *Квале*, 2003, с. 59). Сознанию придаются смыслообразующие функции: предполагается, что любые предметы и события даны нам лишь как смыслообразования. Феноменология пытается «схватить» то, что явлено, и то, как оно явлено. У Гуссерля главный фокус внимания – исследование феноменов такими, какие они предстают в сознании. И в качественных исследованиях феноменология заинтересована в понимании социальных и психологических феноменов, как они представлены в сознании самих субъектов исследования. Как пишет С. Квале, феноменология «изучает взгляды исследуемых на их мир; старается детально описать содержание и структуру сознания субъектов, ухватить качественные различия в их переживаниях и выявить сущностный смысл переживаний» (*там же*, с. 59). Феноменология концентрируется на описании проживаемого опыта, описании таких феноменов, как опыт «обучения игре в шахматы», опыт «становления матерью», чув-

ство, что «тебя понимают», и т. п. Особое внимание феноменологи уделяют тому, как проявляются подобные феномены в уникальных контекстах, – таким образом они надеются обнаружить сущностные черты феноменов, описать их общий смысл, а также вариации их проявления в различных ситуациях. Именно эти вариации помогают сформулировать «сущности», которые сообщество читателей может оценить на предмет того, насколько они, проясняя «структуру» и «текстуру» переживания, действительно дают необходимые инсайты для понимания, что собой представляет это переживание. Тем самым мы получаем возможность достичь интересубъективного понимания человеческих переживаний (Holloway, Todres, 2003).

Феноменологический метод. Для исследования психического в его собственной сущности Гуссерль предлагает феноменологический метод. В «Бытии и времени» М. Хайдеггер говорит, что «выражение “феноменология” означает прежде всего *методическое понятие*. Оно характеризует не содержательное *что* предметов философского исследования, но *их как*» (Хайдеггер, 2002, § 7, с. 27). Феноменологический метод, по Гуссерлю, является своеобразным типом опыта, ядро которого составляет так называемая «феноменологическая редукция» – попытки «вынести за скобки» (другая используемая метафора – «заключить в скобки») все, что несет с собой естественная установка, т. е. любые обыденные и научные знания о феномене, для того чтобы успешно войти в контакт с сущностями. Исследователь, практикующий феноменологическую редукцию, временно отказывается от любых суждений относительно опыта (Гуссерль использует греческое слово «эпохе», означающее воздержание от предпосылаемых мнений), «выносит за скобки» свои предварительные представления о феноменах, чтобы достичь их ясно-го видения. Джоунс (Jones, 1975) предлагает расширить понимание процесса «вынесения за скобки» и иметь под ним в виду не только временную приостановку суждений, но и культивирование позиции сомнения, что должно помочь открыть *Я* непосредственной работе. Хотя Гуссерль не отрицал непривычности такого типа опыта, он полагал, что он вполне осуществим.

Помимо феноменологической редукции феноменологический метод включает в себя интуитивное выделение образца (exemplary intuition), свободные вариации в фантазии и синтез. Во время интуитивного выделения образца исследователь выбирает феномены и удерживает их в своем воображении. Затем на выбранном экземпляре он осуществляет свободные вариации в фантазии, благодаря которым создается горизонт произвольно образуемых вариантов. Свободные вариации не просто следуют друг за другом, но, приходя к перекрывающему совпадению, образуют синтетическое единство. Как пишет сам Гуссерль, именно в этом постоянном самосовпадении вариантов проступает общая им всем сущностная форма – некий сохраняющийся во всех вариантах инвариант (Гуссерль, 2005).

Следует подчеркнуть, что описанная Гуссерлем феноменологическая редукция не имеет никакого отношения к редукционистской естественно-

научной методологии. И если, как считают феноменологические психологи, применение по отношению к человеческим феноменам сверханалитических техник отрывает их от живого контекста и тем самым лишает смысла, то открытая Гуссерлем феноменологическая редукция «к чистой субъективности», напротив, дает исследователю доступ к феноменам «самим по себе в их собственном смысле». При этом в области качественных исследований говорят о двух типах «вынесения за скобки». Во-первых, исследователь «выносит за скобки» собственные предсуждения, чтобы никакие его личные смыслы, интерпретации и теоретические концепты не проникали в уникальный мир респондента. И во-вторых, самих участников исследования просят поделиться своими переживаниями наиболее непосредственным образом, отложив в сторону («вынеся за скобки») выученные знания и схемы, описать свой живой опыт языком, свободным, насколько это возможно, от интеллектуалистских конструктов (Moustakas, 1994).

Жизненный мир (Lebenswelt). Понятие жизненного мира Гуссерль вводит в своей последней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». В следующей главе мы коснемся этого понятия в связи с обсуждением интересубъективного характера гуманитарного знания. В самом деле, понятие жизненного мира как пласта опыта, предшествующего субъект-объектному отношению, получило широкое распространение в гуманитарных науках прежде всего потому, что оказалось очень созвучным их попыткам обосновать специфику получаемого в них знания в его отличии от знания естественных наук.

Жизненный мир (Lebenswelt), по определению Гуссерля, – это «действительно созерцаемый, действительно познаваемый и уже познанный в опыте мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь», мир, который «постоянно дан нам как действительный в нашей конкретной мировой жизни» (Гуссерль, 2004, с. 77–78). Жизненный мир предшествует миру научных идеализаций, более того, именно в бытийных значимостях жизненного мира заключены постоянные предпосылки научного и философского мышления. Мы совместно имеем этот мир в качестве предданного, в качестве сущего и значимого для нас: как пишет сам Гуссерль, «он естественным образом заранее дан всем нам как отдельным лицам в горизонте нашей со-человечности, т. е. в каждом актуальном контакте с другими как “этот” мир, общий нам всем» (там же, с. 167). И наука как особое историческое свершение человеческого духа «предполагает исхождение от созерцаемого окружающего жизненного мира, а также в своем осуществлении и дальнейшем проведении постоянно предполагает этот окружающий мир, как он в тот или иной момент предлагает себя ученому» (там же, с. 166). Например, для физика это тот окружающий мир, в котором он находит свои измерительные приборы, оценивает измеряемые величины и т. п., для психолога – мир людей, их переживаний, значение которых угадывается из разделяемых друг с другом значений слов и телесных проявлений, мир, неизменно включающий в себя суще-

ствование «внутреннего мира» с его отличительными чертами, содержательными нюансами, *возможностями* и т. п.; именно в жизненном мире и тот и другой (и физик и психолог) обнаруживают себя и умеют удерживаться вместе со всеми своими действиями и теоретическими идеями.

«Жизненный мир есть царство изначальных очевидностей» (*там же*, с. 175). И научно-объективная очевидность имеет свои скрытые источники обоснования в той жизни, где происходят свершения, где «очевидная данность жизненного мира всегда имеет свой донаучный бытийный смысл» (*там же*, с. 175–176). В конечном счете жизненный мир всегда дан нам как универсальное поле действительной и возможной практики, и «жить – значит всегда жить-в-достоверности-мира» (*там же*, с. 194).

По сути, идея жизненного мира – это уже путь от феноменологии к герменевтической проблематике и онтологии понимания. В этой идее Гуссерль отклоняется от феноменологического проекта – возможно, потому, что его первоначальный замысел редукции бытия потерпел неудачу (*Рикер*, 2002). В самом деле, призыв Гуссерля «Назад к предметам!» вряд ли оправдал себя, поскольку в феноменологии раннего Гуссерля вопрос о бытии был сведен к вопросу о смысле бытия, а последний, в свою очередь, сведен к простому корреляту субъективных способов видения. Хотя, как мы уже отмечали, поворот к субъективным смыслам бытия оказался весьма значимым для развития феноменологического подхода в психологии, в философской плоскости он стал реконструкцией нового идеализма, близкого тому самому неокантианству, с которым Гуссерль столь упорно боролся. Здесь же – в последней своей работе, в идее жизненного мира – Гуссерль, возможно, вопреки своей феноменологии, ставит «на место идеалистического субъекта, замкнутого в собственной системе значений, живое существо, имеющее извечным горизонтом всех своих намерений мир, этот мир» (*там же*, с. 40).

Насколько самому Гуссерлю удается систематическое описание до-рефлексивных структур жизненного мира – другой вопрос. Например, с точки зрения Х.-Г. Гадамера, хотя Гуссерль и стремится показать односторонность присущей естественным наукам идеализации и с этой целью дает «генеалогию опыта, который, как опыт жизненного мира, предшествует осуществляемой науками идеализации», он сам «все еще страдает критикуемой им односторонностью»: естественно-научный модус познания продолжает оказывать значительное влияние на его концептуализацию философии и, как пишет Гадамер, «делая восприятие в качестве внешнего восприятия, направленного на простую телесность, фундаментом всего дальнейшего опыта, он (Гуссерль) все еще проецирует идеализированный мир точного научного опыта на изначальный опыт мира» (*Гадамер*, 1988, с. 410). По-видимому, Гуссерль имел настоятельную потребность достичь абсолютной достоверности; эта потребность и толкала его к тому, чтобы сделать философию «точной наукой». Можно согласиться с критиками (*Jones*, 1975), что в сердцевине его мысли был сложно-разрешимый конфликт между феноменологией как описанием опыта и феноменологией как поиском достоверности.

Однако вне зависимости от ее философской проработанности сама идея жизненного мира, как нам представляется, для методологии качественных исследований имеет огромную значимость. Подчеркнем два ее важнейших следствия. Первое – эпистемологическое – состоит в том, что перед гуманитарными исследованиями открывается возможность полагания очевидностей жизненного мира, который мы как исследователи разделяем с другими человеческими существами в качестве одного из путей получения и обоснования знания. Правда, сегодня жизненный мир в методологии качественных исследований должен быть соотнесен с нашим языковым опытом (для самого Гуссерля вопрос о соотношении языка и мира остался непроясненным): во всяком опыте присутствует идеализация, осуществляемая языком, а следовательно, наше единичное *Я* всегда принадлежит языковой общности – и именно это обстоятельство и делает возможным обоснование intersubjectивного характера гуманитарного знания. Другое следствие касается способов самого конституирования предмета интереса в области качественных исследований – им становится сам жизненный мир, данный нам в прямом и непосредственном переживании. Феноменологическое исследование делает акцент на мире, проживаемом человеком. Полкинхорн, например, определяет предмет феноменологического исследования как попытку понять, или «ухватить» смыслы повседневного человеческого существования (*Polkinghorne*, 1983). Жизненный мир – это то, что мы переживаем в до-рефлексивном опыте, не подразделяя на категории и не концептуализируя, он включает в себя само собой разумеющиеся, привычные для нас вещи. И исследование жизненного мира будет направлено на то, чтобы вновь обратиться к этому само собой разумеющемуся опыту, описать его и, возможно, раскрыть в нем новые и/или забытые смыслы.

Идеи социального конструкционизма в качественной исследовательской методологии

Выше уже шла речь о том, что именно идеи социального конструкционизма оказали наибольшее влияние на развитие качественной исследовательской методологии. Сами качественные исследования нередко называют «конструкционистскими», противопоставляя их более традиционным исследованиям, основанным на позиции эмпирического реализма.

Как и в случае герменевтики и феноменологии, мы попытаемся сфокусировать взгляд на представлениях конструкционистов об объекте психологического исследования – на наш взгляд, онтологические идеи конструкционизма примыкают к философской традиции обоснования специфики гуманитарных наук. Затем мы коротко коснемся эпистемологической позиции конструкционизма.

Идея социального конструирования реальности. В онтологической плоскости важнейшей идеей социального конструкционизма является идея социального конструирования реальности. У оппонентов социального конструкционизма эта идея вызывала и вызывает серьезные возражения. Од-

нако критике подвергается, как правило, радикальный вариант этой идеи, а именно представления о том, что вообще вся реальность является результатом социального конструирования. Между тем, хотя сторонники социального конструкционизма действительно склонны к радикализации своих идей, в большинстве своем они придерживаются более умеренных вариантов тезиса о социальном конструировании реальности. В их работах, как правило, речь идет о конструировании не реальности самой по себе, но представлений о реальности (Бергер, Лукман, 1995; Wetherell, Potter, 1992), а также о конструировании реальности социальных институтов и человеческой личности. Последнее представляет для нас особый интерес, поскольку дает возможность очертить специфику объекта социогуманитарных наук в целом (и психологии в частности) по сравнению с естествознанием.

Остановимся более подробно на идее социального конструирования психики. Что имеют в виду сторонники социального конструкционизма, когда утверждают, что большинство психологических исследований неадекватно своему предмету, поскольку исходит из ложного представления о природе человеческой психики? Что означает, в свете движения социального конструкционизма, утверждение, что психика является историческим продуктом социальных процессов, а потому ее нельзя исследовать по образцу и подобию объектов физического мира?

Сторонники социального конструкционизма придерживаются утверждения, что психология, как и другие науки о человеке, имеет свою специфику по сравнению с естественно-научными дисциплинами. Отличительная черта социо-конструкционистского варианта этой позиции состоит в акцентировании особой роли дискурсов: конструкционисты утверждают, что психологические свойства и качества людей являются продуктом дискурсов. В данном утверждении можно вычитать два различных смысла – А. Либрук обозначает их как собственно «дискурсивное» и «материальное» конструирование (Liebrucks, 2001), но, по сути, они представляют собой два связанных друг с другом аспекта дискурсивного конструирования психики. Во-первых, утверждение, что психические свойства являются продуктом дискурсов, может означать, что они существуют только в контексте определенного дискурса и вне такого контекста не могут быть идентифицированы; иными словами, мы можем говорить, что людям присущи те или иные свойства, только относительно означивающей системы, характерной для того сообщества, которому эти люди принадлежат (Хэппе, 1995; Харрэ, Гиллетт, 1994; Liebrucks, 2001 и др.). Например, мы не можем говорить о какой-либо роли (психолога, родителя, ученого и т. п.), если в людском сообществе нет соответствующей означивающей системы, порождающей смысл этой роли. То же самое, согласно социальным конструкционистам, верно и по отношению к так называемым «интенциональным состояниям» (эмоциям, мотивам, установкам).

Во-вторых, утверждение, что психические свойства являются продуктом дискурсов, может означать, что дискурсивные практики влияют на само

психическое функционирование людей, т. е. поддерживаемые в определенное время определенным сообществом дискурсы не только обеспечивают участников ресурсами для придания смысла их поведению или переживаниям, но и определяют само это поведение и переживания (Liebrucks, 2001; Lutz, 1988; Shotter, 1984 и др.). К примеру, поведенческие и мыслительные операции, которые демонстрирует психолог-консультант, невозможны без соответствующей практики подготовки психологов-консультантов. Но точно так же без существующих в культуре соответствующих дискурсивных практик, в которые «врастает» каждый человеческий индивид, невозможны и базовые психологические операции, наподобие концептуального мышления, автобиографической памяти и т. п.

Попробуем, обратившись к конкретным исследованиям авторов социо-конструкционистского направления, более подробно раскрыть два обозначенных смысла идеи дискурсивного конструирования человеческой психики и показать, какую эпистемологическую перспективу данная идея предполагает.

Социальные конструкционисты обращают внимание, что результатом психологических исследований, скажем, эмоций (или мышления), должно быть знание именно о тех феноменах, которые называются «эмоциями» (или «мышлением») в обыденной коммуникации, а отнюдь не о чем-то оригинальном, что сам психолог придумал называть «эмоциями» (или «мышлением»). Следовательно, полагают сторонники социального конструкционизма, психологии необходимо начинать свое исследование с прояснения значений обыденных психологических понятий. В нашей повседневной практике мы обладаем имплицитным знанием, как употреблять психологические понятия, но у нас нет ясного понимания, как они функционируют. Используя методы философии обыденного языка, к примеру, методы «грамматического анализа» понятий, которые были предложены Л. Витгенштейном, мы можем эксплицировать это знание. Собственно, в таком анализе и состоит цель многих социо-конструкционистских исследований (Хэппе, 1995; Биллиг, 1986; Харрэ, Гиллетт, 1994; Liebrucks, 2001 и др.). Заметим, что анализ обыденного языка не является лишь исследованием слов – это исследование онтологии связанных с этими словами феноменов (Liebrucks, 2001).

Иллюстрацией исследования психических феноменов путем «грамматического анализа» психологических понятий могут служить, в частности, социо-конструкционистские исследования эмоций (Джерджен, 2003; Харрэ, Гиллетт, 1994; Liebrucks, 2001 и др.), развивающие ключевые идеи Л. Витгенштейна. Исследователи обращают внимание, что, описывая эмоцию, мы можем говорить о телесных ощущениях, поведенческих проявлениях и ситуации, на которую человек отвечает данной эмоцией. Однако эмоции невозможно редуцировать ни к одному из этих компонентов, ни к их совокупности, хотя все они являются важными элементами парадигматических эмоциональных сценариев. То, что действительно конституирует ту или иную эмоцию, – это ее смысл, который, как показывают Р. Хар-

ре и Г. Жиллетт (*Harré, Gillett, 1994*), состоит в выражаемой ею моральной оценке. Например, посредством гнева мы порицаем поведение другого человека, которое мы считаем несправедливым или которое идет вразрез с нашей волей. Испытывая зависть, мы показываем, что хотели бы иметь то, чем обладает другой человек, а испытывая смущение, признаем, что наше поведение или внешний вид являются не совсем подобающими. Таким образом, можно сказать, что выражение большинства эмоций представляет собой социально принятый акт: выражение гнева, к примеру, есть акт протеста против поведения других людей, а смущение говорит о нарушении некоторой конвенции (*Ibid.*). Л. Витгенштейн обращает внимание на то, что приписывание смысла поведению или психическому состоянию всегда предполагает определенный дискурсивный контекст, которому они соответствуют (*Витгенштейн, 1994г, §583, 584, с. 238–239*). Следуя за мыслью Витгенштейна, Харре и Жиллетт демонстрируют, что, описывая эмоцию, мы помещаем поведение и ощущения человека внутрь системы культурных норм и ценностей, которая и обеспечивает необходимый «фон» для моральных оценок. Перенесенные в иной контекст, те же самые поведение и переживание имели бы совершенно иной смысл (*Harré, Gillett, 1994*).

Как и описание эмоций, описание мотивов и установок тоже предполагает контекст. М. Биллиг (*Billig, 1986*) демонстрирует, что, говоря об установках кого-либо, мы не описываем внешнее поведение или некое внутреннее состояние, но обозначаем занимаемую этим человеком позицию по отношению к некоторому дискуссионному вопросу. Раскрыть мотив поведения тоже не значит предположить наличие каких-либо «скрытых» процессов, но значит придать этому поведению смысл, сделать его понятным – умпостигаемым.

В современной западной психологии существует весьма влиятельное представление, будто концепты «народной психологии» (мотив, мышление, эмоция и т. п.) есть не что иное, как род теоретических конструкций, гипотетически обозначающих некие «внутренние» состояния и процессы, которые служат каузальными объяснениями наблюдаемого поведения (*Churchland, 1988*). Однако, как справедливо замечает А. Либрукс (*Leibrucks, 2001*), прозрения Л. Витгенштейна, на которых основаны исследования психологов социо-конструкционистского направления, позволяют показать неверность подобных представлений. Понятия «народной психологии» нельзя мыслить по аналогии с гипотетическими понятиями естественно-научных дисциплин, обозначающими классы непосредственно ненаблюдаемых материальных объектов, состояний и процессов, существующих независимо от человеческих дискурсов. Психологические понятия употребляются совершенно иным образом – так, чтобы придавать смысл человеческому поведению и опыту путем помещения их в соответствующий дискурсивный контекст. Таким образом, нельзя сказать, что, скажем, эмоции и мотивы независимы от человеческих дискурсов. Однако нельзя сказать и того, что эмоции и мотивы «нереальны». Они «точно так

же реальны, как и играемые людьми роли в контексте институционализированных функций, прав и обязанностей, или как реальна рыночная стоимость кусков бумаги (денег) в контексте институционализированных практик современного рынка» (*Ibid.*, p. 378).

Как видим, с точки зрения конструкционистов, психические феномены зависят от социального контекста, иными словами, их онтологический статус отличается от статуса объектов физического мира. Психологические понятия не являются «жесткими десигнаторами». Напомним, что в теории значения Сола Крипке (*Kripke, 1980*) жестким десигнатором считается имя, которое указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует. К примеру, к жестким десигнаторам относится ряд слов, обозначающих «естественные виды» («золото», «вода», «собака» и т. п.). (Ср. «золото» как обозначение его сущностных физических и химических свойств и «золото» в его функции экономического обмена.) Функция психологических понятий, как показывают представители социального конструкционизма, состоит не в описании объективных процессов и состояний, но в приписывании им смысла в соответствии с тем контекстом культурных смыслов, которому они принадлежат.

Итак, именно дискурсы обеспечивают смысловую рамку для описания человеческого поведения и опыта. Кроме того, как уже отмечалось, дискурсы влияют на само человеческое поведение и опыт. К примеру, эмоциональные сценарии, имеющие отношение к понятиям, обозначающим те или иные эмоции, не только задают схему для описания эмоций, но определяют эмоциональное поведение само по себе (*Liebrucks, 2001*). Существуют антропологические исследования, наглядно демонстрирующие, что в других культурах люди испытывают такие эмоции, которые невозможно просто перевести на язык наших эмоциональных понятий, поскольку эти «другие» эмоции имеют отношение к сценариям, для которых наши понятия неприемлемы. В частности, К. Луц (*Lutz, 1988*) описывает «песню», характерную для народности ифалуков из Малайзии. Эмоциональная окраска этой песни чем-то напоминает наш гнев; но несмотря на сходства, подчеркивает автор, эту эмоцию нельзя считать вариантом гнева: у нее совершенно иные поведенческие проявления, она наблюдается в иных, по сравнению с гневом, ситуациях, поскольку встроена в иную ценностную систему, и т. д. К. Луц показывает, что эмоциональные проявления ифалуков значимо отличаются от эмоций, испытываемых нами. И для того чтобы понять эти различия, нам необходимо обратиться к системе их дискурсов (*Ibid.*).

Как видим, имеющиеся в культуре эмоциональные сценарии определяют эмоциональное функционирование индивидов. Точно так же доступные членам культурной общности «словари мотивов» во многом определяют их поведение: люди, как правило, действуют в соответствии с этими культурными «словарями мотивов», что дает им возможность выглядеть понятными для самих себя и окружающих.

Обратим внимание, что тезис социальных конструкционистов о зависимости человеческого поведения от правил и конвенций культурных дискурсов не является каузальным объяснением. Правила и конвенции имеют силу не каузальной, но нормативной и семантической необходимости (Харпе, 1995; Liebrucks, 2001). В отличие от каузальных законов, правила могут быть нарушены, либо чья-то попытка соответствовать правилам может потерпеть неудачу – и то и другое влечет за собой соответствующие последствия (нормативная необходимость). Конвенции не определяют поведение механически; просто чтобы быть понятными, мы должны использовать соответствующие экспрессивные средства (семантическая необходимость). Кроме того, правила и конвенции нельзя мыслить как некие фиксированные алгоритмы поведения: люди пользуются ими достаточно гибко, их нужно адаптировать к каждой новой ситуации, нередко поведение человека – «открытое произведение», и довольно трудно решить, на основании каких семантических схем его нужно читать, и т. д. Наконец, в принципе возможно создание новых правил и оригинальных форм выражения, примеры чего дают нам произведения искусства.

Как можно видеть, идеей дискурсивного конструирования психики (в его собственно дискурсивном и материальном аспектах) социальные конструкционисты обосновывают специфику объекта психологии по сравнению с объектами естественно-научных дисциплин. Психические процессы и состояния, в перспективе социального конструкционизма, предстают чем-то вроде артефактов. Личность также приобретает характер артефакта. Акцентируя то, что психология имеет дело прежде всего с нормативными и семантическими отношениями, социальные конструкционисты ориентируют психологию на гуманитарное познание, укрепляя идею специфики последнего по сравнению с естествознанием.

Конститутивная функция языка. Образ языка, на который ориентируются сторонники социального конструкционизма, заимствован ими из ряда направлений философии XX века (и прежде всего это идеи позднего Л. Витгенштейна), показавших, что функция языка не может быть сведена к символической репрезентации. В поздней философии Л. Витгенштейна дана блестящая критика «августинианского образа языка», согласно которому языковые выражения представляют собой метки неких объективных, устойчивых сущностей – значений этих языковых выражений. Витгенштейн демонстрирует, что язык вообще не предназначен для обозначения устойчивых сущностей, существующих до и помимо самой речевой ситуации. Значение выражения, по Витгенштейну, есть не что иное, как практика его употребления, и задается оно контекстом бесчисленного множества языковых игр, каждая из которых предполагает свои правила, связанные внутренними отношениями с техникой их применения.

В отличие от традиционной психологии, основанной на допущении, что психика реально существует в качестве некоторой сущности, а язык лишь

выражает то, что имеет место само по себе («реальное не рассказывает, оно существует») (Potter; Wetherell, 1987), сторонники социального конструкционизма в психологии акцентируют конститутивную функцию языка и необходимость исследования «языковых игр», посредством которых существует то, что мы привыкли относить к психической реальности. Традиционные для психологических исследований явления: личность, эмоции, пол, персональная идентичность, мотивация, мышление и т. п., – анализируются с точки зрения принятых в обществе дискурсивных форм их выражения (Джерджен, 2003; Онучин, 1999).

Придерживаясь антирепрезентационных воззрений на природу языка, ряд представителей социоконструкционистской психологии проблематизируют и представления о том, что высказывания человека отражают особенности его личности, т. е. ставят под сомнение главное допущение традиционных форм психологической интерпретации – наличие своеобразного изоморфизма между внутренними установками личности и лингвистическими единицами. С точки зрения сторонников социального конструкционизма, высказывания человека – это прежде всего речевые действия, посредством которых он конструирует определенные версии мира и самого себя (Калая, Хейкинен, 2002; Potter; Wetherell, 1987 и др.). Свою жизнь человек тоже проживает в виде историй, причем истории не репрезентируют некие додискурсивные сущности жизни, но сама жизнь и есть эти истории (Фридман, Комбс, 2001). Кроме того, согласно теоретикам дискурс-анализа в психологии, высказывания человека вполне можно воспринимать как нечто ситуативное; лингвистика показала, что для своего осуществления они требуют субъекта речи, но не личности. В рамках реальной коммуникации высказывания встроены в диалог и не столько отражают личностные особенности говорящего, сколько выполняют внутри этого диалога определенные функции, например, функцию саморепредъявления или функцию оказания воздействия на собеседников с целью вызвать у них определенную реакцию (Калмыкова, Чеснова, 1996).

Как можно видеть, акцент на риторических и конститутивных аспектах языка в социальном конструкционизме приобретает весьма радикальные формы. Безусловно, представители социального конструкционизма признают естественные границы дискурсивного конструирования, связанные главным образом с физическими и биологическими факторами. Похоже, что конструкционисты в большинстве своем придерживаются позиции дуализма, признавая неконструируемый характер физического (биологического) мира и конструируемый характер мира культуры и, соответственно, высших, культурных психических функций. Наиболее явно дуалистическую позицию выражает Р. Харпе, когда разводит физиологическую реальность и реальность «разговора» (conversation), понимая под второй «набор элементов в сети символически опосредованных интеракций» (Харпе, 1995, с. 75). Заметим, что фундаментальное различие между материальными и дискурсивными аспектами реальности, которого придерживаются представители социального кон-

структуризма, не обязательно прочитывать как возвращение к классическому дуализму мира физических процессов, с одной стороны, и мира смыслов – с другой. Возможно, «дуализм» конструкционистов близок весьма влиятельным сегодня представлениям о двух различных уровнях (или языках) описания, не сводимых друг к другу (Деннет, 2004; Putnam, 1988; и др.). Еще раз обратим внимание, что психика определяется конструкционистами через языковые координаты и, в конечном счете, методология ее исследований оказывается очень близка социолингвистике.

Насколько полноценно методологическая перспектива, предлагаемая социальными конструкционистами, позволяет описывать человеческий опыт? Безусловно, социо-конструкционистские представления о языке и его отношениях с реальностью (даже с той смысловой «реальностью», которая и мыслится как конструируемая в порядке дискурсивных практик) страдают существенными недостатками, и сегодня вряд ли будет правильным слишком буквально и негибко понимать утверждение, что отношения между сознанием и миром детерминированы языком и по этой причине в глубине своей являются «социально конструируемыми». Социальный конструкционизм недооценивает практическую составляющую бытия в мире, телесную и эмоциональную связь человека с миром (Bermudez, 1998; Merwe van der; Vostermans, 1995). Кроме того, недостаточное внимание в нем уделяется тому, что именно инвестирует дискурсы, почему те или иные дискурсы получают доминанцию, что является причиной привязанности человека той или иной жизненной истории и т. п. Очевидно, что язык, являясь центральным конституирующим фактором, все-таки не может рассматриваться в отрыве от других – внедискурсивных – факторов. Однако заметим, что социо-конструкционистский акцент на конститутивной функции языка позволяет по-новому взглянуть на ряд психологических проблем, в частности, в рамках качественной исследовательской методологии освоить проблематику культурно-символических ресурсов сознания.

Знание как конструкция. Главная эпистемологическая идея сторонников социального конструкционизма состоит в том, что знание представляет собой конструкцию, в формировании которой важнейшая роль принадлежит языку. Эта идея получила превосходное воплощение в метафоре исследователя как путешественника, предложенной С. Квале (2003): вместо того чтобы добывать объективные знания подобно тому, как шахтер добывает полезные ископаемые, исследователь-путешественник странствует по стране, вступает в разговоры со встречаемыми людьми, слушает их рассказы. «Возможные смыслы, заключающиеся в исходных историях, дифференцируются и раскрываются посредством интерпретаций путешественника; рассказы превращаются в новые повествования, убедительные благодаря своей эстетической форме и значимые благодаря своему воздействию на слушателей» (там же, с. 14). С точки зрения С. Квале, две метафоры – исследователь как шахтер и исследователь как путешественник – представ-

ляют разные концепции формирования знаний, каждая из которых принадлежит особому жанру и предполагает свои «правила игры». «В широком смысле, образ шахтера отражает общепринятое в современных социальных науках понимание знания как “данности”. Образ путешественника относится к постмодернистскому конструктивному пониманию, предполагающему диалогический подход в социальных исследованиях» (там же, с. 14).

Ориентация на понимание знания как конструкции, к которому тяготеют многие сторонники качественной методологии, влечет за собой серьезные проблемы. В частности, как можно оценивать конструкции на предмет их истинности, если нет внешнего независимого критерия (вроде их соответствия некой реальности самой по себе)? Как вообще быть с эмпирическим критерием, признание которого всегда являлось одним из ключевых моментов в определении научного знания? Эпистемологическая позиция сторонников социального конструкционизма нередко отличается радикальным релятивизмом. К примеру, виднейший представитель этого направления в психологии К. Герген говорит, что поскольку нет внешнего независимого критерия, на основании которого можно оценивать результаты исследований, любые исследовательские проекты получают равные права на существование (Джерджен, 2003). При этом Герген предлагает альтернативные критерии оценки знания (к примеру, прагматические, в частности, критерий общей полезности знания для культуры), но в целом от его позиции остается впечатление культивирования достаточно свободного методологического многообразия.

На наш взгляд, позиция радикального релятивизма – позиция, вытекающая из представления о знании как конструкции, – неприемлема ни для какой научной методологии. Вместе с тем конструкционизм позволяет поставить под вопрос позицию наивного эмпирического реализма, на которую подчас ориентируются психологические исследования. Нам представляется, однако, что имея в виду диалогический характер знания, качественная исследовательская методология может ориентироваться не на радикальные конструкционистские образы науки, а на представления о знании, соединяющие в себе его прагматическую и реалистическую составляющие. Более подробно о таких «постконструктивистских» образах науки речь пойдет во 2-й главе.

Идеи постструктурализма и критических социальных теорий как основание критического подхода в качественных психологических исследованиях

Безусловно, движение постструктурализма и критические теории – это не одно и то же. Последние, как правило, опираются на неомарксизм и некоторые версии психоанализа, хотя нередко используют и методологические идеи постструктурализма. Наше решение рассмотреть в рамках одного раздела постструктурализм и критическую позицию в социальных науках обусловлено тем, что в качественных психологических исследованиях их идеи чаще всего используются совместно, в рамках так называемого критического подхода. Критического проекта мышления в социальных на-

уках, в том числе в психологии, мы еще коснемся во 2-й главе в связи с обсуждением проблемы научности качественной исследовательской методологии; именно критические идеи послужили основанием для приведенного выше анализа социокультурных предпосылок исследовательских традиций. Кроме того, в следующем разделе данной главы будет дана общая характеристика критического подхода в качественных исследованиях. Здесь нам бы хотелось кратко обрисовать идеи постструктурализма и критических социальных теорий, которые дали начало критическому подходу в качественных психологических исследованиях.

Язык, дискурс и власть. Постструктурализм продолжает движение разделения рядов означающего и означаемого, начатое Фердинандом де Соссюром. Согласно де Соссюру, отношение между означающим (формой) и означаемым (содержанием) произвольно, точнее, оно определяется принятыми в языковом сообществе конвенциями: например, значение слова «книга» не заложено в самом слове, связь значения слова и его акустического образа является результатом общественной договоренности. Соссюр настаивает на системной природе языка: «Язык – это система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной взаимосвязи» (1977, с. 152–153). Значение знаков определяется их отношением к другим знакам – знак приобретает значение в связи с отличием от других знаков: в языке нет ничего, кроме различий, пишет Соссюр, язык – это система различий, которая не имеет ничего общего с физическими качествами обозначаемых объектов. Слово «книга» отличается от слов «журнал» и «запятая», оно является частью системы других слов, от которых его отличает все то, что включено в его содержание и не включено в содержание других слов.

Постструктурализм, как уже было сказано, заимствует у Соссюра идею, что знаки приобретают значение не через отношение к реальности, а через их внутренние соотношения в сети знаков (Филлипс, Йоргенсен, 2004). Причем в постструктурализме эта идея приобретает еще более радикальный вид. К примеру, у Ж. Лакана ряды означающего и означаемого оказываются окончательно разделены непроходимым барьером, и появляется понятие «ускользающего», или «плавающего означающего». Лакан призывает не поддаваться иллюзии, будто означающее отвечает какой-либо функции репрезентации означаемого; по Лакану, одно означающее непрерывно «ускользает» под другое означающее, так что в любом тексте мы имеем лишь нескончаемую игру означающих в их абсолютном отрыве от означаемого (Лакан, 1997).

Соссюр развел понятия *la langue* (язык) и *la parole* (речь). Язык как структура – это сеть знаков, которые придают значения друг другу посредством соотношения в этой структуре, причем значения знаков фиксированы и неизменны. Речь же представляет собой ситуативное использование языка и знаков. Соссюр считал, что речь носит случайный характер и это делает ее непригодной для научного исследования. По Соссюру, язык – основной объект исследования структуральной лингвистики. Структуру языка у

Соссюра удачно описывает метафора рыболовной сети: в ней каждый знак, будучи одним из узелков этой сети, имеет свое место. Когда сеть расправляют, узелок фиксируется в определенной позиции на некотором расстоянии от других узелков. Точно так же знак имеет определенное расположение в языковой сети, и его значение закреплено положением в этой структуре (Филлипс, Йоргенсен, 2004).

Постструктуралисты не принимают соссюровское представление о языке как о стабильной, неизменной и целостной структуре. Знаки действительно приобретают значения в связи с отличиями от других знаков, но те знаки, от которых они отличаются, могут изменяться в соответствии с контекстом, в котором они используются (*там же*). Например, в одних контекстах слово «любовь» противоположно слову «ненависть», в других же – становится противоположным словосочетанию «сексуальное влечение»; кроме того, «любовь» получает различное значение, будучи частью различных текстуальных традиций.

Согласно постструктуралистам, структуры существуют, но всегда в каком-то временном и непостоянном положении. Есть не одна общая система значений, а ряд систем, или дискурсов, и значение меняется от дискурса к дискурсу. Э. Лакло и Ш. Муфф (*там же*) определяют дискурс как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области; образуется он путем преобразования элементов (полисемичных знаков) в моменты – знаки с достаточно фиксированным значением. Дискурс сформирован вокруг некоторых узловых точек. Примерами таких узловых точек, или привилегированных знаков, вокруг которых упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки, могут служить «тело» в медицинском дискурсе, «демократия» в политических дискуссиях и т. п. Дискурс формируется как единое целое, в котором каждый знак зафиксирован как момент посредством отношения к другим знакам. Это достигается за счет исключения всех других возможных значений знака, т. е. всех других возможных способов, которыми знаки могли бы быть связаны друг с другом. Таким образом, дискурс – это «сокращение возможностей», «попытка остановить незаметное “скольжение” знаков по отношению друг к другу» (*там же*, с. 51).

Однако остановка колебаний в значении знаков никогда не бывает окончательной: альтернативные значения, не участвующие в дискурсе или вытесняемые из него, всегда могут дестабилизировать устойчивость значений, которые в дискурсе участвуют. Лакло и Муфф говорят, что дискурс вообще никогда не может быть законченным, потому что всегда есть другие потенциальные значения, которые, будучи реализованы в специфических артикуляциях, могут оспаривать и преобразовывать структуру дискурса, всегда есть движение, борьба за то, какой именно будет структура. И одна из задач психологических исследований, основанных на идеях постструктурализма, – увидеть эту борьбу за структуру на уровне индивидуального сознания. Для этого нужно выявить узловые точки дискурса, проследить, как они определены относительно других знаков в дискурсе, и затем

проанализировать, как те же самые знаки определяются в других дискурсах, – тем самым мы сумеем идентифицировать борьбу за значение.

Итак, там, где сталкиваются дискурсы, мы имеем антагонизм и борьбу. Как правило, антагонизм разрешается путем вмешательства гегемонии – артикуляции, которая воссоздает ясность посредством силы: один дискурс удаляет с дискурсивного поля другой дискурс, как бы «пересиливая» его, или, лучше сказать, расформирует его, путем переартикуляции его элементов. Дискурс-анализ использует такое аналитическое средство как «деконструкция»: он деконструирует структуры, которые мы принимаем на веру, и пытается показать, что данная организация мира случайна, что она есть результат определенных политических процессов и может быть изменена (Филлипс, Йоргенсен, 2004; Wetherell, 1998).

До какой степени, однако, дискурсы открыты изменениям? Надо сказать, что на этот вопрос теоретики дискурса отвечают по-разному. Лакло и Муфф, к примеру, в большей степени склонны делать акцент на том, что все аспекты социального принципиально могли бы быть (или могут стать) другими (Филлипс, Йоргенсен, 2004). С точки зрения сторонников критических подходов (Н. Фэркло, М. Уезерелл и др.), Лакло и Муфф не обращают внимания на тот факт, что люди и группы имеют неравные возможности для переартикуляции элементов. Гегемония тех или иных дискурсов, как правило, поддерживается существующими в обществе отношениями господства и подчинения. Так что, «деконструируя» структуры существующих дискурсов, мы не просто показываем случайность данной артикуляции знаков, но имеем возможность показать, как посредством дискурса предписывается, закрепляется и воспроизводится социальное неравенство, а также как оказывается сопротивление этому неравенству в социальном и политическом контекстах. В психологии наибольший резонанс получили критические работы о роли дискурса в (вос)производстве гендерного, сексуального, расового и этнического неравенства. В частности, в рамках гендерных критических исследований ставятся вопросы, каким образом осуществляется власть мужчин в сфере повседневных практик (например, в повседневном разговорном взаимодействии мужчин и женщин), как в доминирующих представлениях о гендерных различиях проявляют себя сексистские установки, как гендерно специфичные дискурсы проявляют себя на уровне индивидуального сознания и каким образом происходит гендерное самоопределение, и т. п. Поле дискурсивности никогда не бывает однородным: существует множество антагонистичных дискурсов, ведущих друг с другом борьбу за значение (например, за значение самой дихотомии мужского/женского); и хотя колебания в значении знаков никогда не могут быть остановлены окончательно, в обществе одни голоса получают интерпретативный приоритет над всеми остальными, закрепляя существующее в нем неравенство. Исследователи, практикующие критическую установку, как правило, занимают активную общественную позицию и «хотят понять, разоблачить

и, в конце концов, противостоять социальному неравенству в обществе» (Гаврилова, 2003, с. 3). Как подчеркивает Р. Шотт (Schott, 1991), критические исследования – это попытка не просто поставить под сомнение доминирующий голос и версии реальности, но дать возможность звучать маргинализируемым и подавляемым голосам, что должно способствовать продвижению в обществе демократических ценностей.

Децентрированный субъект. Это еще одна важная идея постструктурализма, которую берут на вооружение сторонники критических исследований в психологии. Наиболее полно и последовательно идея децентрированного субъекта выражена в концепции Жака Лакана. Важное место занимает она также в теориях Л. Альтюссера, Э. Лакло, М. Фуко и др.

С точки зрения названных авторов, человек не является тем автономным и суверенным субъектом, каким его привыкла мыслить западная культурная традиция: реальный субъект, индивидуум в его особом существовании, не имеет облика Эго, централизованного «на себя», человек-субъект формируется в структуре, центр которой смещен или, как говорит Л. Альтюссер, центром которой является «воображаемое незнание себя» (цит. по: Квадратура смысла, 1999, с. 81). Структурно внутри субъекта, в его дискурсе, принципиально имеется Другой.

Как нужно все это понимать? Во французской философии и лингвистике проводится строгое различие между «субъектом высказывания» и «субъектом высказанного». В качестве первого выступает сам язык, точнее, определенный тип лингвистической детерминации субъектных знаков, которые «организуют пространственные и временные отношения вокруг “субъекта”, принятого за ориентир» (Бенвенист, 1974, с. 296). Высказывание функционирует благодаря тому, что место субъекта всегда остается «пустым» и его заполняет любой субъект, вступающий в высказывание, становясь при этом «субъектом высказанного», он как бы «присваивает» себе весь язык целиком. «Собственно, “я”, присваивающее себе весь язык, является “пустой формой”, но в то же время знаком порядка или закона языка, которому должен подчиниться всякий субъект, берущий слово». И это обстоятельство означает очень много, более того, «перевортывает весь анализ высказывания: некто говорит “я” не потому, что он является субъектом, а потому, что он уже задан в качестве субъекта определенным “сцеплением” языковых и материальных знаков, вне и помимо его сознания» (Подорога, 1989, с. 226).

Такое понимание «двойственности» речевого субъекта свойственно Лакану, Альтюссеру, Фуко и др. К примеру, Жак Лакан (1999) берет на себя смелость дать формулу субъективности, определяя ее как организованную систему символов. То, что мы именуем субъектом, является нам независимо от особенностей человеческого субстрата в игре символов. Человек отнюдь не является в этой игре инициатором, он занимает в ней свое место, представляет лишь элемент той цепочки, которая, будучи развернута, организуется в соответствии с определенными законами. Истинный субъект – бессознательное, построенное по законам символического мира (*там же*).

В концепции Л. Альтюссера мы можем наблюдать постоянное замещение субъекта высказывания на субъекта высказанного: идеология (другой Субъект) «запрашивает» (интерпеллирует) конкретных индивидов, которые тем самым получают статус субъектов; таким образом, индивид становится субъектом только благодаря тому, что уже существует «другой Субъект» (Квадратура смысла, 1999). В контексте идей М. Фуко статья субъектом – тоже означает быть отмеченным Субъектом-властью, т. е. принять не только правила языка, но правила подчинения, «получить имя, место, время, память, способ поведения посредством другого субъекта, отражением или эхом которого только и можно быть» (*Подорога*, 1989, с. 227).

Как в свете отмеченных идей нужно читать тексты? П. Серио, описывая особенности французской традиции чтения текстов, говорит, что не существует высказывания, символа или поступка, в котором нельзя было бы увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами и значимостями, свойственными определенному обществу или определенным группам (Квадратура смысла, 1999). Л. Альтюссер, основываясь на собственном прочтении работ Фрейда и Лакана, понимает эту культурную обусловленность как некие скрытые силы, заложенные в текстах. Чтобы «вскрыть нескрытое в самом тексте», надо «соотнести его с другим текстом, присутствующим в нем через необходимое отсутствие», а именно с идеологией (Л. Альтюссер, цит. по: Квадратура смысла, 1999, с. 23).

Если Альтюссер и его последователи понимают Другого в тексте как скрытую работу идеологии, то в контексте идей М. Фуко и наследующих его способ мысли Э. Лакло и Ш. Муфф Другим является сам дискурс как механизм высказывания и институциональный механизм, так что поиск скрытого смысла становится неактуальным. Согласно М. Фуко (1996а), описать высказывание – не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал, хотел сказать или сказал, не желая; это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания. Говорящий никогда не говорит только «от своего имени», он не может основывать свою речь на субъективности, поскольку его статус субъекта высказывания определяется той дискурсивной формацией, в которую он попадает. Именно дискурсивные формации определяют, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т. д.) в соответствии с определенной позицией и при определенных обстоятельствах.

Для психологии, привыкшей мыслить эмпирического субъекта в качестве отправной точки речи и источника смысла, идеи французских авторов нередко выглядят чересчур революционными. И хотя представители критического дискурс-анализа в психологии (см., напр.: *Wetherell*, 1998) для выстраивания своей теоретической платформы успешно используют идеи субъекта как сцены, на которой сами дискурсы разворачивают свою игру, пробле-

матизация эмпирического субъекта высказывания даже этими авторами совершается весьма осторожно. Заметим, что самая крайняя постструктуралистская позиция, которую занимают психологи по вопросу о статусе субъекта высказывания, все же является позицией интегративной: предполагается, что дискурсы предлагают индивидам интерпретативные ресурсы (интерпретативные репертуары, идеологические дилеммы, формы позиционирования и т. п.), которые они, уже в соответствии с собственными целями и предпочтениями, используют для придания смысла конкретным ситуациям взаимодействия, так что можно сказать, что в представлениях постструктуралистских психологов человек одновременно и раб и господин дискурсов.

Подведем некоторые итоги. Мы дали общую характеристику философских оснований качественной исследовательской методологии, а также рассмотрели отдельные философские направления, оказавшие, по нашему мнению, наибольшее влияние на становление качественной исследовательской методологии. Идеи феноменологии, герменевтики, социального конструкционизма, постструктурализма и критических социальных теорий (критика объективизма естественных наук и оспаривание их претензии дать гуманитарным наукам единственную методологически пригодную модель, поворот к субъективным смыслам, идея жизненного мира и онтология понимания, раскрытие условий понимания вне субъект-объектных отношений, идея социального конструирования психики, анализ роли языка и дискурса в этом конструировании, акцентирование тесной связи дискурса и власти и др.) стали почвой, отталкиваясь от которой развивалась методология качественных исследований. Более того, как мы попытались показать, идеи указанных философских направлений, в особенности идеи философской герменевтики и социального конструкционизма в их применении к области качественных исследований, позволяют прояснить статус знания, получаемого с помощью таких исследований, и тем самым в некотором смысле легитимировать качественное исследовательское предприятие.

Выше мы подчеркивали, что важнейшей идеей для становления и развития качественной исследовательской методологии явилось представление о принципиальном отличии объекта социогуманитарных наук (человека и человеческого мира) от физической реальности, с которой имеют дело естественно-научные дисциплины. В традиции обоснования специфики гуманитарных наук речь идет о таком качестве человеческого мира, как способность к самопониманию (в терминах герменевтики это «имманентная рефлексивность жизни»), которая естественным образом выражает себя в языке и традиции); приступая к исследованию человека, мы уже обнаруживаем себя внутри «жизненного мира» – горизонта разделяемых с исследуемым значений и смыслов; и если мы, вслед за сторонниками социального конструкционизма, говорим о дискурсивном конструировании психического мира, это значит, что приступая к описанию этого мира, мы призна-

ем, что имеем дело не с совокупностью естественно данных фактов, но с миром, уже интерпретированным в порядке социальных практик, а потому, приписывая смысл психическим процессам и состояниям, должны ориентироваться на тот контекст культурных смыслов, которому они принадлежат.

Можно думать, что именно раскрытие специфической природы объекта социогуманитарных наук ведет за собой обоснование соответствующих эпистемологических принципов и методологических правил его исследования, иными словами, что онтология определяет соответствующую эпистемологию и методологию. Именно на этом допущении основана главная ветвь критики позитивизма как методологии исследования социального (и психического) мира: сторонники «гуманитарной» парадигмы постулируют неадекватность позитивизма самой онтологии социальной жизни. Однако, на наш взгляд, данный аргумент несоответствия логически не до конца продуман. Дело в том, что мы определяем природу объекта, уже заняв ту или иную эпистемологическую позицию. И если реальность получает свою определенность, будучи видимой сквозь те или иные эпистемологические линзы, именно альтернативная эпистемология, а не онтологические соображения, ставит позитивизм под вопрос. Когда мы вслед за философской традицией обоснования специфики гуманитарных наук полагаем, что методология исследования психического мира должна соответствовать онтологии intersубъективных значений и смыслов, мы призываем к построению науки, которая будет усиливать наши обыденные интуиции, не пытаясь поставить их под вопрос. Однако если теперь обратиться к истории физики, то, к примеру, ни одна теория материи и движения не согласовывалась в такой степени со здравым смыслом, как аристотелевские представления о земле, воздухе, огне и воде. Гравитационная теория Ньютона, постулировав наличие некой абстрактной силы, действующей между удаленными друг от друга объектами и без посредства физического тела, совершенно противоречила обыденным интуициям, в частности, представлениям, что действия на расстоянии быть не может и что один объект может воздействовать на другой только через непосредственный контакт (Dessler, 2003). Проект новоевропейской науки показал, что, быть может, наиболее ценные знания мы получаем именно тогда, когда пытаемся переосмыслить очевидное. Однако, с другой стороны, насколько мы нуждаемся в том, чтобы уходить от «метафизики повседневной жизни», когда речь идет о понимании человеческого мира?

Г.Х. фон Вригт (Вригт фон, 1986) связывает идею «единой науки» и философские представления о специфике гуманитарных наук с двумя различными традициями обоснования знания – «галилеевской» и «аристотелевской» соответственно. Фон Вригт отмечает, что различия между двумя традициями наблюдаются на столь глубоком уровне, что невозможно говорить не только об их примирении, но и в некотором смысле об их истинности (по крайней мере, на сегодняшний день): речь может идти лишь об экзистенциальном выборе точки зрения, которая, по-видимому, не име-

ет дальнейших обоснований. Если мы связали исследовательские традиции в психологии с различными культурными традициями обоснования знания, значит ли это, что тем самым мы констатировали их абсолютное различие и непримиримость? На уровне предельных оснований, наверное, да. Но в том-то и дело, что в реальной исследовательской практике мы далеко не всегда нуждаемся в том, чтобы мыслить предельные основания тех или иных традиций. По крайней мере, когда психолог-экспериментатор заинтересован в раскрытии каких-либо закономерностей в функционировании психического аппарата, его действия никак не противоречат интересам исследователя-«качественника», занятого насыщенным описанием отдельных случаев или событий, и наоборот. Результаты одного могут быть вполне интересны и полезны для другого. Вообще исследовательские методологии в психологии сегодня гораздо более разнообразны, нежели их можно описать, используя лишь простое разделение на два лагеря. Думаем, что правильнее их представлять в виде континуума, полюса которого заданы эпистемологическим позитивизмом, с одной стороны, и интерпретивизмом, с другой. И может быть, для реальной исследовательской практики большее значение имеет не «онтологическая» разница между «реальным» фактом и смыслом (для области социальных и гуманитарных наук разница эта действительно очень проблематична и неоднозначна, какую бы перспективу рассмотрения сегодня мы ни принимали: мы в самом деле не можем искать причины социальной или психической жизни, не понимая конституирующих эту жизнь смыслов). Большее значение имеет метаяцель, которой в конечном счете служит исследовательский проект: универсальные обобщения в отношении отдельных сторон/переменных или детализированные описания целостных случаев/событий. Что сегодня является для науки более ценным? Д. Десслер (Dessler, 2003) справедливо замечает, что если и есть базовое несогласие между позитивистами и интерпретивистами, состоит оно прежде всего в том, как они отвечают на вопрос о метаяцели научной деятельности. Позитивисты и интерпретивисты по-разному отвечают на вопрос, в чем суть поиска социального исследователя. Что делает одни исследовательские поиски более значимыми, чем другие? В конечном счете, ответ на последний вопрос предполагает, что мы выходим за пределы собственно науки и вступаем в область дискуссий об этической и социальной значимости психологических исследований.

Многообразие качественных подходов

До сих пор мы говорили о качественных исследованиях как о некотором «единстве в многообразии». Давая систематическое описание качественной исследовательской методологии в целом, мы следовали весьма влиятельной традиции обобщенного рассмотрения качественных исследований – с точки зрения некоторого «семейного сходства», т. е. общих черт, которые несут в себе различные качественные подходы (см., напр.: Bryman, 2001;

Crabtree, Miller, 1999; Potter, 1996). Мы согласны с такими авторами, как И. Холлоуэй и Л. Тодрес (Holloway, Todres, 2003), что обобщенный взгляд на качественное исследование играет важную роль, поскольку позволяет наиболее явственно определить методологическую перспективу, альтернативную традиционному для эмпирической психологии позитивизму. Кроме того, обобщенный взгляд на качественное исследование с его акцентом на гибкости исследовательских процедур преодолевает методический редукционизм (позицию «метод ради метода») и подчеркивает необходимость подчинения метода исследовательскому вопросу.

С другой стороны, обобщенный взгляд на качественные исследования, как и значительный акцент на гибкости качественных исследовательских процедур, подчас становятся причиной «методической невнятности», за которую нередко критикуют сторонников качественной исследовательской методологии (Baker et al., 1992). Обобщенный взгляд таит в себе опасность игнорирования ценности методологической последовательности, при которой методические нюансы когерентны философским основаниям подхода и которая, в конечном счете, необходима для получения валидных результатов (Holloway, Todres, 2003). Хотя качественные исследования действительно представляют собой нечто вроде «семьи» с характерными для ее членов чертами «семейного сходства», все-таки подходам внутри этой «семьи» присущи довольно значимые различия, обусловленные прежде всего тем, что они укоренены в отличных друг от друга философских мировоззрениях. На наш взгляд, проанализированные нами философские направления не только стали основой для становления качественных исследований как целого, но и дали начало отдельным качественным подходам, сформировав то разнородное исследовательское поле, каким на сегодняшний день является область качественных исследований.

По нашему мнению, сегодня можно выделить два наиболее значимых основания для классификации качественных подходов. Первое – метаяцель, предполагаемая подходом; ею может быть понимание или социальное изменение; соответственно исследовательские подходы можно разделить на «понимающие» и критические. К «понимающим» относится большинство качественных подходов: феноменологический подход, герменевтический подход, интерпретативные подходы, основанные на идее «глубинной герменевтики», подход обоснованной теории, некоторые дискурс-аналитические подходы, например, дискурс-анализ по Дж. Поттеру и М. Уезерелл, и некоторые другие. Критические подходы опираются на феминистские, антирасистские и подобные позиции, и среди них можно выделить, к примеру, критический дискурс-анализ.

Другим основанием для классификации качественных подходов может выступить их отношение к интерпретации. Мы уже подчеркивали, что качественные исследования интерпретативны, т. е. основаны на представлении, что постичь объект исследования вне практик репрезентации невозможно;

но; этот момент в качественной исследовательской методологии становится предметом специальной рефлексии. Таким образом, когда мы говорим, что качественные исследования интерпретативны, мы имеем в виду интерпретацию в широком смысле – как общий философско-методологический принцип познания. Однако можно придавать интерпретации и более узкий смысл, понимая под ней конкретный метод, отличный от описания и предполагающий намеренный выход за пределы сказанного прямо, помещение оригинального текста в более широкий контекст, задаваемый исследователем. Интерпретация в таком узком понимании характерна далеко не для всех качественных подходов. Некоторые из них (например, феноменологический подход или анализ разговора (conversational analysis)) тяготеют к работе лишь с очевидными данными и предполагают минимум концептуализаций со стороны исследователя. Другие же подходы (герменевтический подход, подходы психологической интерпретации, критический дискурс-анализ и др.), напротив, открыто позиционируют свой интерпретативный характер, предполагая, что исследователь должен выходить за рамки самопонимания исследуемого и работать на уровне «глубинных» смыслов. Соответственно, можно говорить о тяготении качественных подходов к полюсу описания, с одной стороны, и к полюсу собственно интерпретации, с другой. Общая классификация качественных подходов представлена в виде схемы на рис. 1.

Рис. 1. Классификация качественных подходов

Попробуем более подробно охарактеризовать некоторые качественные подходы, используя ту же структуру, к которой мы обращались, давая об-

щую характеристику качественной исследовательской методологии: отметим особенности их ответов на онтологический, эпистемологический и методологический вопросы.

«Понимающие» подходы

Описательная и герменевтическая феноменологии. Мы уже отмечали, что сегодня феноменологический подход как качественная исследовательская стратегия становится одним из самых популярных в области качественной методологии. Пожалуй, именно в феноменологическом ключе (либо с использованием феноменологического метода) выполнено большинство качественных исследований в психологии.

На наш взгляд, современный феноменологический подход неоднороден и сегодня можно говорить, по крайней мере, о двух различных его вариациях – о подходах описательной и герменевтической феноменологии, или о собственно феноменологическом и герменевтическом подходах. Данные подходы, безусловно, имеют много общего, поэтому их нередко относят к одной методологии. Однако они базируются на разных философских основаниях (феноменологии Э. Гуссерля и философской герменевтике М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера и других соответственно), а значит, и в предполагаемых ими исследовательских стилях возможны весьма значимые различия.

В онтологическом плане «реальностью», с которой имеют дело и феноменологический, и герменевтический подходы, является человеческий мир как мир смыслов. Цель как описательной, так и герменевтической феноменологии – понять (описать или интерпретировать) смыслы и значения, которые люди вкладывают в свой опыт. При этом собственно феноменологический подход делает акцент на переживании, и цель его состоит в том, чтобы описать то или иное переживание как можно точнее, представить его «структуру» и «текстуру» (Todes, 2000). В герменевтическом подходе большее внимание уделяется языковой опосредованности «внутреннего мира» человека. Реальностью, с которой имеет дело герменевтический исследователь, является реальность текста, и человеческие действия тоже прочитываются как текст.

В эпистемологическом плане феноменологическое исследование описательно. Безусловно, в феноменологии мы тоже имеем дело с данными, выраженными при помощи языка, но при анализе языковых данных мы не пытаемся выйти за рамки того, что сказано прямо: мы работаем на уровне самопонимания тех, кто участвует в исследовании, и выделяем лишь те смыслы, которые в этих языковых данных очевидны для всех. Герменевтическое исследование интерпретативно: текст помещается в более широкий контекст (в том числе теоретический), благодаря чему высвечиваются такие его смыслы, которые не даны в тексте с очевидностью. Интерпретативный процесс включает в себя экспликацию философской и теоретической позиции исследователя, а также осознание предпосылок, мотивирующих индивидов заниматься интерпретацией. Д. Аллен (Allen, 1995) описывает феноменологию как в целом фундаменталистское предприятие, поскольку

она занята поисками универсальных описаний переживаний и тяготеет к такому прочтению текстов, которое было бы независимым от биографической, социальной или исторической позиции исследователя. Напротив, герменевтическое исследование он характеризует как антифундаменталистский проект, поскольку оно фокусируется на смыслах, рождающихся в процессе взаимодействия текста и читателя.

В методологическом плане между феноменологическим и герменевтическим подходами есть как сходство, так и существенные различия, обусловленные опять-таки философскими традициями, в которых укоренены подходы. Сходство в основном касается процесса сбора данных и формирования групп исследуемых, – впрочем, это именно те этапы исследования, которые весьма схожи и в других качественных подходах. В качестве данных и в феноменологическом (описательном) и в герменевтическом (интерпретативном) подходах могут выступать личные отчеты исследователя по теме, информация, собранная от участников исследования посредством интервью, письменные сочинения участников, фрагменты дневников, писем, художественных текстов и т.п. Участниками исследования становятся те, у кого есть опыт проживания интересующих исследователя моментов и кто готов об этом поговорить.

А вот анализ данных и общая позиция исследователя в феноменологическом и герменевтическом подходах существенно различаются. Правда, и в том и в другом подходе значительное внимание уделяется рефлексии исследователя. Однако для феноменолога цель такой рефлексии – определить собственные допущения относительно темы исследования, чтобы затем вынести их за скобки или отложить в сторону и как можно полнее открыть себя опыту. В соответствии же с общей герменевтической позицией, предсуждения исследователя полагаются существенной частью интерпретативного процесса, а потому «вводятся в игру» и «ставятся на карту» – так что их всегда можно изменить в свете данных опыта. В герменевтическом подходе исследователь пытается, по возможности, эксплицировать свою позицию и отследить, как она связана с изучаемой проблемой. Как правило, в интерпретативных исследованиях исследователи ведут рефлексивные журналы, и конечный отчет нередко включает описание личной позиции исследователя и тех философских и теоретических оснований, в рамках которых проводилось исследование (Allen, 1995).

Фундаменталистская позиция феноменологии и антифундаментализм герменевтического подхода проявляются и в принятых способах анализа данных. В феноменологических исследованиях часто используются техники последовательной конденсации смысла (см., напр.: Квале, 2003), для осуществления которой нередко привлекаются эксперты. В описание конденсированного смысла исследователь включает только те мнения экспертов, которые получили интересующее согласие. Само описание в целях валидации может быть предложено респондентам, которые подтверждают его верность либо вносят в него поправки. После конденсации смыслов каждого значимого утверждения эти смыслы собираются в более крупные те-

матические кластеры, и здесь также можно привлекать экспертов. Собранные кластеры снова даются отдельным респондентам для валидации и т.д. В конечном счете мы получаем описание структуры интересующего нас переживания. Как можно видеть, феноменологическая методология анализа данных представляет собой движение через структурированный процесс, предполагающий постоянную опору на данные. Цель анализа – интегрированное описание переживания, не зависящее от теоретической, политической или какой-либо иной позиции исследователя (Lavery, 2003).

Методология герменевтического анализа данных гораздо менее определенная Т. Кох, например, пишет, что «герменевтика приглашает участников в постоянно свершающийся разговор, но не дает окончательной методологии. Понимание достигается благодаря слиянию горизонтов, которое есть не что иное, как диалектическое движение между пред-пониманием исследовательского процесса, интерпретативным каркасом и источниками информации» (Koch, 1995, p. 835). Д. Аллен (Allen, 1995) тоже подчеркивает, что не может быть конечного набора процедур, структурирующих интерпретативный процесс, поскольку интерпретация рождается из пред-понимания и диалектического движения между целым и частями текста. Интерпретативный процесс продолжается до тех пор, пока не будет достигнут осязаемый смысл интерпретируемого, который должен быть соотнесен с исследовательским вопросом, теоретической и ценностной позицией исследователя и, безусловно, данными, которые, с учетом заявленной перспективы исследователя, должны свидетельствовать в пользу предлагаемой им интерпретации.

Как видим, герменевтический подход предполагает большую свободу интерпретации, феноменологическое же исследование, напротив, тяготеет к однозначности описания. Однако художественные моменты в представлении текстуры переживания вносят в феноменологические описания значительную долю разнообразия.

Заметим, что хотя позиции исследователя в феноменологическом и интерпретативном исследованиях различны, сами техники конденсированного описания смысла, характерные для феноменологических исследований, могут успешно применяться и в герменевтическом исследовании в качестве первого этапа анализа данных: прежде чем дать концептуальную интерпретацию текста, исследователь представляет конденсированный смысл того, о чем человек говорил прямо. Вообще, на наш взгляд, в некоторых случаях анализа текстовых данных очень актуально совместное использование феноменологического и герменевтического модусов понимания (более подробно об этом речь пойдет в 4-й главе данной книги).

Обоснованная теория. Предложенный Б. Глезером и А. Страуссом подход «обоснованной теории» (grounded theory)¹ получил достаточное рас-

¹ На наш взгляд, более удачный перевод – «теория, выведенная из данных». Однако в русскоязычной литературе закрепился перевод «обоснованная теория», который мы и используем в настоящей работе.

пространение в социальных науках. Название подхода хорошо отражает научный замысел авторов, которые попытались противопоставить дедуктивным теоретическим моделям теорию на базе систематически собранных данных (Васильева, 2007). В рамках данного подхода выработаны систематические способы работы с данными (трехступенчатое кодирование, гибкие стратегии формирования теоретической выборки, которую исследователь адаптирует к развивающейся теории, метод постоянного сравнения одних данных с другими, а также понятий друг с другом и др.). Результатом такой работы становится построение теории какого-либо феномена или явления. Исследователь как бы «развертывает» теорию феномена из данных, представляет в динамике события, связанные с этим феноменом, обрисовывает свойства феномена, идентифицирует происходящие в нем изменения, описывает причины и характер изменений и т. д.

Как свидетельствует многочисленная методологическая литература (Васильева, 2007; Charmaz, 2006; Mills et al., 2006; Seaman, 2008 и др.), философские основания обоснованной теории очень противоречивы и ее онтологические и эпистемологические допущения открыты различным интерпретациям. К примеру, К. Чармаз (Charmaz, 2006) утверждает, что в работах Глезера и Страусса присутствуют как позитивистские, так и феноменологические акценты, и это обстоятельство может приводить читателя в недоумение. Позитивистские импликации просматриваются в свойственной обоснованной теории позиции эмпирического реализма, согласно которой вещи существуют в качестве имеющих смысл сущностей независимо от сознания и опыта, что предполагает нейтральность исследователя, занятого поиском объективных смыслов в самих данных. Традиционные аналитические процедуры, принятые в обоснованной теории, как раз построены на допущении, что теоретические категории вытекают из данных, причем исследователь остается пассивным наблюдателем. Индуктивный процесс открытия совершается посредством фиксации тем, которые появляются исключительно из данных, и постоянного сравнения различных фрагментов данных. Б. Глезер в особенности настаивает, чтобы исследователь шел за данными, не привнося в них никаких собственных, «до опыта» полученных конструкций (см.: Seaman, 2008). Феноменологический же уклон обоснованной теории наблюдается хотя бы в том, что исследователи, выполняющие свою работу в рамках данного методологического подхода, должны как можно точнее воспроизводить «голоса» своих респондентов в их собственной перспективе, раскрывать значения, которые сами исследуемые вносят в исследование со своим жизненным опытом (Страусс, Корбин, 2007).

Ряд авторов (Charmaz, 2006; Mills et al., 2006) утверждают, что подход обоснованной теории развивается таким образом, что его объективистские основания постепенно сменяются конструктивистскими. К примеру, А. Страусс и Дж. Корбин (Страусс, Корбин, 2007) в большей мере апеллируют к созданию (конструированию), нежели к открытию обоснованной теории, тем

самым отходя от преимущественно позитивистской позиции Б. Глезера. Различные взгляды на природу обоснованной теории заостряют давнюю проблему, связанную с возможностью индуктивного вывода. В рамках подхода обоснованной теории эта проблема приобретает форму дискуссии о статусе получаемых в результате применения данной методологии теоретических понятий и тем: являются ли последние результатом непосредственного выведения из данных или все-таки во многом задаются самим исследователем и предполагаемой им перспективой видения (так называемая дискуссия появления/привнесения (*emergence/forcing*)). Можно сказать, что, в отличие от Глезера, позиция Страусса и Корбин открывает возможность использования уже существующих теоретических положений в качестве части анализа. Однако достаточно жесткая технологизация процедур, которой придерживаются указанные авторы, как и их общая методологическая направленность (к примеру, они заявляют, что исследователь, работающий в рамках обоснованной теории, безусловно, может занимать постструктуралистскую, феминистскую или какую-либо другую позицию, но при этом он рискует утратить многое из того, что присутствует в данных), позволяют утверждать, что в целом Страусс и Корбин находятся на стороне тех, кто полагает, что категории обоснованной теории появляются из данных. Вместе с тем, как справедливо замечает Дж. Симан (*Seaman, 2008*), Страусс и Корбин делают шаг, чтобы отделить обоснованную теорию как совокупность методов и технических приемов от обоснованной теории как методологии.

Продолжает движение в указанном направлении К. Чармаз (*Charmaz, 2006*). С ее точки зрения, обоснованная теория представляет собой скорее совокупность гибких методических приемов, нежели законченную, строгую методологию, и в этом смысле ее можно соотносить с различными метатеоретическими и философскими позициями (и прежде всего с наиболее значимыми методологическими позициями XXI столетия – социальным конструкционизмом, феминизмом, постструктурализмом и герменевтической феноменологией). Вслед за К. Чармаз мы могли бы сказать, что обоснованная теория сегодня – это в большей мере процесс внимательной интерпретации, чем процесс открытия. Тем самым мы предлагаем рассматривать обоснованную теорию в ряду качественных интерпретативных подходов, в целом базирующихся на философской традиции обоснования специфики гуманитарных наук. Создавая теорию, исследователь ориентируется на понимание значений и смыслов, которые люди придают феноменам или явлениям, так что можно сказать, что, работая в рамках подхода обоснованной теории, он оказывается очень близок той ситуации понимания, условия которой описываются философской герменевтикой. На наш взгляд, именно обращение к герменевтической традиции позволяет во многом прояснить особенности статуса знания, получаемого в результате применения техник обоснованной теории.

С точки зрения герменевтики, появление категорий и тем возможно именно потому, что мы входим в исследование, вооруженные предпониманием

интересующего нас явления или феномена. Наше предпонимание формируется в том числе и благодаря обращению к уже имеющимся представлениям об этих явлениях или феноменах в соответствующей литературе, а также благодаря обращению к самим теоретическим перспективам, сквозь призму которых данные феномен или явление могут быть рассмотрены. Теоретические представления задают контекст видения эмпирических данных; систематическая работа с этими данными посредством применения методов и техник обоснованной теории позволяет объединять их в рамках более законченной и целостной конфигурации, благодаря которой данные получают новое освещение, и т. д. Задача, которая стоит перед исследователем, – сформировать такое предварительное понимание феномена, которое задаст обогащающий видение контекст и повысит «теоретическую чувствительность» исследователя в обращении с данными, вместе с тем оставляя его сознание достаточно открытым и способным к гибкому восприятию нового.

Подчеркивая возможность обращения к идеям философской герменевтики для понимания статуса знания в обоснованной теории, мы отнюдь не хотим сказать, что подход обоснованной теории является разновидностью герменевтического подхода. Напротив, мы полагаем, что их различия весьма существенны. Специфика каждого из них обусловлена их конечной целью, которая и определяет общую логику движения интерпретативного анализа и структуру полученных результатов. Как уже было сказано, целью обоснованной теории является создание теории некоего феномена или явления, в то время как цель герменевтической феноменологии – интерпретация и понимание смыслов того или иного переживания или опыта. Соответственно, интерпретативное построение, создаваемое в рамках обоснованной теории, предполагает отслеживание основного процесса и его концептуальное развитие, базирующееся на выявлении вариаций и их описании в динамике (скажем, у Страусса и Корбин речь идет, прежде всего, о выявлении вариаций действий и взаимодействий изучаемого феномена; см., к примеру, обоснованную теорию, как женщины справляются с беременностью, осложненной хроническими болезнями в: *Страусс, Корбин, 2007, с. 98–119*). Интерпретация в герменевтическом подходе не подразумевает таких динамических концептуализаций, но останавливается лишь на описании наиболее значимых тем, имеющих отношение к тому или иному опыту, с учетом перспективы видения, которой придерживается исследователь (см., к примеру, тематический анализ женского опыта любви в: *Schäfer, 2008*).

Дискурс-анализ. Подробно о дискурс-аналитических подходах речь пойдет в 3-й главе. Здесь мы дадим лишь общую их характеристику, сделав акцент на философских основаниях дискурс-анализа в психологии.

В дискурс-аналитических подходах психические феномены исследуются путем анализа разговора (*talk*) и текста. Несмотря на многообразие современных дискурс-аналитических подходов, их объединяет то, что базируются они на идее конститутивной функции языка: согласно сторонникам дискурс-

анализа в психологии, язык не столько описывает (репрезентрует) некие языковые сущности, сколько конструирует те или иные версии мира, событий, феноменов и т. д. Сторонников дискурс-анализа интересует, как именно люди упорядочивают свой опыт, чтобы придать смысл своим поступкам и событиям своей жизни. При этом исследователи уделяют внимание не только содержанию рассказов, но и форме рассуждений об опыте, а также позиции, которую занимает рассказчик в непосредственной коммуникации, и т. п. (Калая, Хейкинен, 2002; Калмыкова, Чеснова, 1996; Ярская-Смирнова, 1997 и др.) Аналитики дискурса пытаются ответить на вопрос, почему история рассказывается именно так, как она рассказывается, каковы лингвистические и культурные ресурсы, на которых она строится, какие дискурсивные действия использует рассказчик для самопрезентации и убеждения слушателей. Основное отличие между версиями дискурс-анализа состоит в том, обращается ли исследователь к социокультурному контексту, выходящему за рамки непосредственной коммуникации, или пытается анализировать разговор лишь в рамках смыслов, которые имеют в виду сами его участники. В первом случае исследователи широко используют идеи постструктурализма и критических социальных теорий, во втором – в основном обращаются к тем философско-лингвистическим концепциям, в которых акцентируется прагматический аспект языка (например, к теории речевых актов).

В целом можно сказать, что сторонники дискурс-анализа понимают реальность как то, что конструируется посредством дискурсивных практик (онтология конструкционизма). Психические явления и феномены исследуются ими не как нечто «естественно данное», но как конструкции в устной и письменной речи индивидуумов. При этом сторонники одних версий дискурс-анализа (Дж. Поттер, М. Уезерелл и др.) большое значение придают широкому культурным ресурсам, которые используются людьми для придания смысла вещам и событиям; цель дискурс-анализа в этом случае состоит в раскрытии этих культурных ресурсов – интерпретативных репертуаров, идеологических дилемм и т. п. Сторонники же других версий дискурс-анализа (прежде всего сторонники анализа разговора (*conversational analysis*) – Э. Щеглов, Х. Сакс и др.) фокусируются на актуальном течении разговора; соответственно, цель анализа состоит в выявлении, как конструируются смыслы в ходе непосредственного взаимодействия.

Эпистемологическая позиция исследователя в дискурс-аналитических подходах тоже зависит от типа дискурс-анализа. В некоторых его версиях исследователь открыто занимает интерпретативную позицию, рефлекслируя свой вклад в получаемые результаты. В других версиях исследователи настаивают на описательном эмпирическом анализе, полагая, что у разговора есть «первичная реальность» – смыслы, вкладываемые в реплики и коммуникативные ходы самими участниками коммуникации (см. полемику между Э. Щегловым и М. Уезерелл в: *Schegloff, 1997, 1998; Wetherell, 1998*). Можно сказать, что в дискурс-аналитических подходах наблюдается тот же кон-

фликт между интерпретивизмом и эмпиризмом, что и в других областях социо-гуманитарной методологии. К примеру, Э. Щеглов склоняется к позиции эмпиризма, объявляя объектом интереса мир конкретных участников взаимодействия, воплощенный и выраженный в их поведении и обращении друг к другу (*Schegloff, 1997; 1998*). А, скажем, М. Биллиг (*Billig, 1999*) и М. Уезерелл (*Wetherell, 1998*) занимают позицию интерпретивизма и критикуют Щеглова за его «наивную эпистемологию», основанную, по их мнению, на вере, что факты могут говорить сами за себя и можно понять, что сообщают респонденты, не прибегая к собственной интерпретативной активности.

Различия в эпистемологической позиции приводят и к различиям в методологии. Описательные варианты дискурсивного анализа (анализ разговора Э. Щеглова, например) предполагают скрупулезное исследование коммуникативных ходов, цель которого – «ухватить» смыслы, вкладываемые в свои действия участниками разговора. Сторонники данного типа анализа особо подчеркивают, что академическое исследование значения разговорного «текста» может (и должно) быть обосновано эмпирически, а это, в свою очередь, дает возможность ограничить академический и теоретический «империализм», свойственный научному сообществу, озабоченному «продвижением интеллектуальных идей вне зависимости от того, насколько они адекватны для самих участников диалога» (*Schegloff, 1997, p. 165*). Сторонники интерпретативных версий дискурс-анализа, напротив, показывают, что делать упор на непосредственные интеракции опасно, поскольку в этом случае неотрафлексированной остается собственная идеологическая позиция. С точки зрения интерпретивистов (М. Биллига, М. Уезерелл и др.), адекватный анализ должен схватывать и ту дискурсивную «изнанку», которая организует и делает возможными ориентации людей. Впрочем, по нашему мнению, представители интерпретативного дискурс-анализа отнюдь не игнорируют контекст непосредственного взаимодействия: скорее, они пытаются занимать интегративную позицию, т. е. учитывать как более широкие дискурсы, организующие коммуникацию, так и собственную активность ее участников. Выявляемые ими интерпретативные репертуары представляют собой не только культурные ресурсы, но и строительные блоки разговорной речи, активно используемые участниками коммуникации для достижения собственных целей. Цель интерпретативного дискурс-анализа состоит в том, чтобы выявить интерпретативные репертуары «в работе», в процессе их непосредственного выбора и использования. В этом случае анализ включает в себя выделение тем, общих мест и тропов, их кодирование и затем интерпретативное «собрание» их в смысловые кластеры, а также отслеживание роли, которую играют подобные смысловые блоки в процессе непосредственного взаимодействия с собеседниками.

Общая характеристика критических подходов

Если метацель «понимающих» подходов – понимание и интерпретация различных сторон жизненного мира исследуемых людей, то метацель кри-

тических подходов – освобождение (эмансипация) и социальные изменения в сторону большей демократии. Философскими основаниями критических подходов являются, главным образом, идеи социального конструкционизма, постструктурализма и критических социальных теорий, причем из последних наибольшее влияние на психологию оказали критический подход М. Фуко и проекты модифицированной критики идеологии (в частности, феминистская критика патриархальной идеологии).

Если говорить о подходе М. Фуко, то, пожалуй, можно выделить две важнейшие идеи, которые были взяты на вооружение сторонниками критических исследований в психологии (во 2-й главе, в связи с обсуждением проекта критического мышления в социогуманитарных науках, взгляды Фуко будут разбираться более подробно). Во-первых, Фуко дает новое понимание исторического вопрошания, которое позволяет раскрыть условия возможности тех или иных «истин», увидеть, как оказался возможен порядок того или иного дискурса, тех или иных само собой разумеющихся представлений. В качестве методологической программы Фуко предлагает исследовать исторические априори, упорядочивающие знаки до их индивидуального воспроизведения (интересное продолжение подобного рода критических исследований непосредственно в психологии см., к примеру, в: *Blackman*, 1994). Вторая идея Фуко, на которую стоит обратить особое внимание в связи с критическим подходом в психологии, – это представления о дисциплинарном характере современной власти и «знании-власти»: Фуко показывает, что ряд дискурсивных систем (к их числу принадлежит и психология) являются не только системами значения, но и формами практической рациональности, благодаря которым человеческий мир становится знаемым, чтобы быть управляемым. Такого рода дискурсивные системы устанавливают границы так называемого «нормального» субъекта и тем самым вносят свой вклад в регуляцию «чуждости», «другости» человеческого поведения (пример применения этих идей Фуко для критического исследования феномена школьной травли см. в: *Heppburn*, 1997).

Из модифицированной критики идеологии сторонники критических исследований в психологии заимствуют идею, что за системами значений стоят интересы определенных групп. Любые системы значений являются идеологическими искажениями – в большей или меньшей степени, и задача исследования – вскрыть эти искажения, вскрыть доминацию, скрытую за формами говорения, чтобы освободить альтернативные значения.

В онтологическом плане сторонники критических подходов делают акцент на том, что «реальность», с которой они имеют дело, представлена конфигурациями смыслов, всегда в какой-то мере случайными: они лишь результат закрепления значений в результате ряда социальных и исторических процессов. Поскольку не бывает полной стабилизации значений, последние могут быть изменены.

В критических подходах исследователь занимает отстраненную позицию, позволяющую ему «ухватить», что стоит за определенными конфи-

гурациями значений. Культивируется рефлексивная позиция в отношении собственных ценностей исследователя. А в качестве высших ценностей провозглашаются свобода и равенство: согласно критическим исследователям, если мы определим силы, контролируемые наши способы определения себя, мы станем более свободными и сможем противостоять различным силам, дискриминирующим те или иные группы людей.

Методологический план критических исследований зачастую включает в себя «вскрывающие» интерпретативные техники. В подобного рода исследованиях могут использоваться конденсация смысла и тематический анализ (как в случае феноменологического и герменевтического подходов), систематизированное кодирование и стратегии теоретической выборки (как в подходе обоснованной теории), различные варианты критического дискурс-анализа. Понятно, что использование названных техник будет несколько отличаться от их применения в рамках «понимающих» подходов, поскольку в критических исследованиях они оказываются подчинены особой ценностной позиции исследователя.

Итак, качественные исследования представляют собой достаточно разнородное исследовательское поле, которое включает в себя ряд отличающихся друг от друга концептуальных подходов. Безусловно, у всех этих подходов есть значимые сходства, что и позволяет относить их к одной области качественной исследовательской методологии. Вместе с тем качественные подходы опираются на отличные друг от друга философские мировоззрения, которые, в конечном счете, и определяют специфику каждого из подходов. Соответственно помимо общих принципов контроля научного качества исследований, выполненных в рамках качественной методологии, мы должны иметь в виду и возможные различия в правилах выполнения исследований, ориентированных на различные качественные подходы (об общих принципах проведения качественных исследований и их преломлении в рамках различных подходов речь пойдет в следующих главах).

Глава 2

Качественные исследования в контексте современных представлений о научной рациональности

Отношение к качественным исследованиям в социальных науках, в том числе в психологии, сегодня двойственное. С одной стороны, можно наблюдать значительный интерес к ним со стороны различных представителей социального знания. Увеличивается количество книг, журналов и конференций по вопросам качественных исследований. Уже опубликовано немало междисциплинарных работ; в последние десятилетия появились специализированные журналы, посвященные качественным исследовани-

ям (например, «Qualitative Sociology», издающийся с 1978 г., «Qualitative Studies in Education» – с 1988 г., «Qualitative Health Research» – с 1991 г., «Qualitative Inquiry» – с 1995 г.). Событием для русскоязычного читателя можно назвать выход перевода книги датского исследователя Стейнара Квале «Исследовательское интервью» (М.: Смысл, 2003; переиздана в 2009 г.), в предисловии к которой Д.А. Леонтьев называет ее книгой XXI века.

С другой стороны, несмотря на увеличивающийся интерес к качественным исследованиям, они по-прежнему остаются маргинальной областью. И особенно это касается, увы, психологии. Если в социологии научное исследование, выполненное на основе качественного подхода, уже практически обрело общепризнанный научный статус, то для многих психологов, воспитанных в традиции методов математической статистики, качественное исследование выглядит по-прежнему ненаучным. Качественные исследования обвиняют в том, что полученные с их помощью знания нерепрезентативны, ненадежны и невалидны: нерепрезентативны – поскольку в исследовании, основанном на качественном анализе, как правило, участвует малое количество респондентов и, следовательно, обобщать получаемые таким образом данные очень сомнительно, – это своего рода личный произвол исследователя; ненадежны – поскольку опять-таки слишком сильное влияние исследователя делает невозможным получение стабильных, устойчивых результатов; и, наконец, невалидны – поскольку невозможно контролировать субъективность того, кто проводит исследование.

Итак, субъективный произвол исследователя – вот основной упрек, который выдвигают в адрес качественного подхода. Если, как зачастую представляется, в случае количественного эмпирического исследования объективность до известной степени гарантирована самим применением строгих математических методов, позволяющих избежать случайных выводов (ведь выдвигаемая исследователем экспериментальная гипотеза может быть принята лишь тогда, когда полученные в результате проведенного исследования данные статистически значимы), то в случае качественного исследования, не предполагающего по определению применения методов математической оценки значимости результатов, критерии, что принять за истинное знание, просто отсутствуют – исследователь в своих выводах может творить все, что угодно. Одна из наиболее частых логических ошибок, которая подстерегает на этом пути, – использование квантора всеобщности вместо квантора существования, т. е. такие сверхобобщения, когда утверждения типа «некоторые объекты обладают данным качеством X» заменяются утверждениями типа «качество X присуще всем объектам». Например, в подобных логических грехах обвиняют З. Фрейда, который, встречаясь с сексуальной символикой некоторых сновидений у некоторых из своих пациентов, делал вывод, что сновидение вообще носит преимущественно сексуальный характер.

С одной стороны, опасность субъективизма в качественном исследовании действительно высока. Но с другой, гарантирован ли нам контроль

над нею в количественных исследованиях и не сталкиваемся ли мы в случае строгих экспериментальных методов с похожими проблемами? Ведь, в сущности, какое бы исследование мы ни проводили – качественное или количественное, – оно потребует от исследователя интерпретации, обоснования и обобщения полученных результатов, поскольку ни слова, ни цифры не говорят сами за себя. Однако вовсе не случайно, что именно качественный подход побудил психологов к острому обсуждению вопросов, связанных с интерпретативной валидностью исследования: психологи склонны слишком доверять математическим процедурам, полагая, что сама математика гарантирует универсальный метод верного индуктивного вывода (как, например, в случае широко распространенной практики проверки статистических гипотез) и, следовательно, ее применение и является мерилем научности. Безусловно, проблема кроется не в самих математических процедурах и той логике, которая за ними стоит, а в стремлении психологов выйти в исследовании на уровень автоматического алгоритма, что, как нам кажется, и предохраняет нас (до известной степени, конечно) от субъективности исследовательского взгляда. Происходит как бы своеобразный сдвиг ответственности с себя на метод, но, на самом деле, то, что мы в итоге имеем на выходе, – лишь ряд курьезов и неверное понимание самих статистических процедур. Ниже мы попытаемся показать это на примере стандартной процедуры доказательства значимости экспериментального эффекта путем проверки статистических гипотез, в последние десятилетия неоднократно подвергавшейся критике в соответствующей литературе.

Любые претензии к научности предъявляются с позиции некоторого имплицитно принимаемого образа, что нужно считать наукой. Можно предположить, что критика в адрес качественной методологии исследования в психологии ведется в основном с позиции позитивизма, а это та философия науки, которая сама на протяжении XX века (особенно второй его половины) оказывалась предметом серьезной критики – как со стороны постпозитивистской философии науки, так и со стороны методологии социогуманитарных наук. Многие постулаты позитивизма сегодня можно считать преодоленными – например, «экзогенную» концепцию знания, согласно которой научное знание базируется на твердых эмпирических фактах, независимых от теории и имеющих самостоятельное значение, а теории принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдерживать проверку эмпирическим опытом. Другие до сих пор играют важнейшую роль в понимании статуса научного знания – например, акцент на каузальном объяснении в его противоположности телеологическому пониманию: можно сказать, что дискуссия между сторонниками «объяснения» и «понимания» в социальных науках до сих пор имеет место.

Для ответа на вопрос о научной значимости той или иной методологии исследования и предложения возможных критериев ее оценки необходимо некоторое погружение в область современных дискуссий, касающихся при-

роды научной рациональности. В данной главе мы попытаемся дать общее представление, что происходит сегодня в философии науки в целом и методологии социогуманитарных наук в частности и как в этом контексте определяет себя психология.

«Позитивистское перенапряжение» психологии

Оценка научного статуса как методологий, так и получаемого с их помощью знания всегда ведется с позиции некоторого имплицитно принимаемого образа, что нужно считать наукой. Многие авторы (*Юревич, 2001; Янчук, 2000; Bickhard, 1992; Weimer, 1976; и др.*) полагают, что психология до сих пор ориентируется на позитивистский образ науки. Причем этот образ настолько доминирует в психологических исследованиях, что можно говорить о свойственном психологии «позитивистском перенапряжении» (*Юревич, 2001*).

Сам термин «позитивистский» применительно к психологическим исследованиям давно уже стал затертым, однако смысл его по-прежнему не до конца ясен. Насколько тот образ научности, на который ориентируются психологи, согласуется с философской традицией позитивизма? На наш взгляд, применительно к методологическим традициям в психологии необходимо различать общую позицию «единой науки», выражаемую позитивизмом и близкими ему движениями (именно ее мы имели в виду, когда говорили о философских основаниях позитивистской методологии исследования в психологии), и некоторую «доктрину» позитивизма, принятую в психологии в качестве стандарта научности. Последняя, пожалуй, наследует ряд принципов философии позитивизма (как классического позитивизма XIX века, так и более современных его вариантов), но в целом является результатом достаточного свободного перевода этих принципов на область практики психологических исследований. Критика научности качественной исследовательской методологии может вестись как с позиции общей ориентации на идею «единой науки», так и с позиции имплицитно принимаемой позитивистской «доктрины» научности. В 1-й главе мы показали, что существует альтернативная идее «единой науки» традиция обоснования знания, которую и можно мыслить в качестве основания качественной методологии. В этом смысле критику в адрес качественной методологии, ведущуюся с позиции идеи «единой науки» и предполагаемых ею предпосылок, можно считать в некотором смысле нерелевантной самому критикуемому предмету. В следующих разделах данной главы мы попытаемся дать обоснование научного статуса качественной методологии исследования, ориентируясь на адекватные для нее основания.

Что касается позитивистской «доктрины» научности, принимаемой психологами, то, по нашему мнению, многие ее постулаты должны быть подвергнуты критическому пересмотру. Согласно ряду авторов (*Bickhard, 1992; Dar, 1987; Kukla, 1989 и др.*), психология до сих пор остается под влиянием мифологем (позитивистских по духу), которые современной фи-

лософией науки признаны ошибочными. Некоторые мифологемы, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к невысокой оценке научного статуса качественной методологии.

В частности, одну из таких мифологем, определяющих мышление психологов, М. Бикхард (*Bickhard, 1992*) формулирует следующим образом: научны только те понятия, которые можно операционализировать (от себя добавим – операционализировать так, чтобы их возможно было измерять). В самом деле, в психологии существует требование давать операциональные дефиниции, т. е. определять понятия таким образом, чтобы по отношению к ним были возможны операции измерения признаков, которые выражены в понятии (*Андреева, 2007*). Мы согласны, что в основном требования операциональных дефиниций в психологии предъявляются очень осторожно и что тот тип операционализма, который утвердился в психологии, как правило, означает лишь требование четкой конкретизации методов измерения или наблюдения (*Rogers, 1989*). Однако М. Бикхард (*Bickhard, 1992*) убедительно показывает, что даже в таком весьма осторожном смысле акцент на операционализациях таит в себе немалую опасность, поскольку укрепляет миф о способности операциональных дефиниций порождать и конкретизировать значения. К тому же в психологии не столь уж редки ситуации, когда исследователи изначально мыслят проблему в эмпирической плоскости: что именно можно посмотреть при помощи имеющихся психологических методик и какие связи между операционализированными переменными возможно обнаружить. При этом роль теоретических значений (как и концептов обыденного языка) либо неверно понимается, либо вообще игнорируется. Процедуры измерения приобретают независимость от порождающих их теоретических допущений, и вообще создается иллюзия, что мы можем достичь ясности чего бы то ни было путем поиска эмпирических взаимосвязей.

Качественная методология, как правило, нацелена на исследование тех смыслов, которые вкладывают в свой опыт сами исследуемые, поэтому чаще всего собственно процедур операционализации она не предполагает. Но на фоне требования операциональных дефиниций такая исследовательская практика выглядит ненаучной. Однако если к требованию операционализации понятий как мерилу научности мы подходим с осторожностью, то практика качественных исследований с ее нарушением этого требования начинает выглядеть по-другому.

Еще одно близкое к мифологемам представление, бытующее в психологии, состоит в том, что научное исследование обязательно должно включать в себя формулирование гипотез и их последующую проверку. В частности, Г.М. Андреева (2007) подчеркивает, что в социальной психологии выдвижение гипотезы и разработка точного инструментария, позволяющего ее проверить, является самым главным компонентом, определяющим научность исследования. Надо сказать, что выдвижение гипотез и последующее сравнение предполагаемого с фактически существующим, по-видимому,

является одним из базовых когнитивных механизмов получения знания вообще (Лоренц, 1998). В приведенном утверждении об обязательности выдвижения гипотез смущает именно необходимость их четкой формулировки в начале исследования (поскольку далее в самом процессе исследования гипотетические предположения постоянно выдвигаются; они проверяются на фактическом материале, уточняются по ходу исследования и т. д.). Известно, что сама исследовательская практика постоянно нарушает это требование и в реальности гипотезы нередко формулируются *post factum*. Однако представление исследования должно быть таким, чтобы создавалось впечатление, будто в самом начале была выдвинута гипотеза и все исследование было подчинено ее проверке.

Для многих качественных исследований такое требование губительно именно потому, что эти исследования носят «открытый» характер и направлены не на проверку изначально сформулированных гипотез, выдвигаемых на основе теоретической модели, а на индуктивные обобщения и формулирование гипотетического утверждения об особенностях какого-либо явления (уже после проведения исследования). Можно сказать, что в случае индуктивного исследования, каким обычно являются исследования, выполненные в рамках качественной методологии, формулирование гипотезы «на входе» «закрывает» исследование, по сути, не позволяя ему состояться.

Безусловно, если требование выдвижения и проверки гипотез является мерилем научности, то качественная исследовательская методология, сопротивляющаяся этому требованию, ненаучна. Однако наука включает в себя не только практику построения объясняющих моделей и теорий и их последующую проверку. Истории науки известны случаи появления феноменов, так сказать, из эмпирического «поля» – феноменов, обладающих научным интересом, для которых объясняющей их теории пока не создано. В физике, например, к таким случаям можно отнести открытие радиоактивности и атомного излучения. Таким образом, «открытые» исследования индуктивного типа тоже играют в науке немалую роль.

Заметим, что в психологии огромное значение уделяется проблеме точности метода. Транслируемая в рамках курсов по экспериментальной психологии и соответствующих практикумов схема исследования выглядит примерно следующим образом: некоторые теоретические положения → выводимые из них гипотезы, которые нужно подвергнуть эмпирической проверке, → операционализация понятий → планирование исследования (создание экспериментальной ситуации, выбор инструментария, формирование выборки) → проведение исследования → статистическая обработка результатов → выводы о возможности принятия или отвержения экспериментальной гипотезы. Во всех методологических руководствах первостепенная роль отводится вопросам всевозможных искажений, привносимых исследователем в экспериментальную ситуацию, контролю переменных, статистическим критериям и процедурам и т. п. Безусловно, вопросы, связанные с точ-

ностью метода и строгостью приемов верификации, очень значимы, но все-таки это вопросы «второго плана». Как справедливо замечает С.А. Белановский (2001), излишний акцент на технической стороне дела уводит от понимания сути научных исследований, важнейшая составляющая которых – качественное понимание исследуемых проблем. И надо сказать, что как раз в качественной методологии исследования методоцентризм психологических исследований подвергается обоснованной критике; и в ней же подчеркивается необходимость поддерживать связь метода с более широким познавательным (теретическим, ценностным, культурным) контекстом, который и придает смысл и обоснование исследовательскому процессу.

В связи с методоцентризмом эмпирической психологии обратим внимание еще на одно представление, по нашему мнению, близкое к мифологемам, но, тем не менее, мешающее адекватно оценивать научный статус качественной исследовательской методологии, – это представление, что максимальная стандартизация процедур повышает научную строгость исследования (именно потому, что позволяет нивелировать личностную включенность исследователя). Надо сказать, что стремление психологов к выработке единых алгоритмов исследования, позволяющих будто бы «обойти» личность исследователя, приводит к целому ряду курьезов. И, пожалуй, самый показательный пример такого рода – широкое распространение в психологии доказательства экспериментального эффекта путем применения стандартной («на все случаи») процедуры статистической проверки гипотез. В последние десятилетия логические основания и выводы подобной процедуры были постоянным объектом критики (Cohen, 1990; Falk, Greenbaum, 1995; Gigerenzer, Murray, 1987 и др.). Очень коротко суть критики можно выразить следующим образом.

Процедура отклонения нулевой гипотезы напоминает отвержение антецедента путем отрицания консеквента (валидный вывод *modus tollens* в дедуктивной логике). Иными словами, формальная процедура проверки статистических гипотез такая же, как в случае доказательства через противоречие, которое математики называют также «*reductio ad absurdum*»: в данном методе мы допускаем, что противоположное доказываемому факту (в нашем случае H_0) истинно, и затем демонстрируем, что это допущение (H_0) ведет к абсурду (значимому результату). То, что является абсурдом в практике доказательства через противоречие в дедуктивной логике, в области статистического вывода замещается малой вероятностью получения значимого результата, а абсолютное опровержение пропозиции в первом случае – статистическим отвержением H_0 во втором. Однако беда в том, что перенесение дедуктивной логики в область выводов в условиях неопределенности в ряде случаев ошибочно. Хотя логический и вероятностный типы мышления в некотором смысле комплементарны друг другу, статистический вывод нельзя считать лишь слабой формой логического доказательства – они представляют собой системы, подчиняющиеся разным правилам. Если полученные

нами данные таковы, что их вероятность при условии H_0 низка, это, к сожалению, не означает, что вероятность H_0 при этом также низка, что гарантировало бы нам ее уверенное отвержение. Вероятность H_0 в этом случае может быть достаточно высока, о чем свидетельствует ряд примеров. В частности, Р. Фальк и Ч. Гринбаум (*Falk, Greenbaum, 1995*) приводят пример большого расхождения между вероятностью появления ребенка без синдрома Дауна (H_0) при условии положительных (т. е. говорящих в пользу наличия синдрома Дауна у плода) результатов соответствующего перинатального теста и вероятностью положительных результатов теста в случае здорового ребенка: первая на несколько порядков выше второй. Можно предположить, что такая картина имеет место в силу редкости самого заболевания (т. е. в силу априори высокой вероятности H_0). В случае же экспериментальных исследований в психологии мы, как правило, имеем дело с обратной картиной – с априори низкой вероятностью H_0 (во всяком случае, мы очень хотим, чтобы она была низкой). Однако наличие хотя бы одного контрпримера способно дискредитировать логику проверки значимости. Вопрос, насколько часты сами ситуации, в которых изначально предполагается высокая вероятность H_0 , не столь важен, поскольку даже малая возможность ошибки делает вывод об отклонении недействительным.

Можно задать вопрос: а какова альтернатива? Если под альтернативой понимать другую единую процедуру, которая замещала бы привычный ритуал, то такой альтернативы, по-видимому, нет. Как говорит Дж. Коген, «королевской дороги к статистической индукции не существует» (цит. по: *Falk, Greenbaum, 1995*, р. 92). В некоторых случаях очень убедительным может быть графическое и процентное представление данных, выражающих тенденции и различия наиболее простым путем. Разумным средством удостоверения надежности исследовательских результатов могут быть повторные эксперименты. В области исследований психотерапии используются экспериментальные планы индивидуальных случаев, основанные на высоком уровне контроля над переменными: для каждого индивидуального случая проводятся сравнения проб в обычных условиях и в условиях терапии; обычно различия очевидны, а каждый случай при этом можно рассматривать как воспроизведение экспериментальных результатов. Кроме того, рядом авторов предложены математические приемы альтернативного анализа (примеры см.: *Falk, Greenbaum, 1995; Gigerenzer, Murray, 1987*).

В психологии есть примеры хорошо построенных исследований, в которых не применяются никакие проверки значимости (исследования Пиаже, Бартлетта, Милгрэма и др.; пример из исследований отечественных авторов – *Зарецкий, 1991*). Вообще, по-видимому, чтобы исследование было «научным», нам не нужно искать рецептов, которые механически подошли бы к любому случаю. Альтернатив нет; надо исследовать каждую проблемную ситуацию и упражняться в том, что западные авторы называют «осознанной оценкой». А это требует глубокого личностного включения

исследователя в ситуацию, взвешивания всех «за» и «против» и принятия обоснованного решения в каждом конкретном случае, независимо от того, используем мы при этом математические процедуры обоснования или нет.

Исследования, выполненные в рамках качественной методологии, выглядят ненаучными на фоне акцента на точности метода, а также требований стандартизации процедур и статистического обоснования достоверности. Однако, как можно видеть, за самими подобными требованиями стоит весьма механистический образ науки.

Итак, доминирующая в психологии позитивистская доктрина научности приводит к обесцениванию научного потенциала качественной методологии. Но мы попытались показать, что сама эта доктрина включает в себя немало механистических представлений о науке и даже мифологем. На наш взгляд, проблема научного статуса исследовательских методологий в психологии должна быть продумана в контексте современных представлений о научной рациональности.

Конструктивистские тенденции в современной философии науки и качественная исследовательская методология

Эмпирическая психология ориентируется на идею объективистского познания, в котором большое значение придается опоре на строгий фундамент фактов. Между тем в XX веке сама возможность такого объективного знания, которое опирается прежде всего на данные опыта, была поставлена под сомнение. Как пишет Д. Полкинхорн (*Polkinghorne, 1989*), вся методология науки XX века – это история постепенного разрушения веры в возможность объективного знания, отражающего реальность такой, какая она есть. В самом деле, уже У. Куайн, ученик Р. Карнапа – одного из виднейших представителей Венского кружка, – в своем знаменитом эссе «Две догмы эмпиризма», написанном в 1940-е годы, систематически развил мысль, что вся совокупность нашего знания (от гуманитарных наук до математики и логики) есть «человеческая конструкция, которая соприкасается с опытом только по краям» (цит. по: *Tschudi, 1989*, р. 125). Даже в наиболее универсалистских концепциях научной рациональности, в которых речь идет о возможных универсальных критериях научного знания (см., напр.: *Лакатос, 2003*), показано, что наука представляет собой сложные концептуальные построения, которые не могут быть автоматически разбиты эмпирическими фактами.

Во второй половине XX века весьма распространенным стало представление, что все эмпирические методы трансформируют феномены в удобные для анализа данные путем определенной «фильтрации» их через понятийные экраны, имплицитно присутствующие самим методом. «Даже если некоторая понятийная система является отражением реальности, как понятийная система (т. е. по своей природе) она представляет собой отбор реальности, а потому выполняет функцию отклонения от реальности» (*Burke, 1966*,

р. 45). И квантификация в этом смысле не является исключением (хотя институционально поддерживается мнение, что именно она выступает в качестве индикатора научности). Кроме того, борьба за «объективность данных» возможна лишь тогда, когда имеет место культурный процесс создания термина («объективности»), породивший поле, внутри которого именно противопоставление объективного/необъективного организует человеческие действия по отношению к реальности (*Ibid.*).

В XX веке новое звучание приобрела проблема соотношения языка и реальности, волновавшая еще средневековых схоластов и принимавшая в то время форму спора реалистов с номиналистами. Являются ли понятия, а также универсальные суждения и законы, к формулированию которых стремится научное знание, отражением в человеческом сознании неких «универсалий» мира, или они представляют собой ментальные конструкции, проецируемые в мир и хотя и не описывающие нечто реально существующее, тем не менее служащие инструментом для успешных предсказаний и действий? Вторая половина XX века отмечена так называемым «лингвистическим поворотом» в философии, в том числе в философии науки. Основными его источниками стали идеи позднего Л. Витгенштейна (1994в)², связавшего значения слов с социальными практиками, и Ф. де Соссюра, продемонстрировавшего, что значения определяются внутренними взаимосвязями в самой системе языка. В последние десятилетия появилось значительное количество работ, уделяющих внимание тому, как концептуализация опыта детерминруется лингвистическими практиками, системами дискурса и риторическими стратегиями. До какой степени наше восприятие мира опосредовано или даже обусловлено языком; можем ли мы сегодня говорить, что язык отражает реальность, существующую независимо от него; до какой степени мы находимся в границах «текстуальности», закрывающей нам прямой доступ к

² Концепция раннего Витгенштейна (1994а), в которой дано представление об универсальном логическом языке, формирующем совокупность всех осмысленных предложений, и в которой отношение между языком и опытом представлено как отношение репрезентации благодаря логическому соответствию или изоморфическому подобию структуры языка структуре фактического восприятия мира, была взята на вооружение членами Венского кружка. Однако сегодня, пожалуй, она интересна не тем, что подпитывала собой программу логического позитивизма. Как показали В. ван дер Мерве и П. Вёстерманс (*Merwe van der, Voestermans*, 1995), Витгенштейн в «Логико-философском трактате» создал самоотрицающую концепцию и сам это понимал: если логическая грамматика языка требует, чтобы пропозициональное содержание осмысленных предложений представляло собой логические картины возможных чувственных фактов, и только это, то сама по себе артикуляция и обоснование такого понимания языка лишены смысла, поскольку не могут быть верифицированы отсылкой к возможным чувственным фактам. Иными словами, конструкция Витгенштейна не отвечала им же созданному критерию осмысленности. И открытие этого противоречия, ставшее возможным благодаря доведению до логического конца допущений предшествующей философии, – гениальный вклад Витгенштейна в понимание отношений между языком и опытом. По словам упомянутых исследователей, уже в ранних работах Витгенштейн закрыл огромную книгу исторической наивности, показав, что функция языка не может быть сведена к репрезентации (*Ibid.*).

миру и привязывающей нас к нескончаемой, неразрешимой и напоминающей игру интерпретации «реальностей», которые мы «конструируем» и «деконструируем» посредством дискурса, – все это центральные вопросы сегодняшних дискуссий в философии и методологии науки.

Наиболее радикальные антиреалистические взгляды на характер связи языка и опыта высказывали в конце XX века представители движения социального конструкционизма (см., напр.: *Гилберт, Малкей*, 1987; *Джерджен*, 1995; 2003; *Харре*, 1992 и др.). С точки зрения указанных авторов, научные факты – это социальные конструкции, созданные практикой и взаимодействием ученых и не имеющие самостоятельного значения вне этой деятельности. В социоконструкционистских исследованиях науки предпринимались попытки раскрыть, как именно (при помощи каких речевых актов) конструируется научная истина, как идет процесс коллективного производства знания в коммуникативных практиках, какие грамматические особенности языка ученых создают претензии на фактическую точность и достоверность и т. п.

Ряд особенностей современной ситуации познания (понимание активной роли познающего в процессе конструирования знания, осознание обусловленности восприятия «фактов» теоретическими и методологическими схемами исследователя, рефлексия над языковыми и социальными детерминантами научного познания и др.) позволяет современным философам науки говорить, что на смену классической рациональности «констатирующего сознания» пришла неклассическая рациональность «проектно-конструктивного сознания». Реальностью, с которой имеет дело проектно-конструктивное сознание, является не наличное бытие, независимое от познающего субъекта, а проблемная ситуация, которая включает в себя исследователя и которую он сам, в определенном смысле, создает, конструирует – посредством языка и деятельности (*Швырев*, 2004).

В 1-й главе мы указали, что сторонники качественных исследований значительное внимание уделяют идее знания как конструкции. Вообще конструктивистские ориентации и «конструктивистская парадигма» играют важную роль в развитии области качественных исследований (*Улановский*, 2005; *Denzin, Lincoln*, 2005). Однако, по нашему мнению, хотя конструктивистские тенденции стали занимать важное место в представлениях о научной рациональности, именно с ориентацией на радикальные версии конструктивистского образа науки, которые характерны подчас для сторонников качественной методологии, связаны многие сложности, имеющие отношение к легитимации ее научного статуса. «Конструктивистская парадигма», на которую ориентируется качественная методология, влечет за собой серьезную проблему неясности критериев оценки истинности знания.

Отчасти ответом на эту проблему стало наблюдающееся в последнее время в философии науки переосмысление радикального конструктивистского образа науки. В частности, сегодня предпринимаются активные попытки примирить идеи конструирования знания с классическими представ-

лениями о познании объективной реальности – вернуть статус «факта», заново осмыслить ту «реальность», которая имеет внедискурсивную природу и инвестирует те или иные дискурсы, и т. д. Безусловно, это не возврат к классическим концепциям знания, а, скорее, стремление сохранить достижения западной рациональной традиции, учитывая тот критический вызов, который принесла с собой эпоха постмодерна. В философии науки сейчас все большую популярность приобретают так называемые «реляционные онтологии» (от англ. *relation* – отношение, связь, зависимость), «симметричные подходы» и т. п. (Ламур, 2003; Райдер, 2005; Столярова, 2003). В них предлагается возможность примирения реалистической и конструктивистской позиций – к примеру, на основе модели, выраженной в экосистеме (согласно этой модели, свойства каждого элемента определяются природой, в которой он находится во взаимосвязи с другими элементами независимо от человека; но человек, вступая в ситуацию, становится одним из составляющих ситуации и может различными путями влиять на естественное определение прочих составляющих; см.: Райдер, 2005). Тем самым, меняется сама онтология рациональности: преодолевается классическая диспозиция субъекта-объекта, и предметом рационального сознания становится взаимоотношение субъекта с реальностью (Швырев, 2004). Однако следует заметить, что реальность мыслится не в качестве конструкции, но, скорее, как «открытое произведение», которое хотя и несет в себе призыв к свободе истолкования, тем не менее, предполагает, как пишет У. Эко (2004), не хаос отношений, но правило, которое позволяет их организовать. Последнее соображение и дает возможность говорить, что эмпирический материал способен «программировать» определенные смыслы и типы отношения с ним.

Какое значение, в свете новых представлений, имеет для науки эмпирический факт? С конструктивистской позиции, «факты» всегда теоретически нагружены: то, что переживается как «факт», есть результат теоретической сетки значений и ожиданий, поскольку наблюдения зависят от теоретических и культурных схем, привносимых в ситуацию наблюдающим. Но в таком случае неужели вообще нет смысла говорить о возможности эмпирической проверки научных суждений? Безусловно, факты нельзя свести к базисным протокольным предложениям логического позитивизма – они всегда погружены в теоретическое поле значений. Однако сегодня нельзя сказать и того, что факты – это лишь конструкции, обусловленные сеткой представлений, привносимых в эмпирическое поле исследователем. В современной философии науки отрефлектировано различие между интерпретацией-описанием и интерпретацией-объяснением в структуре теоретической интерпретации эмпирических данных (Мамчур, 1999): первая невозможна без системы привносимых исследователем представлений (дотеоретических и теоретических), однако вполне возможно предположить, что эта система отлична от проверяемой теории, иными словами, она представлена материалом, не зависимым от нее. В таком случае эмпи-

рический критерий вполне может выступить в качестве парадигмально независимого. В области качественных исследований эмпирическим базисом, к которому апеллирует исследователь, делая выбор между конкурирующими интерпретациями, могут быть наиболее очевидные смыслы текста (или смыслы, «программируемые» текстом).

Помимо нового обоснования эмпирического критерия, обратим внимание еще на две темы, тесно связанные с обсуждением путей решения проблемы релятивизма, весьма обострившейся в контексте постмодернистского кризиса объективности. Первая тема имеет отношение к рефлексии коммуникативной составляющей научного знания, вторая – к осмыслению его социокультурной обусловленности.

Науку невозможно представлять в виде лишь совокупности объективированных значений: как замечает Ю. Хабермас (2001), научное знание не только повествует, как существует мир, но и повествует об этом определенным образом – так, что смысл повествования оказывается доступным для понимания членами сообщества. Р. Рорти приводит крайний случай: «Даже если бы мы могли предсказать, какие звуки будет издавать сообщество исследователей в 4000-м году, мы все же были бы не в состоянии поучаствовать в их разговоре» (цит. по: Хабермас, 2001, с. 38). Таким образом, согласно современным коммуникативно-семиотическим взглядам на науку, научное знание всегда имеет отношение к перформативному модусу языкового употребления и существует в процессе коммуникации (Знаков, 1994).

Признание коммуникативных аспектов научного знания открывает новый ракурс в рассмотрении проблемы истины (и связанной с ней проблемы валидности исследования): в определение истинности утверждений включается диалог между теми, кто волен принимать решения; истина теперь может мыслиться лишь как претензия на истинность, обосновываемая в процессе дискурса («рационально мотивированный консенсус» в концепции Ю. Хабермаса, полемический характер интерпретации в представлениях П. Рикера, размышления о «коммуникативной» и «прагматической валидности» у С. Квале и т. п.). В наиболее радикальных постмодернистских теориях, отрицающих любую возможность достижения знания о реальности как она есть, истина все-таки получает определенную долю универсальности (если вообще уместно говорить о «доле» универсальности), будучи осмысленной в координатах интересубъективного согласия.

Идеи о социокультурной обусловленности научного знания (Позер, 1996; Степин, 1996; Хьюбнер, 1994) также открывают новый ракурс в рассмотрении путей оценки истинности научных суждений. В контексте последовательного исторического подхода становится невозможным говорить о какой-либо рациональности вообще, о каких-либо раз навсегда данных правилах, позволяющих, в частности, оценивать статус тех или иных идей, методологий или исследовательских традиций (по отношению, например, к не-исторически понимаемому объекту исследования – сущности

человека). Тем не менее, большое значение имеет истина, соотносимая с задачами целостного «культурно-исторического ансамбля» (Хюбнер, 1994). Следуя логике Хюбнера, можно сказать, что рациональные решения рациональны в той степени, в какой они согласуются с насущными потребностями и задачами эпохи. Научные идеи и традиции можно и нужно оценивать с точки зрения их соответствия общему интеллектуальному и мировоззренческому контексту. Мы согласны с Х. Позером (1996), что спор между представителями научного сообщества нередко выходит за пределы самих концептуальных каркасов науки и становится спором на уровне имплицитных философий, мировоззрений, ценностных систем, когда в качестве основания аргументации предпосылается целостный взгляд на мир. В этих дискуссиях речь идет не о согласовании правил или их модификации, а о возможности нового глобального способа видения. В психологии, тесно связанной с ценностным контекстом, соотношение знания с горизонтом общего мировоззрения, хранящего в себе «мыслительные и деятельностные устремления эпохи», становится особенно актуальным. Сегодня все чаще речь идет о глобальном изменении мировидения, переживаемом современной культурой, о предпосылках новых ценностей и т. п. (Философия в современной культуре..., 2004). По сути, это и есть тот контекст, который задает основные «силовые линии» современных дискуссий об истине и с которым, в конечном счете, необходимо соотносить психологическое знание, вынося суждения на предмет его истинности.

Итак, во второй половине XX века стали наблюдаться значительные изменения в образе науки. Пересмотру подверглась реалистическая составляющая концепта объективности знания, на смену классической рациональности констатирующего сознания пришла рациональность проектно-конструктивного сознания. Методология качественных исследований стала ориентироваться преимущественно на альтернативный эмпирическому реализму конструктивистский образ науки. Однако хотя эмпирический образ науки, на который продолжает ориентироваться традиционная эмпирическая психология, действительно во многом потерял актуальность, заострение конструктивистских тенденций в качественной исследовательской методологии тоже не представляется нам наилучшим выбором. Сегодня философия науки предлагает модели научного познания, в которых удачно соединяются конструктивистские идеи с реалистической составляющей знания. Современный «постконструктивистский» образ науки представляется нам наиболее адекватным ориентиром для качественной методологии исследования в психологии: именно он позволяет заново осмыслить статус эмпирического факта и его роль в выборе конкурирующих интерпретаций.

Помимо переосмысления роли эмпирики в производстве психологического знания есть еще ряд вытекающих из современных представлений о природе научной рациональности методологических следствий, важных как для решения проблемы критериев оценки исследовательских тради-

ций в психологии, а также оценки знания, полученного с их помощью, так и для самого методологического оформления качественной традиции исследования. Попытки разрешить кризис объективности знания привели к поиску критериев истинности в ориентации на аргументативные практики интерпретативных сообществ: что есть истинное знание, решается в процессе дискурса. Понимание глубокой укорененности научного знания в социокультурной ситуации делает необходимым переосмысление концепции качества психологического исследования. Теперь речь должна идти о комплексной оценке качества исследования, которая предполагает как его «узко научную» оценку (согласно критериям эмпирической обоснованности и общелогическим критериям), так и оценку с точки зрения его включенности в более широкие социальные практики – насколько научное построение отвечает общекультурному (интеллектуальному) контексту, какое философское видение транслирует, и, наконец, что оно несет с собой с точки зрения «культурной полезности» и «культурного обогащения».

Обоснование достоверности знания в методологии гуманитарных наук

В 1-й главе нашего исследования подробно шла речь о том, что философским основанием качественной исследовательской методологии является традиция обоснования специфики гуманитарных наук. Соответственно для понимания статуса знания, получаемого в результате качественных исследований, мы полагаем необходимым обратиться к проблеме достоверности гуманитарного познания, как она решается в рамках обозначенной традиции.

Основной упрек, который звучит в адрес качественных исследований, состоит в том, что данные и результаты таких исследований трудно вывести в интерсубъективную плоскость, а потому в случае применения качественных методов остается под вопросом возможность получения универсально-значимых научных высказываний (Дружинин, 1994). Иными словами, качественные исследования, с этой точки зрения, субъективны; во всяком случае, их результаты напрямую зависят от субъективного понимания материала исследователем, так что получить стабильные, устойчивые результаты с их помощью невозможно.

Пожалуй, упрек в субъективности – основной из упреков, высказываемых в адрес всех «понимающих» методологий в целом. Однако высказывается он, как правило, с позиции «психологизированных» версий понимания, т. е. таких, в которых основным механизмом понимания объявляется не опосредованное языком (почти мистическое) вчувствование, вживание, когда один субъективный мир постигается другим субъективным миром путем постановки себя на место первого. Между тем сегодня, по-видимому, подобные концепции понимания уступили место концепциям семантическим. В свете сегодняшнего дня можно сказать, что понимания, не опосредованного языком и коммуникацией, не укорененного в культуре, не суще-

ствует. Понимание возможно не благодаря мистическому вчувствованию, но совершается в процессе интерпретации знаков.

«Ландшафт» современной гуманитаристики, принимающей означенную идею языковой и культурной опосредованности сознания и понимания в качестве своей исходной интуиции, можно описать в соответствии с тремя основными версиями («культурного поворота») – методологическими перспективами «практики» (феноменологическая и герменевтическая традиции, философия позднего Витгенштейна и его последователей, современное движение прагматизма), «текста» (структурализм и постструктурализм) и «автопоэзиса» (радикальный постмодернизм и социальный конструкционизм) (Reckwitz, 1999). Приверженцы последней методологической перспективы (см., напр.: Ellis, Bochner, 1996), используя биографическую метафору, заявляют, что социогуманитарные науки – это автобиографии. Иными словами, мы пишем истории не столько о наблюдаемом социальном мире, сколько о нас (о себе) самих, наблюдающих социальный мир. Но тогда встает вопрос, насколько полезно сохранение этих индивидуализированных повествований (если, конечно, не ориентироваться на выполняемую ими эстетическую функцию) и возможен ли их согласованный в сообществе исследователей анализ. Такая позиция принципиально препятствует выведению данных и результатов исследований в интересующую плоскость; больше того: она не годится для методологии гуманитарных наук, поскольку не выдерживает столкновения с ежедневным человеческим опытом, в котором люди вступают друг с другом в коммуникацию и достигают согласия относительно самих себя и мира в целом.

Методологическая перспектива практики, представленная, в частности, феноменологией позднего Гуссерля и Шюца, герменевтикой позднего Дильтея, Хайдеггера и Гадамера, аналитической философией Витгенштейна периода «Философских исследований» и ее прочтением в свете методологии социальных наук Уинчем, коммуникативными теориями Апеля и Хабермаса, позволяет подойти к решению проблемы достоверности знания в социогуманитарных науках (и тем самым к вопросу контроля валидности знания в интересующих нас качественных исследованиях). Что касается постструктуралистских версий «интерпретативного поворота», то в них наиболее отчетливо отражена такая составляющая социального знания, как его связь с «режимами власти» и социополитическими интересами, а также присутствие в самой структуре знания фигуры Другого (бессознательного желания или культурно обусловленных систем верования), что выводит нас на важнейшую тему критической рефлексии оснований исследовательской практики в психологии. В настоящем разделе мы последовательно остановимся на обосновании интересующего характера социогуманитарного знания и его связи с властными практиками общества.

Интерсубъективный характер социогуманитарного знания. Как уже было сказано, сегодня представление о понимании как эмпатическом про-

живании оригинального жизненного опыта представляется чересчур упрощенным. Уже В. Дильтей в своих поздних работах рассматривал понимание в связи с языком и культурно-историческим контекстом. По Дильтею, понимание вырастает из интересов практической жизни и общения, из связи индивидуализации с общечеловеческими смыслами. Как показал в своей поздней философии Э. Гуссерль, мы изначально находим себя внутри «жизненного мира» – в круге тех уверенностей, которые еще до всех потребностей научного обоснования принимаются нами в качестве безусловно значимых и практически апробированных. И очевидности жизненного мира и выступают основанием достоверности понимания. Эта линия размышления еще более четко представлена у М. Хайдеггера, мыслящего понимание в качестве изначальной бытийной характеристики самой человеческой жизни как бытия-в-мире и показавшего, что «знание и сопровождающие его несомненности предстают укорененными не только в предметном мире, но и в бытийности самого субъекта, в целостном контексте языка и культурно-исторического опыта» (Микешина, 1996, с. 56). В духе Х.-Г. Гадамера можно сказать, что есть фундаментальная общность между субъективным опытом, языком и историческим горизонтом смысла. И в процессе понимания задача состоит не в том, чтобы мистически постичь «тайны» субъективного сознания, а в том, чтобы сконцентрироваться на анализе формы жизни, в рамках которой действие или высказывание совершается и получает смысл.

Гениальную перспективу для непсихологического обоснования понимающих наук о духе (которое предпринял, в частности, П. Уинч (1996)) открыли созданная Л. Витгенштейном концепция языковых игр, тесно связанных с формами жизни, и его же тезис о невозможности приватного языка (Витгенштейн, 1994в).

Напомним, что вместо единого языка, приверженцем которого он был в период написания «Логико-философского трактата», поздний Витгенштейн постулирует существование бесконечного количества языковых игр (*там же*). Учитывая контекст размышлений Витгенштейна, можно сказать, что языковые игры мыслятся им как единства словоупотребления и формы жизни, причем речь идет не только о языковом употреблении в традиционном смысле – к языковым играм принадлежит «любой вид человеческого поведения, включающий в себя “понимание” смысла и потому сам являющийся “понятным”» (Апель, 2001, с. 87).

По Витгенштейну, значения слов и выражений конституируются их языковым употреблением. Иначе говоря, здесь акцентируется прагматический аспект языка: нет осмысленности самой по себе, осмысленность обретается в рамках конкретного языкового употребления, в контексте той или иной языковой игры.

Какое значение имеет прагматическая модель языка Витгенштейна для концептуализации понимания? Дело в том, что Витгенштейн дает возможность мыслить понимание, не прибегая к психологическому понятию вчув-

ствования в интенцию. В его модели языковых игр приоритет принадлежит не отдельному индивиду и его субъективному опыту, но индивиду, включенному в социальные практики. Как подчеркивает К.-О. Апель, Витгенштейн обращает внимание, что «означающая функция слов благодаря социальному употреблению языка закреплена таким образом, что намеренное подражание не только излишне, но и едва ли имеет шанс прогнать свою интенцию в противовес означающей функции»³ (*там же*, с. 89). П. Уинч (1996) последовательно показывает, что благодаря модели языка Витгенштейна мы получаем возможность мыслить понимание в контексте структурной взаимосвязи языковой игры, а не как психологическое помещение себя в обнаруженную структурную взаимосвязь душевной жизни. Но что дает такой ход? Дело в том, что разбираемая перспектива обсуждения позволяет во многом отвести обвинения в ненаучности понимания, поскольку выводит понимание из замкнутости субъективной сферы, к которой с трудом приложимы методы верификации, в сферу интересубъективных смыслов, где вполне возможно обдумывание критериев точности понимания и которая, в конечном счете, и объявляется собственно сферой наук о духе (см., к примеру: *Taylor*, 1979).

Тезис Витгенштейна о невозможности приватного языка⁴ в контексте нашей работы интересен тем, что позволяет продумать специфику познавательной ситуации в социальных науках (в частности, в психологии). Предельно точно ставит проблему П. Уинч (1996): как мы можем понять, что имеем дело с человеческим поведением, которому присуще следование правилу (поведение как человеческий язык)? Можем ли мы это разглядеть по внешнему виду или используя логику? Дело в том, что любые серии действий, которые способен совершать человек, можно подвести под ту или иную формулу (объяснить извне). Но то, что действия могут интерпретиро-

³ Витгенштейн рекомендует следующий мысленный эксперимент: «Когда я говорю “Г-н Швейцар не швейцар”, то первое слово я мыслю как имя собственное, а второе – как имя нарицательное... Попробуй теперь первого “швейцара” мыслить в качестве нарицательного имени существительного, а второго – в качестве собственного!» И далее: «Если произносишь предложение, изменив в нем значения слов, то чувствуешь, что смысл предложения разрушается. – Так он же разрушается для меня, а не для других, кому я делаю сообщение! Чему же тогда это мешает?» (Витгенштейн, 1994в, с. 261–262).

⁴ Сам тезис формулируется так: только один и только однажды следовать правилу не может, иными словами, невозможно следовать правилу, созданному лишь для самого себя, ориентируясь на мерки, доступные интроспективно. Что будет, если кто-то пожелает для выражения лишь ему доступного опыта (например, боли) ввести лишь ему доступный язык, т.е. не сочетающийся по правилам с публичным языком? Он просто не будет располагать критериями правильного языкового употребления. Где способ проверки (критерий) того, что слово применено правильно? Ответ: только в языковом сообществе. «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания – свои чувства, настроения и т.д.?.. Слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, – к его непосредственным личным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка» (*Витгенштейн*, 1994в, § 243, с. 171).

ваться как применение той или иной формулы, само по себе не является гарантией, что человек, совершающий эти действия, действительно применяет эту формулу (как не является и гарантией того, что мы действительно понимаем их). Критерий фактического наличия руководствующегося правилами (и поэтому осмысленного) поведения и правильного понимания этого поведения дает соотнесение его с публичной инстанцией (публичными правилами языковой игры, практиками, институтами). Кроме того, чтобы понимать поведение – как мы выяснили, всегда публичное, т.е. зависящее от языковой игры, – исследователь сам должен принимать участие в этой игре: если бы он наблюдал только снаружи, никогда не мог бы быть уверен, что правила, которые он допускает при своем описании, тождественны тем, которым фактически следуют согласно смыслу языковой игры (*Там же*).

Г.-Х. фон Вригт (1986) справедливо отмечает, что в книге Уинча не учитывается интенциональность человеческого поведения. Однако, как нам представляется, понимание интенции тоже предполагает включенность в практики, разделяемые тем или иным культурным сообществом, причастность формам жизни, позволяющим, например, говорить об определенных чертах характера как предрасположенности к данной форме поведения и т.п.

Итак, теория понимания как вживания, которая исходит из примата внутреннего опыта отдельного человека, в концепциях XX века (как в герменевтической традиции, так и в традиции аналитической философии) заменяется концепцией понимания, тесно связанного с практическим участием в интересубъективных «языковых играх» и основанного на «рефлексии миропонимания, которое является общим у исследователя языковой игры с тем, кого он должен понять» (*Апель*, 2001, с. 159).

Существует, по крайней мере, одна сложность, с которой мы сталкиваемся, когда движемся в логике рассуждений П. Уинча. Согласно его теории, мы можем понимать эмпирические факты, если предварительно уже понимаем общие правила игры, делающие эти факты осмысленными. В сущности, мы понимаем лишь то, что близко опыту, совершающемуся по известным нам правилам. Но ведь в той же психологии мы нередко сталкиваемся со случаями необходимости понимания чуждого нам поведения, правила игры которого нам не известны (либо известны плохо). В контексте размышлений Уинча, пожалуй, можно сказать, что во всех подобных случаях мы обречены на непонимание. Однако, на наш взгляд, большинство ситуаций, с которыми имеет дело гуманитарная наука, не относится к таким, которые мы понимаем, как бы естественно схватывая лежащие в их основе правила. Понимание действительно невозможно без предпонимания – некоего дорефлексивного постижения языковой игры или формы жизни. Но таким постижением оно не ограничивается. В духе Х.-Г. Гадамера можно сказать, что между предпониманием и притязанием на смысл возникает «спор», который и предстоит разрешить в интерпретации. Понимая, мы попадаем в герменевтический круг, и процедура понимания, в сущности, пре-

вращается в бесконечный процесс, который на практике заканчивается, когда интерпретатору удается добраться до осязаемого смысла, некоего «хорошего гештальта», свободного от внутренних противоречий.

Таким образом, «жизненный мир», участие в «языковых играх», тесно связанных с «формами жизни», можно рассматривать как необходимые предпосылки понимания (и осмысленной коммуникации). Само же движение понимания в гуманитарных науках, как мы это уже подчеркивали в 1-й главе, говоря о герменевтике, не может опираться лишь на это «молчаливое» знание: интерпретация носит полемический характер, и нам еще нужно показать, что то понимание, к которому мы пришли, наиболее вероятно в свете всех имеющихся данных. Правила и условия полемики, ведущей к истинному знанию, раскрываются, в частности, в концепциях «коммуникативной рациональности» К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса.

В контексте «коммуникативной рациональности» сам вопрос об истине и значимости познания перемещается из плоскости солипсистски рассматриваемого сознания – в плоскость языка и коммуникации. При этом в качестве критерия истины выступает единство понимания в коммуникативном сообществе. Место сознания вообще, которое в классических концепциях гарантировало intersubjectивную значимость познания, занимает «регулятивный принцип критического установления консенсуса в одном идеальном коммуникативном сообществе, которое сперва должно быть выработано в некотором реальном коммуникативном сообществе» (Апель, 2001, с. 260). На наш взгляд, изложенные положения Апеля имеют важные методологические следствия. К примеру, ориентируясь на коммуникативные критерии значимости, мы можем говорить об уровнях коммуникативных сообществ, на консенсус в рамках которых следует опираться при оценке значимости и достоверности выдвигаемых интерпретативных ходов (что делает, в частности, С. Квале (2003)).

Ю. Хабермас предлагает критерии, позволяющие отличить подлинный – «рационально мотивированный» – консенсус от консенсуса мнимого. Единственным легитимным механизмом достижения консенсуса и, следовательно, способом выявления разумного потенциала речи должна быть аргументация: истинность высказываний, по Хабермасу, не отделима от аргументированного обоснования «претензий на истинность», выдвигаемых субъектом речи (Хабермас, 2003; см. также анализ его концепции в: Соболева, 2002). Консенсус является подлинным (рационально мотивированным), если осуществляется исключительно на основе аргументов, а не внешнего принуждения. «Идеальная ситуация речи» как критерий различения истинного консенсуса, во-первых, не допускает насилия – для этого необходимо периодически ставить под вопрос организацию той социальной матрицы, которая поддерживает процессы рационального обоснования; единственный допустимый вид принуждения – «ненасильственное насилие лучшего аргумента». Во-вторых, «идеальная ситуация речи» предполагает симметричность условий для участников дискурса, т. е. признание вменяемости и компетентности

друг друга и симметрию прав и обязанностей. И, наконец, в-третьих, она исключает систематические разрывы коммуникации: аргументацию проводят открыто и могут продолжать достаточно долго – до тех пор, пока все согласны с правомерностью взаимно выставляемых требований.

Заметим, что теория истины как консенсуса совмещает тезис о претензии знания на безусловность с тезисом о его фаллибельности, т. е. подверженности ошибкам. Истина, с точки зрения Хабермаса, – это всегда претензия на истинность, т. е. достигнутое соглашение должно непременно включать в себя понимание относительности знания, которое всегда нуждается в улучшении. При этом подлинный консенсус может быть достигнут только тогда, когда мотив дискурса – совместные поиски истины, что предполагает свободное движение субъектов речи к все более глубоким (мета-)уровням, включая аргументированное обсуждение жизненных интересов и ценностей. Здесь встают два вопроса: насколько вообще возможны такие отношения между людьми, которые способны приводить к подлинному консенсусу (вспомним, что теорию Хабермаса М. Фуко считал «утопией»), и насколько возможно обоснование ценностей. Первый вопрос выводит нас на тему критического осмысления условий производства знания, которую мы затронем ниже в настоящем разделе. Второй вопрос будет частично обсуждаться в следующем разделе, посвященном принципам научной и этической валидации психологических исследований.

Проект критического мышления. Итак, путь к знанию – рациональные дискуссии, в которых побеждает точка зрения, обладающая силой лучшей аргументации. Согласно Ю. Хабермасу, подлинный консенсус универсален, иными словами, он представляет собой значимое для всех разумных субъектов коммуникации соглашение в рамках дискурса. Однако, как утверждает, к примеру, Ж.-Ф. Лиотар (1998), в современном мире мы сталкиваемся с практикой существования не одного универсального дискурса, но сосуществования множества различных дискурсов, полное тождество между которыми невозможно (и не нужно). Любые универсализации, с точки зрения Лиотара, несут в себе угрозу тоталитарности, сопряженную с «операциональным террором», поэтому задачей социальной политики должен быть не поиск универсального языка для поддержания возможного диалога между различными типами дискурсов, но сохранение и поддержка этой разнородности и практики «гетерогенных языковых игр». Консенсус, получаемый в результате дискуссии, как у Хабермаса, «насилует гетерогенность языковых игр, а инновация появляется всегда из разногласия», поэтому, как пишет Лиотар, основанием современного знания «является не гомология экспертов, но паралогия изобретателей» (там же, с. 12).

Вероятно, трактовка коммуникативной рациональности, предложенная Хабермасом, сохраняет в себе черты догматизма. Поэтому некоторые авторы (например, Т. Маккарти) предлагают переинтерпретировать ее так, чтобы образцовой моделью коммуникации стало не достижение согласия от-

носителем некоторого содержания, а взаимопонимание позиций, между которыми сохраняется разногласие: в таком случае действительно сохраняется открытость любого содержания для критики и пересмотра в свете альтернативных позиций (Фурс, 2002).

Столь же проблематична и герменевтическая идея «тотальности смысла». Вспомним, что у Гадамера текст – это единство письма и смысла, и, с позиции герменевтики, задача исследователя состоит в выявлении смысла посредством его интерпретации. Безусловно, текст может быть по-разному прочитан в разное время, но все-таки герменевтика Гадамера предполагает принципиальную возможность консенсуса в понимании. По мысли же Ж. Деррида, письмо изначально самостоятелно и отделено от смысла, а смысл является результатом свободной игры означающих: текст всегда открыт для радикальной множественности и дифференциации значений. В своем проекте «деконструкции» Деррида подчеркивает принципиальную неопределенность, рассеянность смысла. Гадамер же, по мнению Деррида, мыслит слишком традиционно, впадая в догматический «логоцентризм» (см.: Герменевтика и деконструкция, 1999).

Сомнение вызывает и еще одна герменевтическая идея – возможность некритической опоры на пред-структуры понимания, неявное («молчаливое») знание, являющееся частью жизненного мира участников социального взаимодействия. Опора на традицию, как и движение в направлении слияния смысловых горизонтов, может быть весьма опасна: за общими смыслами нередко скрыты эффекты власти, сделавшие возможным захват гегемонии одними системами значений в ущерб другим. Поэтому необходима особая форма рефлексивного анализа, позволяющая ответить на вопрос, почему и как некоторые формы убеждений и практик стали определять нашу жизнь и считаться само собой разумеющимися.

Паралогия и разногласие как цель дискуссии, выступление против абсолютизации смысла и консенсуса в понимании, невозможность некритически опираться на очевидности разделяемого с другими людьми «жизненного мира» и подобные идеи связаны с характерной для эпохи постмодерна рефлексией по поводу опасностей, которые несут с собой любые формы тотализации и догматизации (в том числе и опасностей столь глубоко укорененного в западном человеке догматического гипостазирования идей разума). Насколько знания, получаемые в результате психологических исследований, если можно так выразиться, «невинны»? Если предположить, как это делают представители постструктурализма Лакло и Муфф, что дискурс всегда формируется частичной фиксацией значения, которая достигается за счет исключения других возможных значений знака, встает вопрос, каким образом возникла (и получила приоритет) именно *эта* система значения? Что стоит за подобной фиксацией? И какого рода критико-рефлексивный анализ должен быть произведен, чтобы вскрыть «изнанку» собственной мысли?

Одну из возможных методологий подобного рода критики предлагает в своих работах М. Фуко (1994; 1996а; 1996б; 1998; 1999). Фуко обращает

внимание на «истину», но не на эпистемологическую концепцию истины, которую применяют в качестве независимого средства для оценки дискурса, утверждая, что, дескать, этот дискурс истинен, а тот является результатом большего или меньшего искажения (например, идеологического). Фуко предлагает задаться вопросом, каким образом имплицитно определяются эффекты истины. «Речь идет не об истории того, что может оказаться истинным в наших знаниях; но об анализе “истинностных игр”, которые определяют функционирование истинного и ложного и посредством которых бытие организуется и конституируется исторически как опыт, т. е. как то, что может и должно быть помыслено. Посредством каких истинностных игр человек осмысляет свое собственное бытие, когда он воспринимает себя как сумасшедшего, когда он смотрит на себя как на больного, когда он понимает себя как существо живущее, говорящее и работающее, когда он судит и наказывает себя в качестве преступника? Посредством каких истинностных игр человек признал себя в качестве человека желания?» (Фуко, 2004, с. 11).

Археологический подход М. Фуко часто определяют как «историю настоящего» (Blackman, 1994). Фуко предлагает новый тип одновременно и критического, и исторического исследования, цель которого – «высвободить из плотности дискурса условия его истории» (Фуко, 1998, с. 22). Представителям психологического сообщества Фуко дает средство дистанцированного анализа объектов, форм и способов мысли, ставших для нас само собой разумеющимися, – средство, позволяющее, по выражению самого Фуко, «отстраниться от самого себя», освободиться от автоматизма сознания, ведь в жизни «бывают такие моменты, когда необходимо ставить вопрос о том, возможно ли мыслить иначе, чем мы мыслим, и видеть иначе, чем мы видим, если мы только хотим продолжать думать и смотреть» (Фуко, 2004, с. 14). Поскольку именно «работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя» (*там же*, с. 15), Фуко помещает анализируемые дискурсы в социоисторический контекст, причем делает это самым изощренным образом. Несколько упрощая идеи Фуко, можно сказать, что цель его археологического проекта состоит в том, чтобы определить правила, устанавливающие, что можно и что нельзя говорить. Порядок высказываний задается некими историческими *a priori*, делающими возможным существование конкретной организации знаков, ограничивающими и упорядочивающими знаки до их индивидуального воспроизведения. Знаки сами по себе не имеют значения, но они связаны с полем объектов, концептов, субъектных позиций и стратегий, которые организуют эти знаки, прежде чем начнется их обмен, употребление, манипулирование ими и их присвоение. Получается, что любую тему, представляющую собой определенные отношения между означающими и означаемыми, нельзя сравнивать с похожими (грамматически и семантически) темами из другой исторической эпохи, не анализируя *a priori* – концептуальное поле, которое придает знакам значение и с

которым знаки связаны в пределах каждой специфической конфигурации (Фуко, 1994; 1996а). Лиза Блекман (*Blackman*, 1994) приводит пример собственного исследования галлюцинаций, вдохновленного идеями Мишеля Фуко: в трех биографических описаниях – XVII, XIX и XX столетий она пытается идентифицировать модусы объяснения или темы, на которые опираются страдающие галлюцинациями, описывая свой опыт, и показывает, что сравнивать темы, появляющиеся в разные исторические периоды, практически невозможно; например, высказывание «безумие – это сила, большая, чем ты сам» было различным образом связано с другими высказываниями, от которых зависел его смысл в XVII, XIX и XX веках; похожие темы представляют собой не просто модифицированный вариант предыдущих тем, появляющийся по мере развития соответствующих идей, – скорее, темы трансформируются в рамках иной конфигурации, конституируя новые объекты, теории, позиции и практики, причем за такой трансформацией дискурса всегда стоит целое множество условий.

Надо сказать, что тип предложенного Фуко исследования стал одним из источников «критической психологии» (см., напр.: *Blackman*, 1994; *Danziger*, 1990; *Parker*, 1992). В подобного рода критических работах, вдохновленных идеями Фуко, речь идет не просто о социокультурном фоне, как бы «провоцирующем» появление тех или иных идей, но об «условиях возможности» знания (опыта), играющих центральную роль в самом процессе конституирования современных психологических объектов.

В психологии идеи Фуко побуждают к постановке вопросов об условиях возможности самого порядка современного психологического дискурса: необходимо исследовать прошлое, чтобы понять условия возможности настоящего, понять, как возможно мыслить человека в терминах определенных психологических способностей, как исторически конституировалась определенная форма индивидуального субъекта, как возможно осмыслить галлюцинации в качестве фундаментально патологического феномена и т. д. В перспективе критики идеологии (этих концепций мы еще коснемся чуть ниже) имеющиеся психологические знания рассматриваются как колонизация смысла определенными авторитетами в результате увеличивающейся «профессионализации» или в соответствии с «интересами» определенных властных групп в обществе. Тем самым власть, в проекте критики идеологии, оказывается репрессивной по своей сути, и задача критического исследователя – вскрыть, какие формы властной доминации поддерживает и даже продвигает психологический дискурс. Фуко же, на наш взгляд, дает возможность более тонко продумать связь истины, дискурса и власти, не прибегая к понятиям идеологии и интересов. Сама власть у Фуко становится не столько репрессивной, сколько производящей силой. Уже в своих археологических работах (Фуко, 1996а), размышляя о правилах формирования групп высказываний (иными словами, отвечая на вопрос, как возможен специфический модус существования высказываний в данное время), Фуко помимо

«формаций объектов» и «концептов», позволяющих проследить специфику смысловых связей внутри той или иной дискурсивной формации, выделяет еще одно аналитическое средство – «стратегии». Обращение к «стратегиям» дает возможность исследовать, каким образом режимы истины переплетаются с более широкими и общими практиками управления населением. В перспективе идей Фуко проясняется «политический» смысл дискурсивных формаций, подобных психологии: они не существуют лишь как абстрактные системы значения, но являются особыми формами практической рациональности – это дискурсивные системы, благодаря которым мир становится знаемым, чтобы быть управляемым. Именно формирующая роль таких дискурсивных формаций как психология является одним из ключевых условий их существования: формы знания, подобные психологии, устанавливая границы так называемого «нормального» субъекта, тесно связаны с регуляцией «чуждости», «другости» человеческого поведения.

В генеалогических работах (напр.: Фуко, 1996б; 1999) Фуко в большей мере сводит знание к эффектам власти. Власть, как уже было сказано, не только подавляет и ограничивает, но и имеет отношение к самому процессу субъективации, определяя, каким образом мы оказываемся привязанными к тем или иным способам бытия, как мы становимся теми, кто мы есть, – субъектами, способными к самоконтролю и активному самоизменению. Как говорит Роуз (*Rose*, 1990), «мы вынуждены быть свободными». Свобода – цель современных политических технологий. Современное общество – это общество, в котором границы управления предполагают свободу и рациональность тех, кем управляют. Таким образом, свобода – фундаментальное условие существования в качестве субъекта в современном «неолиберальном» обществе, где «пси»-дисциплины как бы задают ориентацию для подобных изменений: они обеспечивают техники и практики, посредством которых активные субъекты могут влиять на самих себя и изменять себя, чтобы стать теми, кем они должны быть. «Человек, о котором нам рассказывают, – пишет Фуко, – которого нас призывают освободить, является следствием подчинения куда более глубинного, нежели мы сами» (Фуко, 1999, с. 46). Мы становимся как бы «привязанными» к идентичностям, определяемым в соответствии с «истинами» наук о человеке. Знание/власть психологии работает посредством само собой разумеющихся «истин», что есть человек, и эти «истины» выражаются в дискурсах об автономии и зависимостях личности, смыслах, аномалиях и т. п. Понимая самих себя в терминах подобных дискурсов, мы вовлекаемся в процесс собственного подчинения. Но парадокс в том, что это подчинение и есть путь становления субъектом.

Таким образом, Фуко предлагает особую форму критико-исторического исследования утверждений, претендующих на истинность. Открытая Фуко методология исторического вопрошания позволяет, установив критическую дистанцию по отношению к само собой разумеющемуся, увидеть тес-

ную взаимосвязь дискурса, истины и власти и понять, как именно конституировались те или иные объекты современного опыта.

Однако отказ Фуко от понятий идеологии и социальных интересов при исследовании взаимоотношений истины и власти некоторые авторы воспринимали как «нигилизм Фуко»: «Если мы не должны больше говорить о группах и о власти, которой они обладают, если мы не можем дальше определять историю как рассказ о том, кто, что, по отношению к кому и зачем сделал, то что в таком случае нужно говорить?» (*Wetherell, Potter, 1992, p. 82*). Критическое мышление социальных исследователей (в том числе психологов) чаще всего оказывается под влиянием более простых по сравнению с перспективой Фуко идей критики идеологии. Эти исследователи исходят из предположения, что именно власть идеологии рационализирует и обосновывает определенные формы описания и объяснения феноменов, придавая им вес. Как подчеркивают М. Уезерелл и Дж. Поттер (*Ibid.*), история обладает направлением, и это направление связано с желаниями и интересами определенной группы. Анализ же, в этой перспективе, должен быть направлен на то, как способы говорения субъектов усиливают и поддерживают «доминантные» дискурсы, понимаемые как «идеологические» и связанные с интересами доминантных групп общества.

Безусловно, большинство авторов, придерживающихся идей критики идеологии, не думают, что возможно заменить идеологические дискурсы, искажающие реальность, некой «истиной»: любой дискурс, и научный в том числе, будет в той или иной мере идеологическим, но при этом можно говорить, что одни дискурсы в гораздо меньшей мере являются результатом идеологических искажений, чем другие. В таком случае анализ должен быть направлен на то, чтобы выявлять идеологически искаженные представления и предлагать более адекватные взгляды на действительность. Но кто будет определять степень адекватности? Иными словами, кто будет свидетельствовать, какой дискурс менее искажен, а какой более? Вопрос может быть сведен к тому, насколько верным будет отдать возможность определения степени адекватности и истинности научной элите? Если предположить, что искажение – неизбежная часть любого представления о мире, то наука тоже обречена на искажение действительности. Известные представители критического дискурс-анализа Чулиараки и Фэркло (см. анализ взглядов указанных авторов в: *Филлипс, Йоргенсен, 2004*) предлагают, чтобы оценка истинности совершалась не научной элитой, а посредством общественных демократических дискуссий, в которых различные представления сравниваются как по содержанию, так и по социальным следствиям. Научное знание, будучи результатом систематического следования достаточно жестким правилам, представляет собой весьма специфическую форму знания, которой люди обычно лишены в своей повседневной практике. И задача науки – вносить эту форму знания в общественные дискуссии.

Как можно легко видеть, ценностным ориентиром, имплицитно направляющим любые формы критики идеологии, является «радикальная демократия»,

обеспечивающая свободу и равенство для всех и каждого. Соответственно исследователям необходимо стремиться к тому, чтобы как можно большее количество областей включать в политические дебаты о равенстве. Отсюда вытекают требования критически относиться к целому ряду тем, задаваясь, к примеру, следующими вопросами: не поддерживают ли те или иные психологические представления существующую в обществе доминацию, какие властные тенденции стоят за нашими способами говорить и думать о психологических свойствах людей и какие мы можем предложить альтернативы?

С точки зрения модифицированной критики идеологии, любое знание – это знание, полученное в результате взгляда на мир из определенной перспективы, продиктованной интересами отдельных групп людей. Как показывают многочисленные феминистские, этнопсихологические, гей/лесбийские исследования (*Flax, 1990; Riger, 1992; Schwartz et al., 1992; Tavris, 1992* и др.), то, что мы привыкли считать «само собой разумеющимся», «разумным», «объективной истиной», наше «естественное» понимание человеческой природы, характерное как для культуры в целом, так и для психологии в частности, не отражает интересов многих групп людей и их уникальной идентичности. Психология использует рамку понимания, которая имплицитно основана на частной точке зрения доминантных социальных групп, узурпировавших в обществе право говорить от имени всех, хотя действует при этом так, как если бы ее собственный голос был голосом нейтральной рефлексивной рациональности и поиска истины (*Sampson, 1993*).

Один из когнитивных механизмов, обуславливающий принятие частной точки зрения за универсальный взгляд, – ориентация на неотрефлексируемый имплицитный стандарт, определяющий наши практики понимания человека. Стандарт этот подчас является настолько «неявным», что мы склонны действовать так, будто он отсутствует вообще. Прекрасную иллюстрацию действия имплицитного стандарта в области культурной антропологии предлагает К. Луц (*Lutz, 1985*), заметившая, что когда мы описываем другую культуру как обладающую качеством *X*, это отнюдь не означает, что она такова «на самом деле», иными словами, что ей внутренне или сущностно присуще качество *X*: мы приписываем культуре это качество на основании сравнения с имплицитным стандартом, коим является наша собственная культура. Луц также обращает внимание, что «отсутствующий» стандарт «отсутствует» отнюдь не нейтральным образом: мы оцениваем одну культуру как низшую репрезентацию качеств, собранных в другой культуре, при этом наша оценка выглядит как беспристрастное описание (*Ibid.*). Э. Сэмпсон (*Sampson, 1993*) также подчеркивает, что дискурсивное конструирование объектов оставляет скрытым привилегированный статус имплицитного, «отсутствующего» стандарта. Описания наделяют привилегией один термин, обращаясь с другим как с низшей или негативной манифестацией первого: другая культура описывается как не наделенная характеристиками евроамериканского стандарта, женщина превращается в неполноценного мужчину, гомосексуаль-

ность оценивается на основе нормативного стандарта гетеросексуальности и т. п. «Отсутствующий» стандарт, скрытый в западных психологических исследованиях, – это гетеросексуальный мужчина белой расы, западного происхождения и доминантного социального класса (*Ibid.*).

Из вышеприведенных рассуждений приверженцев критики идеологии вытекает, что опираться на критически не проработанные стандарты понимания, свойственные культуре, воспринимать их как некие само собой разумеющиеся «данности» – значит поддерживать имеющиеся в обществе отношения неравенства, принимать участие в политическом акте, утверждающем интересы одних в ущерб интересам других. Критики же призывают социальных исследователей внимательно относиться к получаемому знанию и пытаться отвечать на вопрос, каким образом знание было вызвано к жизни и чьим интересам оно служит.

Важнейший инструмент, который есть в распоряжении современных гуманитариев, – техники «деконструкции». Одна из таких техник состоит в том, чтобы вычленили основополагающие дихотомии (бинарные оппозиции, например, маскулинное–фемининное, свобода воли–детерминизм, реализм–релятивизм и т. п.), организующие наше понимание самих себя, других людей, мира, познания и т. д. В бинарных оппозициях обычно один термин имеет привилегированный статус, а второму принадлежит роль исключаемого звена. Деконструкция же направлена на возвращение этого исключенного термина, которое должно привести к диффузии фиксированных сторон и установлению между ними диалектических отношений (*Herburn, 1997*). Например, спор между «реализмом» и «релятивизмом» организован таким образом, что любое понимание релятивизма (с его негативной ценностью) основывается на реалистической перспективе (с ее позитивной ценностью). Практикуя деконструкцию, нам нужно попробовать отдать приоритет маргинализованной половине дуальности (в нашем примере – релятивистскому подходу, как и делают критически настроенные представители социального конструкционизма, с радостью называющие себя «релятивистами»). Следующий шаг – заменить бинарную логику «логикой дополнительности», выражением которой является конструкция «и то и другое» (в нашем примере – тезис о «конструктивистском реализме» и понимание, что сама проблема возникает лишь в случае, когда обоснование ведется с реалистической позиции; если же прекратить заботиться об истине/реальности личности или события, то, в отличие от нигилизма, релятивистская позиция открывает возможность увидеть стратегическое использование дискурсов – для достижения определенных целей в определенных контекстах, например, для конструирования идентичностей или выстраивания оппозиции политическим идеологиям и институтам).

Безусловно, критическая рефлексивная позиция способствует расширению узкого взгляда на человеческий мир, задаваемого лишь одной перспективой – перспективой, имеющей отношение к социополитиче-

ским интересам соответствующей группы. Однако, как справедливо замечает Герген (*Джерджен, 2003*), в критике есть свои опасности, и дело не только в том, что провоцируя оппозицию, она действует разъединяюще, но и в том, что если она служит единственным орудием рефлексии, это приводит к «войне всех против всех».

Есть и еще несколько сложностей, имеющих отношение к критическому модусу мышления. Если предположить, что получившие гегемонию значения расположены вокруг центра власти, то их идентификация и разоблачение требуют дистанцированности от этого центра. Отсюда возникает культивирование неких маргинализованных взглядов, либо культивирование взглядов тех, кто не принадлежит к доминирующим в обществе группам (женщин, представителей сексуальных, этнических и других меньшинств), поскольку их взгляд уникален в силу уникальности их социального положения. С одной стороны, призывы к более многомерному взгляду на мир, в котором сочетались бы самые различные перспективы, выход в «полифоническое знание», воплощающее в себе уникальность множества непохожих голосов, безусловно, вызывают симпатию. Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что именно в мире «плюралистической морали» «требования прав» на социополитической сцене становятся настолько, что порождают, как говорит Герген, своеобразный жанр «правотрепа», а в области научных дискуссий возникает похожий жанр «трепа мнений», каждое из которых претендует на уникальность видения.

Кроме того, в политическом смысле усилить маргинальную идентичность (идентичность женщины, гомосексуала и т. п.) – значит в еще большей мере участвовать в подавлении себя и сохранении *status quo*, поскольку сама эта идентичность была сформирована как «служебный друг», отменяющий необходимые черты доминантной идентичности. Как европеец контролирует сохранность своей собственной идентичности, конструируя в качестве «служебного другого» «примитивного» человека, так и «женщина» – не столько естественная природная категория, сколько категория, создаваемая доминантными мужскими группами, наделяющими ее характеристиками, необходимыми, чтобы мужчины обладали той идентичностью, которую они желают; точно так же быть гомосексуалом – не значит быть определенным в своей сущности, но значит быть определенным на основе социальных характеристик, сформированных в связи и на службе у доминантной гетеросексистской этики, и т. п. (*Sampson, 1993*). Лучший выход – культивировать позицию за пределами указанных дихотомий. Однако надо понимать, что такой призыв – не более чем интеллектуальные игры, в социальном же смысле быть вне политик идентичности невозможно. Роза Брайдотти предлагает занять парадоксальную позицию – одновременно и принять идентичность, определяемую внутри доминантных дискурсов, и бросить вызов самому понятию идентичности, исследуя ее историю, производство и использование (*Braidotti, 1991*). Так что если вернуться к путям про-

изводства знания, то можно использовать идею уникальных идентичностей и требования голоса как важную силу, которая способна обогатить наше понимание человеческой природы, в то же время держа сами категории, с которыми мы идентифицируемся, на расстоянии вытянутой руки, чтобы избежать соблазна полностью определять себя ими.

Итак, гуманитарное знание основано на том комплексе уверенностей и привычных ориентаций, которые составляют «жизненный мир», разделяемый людьми друг с другом. Людвиг Витгенштейн говорит о достоверности как некой «форме жизни» человека среди людей: «Если мы вполне уверены в чем-то, это означает не только то, что в этом уверен каждый порознь, но и то, что мы принадлежим к сообществу, объединенному наукой и воспитанием» (1994б, § 298, с. 357).

Вместе с тем гуманитарный исследователь не может полностью полагаться на убеждения и практики, определяющие нашу жизнь. Говоря словами Ж. Лакана, в нашем дискурсе всегда незримо присутствует Другой: всегда есть что-то, что мысль мыслит втайне от самой себя. Соответственно нужны особые формы рефлексивного анализа, позволяющие «схватить» эту «тайну» мысли, обрести критическую дистанцию относительно того, что мы привыкли считать своей разумной природой. Безусловно, полностью «выпрыгнуть» из традиции понимания, в которую мы погружены, невозможно – мы не можем полностью отрефлексировать социокультурный фон и не можем практиковать радикальную критику Разума. Но нам вполне доступна «точечная» критика его отдельных сторон.

Поскольку любое знание – это знание в определенной перспективе, необходим рефлексивный анализ этой перспективы. Выход в рефлексивную позицию, его технология активно обсуждаются в области качественной методологии исследования. Если у знания всегда есть «другая сцена», то исследователю необходимо сделать ее как можно более прозрачной.

В целом можно сказать, что в традиции обоснования специфики гуманитарных наук к настоящему времени сложилась система предпосылок, которую можно обозначить термином «коммуникативная рациональность» (Хабермас, 2003). Ее основная характеристика – преодоление методического индивидуализма в представлениях о коммуникативной природе мышления и невозможности «приватного языка». Вместо представлений о понимании как вчувствовании, вживании в мир другого, понимание теперь концептуализируется в плоскости участия в общих языковых играх, связанных с определенными формами жизни, что позволяет вывести проблематику понимания из замкнутости субъективной сферы, к которой с трудом приложимы методы верификации, в сферу intersubjectивных смыслов, где вполне возможно обдумывание критериев оценки точности понимания. В качестве критерия истины выступает единство понимания относительно чего-либо в коммуникативном сообществе. Весь вопрос сводится лишь к тому, насколько возможно (и необходимо) достижение универсального кон-

сенсуса. Вполне возможно, что позиция методологического плюрализма, которую отстаивают многие сторонники качественной методологии исследования, является сегодня наиболее продуктивной. Однако в любом случае основанием проверки значимости утверждений остаются принципы рациональной аргументации участников коммуникации.

Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации

Подходы к оценке качества качественных исследований. Контроль качества исследования – важнейшая часть любого исследовательского предприятия. В позитивистской методологии критерии качества и процедуры его контроля представлены достаточно подробно. В соответствующей литературе обычно речь идет о таких показателях научной «строгости» эмпирического исследования, как валидность, надежность и репрезентативность (описание критериев см., например, в: Анастаси, Урбина, 2001; Готтсданкер, 1982; Дружинин, 2002; Корнилова, 1997; Мельникова, 2007; Enerstvedt, 1989; Hammersley, 1987 и др.)⁵.

Согласно большинству сторонников качественных исследований, стандарты научности, разработанные в количественных подходах, не отвечают специфике исследований, выполненных в качественном ключе: последние базируются на эпистемологических основаниях, совершенно отличных от позитивистского идеала объективности (Улановский, 2006; Lincoln, Guba, 1985; Seal, 1999 и др.). Соответственно исследователи-«качественники» полагают, что каноны «хорошей науки» в качественных подходах должны быть переосмыслены.

Сегодня можно говорить о нескольких подходах к оценке качества качественных исследований. Первый из них основан на предположении, что для качественных исследований должны быть разработаны такие критерии научности и способы ее достижения, которые, при всей их специфичности, можно бы было соотносить с традиционными (валидностью, надежностью и др.) (Hamberg et. al., 1994; Kirk, Miller, 1993; Lincoln, Guba, 1985; Mays, Pope, 2000; Morse et. al., 2002 и др.). Одни авторы, реализующие этот подход

⁵ Традиционно принято разделять критерии надежности и валидности, однако область действия того и другого критерия остается не до конца ясной. Надежность предполагает, что в идентичных условиях результаты исследования должны воспроизводиться. Если измерения варьируют, то эти различия могут объясняться как систематическим, так и несистематическим (случайным) влиянием – соответственно мы можем говорить о неслучайных, или постоянных ошибках, либо об ошибках случайных и непостоянных. Можно предположить, что именно степень влияния случайных, несистематических ошибок определяет надежность исследования, в то время как к валидности, по-видимому, имеет отношение контроль любых ошибок – и систематических, и несистематических (Gould, Kolb, 1964). Некоторые авторы (см., к примеру: Enerstvedt, 1989) предлагают вообще отказаться от понятия надежности, поскольку, по их мнению, вопрос о надежности отдельно от вопроса о валидности не имеет смысла и, в сущности, понятие валидности покрывает собой понятие надежности.

(Kirk, Miller, 1993; Mays, Pope, 2000 и др.), предлагают пользоваться традиционными критериями, несколько переосмысливая их применительно к реальности качественных исследований и предлагая особые пути и техники достижения высокой валидности и надежности исследования. Другие авторы (Bailey, 1996; Hamberg et. al., 1994; Lincoln, Guba, 1985; Whittmore et. al., 2001 и др.) предлагают альтернативные критерии оценки научности качественного исследования (критерии достоверности, подтверждаемости, переносимости, аутентичности и др.), которые, тем не менее, могут быть соотнесены с традиционными критериями, хотя, безусловно, полного соответствия между ними нет. Что касается конкретных техник достижения высокой научной строгости качественных исследований, то и у одних и у других авторов речь чаще всего идет о том, что в процесс исследования должны быть встроены внешние процедуры проверки выдвигаемых исследователем пропозиций. В качестве подобных процедур выступают, к примеру, техника проверок, которую осуществляют сами респонденты – участники исследования (member checking или respondent validation), а также техники триангуляции, коллегиальной проверки и некоторые другие.

Другой подход к оценке качества качественного исследования в большей мере ориентирован на рефлексивность интерпретативного модуса качественных исследований. Сторонники этого взгляда (Altheide D., Johnson, 1994; Seal, 1999 и др.), как правило, соотносят качественные исследования с идеями социального конструкционизма. С их точки зрения, знание всегда представляет собой интерпретативную конструкцию, которая зависит от перспективы исследователя, его взгляда на данные и т. д. Ориентация на абсолютное совпадение утверждений, полученных в результате применения различных методов или разными исследователями с отличными друг от друга теоретическими, социальными и подобными позициями, так же, как и ориентация на согласие респондентов с результатами исследования, предполагают, что есть некая единая «истина», к которой в конечном счете должны сходить все мнения. Однако с точки зрения социальных конструкционистов, такой «истины» не существует, а потому указанные техники достижения научной строгости качественного исследования лишены смысла. Конструкционисты полагают, что нужно принять возможность различных взглядов на один и тот же объект. Контроль качества качественного исследования – это процесс «переговоров» исследователей с читателями, в котором первые берут на себя ответственность дать последним как можно более полную информацию, касающуюся данных, процесса исследования и перспективы исследователя, – так сказать, выкладывают карты на стол, – чтобы читатели сами могли оценить, насколько качественно проведена интерпретация. Таким образом, в указанной перспективе оценки качества исследования акцент делается на «публичности» исследовательского процесса, грамотной и полной экспликации процедуры исследования и возможности достижения согласия с интерпретацией внутри интерпретативного сообщества.

Существуют и радикальные подходы к оценке качества качественного исследования, согласно которым качественные исследования как интерпретативное предприятие должны соотноситься не столько с собственно научной, сколько с более широкой общегуманитарной традицией. Сторонники подобных взглядов (Angen, 2000; Lather, 1993; Lenzo, 1995; Steiner, 2002 и др.) подвергают критике «техноцентризм» науки и призывают оценивать исследование не столько с точки зрения его соответствия методологическим нормам научности, сколько с точки зрения того, что именно данное исследование дает культуре в целом, насколько отвечает оно интересам человеческой практики, каков его трансформационный потенциал, каким оно служит ценностям и т.п. Иными словами, вместо оценки методологической «правильности» исследования на первый план выходит оценка его этической составляющей. Скажем сразу, что мы не солидаризируемся с подобными радикальными представлениями об оценке качества качественных исследований и полагаем, что эта оценка должна соотноситься с более традиционным дискурсом о нормах научности. Однако, на наш взгляд, акцент на этических формах валидации и трансформационном потенциале исследования задает необходимые ориентиры для расширения концепции качества качественных исследований и действительно выводит на обсуждение важнейших составляющих социогуманитарной науки. Поэтому ниже мы еще раз вернемся к указанным темам.

«Интерпретивистская критериология». Остановимся подробнее на подходе, предложенном И. Линкольн и Э. Гьюбой (Lincoln, Guba, 1985; на рус. яз. анализ указанного подхода см.: Войскунский, Скрипкин, 2001) и позднее названном «интерпретивистской критериологией» (Seal, 1999). Он был отнесен нами к первой из указанных выше перспектив оценки качественного исследования. Как можно судить по соответствующим публикациям, «интерпретивистская критериология» Линкольн и Гьюбы по сей день остается наиболее обсуждаемым подходом в дискуссиях о научном статусе качественных исследований.

Линкольн и Гьюба предложили заменить традиционное понятие «валидность» как интегральный показатель качества исследования понятием «достоверность» (trustworthiness), которое включает в себя такие критерии оценки качественного исследования, как правдоподобность (credibility), включенность в контекст (dependability), подтверждаемость (confirmability) и переносимость (transferability). Причем, согласно Линкольн и Гьюбе, данные критерии можно соотнести с традиционными.

Правдоподобность в некоторой степени согласуется с внутренней валидностью традиционного исследования. Достичь правдоподобности – значит получить уверенность в правильной интерпретации смысла данных. Отражают ли результаты исследования опыт и переживания участников *правдоподобным* образом? Согласуется ли концептуализация с описанием? И насколько в целом узнаваема (для самих участников и для читателей) рисуемая исследователем картина?

Термин «dependability» дословно можно перевести как «способность быть зависимым». Имеется в виду включенность исследователя в изменяющийся контекст исследования, его умение гибко отвечать на изменения и внимательно фиксировать их. Этот критерий оценки качественного исследования не согласуется напрямую с традиционными критериями, поскольку в нем отражена невозможность достижения столь важной для социологов стабильности в рамках качественного исследования. «Невозможно дважды войти в одну и ту же реку» – эта известная фраза Гераклита является метафорическим выражением того значения, которое акцентируется обсуждаемым критерием. Тем не менее, именно включенность в контекст, согласно Линкольн и Гьюбе, является переводом традиционного критерия надежности в плоскость качественных исследований: и в случае надежности, и в случае включенности в контекст речь идет о выполнении требования последовательности, приверженности правилу.

Подтверждаемость в некоторой степени соответствует объективности классического исследования: и та и другая означают свободу исследователя от предубеждений, отсутствие искажений. Результаты исследования должны вытекать из данных, а не быть фабрикацией исследовательских фантазий, они должны подтверждаться данными так, чтобы другие исследователи могли увидеть эту связь.

Наконец, переносимость показывает степень обобщаемости результатов и тем самым отчасти соответствует критерию внешней валидности. Результаты качественного исследования должны быть представлены таким образом, чтобы можно было оценить их релевантность более широким, чем собственно исследование, ситуациям. Насколько описанные исследователем феномены и предложенные им концепты подходят для новых ситуаций, во многом зависит от их уровня абстракции и полноты описания контекста исследования.

В рамках предложенной Линкольн и Гьюбой «интерпретивистской критерииологии» другими авторами были выделены иные критерии качества качественного исследования. В частности, достаточную известность приобрели такие критерии, как аутентичность (Bailey, 1996; Lincoln, 1995; Sandelowski, 1986 и др.), интегративность и критичность (Marshall, 1990; Smith, 1990 и др.), креативность и мастерство (Sandelowski, 1993), сензитивность по отношению к участникам (Lincoln, 1995) и др.. В настоящее время диалог, какие именно критерии являются наиболее подходящими для оценки качественного исследования, продолжается. Нельзя сказать, чтобы какие-то из предложенных критериев были приняты всеми участниками диалога. Что же касается самой практики качественных исследований, то здесь, на фоне продолжающихся теоретических дискуссий, именно «перевод» позитивистских критериев научности на область качественных исследований, осуществленный Линкольн и Гьюбой, продолжает оставаться «золотым стандартом», на который ориентируются большинство исследователей-«качественников»

(хотя сами авторы считали выделенные ими критерии «примитивными» и подчеркивали, что они имеют статус лишь очень общих ориентиров). На наш взгляд, теоретические дискуссии на тему оценки научности качественных исследований сегодня нередко превращаются в бессмысленное умножение концептов, никак не проясняющих сути дела. Кроме того, как справедливо замечает Дж. Максвелл (Maxwell, 1992), спекулятивный характер этих дискуссий и их оторванность от исследовательской практики приводят к тому, что вдохновленные ими исследователи в большей мере ориентируются на такое же спекулятивное обоснование качества своих исследований, нежели на действительное применение конкретных процедур валидации в процессе самого исследования, так что их обоснования становятся похожи на заезженные фразы из методологических книг.

В известной мере проясняют ситуацию попытки некоторых авторов обобщить имеющиеся представления об оценке научности качественных исследований и предложить нечто вроде интегративных моделей такой оценки, в которых внимание уделяется как самим стандартам качества исследования, так и конкретным путям их достижения на практике. К примеру, Р. Уитмор с соавт. (Whittmore et al., 2001) предлагает реконцептуализацию валидности качественного исследования посредством разделения и экспликации первичных критериев, вторичных критериев и техник. Если под критериями понимаются стандарты качества (валидности) исследования, то техники – это конкретные способы и практические приемы минимизации факторов, угрожающих валидности. К первичным критериям авторы относят правдоподобность (credibility), аутентичность (authenticity), критичность (criticality) и интегративность (integrity). Вторичные критерии включают в себя полноту экспликации процедуры (explicitness), мастерство описания (vividness), креативность (creativity), основательность (thoroughness), согласованность (congruence) и сензитивность (sensitivity). Согласно цитируемым авторам, первичные критерии являются необходимыми условиями качества любого качественного исследования, однако соответствия лишь этим критериям недостаточно. Вторичные критерии представляют собой дополнительные показатели качества, применимость которых, в отличие от первичных критериев, во многом обусловлена типом исследования. Например, в предлагаемом А. Страуссом и Дж. Корбин варианте подхода обоснованной теории (Strauss, Корбин, 2007) проводится различие между построением теории, относящейся к конкретной предметной области (substantive theory), или локальным знанием, и построением формальной теории, или абстрактным знанием. Валидность обоих типов исследования потребует соответствия критериям правдоподобности, аутентичности, критичности и интегративности, т. е. первичным критериям, однако теория, относящаяся к конкретной предметной области, должна будет в большей мере отвечать критериям мастерства описания и основательности, в то время как формальная теория потребует большей креативности и согласованности. Вообще исследования,

ориентированные на контекстуальные обобщения, должны оцениваться по несколько иным вторичным критериям качества, чем исследования, ориентированные на получение более абстрактного знания. То же самое можно сказать и об исследованиях, основанных на различных философских подходах. К примеру, критическое социально-психологическое исследование требует внимания исследователя к репрессированным и маргинальным культурным голосам, поэтому оно должно отвечать таким вторичным критериям, как сензитивность, полнота экспликации процедуры и мастерство описания. В феноменологическом исследовании, цель которого – систематизированное описание структуры и «текстуры» какого-либо переживания, исследователю также необходимо как можно более полно эксплицировать процедуру и давать яркие описания опыта, но в то же время такое исследование требует тщательной, систематической, пошаговой работы с материалом и должно отвечать критерию основательности.

Как уже было сказано, помимо критериев валидности, которые можно рассматривать как стандарты качества исследования, Уиттмор с соавт. выделяет также конкретные техники, применение которых позволяет исследователю контролировать угрозы валидности и тем самым повышать качество своего исследования. Список приводимых авторами техник достаточно обширный. Среди прочего называются такие техники, как применение триангуляции, демонстрация пролонгированной включенности в исследовательский процесс, обоснование решений относительно сбора и анализа данных, проверка, осуществляемая участниками исследования, и проверка, осуществляемая экспертами, тестирование гипотез в процессе анализа данных, анализ негативных случаев, ведение рефлексивных журналов и др. (Whitmore et al., 2001).

Обратим внимание, что Уиттмор с соавт. лишь перечисляет возможные техники, без рефлексии их оснований. Надо сказать, что то же самое характерно и для других авторов (см., к примеру: Lincoln, Guba, 1985; Mays, Pope, 2000). Между тем, если внимательно посмотреть на перечисляемые техники, можно заметить, что часть из них представляет собой процедуры внешней проверки (триангуляция; проверки, осуществляемые участниками и экспертами); другие техники имеют отношение к требованию «публичности», которому должно удовлетворять качественное исследование (все техники, связанные с представлением процедуры и рефлексией исследователя по поводу своей собственной позиции); наконец, есть группа техник, имеющих отношение к самому исследовательскому процессу (тестирование гипотез в процессе анализа данных, анализ негативных случаев, отчасти любые формы обоснования принимаемых решений и рефлексии, в том случае если они не просто даются *post factum*, чтобы удовлетворить требованию «публичности» исследовательского процесса, но применяются в ходе самого исследования и позволяют его корректировать). Как можно видеть, в общем списке техник, способствующих повышению валидности исследования, представлены как те процедуры, которые исследователь использует по оконча-

нии исследования, и которые, следовательно, практически никак не связаны с самим исследовательским процессом, так и те, которые непосредственно встроены в исследовательский процесс. Дж. Морс с соавт. отмечает, что в рамках «интерпретивистской критериологии» акцент явно сместился на первые техники, так что в целом можно сказать, что в области качественных исследований сегодня превалирует «оценка *post hoc*» (Morse et al., 2002). Между тем, продолжает Морс с соавт., принятые стратегии достоверности, применяемые по окончании исследования, наверное, могут быть полезны для оценки научной строгости последнего, но сами по себе они этой строгости не гарантируют. Акцент должен быть поставлен не на стратегиях удостоверения научной значимости исследования по его окончании, а на встроженных внутрь исследовательского процесса механизмах самокоррекции как неотъемлемой части любого исследования. В отличие от Дж. Морс, мы бы предложили говорить не о стратегиях верификации, а о стратегиях валидации, как это делают, к примеру, С. Квале (2003) и П. Рикер (Ricoeur, 1979): верификация означает удостоверение в верности вывода, однако в рамках качественных исследований мы, как правило, имеем дело с необходимостью принимать решения в ситуациях значительной неопределенности, так что всякий наш вывод будет носить вероятностный характер и строиться на основании рациональной аргументации; валидизация же, как пишет Рикер, и есть род аргументативной дисциплины. «Валидизация это нечто большее, чем подтверждение, это процесс выработки более обоснованной интерпретации наблюдения» (Л. Дж. Кронбах, цит. по: Квале, 2003, с. 237).

В дальнейшем изложении мы намерены показать, что общая логика валидации практически одна и та же в любых видах исследований: по нашему мнению, она должна быть основана на принципах критической рациональности. Однако в силу специфики качественной методологии конкретные стратегии, техники и процедуры валидации в качественных исследованиях будут отличаться от таковых в других типах исследований.

Вслед за рядом авторов (Квале, 2003; Enerstvedt, 1989; Mays, Pope, 2000 и др.) мы предпочитаем «не умножать сущностей» и говорить о валидности качественного исследования как интегральном показателе его качества. Употребление понятия «валидность» связано с давно установившейся в психологии традицией и, на наш взгляд, введение иных критериев оценки качества способствует еще большей маргинализации качественных исследований. К тому же, как нам представляется, введенное Линкольн и Гьюбой понятие «достоверность», понимаемое как перевод валидности в плоскость качественных исследований, повлекло за собой смещение внимания исследователей с процедур и техник, встроженных в исследовательский процесс и позволяющих гибко корректировать последний, на оценку уже законченного продукта. Мы полагаем, что разговор о процессуальном аспекте валидности – стратегиях валидации – позволит акцентировать тот факт, что качественное исследование как научное предприятие обладает необходимыми

ми механизмами самокоррекции и, более того, механизмы эти в своей глубинной сущности те же самые, что и в других типах исследований.

Логика конструктивной валидности теста у Кронбаха и Мила и валидности эксперимента у Кэмпбелла. Пожалуй, до того как Л.Дж. Кронбах и П.Э. Мил предложили свою концепцию конструктивной валидности (Cronbach, Meehl, 1955), в психометрии преобладала логика критериальной валидности: тест признавался валидным, если существовала высокая корреляция между его данными и внешним критерием – текущим (конкурентная валидность) и/или прогностическим (прогностическая валидность). Согласно Кронбаху и Милу, неудовлетворительность подобных представлений о валидности связана с тем, что в большинстве случаев крайне сложно (если вообще возможно) найти подходящий объективный критерий. Строго говоря, если бы такой критерий был найден, создание теста стало бы излишним.

Кронбах и Мил (Cronbach, Meehl, 1955) предложили процедуру конструктивной валидации, которая должна применяться всякий раз, когда нужно интерпретировать тест как измерение некоего качества, не получившего операционального определения, либо когда исследователь полагает, что «его инструмент отражает специфический конструкт, которому приписываются определенные значения» (Ibid., p. 290). Ф. Тшуди (Tschudi, 1989) справедливо замечает, что представления Кронбаха и Мила далеки от наивного взгляда, будто валидируется тест как таковой. Валидируется то, как тест используется, как он интерпретируется: «Валидируется не тест, а лишь основание для выводов (a principle for making inferences)» (Cronbach, Meehl, 1955, p. 297).

Важно отметить, что Кронбах и Мил, и это особо подчеркивали они сами, не предлагают никакого нового научного подхода: внимательный взгляд на описываемую ими процедуру валидации позволяет утверждать, что общая логика этой процедуры вполне согласуется с отстаиваемой К. Поппером, Д. Кэмпбеллом и другими методологами науки позицией фаллибилизма и представляет собой опыт «предположений и опровержений», который, в частности, Д. Кэмпбелл рассматривает в качестве основополагающей нормы научности.

Предположим, к примеру, что нам необходимо дать анализ конструктивной валидности теста X , измеряющего, как мы полагаем, «тревожность» (Cronbach, Meehl, 1955; см. также анализ процедуры конструктивной валидации в: Tschudi, 1989). У нас есть следующее наблюдение: коэффициент корреляции X и Y (где Y – физиологический показатель потения ладоней рук у студента, когда ему сообщают, что он «провалил» экзамен по психологии) составляет примерно 0,5. Данное наблюдение представляет собой обобщенный показатель более элементарных наблюдений (индивидуальных измерений X и Y).

Предпочитаемая интерпретация: тест X измеряет склонность к тревожности.

Наблюдения в поддержку данной интерпретации:

- коэффициент корреляции теста X с родственными показателями «психологического напряжения» 0,45;
  - коэффициент корреляции теста X со шкалой манифестной тревоги Тэйлора 0,68;
  - показатели по шкале X у 4 диагностированных групп снижаются в следующем порядке: больные с тревожным расстройством, больные реактивной депрессией, «норма», больные с психопатической девиацией.
- Альтернативная интерпретация: X измеряет «академическую направленность».

Наблюдения, опровергающие альтернативную интерпретацию:

- X имеет незначительную корреляцию с социальным классом, профессиональными целями и ценностными ориентациями.

Как можно видеть на настоящем примере, конструктивная валидизация подразумевает выстраивание того, что Кронбах и Мил назвали «номологической сетью», – взаимосвязанной системы более или менее обоснованных закономерностей. Если какое-либо наблюдение не вписывается в созданную систему, исследователь волен решать, какую именно часть сети модифицировать, – ошибка может быть как в самой интерпретации теста, так и в теоретических построениях или в экспериментальном плане, применяемом для проверки гипотез. В любом случае конструктивная валидизация, в представлениях Кронбаха и Мила, является открытым процессом: всякий раз исследователю необходимо аргументировать, какие именно наблюдения и логические соображения привели его к утверждению предложенных им интерпретаций.

Д. Кэмпбелл (1996) убедительно показывает, что важнейшей частью экспериментирования является максимальное устранение угроз для трех типов валидности – конструктивной, внутренней и внешней, причем сам процесс подобной валидации представляет собой отбрасывание альтернативных гипотез.

Предположим, мы имеем данные о значительном снижении количества дорожно-транспортных происшествий за определенный период.

Предпочитаемая интерпретация: данное снижение вызвано усилением мер по борьбе с превышениями скорости.

Основание в поддержку данной интерпретации:

- в интересующий нас период значительно возросли штрафы за превышение скорости.

Альтернативная интерпретация: другие события – фон (*history*) – вызвали наблюдаемое снижение количества несчастных случаев; например, это могло быть изменение погодных условий.

Наблюдения, опровергающие альтернативную интерпретацию:

- метеосводки не фиксировали значимых изменений в погоде в интересующий нас период.

Кэмпбелл (*там же*) внимательно рассматривает весь возможный перечень угроз внутренней валидности, последовательно отклоняя возможные

альтернативные интерпретации. Точно так же в ряде случаев должны быть критично рассмотрены альтернативные интерпретации, имеющие отношение к факторам, ставящим под угрозу внешнюю валидность, или репрезентативность эксперимента. Кроме того, Кэмпбелл подчеркивает, что большинство теоретических контрверсий в психологии связано с конструктивной валидностью: исследователь фиксирует каузальную связь между причиной *A* и следствием *B* (отклоняя альтернативные гипотезы о возможном влиянии дополнительных переменных), но при этом у него есть сомнения, правильно ли обозначены причина и эффект с помощью абстрактных терминов, взятых из обыденного языка или из формальной теории. Например, мы наблюдаем связь между увеличением оплаты и более высокой производительностью труда; и вопрос для нас состоит не в том, существует ли эта связь (предположим, что в этом мы уже убедились), а в каких доступных обобщениях терминах трактовать, к примеру, оплату, к какой из существующих теорий уместно было бы присоединиться в данном случае (возможно, высокая зарплата имеет отношение к *Я*-концепции и самоуважению, к установкам личности и т. д.). Если, как это видно из предыдущего примера о количестве несчастных случаев, установление внутренней валидности предполагает отбрасывание альтернативных интерпретаций вероятных каузальных связей между факторами *A* и *B*, установление конструктивной валидности предполагает отбрасывание альтернативных интерпретаций, как *A* и *B* соотносятся с гипотетическими понятиями (*там же*). Однако в любом случае мы имеем дело с валидизацией как процессом «предположений и опровержений».

Логика валидизации в качественных исследованиях. Рассмотрим теперь сравнительные примеры из области качественных исследований. В одной из впечатляющих статей У.М. Руниан (*Runyan*, 1981; см. также анализ приводимого Рунианом материала в: *Tschudi*, 1989) обращается к имеющимся в литературе интерпретациям известного инцидента из жизни Ван Гога – последний, как мы знаем, однажды отрезал себе мочку уха и отнес «подарок» в бордель. На этом материале Руниан обсуждает серьезную проблему обоснования интерпретаций в качественных психобиографических исследованиях. Одна из приводимых Рунианом интерпретаций следующая: самокалечение Ван Гога – это бессознательная попытка привлечь к себе внимание брата; непосредственно перед тем как отрезать себе ухо (23 декабря), Ван Гог узнал, что он не сможет, как это ожидалось, встречать Рождество со своим братом. Основание в поддержку данной интерпретации: у Ван Гога уже наблюдались два психических срыва, которые также были связаны с угрозой потерять эмоциональную и финансовую поддержку брата (вначале в связи с женитьбой брата и затем в связи с рождением у него ребенка); более того, в жизни Ван Гога были и другие эпизоды, характеризующиеся «мазохистическим ответом на ситуации отвержения или потери любви» (*Runyan*, 1981, р. 1074).

Сравним данную интерпретацию с еще одной из приводимых Рунианом: возможно, Ван Гог соревновался с Джеком Потрошителем, у нескольких жертв которого было отрезано ухо, но, будучи мазохистом, он обратил действие Джека на самого себя. Руниан подчеркивает, что для подобной интерпретации нет никаких оснований: «Приведенное объяснение предполагает, что Ван Гог читал об этих историях в местной газете, что он обратил внимание на такую деталь, как отрезанное ухо, о которой упоминалось в 2-х из 15-ти случаев, что это произвело на него неизгладимое впечатление и именно оно владело им в ту ночь, когда он порезал себе ухо. Такое объяснение базируется на цепочке предположений, ни одно из которых не имеет эмпирических оснований, поэтому данное объяснение остается неподтвержденным» (*Ibid.*, р. 1073). Таким же образом Руниан показывает безосновательность и других интерпретаций инцидента из жизни Ван Гога и останавливается на первой из приведенных интерпретаций как наиболее вероятной.

Как можно видеть на данных примерах, в качественном исследовании «работает» похожая логика отбрасывания альтернативных интерпретаций, которую мы наблюдали на примерах конструктивной валидизации теста и валидизации экспериментального исследования. У.М. Руниан обсуждает несколько различных эпистемологических установок, которые могут определять позицию исследователя: 1) лишь одна интерпретация является единственно истинной; 2) различные объяснения дополняют друг друга, но некоторые могут быть исключены; 3) все есть истина в некотором смысле; 4) истина – нерелевантное понятие, оно безнадежно произвольно для того, чтобы основывать на нем принимаемые решения (*Ibid.*). Данный список Руниана Ф. Тшуди (*Tschudi*, 1989) дополняет еще одной установкой, которая, по его мнению, хотя специально и не эксплицируется Рунианом, также должна быть включена в обсуждение, поскольку соответствует общей логике рассуждений последнего: 5) ни одна из интерпретаций не является истинной. Тшуди замечает, что последняя установка подчеркивает открытый характер научного исследования и необходимость сомнения: даже если мы полагаем, что на сегодняшний день достигли истины, нужно помнить, что все наши утверждения временны и завтра могут быть изменены. Сам Руниан указывает на первую установку как на идеал: «Критическая проверка... позволяет отбрасывать многие утверждения как неправдоподобные или маловероятные. В идеале этот процесс должен привести к единственному хорошо обоснованному объяснению» (*Runyan*, 1981, р. 1075). При этом Руниан признает, что после критической проверки могут остаться несколько объяснений, в равной мере согласующихся с именуемым материалом (*Ibid.*). Мы полагаем, что замечания Руниана можно принять с учетом акцентированной Ф. Тшуди критической установки на возможность постоянного улучшения знания. И мы абсолютно согласны с Рунианом в том, что 3 и 4-я установки представляют собой отклонение от самой идеи науки: предположить, что все интерпретации являются истинными в том или ином

смысле либо утверждать, что истина произвольна, – значит вообще отказаться от критического мышления, на котором основана наука как культурный институт. В другой нашей работе (Бусыгина, 2007) мы уже подчеркивали, что радикальный релятивизм постмодерна ведет к утере внутренних самокорректирующих механизмов, без которых любой идее грозит опасность превратиться в сугубо идеологическое построение.

Обратим внимание, однако, что несмотря на общую логику движения самокритики, которой должны быть подчинены любые научные исследования, конкретные стратегии валидации в качественных и количественных исследованиях будут отличаться друг от друга в силу разницы самих исследовательских методологий. Более того, поскольку качественные исследования представляют собой весьма разнообразное исследовательское поле, стратегии валидации в них будут зависеть от конкретного подхода, на который ориентируется исследователь. В настоящей работе мы ограничимся обзором лишь наиболее общих стратегий и техник валидации в качественных исследованиях.

Стратегии валидации в качественных исследованиях. Как пишет С. Квале (2003), в контексте «критического рационализма», когда «погоня за абсолютным, определенным знанием сменяется концепцией знания, отстаивающего свои притязания», валидация становится «вопросом выбора между соперничающими интерпретациями, которые могут быть опровергнуты, вопросом проверки и выдвигания аргументов в пользу сравнительной надежности тех или иных соперничающих знаний» (с. 238). Квале полагает, что в данном случае валидация опирается на уровень мастерства в исследовании и включает в себя три аспекта – проверку, постановку вопросов и теоретическое осмысление полученного знания (*там же*). По сути, выделяемые Квале аспекты валидации представляют собой общие векторы стратегий валидации. Как мы уже отмечали, в соответствующей методологической литературе обсуждение техник валидации носит несколько хаотичский характер. На наш взгляд, выделяемая Квале схема аспектов валидации позволяет упорядочить обсуждение стратегий и техник валидации и, возможно, даже дает основание для их обобщенного представления.

Валидировать – значит проверять. Общая стратегия, на которую может ориентироваться исследователь, представляет собой «сравнение признаков» (*pattern-matching*): работая с данными, исследователь формирует предварительную гипотезу, содержание которой затем сравнивает с фактическим материалом, при необходимости корректируя гипотезу, и т. д. Конкретными техниками, при помощи которых осуществляется данная стратегия, могут выступать метод постоянного сравнения (*constant comparative method*), комплексная обработка данных (*comprehensive data treatment*), а также анализ девиантных случаев (*deviant-case analysis*) (*Silverman, 2000*). Метод постоянного сравнения предполагает сопоставление различных фрагментов данных друг с другом. В реальной практике исследователя нередко подсте-

регает опасность так называемой «анекдотичности», которая проявляется в том, что исследователь имеет тенденцию обращаться лишь к тем случаям, которые соответствуют его гипотезе, и игнорировать все остальные (*Мельникова, 2007*). Чтобы избежать указанной опасности, исследователю необходимо проводить комплексный анализ, требующий учитывать все имеющиеся данные. В процессе комплексного анализа данные объединяются друг с другом, и до тех пор, пока обобщение не будет действительным для каждого отдельно взятого фрагмента данных, результаты исследования нельзя считать достоверными. В свою очередь, комплексный анализ данных требует внимательного отношения и даже активного поиска девиантных или негативных случаев: исследователь, проводя «сравнение признаков» и разрабатывая предварительную схему анализа, будет постоянно сталкиваться с теми случаями, которые «выбиваются» из его схемы; внимательная фиксация и анализ таких случаев должны вести к модификации схемы, которая теперь должна включить в себя эти случаи, и т. д. В результате исследователь должен предложить такую гипотетическую интерпретацию, в которой получают объяснение все имеющиеся вариации эмпирического материала. Как говорит П. Рикер (*Ricoeur, 1979*), исследователю необходимо продемонстрировать, что его интерпретация наиболее вероятна в свете всех доступных ему данных. Безусловно, огромное значение играет то, каким образом исследователь формирует выборку: как правило, на начальных стадиях исследования выборка должна быть такой, чтобы давать наибольшее количество вариаций интересующего феномена, и затем логика ее формирования должна быть подчинена цели насыщения категорий (эту стратегию мы рассмотрим в связи с таким аспектом валидации, как теоретическое осмысление знания).

На наш взгляд, в контексте общей стратегии «сравнения признаков» могут быть переосмыслены такие техники, как валидация, осуществляемая респондентами, и триангуляция. В методологической литературе, как правило, данные техники описываются как способ проверки конечного продукта исследования. Однако такое понимание валидации респондентами и триангуляции влечет за собой ряд серьезных сложностей. К примеру, проверка, осуществляемая респондентами, их согласие или несогласие с результатами исследования зачастую не являются показателем степени качества исследовательских решений, поскольку результаты, к которым приходит исследователь, гораздо более высокого уровня абстракции, чем собственно речь и представления респондентов, так что эти результаты могут быть для последних неизвестными либо нуждаться в специальном обратном переводе на более близкий им язык. В ряде случаев ориентация на согласие респондентов побуждает исследователя держаться слишком близко к данным и ограничивает концептуализацию, что, безусловно, может вести к снижению валидности исследования. Что касается техники триангуляции, то она основана на допущении, что в случае качественно проведенного исследования фрагменты информации, полученные из различных ис-

точников, с применением различных методов сбора и анализа данных или различных теоретических перспектив, должны взаимно подтверждать друг друга, поскольку существует единая «реальность», которую мы, в конечном счете, и хотим познать. Понятно, что для большинства сторонников качественной исследовательской методологии данное допущение далеко не бесспорно: различные источники информации, методы и перспективы видения раскрывают реальность с разных сторон, так что, применяя их, вряд ли будет правильным ожидать полного совпадения результатов.

Вместе с тем, и валидизация, осуществляемая респондентами, и различные виды триангуляции могут рассматриваться как важнейшие техники валидизации, если мы понимаем их как часть исследовательского процесса и значимый элемент осуществляемого исследователем анализа: результаты проверок респондентов, как и результаты триангуляции, вносят свой вклад в общее движение «сравнения признаков», они дают исследователю дополнительную информацию для размышления, которая также должна быть интегрирована в общую гипотетическую интерпретацию.

Валидизировать – значит задавать вопросы. Обычно в количественных исследованиях мы изначально получаем уже в некотором смысле «отфильтрованные» данные. Применение стандартизованных методов и методик позволяет прицельно выделять в качестве эмпирических данных выраженность тех конструктов, для измерения которых эти методы и методики предназначены. В качественных исследованиях у нас нет такого «фильтрующего» инструмента, поэтому получаемый нами эмпирический материал всегда в известной мере избыточен: работая с материалом, мы рискуем потеряться в эмпирических деталях, так и не предложив обоснованного и научно значимого обобщения. Поэтому столь большое значение в качественных исследованиях приобретает «фильтрация» данных через вопросы, которые задает себе исследователь. К примеру, задаваясь вопросом: «Что именно данное высказывание говорит мне об интересующем меня феномене?», – мы получаем возможность отбросить множество альтернативных форм прочтения того же текстового материала.

В качестве общей стратегии валидизации в аспекте постановки вопросов можно назвать стратегию «методологического связывания»: компоненты метода в качественном исследовании должны быть когерентны исследовательским вопросам (Квале, 2003; Morse et al., 2002). Вообще, как справедливо замечает Р.К. Йин (Yin, 2003), исследовательские вопросы – это то, что исследователю необходимо постоянно «держать в уме» в процессе проведения исследования. Взаимосвязанность этапов в качественном исследовании, циклический характер исследования требуют, чтобы исследовательский вопрос определял методологический подход, который в свою очередь определяет процедуры сбора и анализа данных. Однако нужно иметь в виду, что качественные исследования – достаточно открытый тип исследовательской практики. Сами данные в качественном исследовании могут по-

требовать изменения подхода, что повлечет за собой переформулировку исследовательских вопросов и модификацию методов. Могут быть расширены или изменены планы формирования выборки. И каждый раз исследователю необходимо простраивать методологическую связь между данными, компонентами метода и целями исследования, когда каждый последующий компонент верифицирует предыдущий, как верифицирует и систему методологических допущений в целом (Morse et al., 2002).

Валидизировать – значит теоретизировать. Хотя степень концептуализации, на которую ориентирован исследователь, может быть различной, и в своем «восхождении» от данных к концептуальному видению исследователь волен остановиться на том уровне концептуализации, который посчитает нужным, учитывая исследовательский вопрос и цели исследования, можно сказать, что результаты качественного исследования всегда должны иметь «концептуальный вкус» – в противном случае описанная исследователем картина либо останется тривиальной, либо рискует стать похожей на случайную зарисовку мало согласующихся между собой эмпирических деталей.

В аспекте теоретического осмысления основная стратегия валидизации может быть названа «восхождением к теоретическому (концептуальному) видению». Одной из важнейших техник, при помощи которых осуществляется данная стратегия, является техника диалектического совмещения исследователем микро- и макро-перспективы, т.е. перспективы данных и перспективы теоретического/концептуального понимания. Качественно проведенное качественное исследование предполагает, что предлагаемое исследователем интерпретативное построение поддерживается теоретическими соображениями и логической аргументацией. Задействованный в этом процессе когнитивный механизм прекрасно описан Д. Кэмпбеллом (1996). Кэмпбелл замечает, что в условиях неполной и противоречивой информации исследователь имеет способность формировать интегрирующий концептуальный образ феномена, который предшествует вычленению в нем отдельных паттернов и переменных. Безусловно, в большей мере это удастся исследователю, обладающему известной долей «теоретической чувствительности», которая позволяет «схватывать» целостный концептуальный образ объекта или проблемы даже в случаях реального дефицита эмпирической информации о них. По-видимому, такая способность мысленного воссоздания действительности при минимуме изначальной информации основана на том, что исследователь способен соотносить известные ему факты с логическими и причинно-следственными связями. Кроме того, сама реальность, постигаемая качественными методами, вероятно, способствует концептуализации данных. Как пишет С.А. Белановский (2001), исследователь-«качественник» всегда имеет дело с некими целостными социальными объектами либо целостными описаниями, внутренне согласованными точками зрения, высказываемыми респондентами. И этот факт значительно облегчает задачу концептуального осмысления первичных данных и страхует исследователя от

смыслового распада полученных им данных (*там же*). Диалектическое движение между микроперспективой данных и макроперспективой концептуального образа будет означать попытки выстроить логически непротиворечивую интерпретацию, систематически обосновываемую данными. В конечном счете, качество исследования будет зависеть от того, насколько исследователю удастся подобная концептуализация, насколько ему удастся интерпретативная конструкция, все части которой логически взаимосвязаны и которая обладает одновременно качествами теоретической правдоподобности, согласованности с имеющимися теоретическими перспективами и теоретической интересности, нетривиальности.

Еще одна техника, при помощи которой реализуется стратегия восхождения к концептуальному видению, – теоретическое насыщение категорий (и связей между ними). Эта техника тесно связана с процедурами формирования выборки и особое значение имеет в подходе обоснованной теории (Страусс, Корбин, 2007). Суть ее состоит в том, что мы прицельно подбираем респондентов, чтобы получить насыщенные данные, позволяющие выстраивать относительно завершённую, проработанную в разных своих фрагментах теоретическую интерпретацию. Следует заметить, что исследователи, проводящие качественное исследование, могут совершать ошибку, полагая, что быстро достигли точки насыщения, когда привлечение следующих респондентов не привносит ничего нового в создаваемые ими интерпретативные конструкции. Быстрое насыщение категорий, проявляющееся в повторяемости получаемой информации, может свидетельствовать лишь об однообразии выборки и как раз о дефицитности в насыщении фрагментов интерпретации. Страусс и Корбин полагают, что нужно обращать большее внимание на вариации существования феномена, делая выборку максимально разнообразной и пытаясь включить в анализ «негативные случаи» (*там же*).

В качественных исследованиях мы нередко сталкиваемся с проблемой, которую озвучивают как сторонники, так и противники качественной исследовательской методологии, – это проблема множественности интерпретаций. Должны ли мы принять позицию теоретического релятивизма и признать правомерность множества интерпретаций, ориентированных на различные теоретические перспективы? Или более оправданной является позиция поиска возможных оснований для сравнения теоретических перспектив (по крайней мере, в аспекте их применимости по отношению к данному материалу)? Мы разделяем, скорее, вторую точку зрения. Выше, со ссылкой на У.М. Руниана, мы попытались показать, что ряд интерпретативных конструкций может быть отброшен ввиду отсутствия их обоснованности эмпирическими данными. Вслед за многими видными теоретиками, озадаченными проблемами интерпретации в гуманитарных науках и литературной критике (среди них, к примеру, П. Рикер (*Ricoeur*, 1979), У. Эко (*Eco*, 1992) и др.), мы принимаем принцип критического рационализма К. Поппера, согласно которому довольно сложно определить критерии «истинности»

интерпретации, но, как минимум, можно найти правило для установления «ложных» интерпретаций. И таким правилом для нас является способность или неспособность интерпретатора следовать за эмпирическим материалом в его целостности, степень «программируемости» интерпретации текстом.

И даже после того как будут отброшены заведомо неэкономичные и не согласующиеся со всем комплексом данных интерпретации, можно предположить, что часть проблемы все-таки останется. Мы можем столкнуться с ситуацией, когда несколько теоретических интерпретаций вполне отвечают эмпирическому материалу, и выбор той или иной теоретической перспективы, казалось бы, не имеет никаких иных оснований, кроме личных предпочтений исследователя (С. Квале приводит пример интерпретации улыбки Сюзанны шестью психотерапевтами, ориентирующимися на различные концептуальные установки; каждая из приведенных интерпретаций вполне правдоподобна (Квале, 2003, с. 200–201)). Однако даже в этом случае мы бы не стали поддерживать позицию интерпретативного релятивизма, хотя в принципе допускаем возможность нескольких правдоподобных интерпретаций. С. Квале высказывает важную мысль о взаимосвязанности контекстов интерпретации, в частности, контекста той или иной теории и контекста здравого смысла (*там же*, с. 214). Мы бы добавили, что выбор теоретической перспективы интерпретации может диктоваться возможностью усиления смыслов, «программируемых» текстом. В этом случае прочтение в контексте теории и прочтение в контексте здравого смысла не только естественно перетекают друг в друга, но и взаимно поддерживаются. На наш взгляд, эта интуитивная осмысленность является важным критерием конструктивной валидации и в экспериментальных исследованиях, как о ней пишет Д. Кэмпбелл (1996). Х.-Г. Гадамер подчеркивает, что существует нечто вроде особого чувства – «чувства такта», которое может быть «приобретено путем неустанного обхождения с вещами» (Гадамер, 2000, с. 9) и которое и дает нам зачастую понять, что то или иное наше предположение «невозможно» (или «нежелательно» в свете имеющейся ситуации).

На наш взгляд, за выбором той или иной теоретической перспективы нередко стоят ценностные приоритеты интерпретатора, и это обстоятельство еще более усложняет возможность поиска рациональных оснований для выбора между конкурирующими интерпретациями. Можем ли мы предложить рациональное обоснование этики? Или – поставим вопрос более узко – можем ли мы спорить по поводу ценностей? В одном из англоязычных исследований формирования мужской идентичности у подростков (см.: *Frosh, Emerson*, 2005) авторы приводят две интерпретации речи мальчика, демонстрирующего непринятие ряда нормативных гендерных требований, принятых в той среде, к которой он принадлежит. Одна из интерпретаций примыкает к психоаналитической традиции и трактует формы протеста данного субъекта против нормативных ожиданий как рационализацию сексуальной тревоги. Другая же интерпретация в большей мере согласуется с нарратив-

ным подходом и фокусируется на путях формирования альтернативных проектов мужской идентичности, проявляющихся, в частности, и в выражении непринятия требуемых окружением образцов мужского поведения. В сущности, и та и другая интерпретация, как показывают авторы, получает свое эмпирическое подтверждение. Возможно, обе интерпретации равно вызывают доверие, будучи в равной мере логически согласованными и вполне отвечающими «программируемым» смыслам текста. Однако внимательный взгляд на предлагаемые авторами интерпретации позволяет заметить, что ценностный базис их различен: если первая интерпретация основана на идее нормы идентичности и «дефицитарности» отклоняющихся от нее вариантов субъективности, то во второй предпринимается попытка мыслить многообразие идентичностей по возможности в позитивных терминах. Иными словами, выбор между двумя приведенными интерпретациями, по сути, представляет собой выбор между ценностной перспективой «нормализации посредством решения проблем» и ценностной перспективой довольно релятивистского (в ценностном плане) акцентирования «многообразия жизненных миров». Существуют ли на сегодняшний день условия для рационального обоснования подобного выбора? У нас нет окончательного ответа на этот вопрос. Однако, солидаризуясь с историческим подходом к пониманию науки (Позер, 1996; Хьюбнер, 1994 и др.), мы бы подчеркнули, что вопрос об истинности научных суждений имеет место в контексте целостного культурно-исторического ансамбля, так что истинность в конечном счете определяется тем, насколько научное исследование отвечает «устремлениям» эпохи, насколько открываемые им горизонты согласуются с контекстом современных философских, социально-политических и иных представлений, что дает исследование культуре в целом и т. п. По нашему мнению, обсуждение конкурирующих интерпретаций и продвигаемых ими ценностей тоже должно иметь в виду такой целостный контекст культурно-исторического ансамбля современности. Безусловно, ввиду гетерогенности языковых игр, ценностных позиций, дискурсивных контекстов вряд ли мы сможем рассчитывать на скорое окончание дискуссии. Возможно, из-за этической заостренности проблем, с которыми имеют дело социальные и гуманитарные науки, «истина» в них остается концептом еще менее определенным, чем тот «горизонт истины», о котором в свое время писал К. Поппер применительно к естественно-научным дисциплинам. Как говорит Х.-Г. Гадамер, науки о духе – это *logoi*, ведение разговора, «только» ведение разговора, и все-таки, несмотря на всю сомнительность и рискованность такого определения, «именно здесь, при использовании этого средства, может обрести место высочайшее, что достижимо для человека на пути к истине» (Гадамер, 2000, с. 12). Подчеркнем, что, по нашему мнению, выход в более широкие, чем собственно логика экспериментального исследования, контексты обсуждения интерпретаций наряду с усилением неопределенности парадоксально привносит и частицу определенности в наши попытки выбора интерпретаций, поскольку дает хоть какие-то ориентиры.

Как видим, затронув проблему валидизации исследования в аспекте теоретического осмысления, мы вплотную подошли к проблемам этики исследования. Однако прежде чем несколько более подробно остановиться на них, сделаем одно важное, с нашей точки зрения, замечание.

Выше мы подчеркнули, что разработка концепции качества качественного исследования – принципиально иной по сравнению с той, которая принята в традиционной эмпирической психологии, – в значительной мере способствует маргинализации данного типа исследований. Мы готовы согласиться с такими авторами, как Кирк и Миллер (Kirk, Miller, 1986), что на более глубоком уровне исследователи мыслят одинаково, независимо от того, какую именно методологию они предпочитают.

Вместе с тем необходимо заметить, что подобный акцент на глубинном сходстве мышления таит в себе и немалую опасность, к которой, вероятно, особо чувствительны те, кто предлагает радикально реконцептуализировать основания качественной исследовательской практики. Дело в том, что в дихотомическом разделении количественного/качественного явно доминирующим на «политической сцене» современной психологии является первый термин, оставляя второму роль «подавляемого другого», если использовать термины деконструктивизма и социальной критики. Как только мы пытаемся снять разделение, говоря о сущностной общности того и другого, доминирующая сторона начинает поглощать иное, не оставляя ему возможности для собственного самоопределения, так что, в конечном счете, при такой стратегии можно ожидать, что устоявшаяся традиция позитивистских количественных исследований в психологии вытеснит качественную методологию, подчинив ее собственным правилам и отведя ей вспомогательную роль (что и происходит в реальности, как можно подчас наблюдать в установках и действиях коллег). Но и акцент на абсолютности различий в «политическом» смысле не менее проблематичен, поскольку, как мы уже говорили, также способствует маргинализации качественных исследований. Возможно, должна быть проведена серьезная работа по деконструкции выделенной дихотомии количественное/качественное. И первый шаг такой работы, пожалуй, будет состоять в том, чтобы, отдав приоритет «слабому звену», т. е. качественной исследовательской методологии, посмотреть, что именно важного привносит она в наше понимание научного исследования в психологии в целом и как она перестраивает наше видение стандартов качества исследования независимо от его типа.

Этическая валидизация. Большинство качественных подходов разделяют друг с другом критическую позицию по отношению к традиционному эмпирическому исследованию в психологии. И одна из главных мишеней их критики – методоцентризм позитивизма, следствием которого становится выхолащивание самой идеи научного исследования. Погоня за точностью метода подчас смещает на второй план задачу качественной интерпретации результатов. Между тем именно интерпретация полученных «фактов»

(к примеру, связей между теми или иными переменными) является смыслообразующей частью любого исследования. Один из видных сторонников качественной исследовательской методологии Амедео Джорджи утверждает, что просто получить факты недостаточно, поскольку в фактах самих по себе не раскрывается их отношение к человеческой субъективности: необходима оценка фактов с точки зрения их психологического смысла (*Giorgi, 2006*). «Возможно, мы нуждаемся в более ясном осознании того, что как гуманитарная дисциплина психология является понимающей (appreciative) или оценивающей (evaluative) наукой. Мы не можем строить гуманитарную науку, исключив ее связь с человеческой субъективностью» (*Ibid.*, p. 13).

Сторонники качественной исследовательской методологии подчеркивают, что, в отличие от естественно-научных дисциплин, проблемы, которые ставит перед собой психология, обусловлены не только внутренней логикой развития самой дисциплины – они тесно связаны с культурно-историческим моментом и особенностями жизненного мира. Осознание укорененности психологического понимания в языке и культурно-историческом опыте позволяет говорить, что в психологическом познании есть нечто такое, что выходит за пределы ведомства научного метода. Речь идет, по выражению Х.-Г. Гадамера, об «опыте постижения истины, превышающем область, контролируруемую научной методикой» (*Гадамер, 1988, с. 39*).

Тесная связь психологии с жизненным миром делает невозможным ее отрыв от ценностного контекста. Продвигаемые позитивизмом претензии на ценностную нейтральность зачастую лишь затемняют социальную и политическую ангажированность научных проектов. В частности, как мы показали в 1-й главе, ряд исторических исследований (*Tankard, 1984*; и др.) убедительно демонстрирует, что за видимым объективизмом пионеров математической статистики стояли попытки создать науку, востребованную властными режимами современной им реальности. И хотя возможно, что связь политически ангажированной науки с развитием математических методов – это всего лишь историческая случайность, но этот факт заставляет нас более внимательно отнестись к тому, что в действительности может стоять за «объективностью» и «нейтральностью» научного метода.

Ценности – неотъемлемая часть человеческого бытия. Пытаясь строить объективную, нейтральную науку, психологи, к сожалению, не всегда в полной мере осознают, что самими своими исследованиями они выражают и даже «продвигают» те или иные ценности. Как показывает Э. Салливан, ценностная нейтральность – «недостижимый, нереалистичный и, в конечном счете, нежелательный идеал для психологов»: то, чем занимаются психологи, есть не что иное, как «этическое предприятие», и осознание этого факта требует «радикального сдвига в основании от дихотомии теории (эпистемы) – практики (норматива) к ориентации на праксис» (цит. по: *Giorgi, 2006, p. 9*).

В обозначенной перспективе вопрос валидности исследования приобретает этическое звучание: вместо того чтобы служить лишь демаркационным

критерием между «истинными» и «ложными» пропозициями, валидность находит свое место в дискурсе научного и более широкого людского сообщества, перед которым теперь встает необходимость выносить суждения о качестве исследования по его моральным и практическим следствиям, а не только на основании методологических критериев (*Квале, 2003; Angen, 2000; Mishler, 1990; Smith, 1990; van Manen, 1990*). М.Дж. Анген (*Angen, 2000*) подчеркивает, что научные исследования должны вносить свой вклад в поддержание этического модуса существования, и это особенно касается интерпретативных гуманитарных исследований, поскольку их цель – более полное понимание смыслов повседневного человеческого существования. Как пишет М. ван Манен (*van Manen, 1990*), исследование должно давать вдумчивый, чуткий и внимательный ответ на вопрос: «Как нам, будучи людьми, в более полной мере стать теми, кем мы являемся?» Похожим образом мыслит Л. Хешузиус (*Heshusius, 1994*), когда призывает к этическому обоснованию валидности исследования чувством разделяемой друг с другом со-человечности.

Впрочем, ответить на вопрос, что именно сегодня мы будем считать «разделяемой друг с другом со-человечностью», довольно сложно. Он выводит исследователей в поле философско-антропологических дискуссий о природе человека, константах человеческого существования и т. п. Мы бы сказали, что задача этической валидации сегодня решается в рамках четырех основных направлений идей, каждое из которых, как нам представляется, отражает определенную грань ценностных унаследований современности.

Первое из этих направлений получило наибольшую выраженность в критических социальных исследованиях. Как исследователи, мы всегда принимаем решения относительно того, что действительно стоит исследовать и как именно это делать. Выбор исследовательской области, теоретической перспективы и метода сам по себе имеет этическое и политическое значение. И основной ценностной ориентацией исследователя, в свете идеи социальной критики, должна быть его готовность выражать интересы людей, причем не только доминирующих групп, но всего общества (*Tolman, Maiers, 1991*). Социальная этика и моральные обязательства психологии должны быть тесно связаны с анализом и трансформацией властных отношений в обществе (*Prilleltensky, 1994*). Методологически такая ценностная установка может выражаться в том, чтобы по возможности создавать и поддерживать в исследовании (и самим исследованием) контекст равенства, внутри которого будет услышан любой голос и который позволит в полной мере проявляться социальным различиям и неоднозначности. Как можно видеть, идея социальной критики основана на такой ценностной составляющей современного культурного пространства, как акцент на многообразии жизненных миров, и этическая валидация в свете этой идеи будет состоять в том, чтобы, откликаясь на проблемы современности, всячески поддерживать это многообразие и ограничивать универсалистские притязания доминирующих групп.

Яркими представителями второго направления идей являются сторонники феноменологических и гуманистических исследований в психологии. В их работах этическая валидизация принимает форму преодоления редукционизма в познании и понимании человеческого мира. Примером данной позиции в отношении этической валидизации может служить уже цитированная нами работа А. Джорджи (*Giorgi, 2006*). Джорджи подчеркивает, что гуманитарная наука не может быть абсолютно свободна от ценностей в том смысле, что она призвана исследовать человеческую реальность в не-редукционистской манере и ее методы должны быть созвучны этическому измерению этой реальности. Для Джорджи такое требование означает методологическую позицию «верности (*fidelity*) феноменам». На какие ценности должна ориентироваться психология, чтобы оставаться «верной» человеческим феноменам? Джорджи пишет, что психологическое исследование должно быть построено таким образом, чтобы каждый из участников исследования мог присутствовать в нем в наиболее полной мере, мог проявлять в нем всю полноту своего человеческого опыта. Джорджи предлагает свой вариант того минимума измерений личностного бытия, которые по возможности необходимо включать в исследование: это *социальность, историчность, телесность* и *экспрессивность*. Каждое из этих измерений носит достаточно обобщенный характер, и в них можно выделить более простые категории (к примеру, социальность может включать в себя классовую принадлежность, семейные отношения и т. п.; историчность подразумевает различные формы временной перспективы, биографическую информацию и т. п.; и т. д.). Согласно Джорджи, все эти измерения личностного бытия могут быть релевантны теме исследования в том случае, если участник исследования спонтанно принимает решение выразить их. Безусловно, нет необходимости в том, чтобы в каждом фрагменте исследования присутствовали все указанные измерения, но возможность для их раскрытия должна существовать всегда; точно так же участники всегда должны иметь право обойти молчанием темы, относящиеся к каким-то из этих измерений (*Ibid.*). Джорджи подчеркивает, что экспериментальная психология также уделяет внимание выделенным им измерениям, однако она в большей мере заинтересована в том, чтобы контролировать их, к примеру, путем уравнивания экспериментальной и контрольной групп испытуемых, – а Джорджи говорит о необходимости раскрыть специфическую роль каждого из них в порождении смысла конкретного опыта. По мнению Джорджи, как исследователи мы можем неплохо разбираться в теориях, но не понимать смысла того опыта, о котором нам сообщают участники исследования, в то время как именно раскрытие этого смысла и является научной и этической задачей психолога (*Ibid.*).

Третье направление идей, дающее ориентиры для этической валидизации исследования, подчеркивает такие аспекты знания, как открытость новым смыслам и креативность. Причем речь идет не только о новизне и не-тривиальности в научном смысле, но и о возможности знания внести свой

вклад в культуру в целом, обогатить символическое структурирование жизненного мира. В духе идей Х.-Г. Гадамера можно сказать, что у исследователей есть особая этическая задача – включиться в жизнь традиции, но не для того, чтобы бесконечно повторять уже известное, а для того, чтобы расширить границы понимания, откликаясь на вызовы современности. Хорошее исследование – это исследование, которое несет в себе «генеративное обещание» (*generative promise*) (*Peshkin, 1993*) и расширяет «горизонты смысла» (*Madison, 1988*): оно поднимает новые вопросы, создает новые возможности и стимулирует продолжение диалога. П.А. Латер (*Lather, 1993*) использует термин «ризоматическая валидность» для описания способности исследователя усматривать новые связи и преодолевать границы наличного и известного. М. Дж. Анген (*Angen, 2000*) подчеркивает, что без креативной способности исследователя выходить за пределы простой репрезентации его работа остается безжизненной. По мысли Х.-Г. Гадамера (1988), понимание как реконструкция изначального в его самобытности не может быть ничем иным, как передачей «мертвого смысла»: необходимо включать воображение, которое, соединившись с систематичностью научного метода, будет способно открыть новые смыслы. Однако нужно помнить, что результат этой «новизны» всегда весьма скромнен: мы уже подчеркивали, что гуманитарные науки – это всего лишь «разговор», и мы вряд ли можем претендовать на некую «новую истину» или окончательное слово. Единственное, на что мы вправе рассчитывать, – это наш вклад в продолжение разговора, обновленного и, быть может, более продуктивного.

Наконец, еще одно направление идей, ставших основанием этической валидизации, имеет отношение к прагматическому модусу исследования. Возможно, это направление тесно связано с первым – критическим – подходом в психологических исследованиях. Но мы выделили его в отдельную группу, поскольку, как нам представляется, оно продвигает ряд весьма радикальных форм исследовательского письма и его оценки, которые значительно отличаются от более традиционных форм рефлексии собственных ценностных оснований, принятых в критических подходах. Валидность, на которой настаивают авторы, отнесенные нами к данному направлению идей, получила название «трансформационной», «трансгрессивной», «паралогической» (*Lather, 1993; Lenzo, 1995*). Можно сказать, что источником этих представлений выступают преимущественно идеи французского постструктурализма. Трансгрессивные формы валидизации предполагают, что исследователь предпринимает рефлексивные попытки избежать роли привилегированного обладателя экспертного знания и предлагает различные формы кооперативной работы и со-авторства с исследуемыми. По сути, трансгрессивная валидность – это радикальный путь сопротивления властным режимам. Исследователю необходимо как бы «децентрировать» авторскую позицию, показывая, что его голос – лишь один из многих, текст же всегда носит полифонический характер, соединяя в себе голоса множества других людей и отсылая к иным текстам. К примеру, автор (безусловно, сама

фигура автора в свете идей постструктурализма весьма сомнительна, здесь имеется в виду тот эмпирический автор, чье имя значится на титульном листе или первой странице публикации) открыто рефлексивно над способами конструирования собственного текста, вводя в него неотредактированные транскрипты интервью, эстетические коллажи и т. п. Цель подобных экспериментаций – продемонстрировать риторическую условность научного построения, тем самым способствуя преодолению иллюзии объективности науки; объективность науки есть не что иное, как захват власти определенными типами письма; приоритет позитивизма – историческая случайность (хотя, безусловно, мы можем проанализировать его культурно-исторические и философские предпосылки), и мы можем изменить существующее положение дел, преодолевая косность и догматизм привычных нам форм мысли и, соответственно, открывая себя новым смыслам. Как можно видеть, идея трансформационной (трансгрессивной) валидации, как и идеи предыдущего отмеченного нами направления мышления, основана на ценностях креативности и новизны, однако подразумеваемое ею культивирование антидогматизма принимает крайние варианты. Возможно, сама эта идея и несет в себе креативный потенциал, стимулируя рефлексивную и необходимость нового взгляда на само собой разумеющееся, однако, на наш взгляд, в своем радикальном виде она становится родом интеллектуальной игры, не столько поднимающей этические проблемы исследования, сколько уводящей в сторону от них, как уводит она, в конечном счете, и от той аргументативной взвешенности суждений и ответственности за них, которые, по нашему мнению, являются неотъемлемой чертой научной рациональности.

Итак, мы попытались показать, что качество исследований, выполненных в рамках качественной методологии, во многом определяется тем, насколько их проведение согласуется с основными принципами критической рациональности. Подчеркнем, что путь валидации, ориентирующийся на принципы критической рациональности, способствует сближению различных типов методологий на основе применения единого метакритерия научности.

Вместе с тем можно полагать, что для получения значимых результатов в психологии систематичности научного метода явно недостаточно: психологическое исследование, будучи тесно связанным с практиками жизненного мира, вопросами личностного самоопределения людей, образования, воспитания и т. п., неизбежно предполагает ценностный контекст. И именно в рамках качественной исследовательской методологии огромное внимание уделяется формам не только собственно научной, но и этической валидации. Обоснование утверждений психологического знания требует «нового» языка, который, опираясь на свойственную науке критическую рациональность, позволял бы выходить за пределы логики экспериментального исследования с акцентом на точности метода. И, возможно, суть того реформаторского движения, каким являются сегодня качественные исследования в психологии, как раз и состоит в поиске такого языка.

ЧАСТЬ 2 ТЕХНОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как отмечают Н. Дензин и И. Линкольн (*Denzin, Lincoln, 2005*), сегодня сторонники качественных исследований вынуждены сталкиваться с тремя кризисами – кризисом репрезентации, кризисом легитимации и кризисом праксиса. Способен ли исследователь при помощи текста аутентично отобразить жизненный опыт Другого – опыт участников исследования? Как оценить степень адекватности данных и результатов, если переосмысление критериев валидности, надежности и обобщаемости не получило признания? И возможна ли вообще оценка качества исследования сегодня, «после постструктурализма»? Кризисы репрезентации, легитимации и праксиса ставят под сомнение способность тех, кто практикует качественные исследования, извлекать интерсубъективно значимый смысл из своих данных. Ответом на эти кризисы является внимание, которое уделяется сегодня проблеме «строгости» качественных исследований, где «строгость» определяется, во-первых, степенью «публичности» и воспроизводимости способов сбора данных и анализа результатов и, во-вторых, степенью соответствия нормам научности, переосмысленным в связи с особенностями качественного исследования. Если требование «публичности» предполагает в качестве субъекта оценки исследования сообщество, которому это исследование адресовано, то требование соответствия нормам открывает возможность самому исследователю оценивать качество собственного исследования. Причем нельзя сказать, что «строгость» как открытость публичной оценке и «строгость» как соответствие нормам – это никак не связанные между собой группы критериев, поскольку нормы научности для качественного исследования (и это мы показали в предыдущей главе) включают в себя практики рациональной аргументации – интерсубъективные по своей природе и, следовательно, имеющие отношение к «публичности».

Любое исследование, и качественное в том числе, включает в себя этапы выбора темы, планирования и проведения исследования, анализа данных и представления результатов. В силу специфики качественной исследовательской методологии, которую мы в общих чертах представили в 1-й главе, каждый из этапов качественного исследования отличается рядом особенностей от соответствующих этапов исследований других типов. На наш взгляд, основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь-«качественник», состоят в том, что, с одной стороны, к качественным исследованиям нельзя подходить с точки зрения принятых в психологии стандартов, но, с другой стороны, качественные исследования остаются формой на-

учной практики, а потому должны соответствовать более широким нормам научной рациональности. Во 2-й главе мы показали, что принципы критического рационализма должны быть приложимы к любым типам психологических исследований. Однако остается вопрос о конкретных методологических правилах, на которые могут ориентироваться те, кто практикует качественные исследования. Помимо общих принципов, которые мы очертили в предыдущих двух главах нашей работы, необходима рефлексия процесса качественного исследования на каждом из его этапов, что мы и собираемся предпринять в данной главе. Наша задача – систематизировать основные правила проведения качественного исследования, представить методологический каркас, позволяющий сделать исследовательский процесс как можно более видимым и «публичным», а также дать анализ наиболее значимых моментов каждого из этапов качественного исследования, продумывание которых, по нашему мнению, вносит существенный вклад в повышение его научной «строгости». Еще раз подчеркнем, что качественные исследования, хоть и ставят под сомнение многие устоявшиеся правила психологического исследования, являются продолжением западной научной традиции и, как замечает В. Анфара с соавт., содействуют продвижению основополагающего принципа научности – принципа «открытости на основе опровержимости и свободы от предубеждений» (Anfara et al., 2002, p. 28).

Глава 3 Особенности планирования и проведения качественного исследования

Концептуализация исследовательского вопроса и типы исследования

В настоящее время качественные исследования проводятся в различных областях психологии, например, в области психологии личности (скажем, для исследования особенностей ценностно-смысловой сферы), в клинической психологии (к примеру, для исследования личности больного человека с использованием метода клинической беседы и проективных методов), в гендерных исследованиях, в социальной психологии (скажем, для исследований восприятия рекламы или продуктов масс-медиа), в психологии семьи и др. Достаточную популярность приобрели психоаналитические и экзистенциально-аналитические психобиографии и интерпретации художественного творчества. Жанр психотерапевтического анализа случая – это тоже своеобразное качественное исследование, основанное на принципах аналитической интерпретации.

Принципиальный вопрос – есть ли основания для выбора качественно-исследования? И если есть, то какие?

Нужно сразу сказать, что однозначно ответить на этот вопрос трудно. Безусловно, выбор количественной или качественной традиции исследования определяется прежде всего формой исследовательского вопроса. Однако непонятно, диктует ли исследовательская проблема методологию, которая будет использоваться, или исследователь изначально ориентирован на определенный исследовательский «дизайн» и ставит вопросы так, чтобы они соответствовали его ориентации. В самом деле, многие исследователи склонны ставить исследовательские вопросы определенным образом, и им бывает очень трудно мыслить иначе (в силу особенностей когнитивного стиля, ценностных установок, характера профессиональной подготовки и т. д.). Главное, чтобы проводимое исследование соответствовало типу поставленного исследовательского вопроса. В психологии же нередко приходится сталкиваться с такими случаями, когда исследователи (главным образом начинающие) видят проблемы в такой перспективе, что для их решения более уместен был бы выбор статистического исследования, но сами исследователи при этом настаивают на качественном анализе данных (которого, безусловно, не проводят в силу изначального «некачественного» видения проблемы). Поэтому необходимо прояснить, какие именно исследовательские вопросы предполагают качественное исследование.

Качественные исследовательские вопросы зачастую характеризуют как открытые (open-ended), развивающиеся (evolving) и ненаправленные (non-directional) (Creswell, 2007). Обычно это вопросы, предполагающие описание переживания, исследование процесса, анализ структуры феномена, выявление типов и вариаций и т. п. Качественное исследование, как правило, заключается в описании и анализе, а не в сравнении групп (хотя в принципе такое тоже возможно, как будет видно из приведенного ниже примера исследования особенностей ценностно-смысловой регуляции при ипохондризациях личности) и не выявлении связей или отношений между переменными. Поэтому исследовательские вопросы, предполагающие качественное исследование, это в основном вопросы «что» и «как»; вопросы же о влиянии, степени выраженности тех или иных психологических свойств, предполагающие сравнение групп, в большинстве случаев требуют планирования других типов исследования.

Приведем примеры вопросов, для ответа на которые уместно было бы проведение качественного исследования: «Как женщины справляются с беременностью, осложненной хронической болезнью?»; «Какова структура и “текстура” эстетического переживания?»; «Какие сценарии используют мужчины и женщины для форматирования и осмысления собственного опыта любви?»; «Что представляет собой феномен истощения учебной мотивации у студентов и какова его динамика?»; «Как происходит религиозное обращение и каков его смысл для самих верующих?».

Для сравнения дадим пример исследовательских вопросов, относящихся к одной и той же исследовательской области, но предполагающих различный «дизайн» исследования. Скажем, вместо вопроса «Что собой представляет феномен истощения учебной мотивации у студентов и какова его динамика?», мы можем поставить вопрос «Каковы личностные предпосылки истощения учебной мотивации у студентов?» По сути, второй вопрос предполагает сравнение личностных особенностей студентов, не желающих учиться, и студентов, делающих это с удовольствием. Ответ на него может включать в себя качественный этап, результатом которого будут гипотетические представления о личностных факторах, ведущих к раннему истощению учебной мотивации, и эти представления будут нуждаться в последующей количественной верификации. Как видим, качественное исследование во втором случае, хотя и может иметь место, будет лишь частью (первым этапом) более широкого исследования количественного типа, тогда как первая формулировка исследовательского вопроса требует собственно качественного исследования, результатом которого будет понимание самого феномена истощения учебной мотивации, его возможной структуры, описание вариаций феноменологических проявлений, типологии форм истощения и т. п.

Таким образом, то, как поставлен исследовательский вопрос, будет определять, какого типа исследование нужно проводить. Но то, как исследователь ставит вопросы, во многом зависит не от предметной области, а от собственных предпочтений исследователя.

Начало исследования

Исследование планируется по трем ключевым вопросам: «что?», «зачем?», «как?». «Что» определяет предмет исследования; «зачем» – уточняет цель; «как» – определяет техники, методы и методики, которые будут применяться для получения искомого знания (Квале, 2003). В качественных исследованиях, как и в других типах исследований, вопросы о предмете и цели исследования всегда предшествуют вопросам о методах: для того чтобы осмысленно ставить вопрос «как?», вначале должны быть получены ответы на вопросы «что?» и «зачем?».

Любое исследование начинается с определения исследовательской проблемы. Если тема исследования не задана извне (научным руководителем или сообществом коллег), а является предметом собственного активного поиска, то источником исследовательских проблем чаще всего выступает специальная литература. Однако специфика проблем, которые требуют качественного исследования, состоит в том, что они нередко возникают из жизненной практики, из личного или профессионального опыта исследователя. Для сциентистски-настроенного психологического сообщества такие проблемы могут выглядеть ненаучными. Между тем такого рода проблемы и исследовательские вопросы требуют несколько иного понимания научности, которое базируется на традиции обоснования специфики гуманитарных наук и предполагает тесную связь науки со структурами жизненного мира.

А. Страусс и Дж. Корбин (2007) справедливо замечают, что хотя процесс выбора исследовательской проблемы на основе собственного опыта и может казаться более рискованным, чем в случае, когда проблема предложена или найдена в литературе, на деле это не обязательно так: «пробный камень вашего собственного опыта, – пишут Страусс и Корбин, – может быть более ценным индикатором вашей попытки успешно реализовать свой исследовательский потенциал» (с. 31). Однако в случае поиска исследователем проблем внутри собственного опыта он нередко рискует поставить такую исследовательскую проблему, которая будет задана не познавательным интересом к тому, что представляется значимым, противоречивым или малоизученным, а его собственными личностными проблемами исследователя. В ряде методологических работ подчеркивается, что определение исследовательской проблемы и формулирование исследовательских вопросов – это диалог с миром, для которого необходимы открытость ему, настроенность на то, что происходит вокруг; в хорошем исследовании мы не столько «погружаемся» («конструируем») вопросы, сколько «слышим» их в мире.

Проблема в качественном исследовании может формулироваться достаточно широко. Серьезный вопрос – нужны ли в качественном исследовании гипотезы? Постановка гипотезы, как мы знаем, – важный этап исследований. Сама научность в традиции эмпирических исследований в психологии не мыслится без постановки гипотез. Однако, как мы показали в 1-й главе, очень многие моменты, связанные с гипотезами, относятся к мифологемам научности, бытующим в психологии. Безусловно, мы отнюдь не утверждаем, что мифологична сама практика постановки гипотез, проверке которых должно быть подчинено планируемое исследование. Научность определяется прежде всего исследовательским вопросом и способом постановки проблем, при этом форма исследования может быть различной: мы можем планировать как гипотетико-дедуктивное исследование, так и «открытие» типы исследований, не предполагающие проверки гипотез, но нацеленные на индуктивные обобщения и последующую гипотетическую теоретизацию по поводу какого-либо интересующего исследователя феномена.

В отличие от количественных исследований, предполагающих, как правило, довольно конкретную формулировку гипотезы, в качественных исследованиях гипотезы могут формулироваться лишь в самом общем виде и представлять собой скорее не гипотезы в традиционном смысле этого слова (т. е. утверждения, которые должны быть подвергнуты проверке), а выражение общей направленности научных поисков, диктуемой поставленной проблемой. Однако следует оговориться, что качественные исследования достаточно разнообразны. В большинстве случаев они имеют своей целью теоретизацию по поводу какого-либо феномена, описание типов и т. п., но в некоторых случаях они могут быть направлены на проверку гипотез или имеющейся теории – в последнем случае, безусловно, гипотезы формулируются гораздо более отчетливо. Иными словами, четкая конкретизация

гипотез требуется в исследованиях гипотетико-дедуктивного типа, цель которых – проверка некоторой теоретической модели. Таковы обычно количественные исследования. Качественные исследования чаще представляют собой открытые исследования индуктивного типа, и в них гипотезы извлекаются из «поля», а не привносятся в него. Поэтому в качественных исследованиях гипотезы, как правило, очень общие и большее значение имеет определение исследовательских вопросов. Первично широкая формулировка проблемы постепенно сужается в более конкретный проблемный вопрос, который, вместе с тем, все-таки оставляет известную свободу для маневрирования. В самом начале, на стадии постановки проблемы, должны быть определены: а) феномен, подлежащий изучению; б) его стороны и аспекты, на которых хотелось бы сфокусировать внимание и в) конкретные моменты, которые хотелось бы узнать о данном предмете (Семенова, 1998).

Ключевой момент для качественного исследования – выработка общего видения исследования еще до его начала. Как отмечает С. Квале, «когда мы используем более стандартизованные методы (эксперимент, опросник, тест), сама структура инструментария подразумевает заранее выбранный способ проведения исследования. Методологические альтернативы в этом случае встроены в сам инструментарий, например, в виде альтернативных ответов опросника, компьютерной программы статистической обработки и представления численных данных» (Квале, 2003, с. 103–104). В качественных исследованиях ситуация более неопределенная. Поэтому исследователю необходимо определять себя самому. Большое значение приобретает образ конечного результата, который исследователю всегда необходимо держать в голове, вместе с тем сохраняя открытость данным, чтобы уже в процессе самого исследования суметь увидеть альтернативы, в чем-то аналогичные альтернативам статистического анализа. Сложная проблема, с которой мы здесь сталкиваемся, – это проблема «наведенности» индуктивного вывода первоначальными имплицитными представлениями исследователя. Строго говоря, исследователю-«качественнику» не нужно ничего полагать заранее – напротив, большое значение приобретает «очищенность» сознания от любых предпосылаемых мнений (вспомним, что именно такое состояние сознания культивируют сторонники феноменологического подхода). Однако в том-то и дело, что сознание, абсолютно очищенное от предсуждений, недостижимо; но даже если допустить, что мы его достигли, – это повлечет за собой невозможность начать исследование вообще (и об этом очень аргументированно пишут представители философской герменевтики). Мы бы сказали, что общее видение исследования, сложившееся до его начала, и образ конечного результата, который нужно всегда держать в голове, – это ни в коем случае не схематическое представление ответа. Гипотезы же могут приобрести именно такую форму, и в этой своей форме возможного ответа они действительно диктуют ответ, чем снижают «чистоту» исследования (мы не рассматриваем здесь случай, когда плани-

руется проверка предлагаемой теоретической модели, – тогда гипотезы являются фальсифицируемыми утверждениями). Видение конечного продукта в качественном исследовании – не ответ, это, скорее, сам вопрос, это направление интереса исследовательских поисков.

Близость качественных исследований повседневным реалиям и структурам жизненного мира приводит к тому, что первоначальный исследовательский вопрос может ставиться, так сказать, в рамках «обыденности», с использованием обыденных, а не теоретических концептов. Поэтому большое значение в качественных исследованиях приобретает проблема определения конструкторов и теоретической рамки, в терминах которых уместно концептуализировать исследовательскую проблему. Понятно, что выбор конструкторов зависит не только от темы исследования, но и от интересов и личного опыта исследователя, а также от определенной исследовательской традиции, которой придерживается его учебное или исследовательское заведение, от предпочтений того или иного фонда, на финансовую поддержку которого он рассчитывает, от школы, к которой принадлежит сам исследователь или его научный руководитель, и др. Безусловно, четких правил, которые бы регулировали выбор теории и конструкторов, нет. Однако, на наш взгляд, внимание здесь можно обратить на то, насколько грамотно используется теория и насколько отдельные элементы (конструкты) исследования связаны друг с другом. В целом обсуждение того, какая теория лучше, наверное, нужно оставить идеологии. Между тем вполне уместно ставить вопрос, насколько для данного случая эвристично использование именно этих, а не других концептов, и открывает ли данная концептуализация проблемы перспективу для получения интересных, нетривиальных результатов. К примеру, нас может заинтересовать такой феномен повседневной жизни, как чувство «обесточенности», отсутствия жизненных сил, на которое нередко жалуются пациенты психотерапевтической службы. Понятно, что мы можем по-разному раскрывать психологический смысл этого феномена, обращаясь к различным теоретическим традициям. Скажем, мы могли бы задаться вопросом, каковы феноменологические проявления чувства «обесточенности» и типы отношения к нему, тем самым выбрав для исследования феноменологическую перспективу. Вполне уместно было бы попробовать рассмотреть это чувство в связи со смысловой сферой личности, используя, к примеру, теоретическую рамку психологии смысла В. Франкла. Возможно, психодинамическая традиция помогла бы нам раскрыть сложившиеся сценарии деятельности и взаимоотношений, к которым человек оказывается бессознательно привязанным, или бессознательную мотивационную динамику, симптомом которой в конечном счете и выступает интересующий нас феномен. В перспективе когнитивной психологии А. Бека мы попытались бы связать субъективное переживание отсутствия жизненных сил с особенностями когнитивных схем, используемых человеком для оценки себя и своих действий. И так далее. Таким образом, мы в самом деле

можем по-разному работать с феноменом, связывая его с различными теоретическими концептами. Однако при этом одни концептуальные рамки могут оказаться более удачными, открывающими хорошие исследовательские перспективы (предположим, те, которые имеют отношение к концепту мотивации), другие же окажутся тупиковыми или, по крайней мере, гораздо менее удачными в исследовательском плане (возможно, те, в которых отсутствие жизненных сил будет вписано в концептуальную рамку особенностей переживания как совладания с ситуациями невозможности в контексте различных «жизненных миров»; см.: *Васильюк, 1984*).

Обратимся к нескольким качественным исследованиям, представленным в литературе, и попробуем реконструировать, как могло бы выглядеть начало каждого из них, очертив проблему исследования, феномен, подлежащий изучению, и конкретные его стороны, на которых фокусируется исследователь (точнее, собирается фокусироваться, если мы предполагаем посредством собственной конструкции заглянуть в то прошлое, когда исследование еще только замышлялось).

Исследование особенностей смысловой регуляции деятельности при ипохондрических состояниях разного генеза (*Санарова, 1990*)

Главная проблема исследования – связь особенностей личности с развитием ипохондрических состояний. Для отечественной традиции характерно акцентирование субъектных свойств личности: как личность выстраивает свою жизнь, как относится она к собственным чертам характера, особенностям своего эмоционального реагирования и т. п. Развитая способность к смыслообразованию, смыслопостижению рассматривается в отечественной психологии как атрибут личностного здоровья и зрелости. В настоящем исследовании автора интересовала возможная связь развития ипохондрических состояний с особенностями ценностно-смысловой регуляции деятельности. Автор предположила, что именно недостатки такой регуляции могут приводить к общей ипохондризации личности. Для исследования особенностей смысловой регуляции автор исследования сосредоточила свое внимание на моментах ценностно-смыслового опосредования отношений к себе и своей жизни, к другим людям и миру в целом. При этом в качестве главного системообразующего принципа ценностного сознания она, в соответствии с отечественной традицией, рассматривала отношение к другому человеку.

Феномен – ценностно-смысловая регуляция; ее аспекты – ценностно-смысловое опосредование отношений к себе, другим людям и миру в целом; вопрос – как связаны недостатки ценностно-смысловой регуляции с ипохондризацией личности.

Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин (*Темкина, 1999*)

Современный либеральный дискурс «сексуального раскрепощения» открыл пространство для вербализации удовольствия в публичной сфере и во взаимодействиях. Удовольствие стало не только ожидаемым и желаемым, но и, по меткому выражению М. Фуко, принудительным. Причем интересно, что упо-

мянутый дискурс сексуального раскрепощения заявляет о себе как гендерно-нейтральный. Вместе с тем женская базовая сексуальная идентичность всегда описывалась с точки зрения позиционирования себя в качестве объекта мужского действия и желания; ее формирование ставилось в зависимость от взгляда и оценки значимого Другого (в данном случае – мужчины). В этой связи возникает вопрос, как преломляется современный дискурс раскрепощения на уровне индивидуального женского опыта и насколько он действительно является гендерно-нейтральным, т. е. в одинаковой мере относимым как к мужчинам, так и к женщинам. Автор исследования предположила, что интерпретация сексуального удовольствия в женских биографиях будет непосредственно связана со способом репрезентации гендерной идентичности.

Феномен – женская идентичность; ее аспект – интерпретация сексуального опыта; вопрос – является ли принудительность раскрепощения гендерно-нейтральной и как преломляются позиции субъекта и объекта желания на уровне индивидуального опыта.

«Двойник» Ф.М. Достоевского:

попытка психоаналитической интерпретации (*Кадыров, 2002*)

Двойник – сквозная тема всего творчества Достоевского. Что касается непосредственно его петербургской поэмы «Двойник», то ее выход совпал по времени с тяжелейшим психологическим кризисом в жизни самого писателя. Это произведение Достоевский мыслил как своего рода исповедь. Биографы обнаруживают впечатляющие параллели между личными переживаниями Достоевского и кризисом идентичности, описанным в «Двойнике». В истории психоаналитической интерпретации творчества и «психофизического склада» Достоевского широко известны две основные линии – отцовская линия (версия Фрейда, который описывает психическое состояние Достоевского и его эпилептические припадки как символические «припадки смерти»), как симтоматическое выражение убийственной атаки на него сурового интернализированного отца – Супер-эго) и линия матери-сублинга (версия, которой придерживается, в частности, Брегер, полагающий, что в своем литературном труде и жизни Достоевский отыгрывал и творчески перерабатывал фантазию об идеализированном слиянии с матерью, о «смертном» наказании за желание убить ее и сублингов и возрождении через вину и страдание). Возникает вопрос, нельзя ли в контексте «Двойника» Достоевского предложить интерпретацию, которая позволяла бы не противопоставить, а интегрировать две обозначенные выше линии. Допустимо предположить, что это возможно на основе современных представлений о первичной сцене и о более ранних (по сравнению с классическим вариантом) элементах эдиповой структуры.

Феномен – кризис идентичности героя Достоевского; аспекты – феномен двойника в контексте фантазма первичной сцены; вопрос – как именно видятся литературные эксперименты Достоевского, если мы прибегаем к понятию первичной сцены.

Заметим, что в первом рассмотренном нами исследовании, которое посвящено особенностям смысловой регуляции, исследовательский вопрос поставлен таким образом, что предполагает проведение сравнительно-

го исследования (сравнение групп людей, у которых наблюдается и не наблюдается ипохондризация личности), иными словами, предполагает «дизайн» исследования количественного типа. Однако феномен и его конкретные аспекты, на которых фокусируется автор исследования (ценностно-смысловое опосредование отношений к себе, к другим людям и к миру в целом) весьма сложен и требует для своего раскрытия целостного интерпретативного подхода. Поэтому выбор исследования качественного типа с использованием метода клинической беседы и проективных техник, позволяющего «схватить» и тщательно проанализировать основные тенденции в отношениях к себе, к другим и миру в целом у людей с ипохондрическим развитием личности, представляется нам в данном случае вполне оправданным и обоснованным. В двух других рассмотренных нами примерах изначальный исследовательский вопрос поставлен так, что требует исследования, основанного на качественном анализе.

Лишь после того как исследователь определился с предметом и целью исследования, нужно переходить к продумыванию методов. Для сбора данных в качественных исследованиях наиболее часто применяются метод интервью, письменные опросы, предполагающие свободные, развернутые ответы респондентов на вопросы открытого типа, метод наблюдения, проективные методики, анализ документов, дневников, писем и продуктов творчества. Хорошо зарекомендовал себя метод фокус-групп, который представляет собой форму группового фокусированного интервью (Мельникова, 2007). В приведенном выше исследовании ценностно-смысловой регуляции при ипохондризации личности применялась клиническая беседа по материалам методики исследования самооценки Дембо–Рубинштейн, методика ТАТ, методика «Кто я», модифицированный вариант методики «15 жизненных событий» и методика определения уровня притязаний. Во втором исследовании, посвященном сценариям сексуальности у женщин, автор остановилась на проведении глубинного фокусированного интервью. Понятно, что в случае интерпретации литературного произведения или личных документов и писем известных людей прошлого, как это имело место в третьем приведенном нами примере исследования, единственное, в чем нуждается исследователь, – это соответствующие тексты, которыми он может пользоваться по собственному усмотрению, и, конечно, тихое и удобное рабочее место.

Исследовательские вопросы и вопросы для респондентов

В случае проведения интервью (индивидуального и группового) или письменных опросов респондентов исследователю необходимо составить перечень вопросов, которые он будет предлагать респондентам. Основной принцип подготовки вопросов для интервью состоит в том, что прежде чем составлять конкретные вопросы для респондентов, исследователь должен определиться с формулировками исследовательских вопросов, т. е. вопросов, которые исследователь ставит перед собой. И лишь после того как

определены и прояснены исследовательские вопросы, необходимо приступить к их конкретизации и «переводу» в вопросы для респондентов.

Выше уже говорилось, что исследовательские вопросы в случае качественного исследования формулируются достаточно широко и предполагают значительную долю свободы исследователя. В процессе планирования исследования первоначальные вопросы конкретизируются в группу так называемых центральных вопросов; последние, в свою очередь, конкретизируются в подгруппы более частных исследовательских вопросов – это могут быть подгруппы проблемных и подгруппы тематических вопросов. Из частных исследовательских вопросов следуют формулировки конкретных вопросов, которые будут заданы респондентам.

В качестве примера формулирования вопросов для респондентов на основе конкретизации исследовательских вопросов в подгруппы тематических вопросов рассмотрим исследование, посвященное изучению профессиональных представлений студентов-психологов (воспользовавшись информацией из соответствующей публикации: Донцов, Белокрылова, 1999). Один из первоначальных исследовательских вопросов ставился следующим образом: существуют ли у психологов свои профессиональные представления психологов, и если существуют, то в чем состоят? В соответствии с традицией изучения социальных представлений как устойчивых форм коллективного сознания, а также с учетом исследований профессионального менталитета система профессиональных представлений рассматривалась как включающая в себя две взаимосвязанных подсистемы – субъектную и предметную. Таким образом, первоначальный исследовательский вопрос был конкретизирован в два центральных вопроса исследования: каковы представления специалистов о психологе как субъекте профессиональной деятельности, и какова совокупность представлений психологов о содержании своей деятельности. Каждый из центральных вопросов в свою очередь конкретизировался в подгруппы специальных исследовательских вопросов по тематическому принципу: вопрос о субъекте деятельности – в вопросы, касающиеся мотивации, профессионально важных качеств, личностных особенностей и т. д.; вопрос о содержании деятельности – в вопросы, затрагивающие цели, предмет, объект психологической деятельности и т. д. Из подгрупп исследовательских вопросов формировались блоки вопросов для респондентов:

Тематическая конкретизация исследовательских вопросов

Исследовательские вопросы	Вопросы для респондентов
<i>Представления о субъекте деятельности</i>	
Мотивация	Что побудило Вас поступить на факультет психологии? Если бы Вы вновь оказались в ситуации выбора, избрали ли бы психологию как сферу профессиональной деятельности?

Исследовательские вопросы	Вопросы для респондентов
Профессионально важные качества и личностные особенности	Кто такой психолог и чем он занимается? Чем хороший психолог отличается от плохого психолога?
Внешность типичного психолога	Как выглядит типичный психолог? Каковы характерные черты его внешнего облика? Как Вы представляете себе лицо типичного психолога?
<i>Представления о содержании предметной деятельности</i>	
Представления о цели, предмете, средствах	Что такое психология? Как Вы считаете, какая проблематика наиболее актуальна в современной психологии? Какая проблематика будет ведущей через 10 лет? Должна ли психология изучать парапсихологические явления (экстрасенсорика, телекинез, полтергейст, телепатию и пр.)?
Объект психологического исследования или воздействия	Кто такой человек? От чего страдают люди? Что приносит людям счастье? От чего зависит судьба человека?
Оценка средства профессиональной деятельности	Что более значимо в работе психолога: профессиональные знания и навыки или призвание, дар? Считаете ли Вы, что для хороших знаний в сфере практической психологии необходимо глубоко изучать теорию? Считаете ли Вы обоснованным обращение к экстрасенсам в сложных жизненных ситуациях?

Еще один пример конкретизации исследовательских вопросов в вопросы для респондентов мы заимствуем у С. Квале (2003). В данном примере центральные исследовательские вопросы конкретизировались в подгруппы специальных вопросов не по тематическому, а проблемному принципу. Тема исследования, пример которого приводит Квале, – влияние оценок на процесс обучения и социальную ситуацию. Одна из гипотез исследования состояла в предположении об инструментализации обучения через оценивание: учение ради оценок в школе готовит к работе ради зарплаты во взрослой жизни. В данном примере не только один исследовательский вопрос проясняется с помощью нескольких вопросов интервью, но и в ответе на один вопрос интервью содержатся ответы на несколько проблемных исследовательских вопросов. Такой способ конкретизации исследовательских вопросов нагляднее представить в виде схемы (рис. 2).

Следует заметить, что в исследовании мы можем конкретизировать центральные исследовательские вопросы как в подгруппы тематических вопросов, так и в подгруппы проблемных вопросов. Чаще всего в исследованиях подробно расписываются темы, а не специальные проблемные вопро-

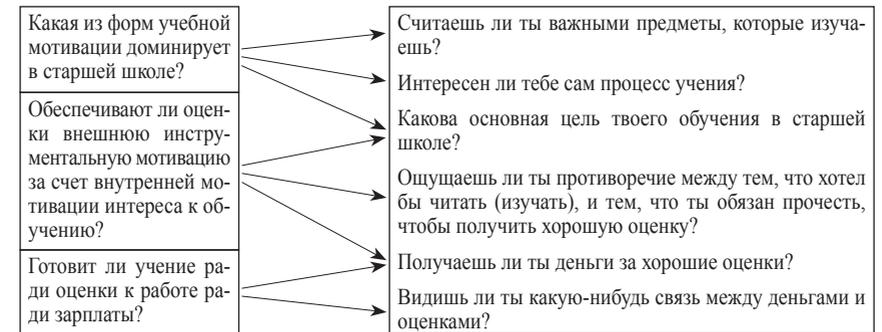

Рис. 2. Проблемная конкретизация исследовательских вопросов

сы. Однако в ряде случаев, особенно когда проводится критическое исследование (как в примере Квале), либо когда исследователь ставит перед собой цель дать подробный анализ какой-либо научной или социальной проблемы, используя материалы планируемого им эмпирического исследования, очень важно уточнить именно подгруппы проблемных вопросов и уже на этом основании строить вопросы для респондентов. Возможна и в ряде случаев вполне уместна конкретизация исследовательских вопросов как по тематическому, так и по проблемному принципу. Решение, как именно составлять перечень вопросов, всякий раз должно отвечать критерию как можно более полной экспликации исследовательского замысла. Общее правило, работающее на повышение «строгости» качественного исследования, – делать исследовательский процесс как можно более открытым для публичной оценки. Экспликация моментов исследовательского процесса, прояснение исследователем собственной перспективы, «посвящение» общества в «логику» исследования делают результаты исследования открытыми для критики (как внешней, так и своей собственной), тем самым повышая его интересую субъективную значимость. Как исследователь «входит» в исследование, сквозь призму каких проблемных вопросов он смотрит на данные, с какими тематическими блоками вопросов придется взаимодействовать респондентам, – все это моменты начала исследования, прояснение которых должно способствовать повышению качества качественного исследования. И если исследование структурируется в основном целью получить как можно более полную информацию для описания определенного феномена, то исследователю необходимо прежде всего конкретизировать тематические блоки вопросов, определить их логическую последовательность и т.п. и соответственно описать свои действия. Если же исследователь движим целью проблематизировать некое поле представлений, проверить свои рабочие гипотезы, то конкретизация проблемных вопросов становится важной частью исследовательского процесса, которая тоже должна быть эксплицирована как можно более подробно.

Формулирование вопросов для респондентов

Общие правила формулирования вопросов. В методологической литературе, посвященной качественному исследовательскому интервью, а также фокус-группам (Белановский, 2001; Мельникова, 2007; Мертон и др., 1991; Экспериментальная психология, 2002; Krueger, 2000 и др.) описаны основные правила формулирования вопросов, которые исследователь предлагает респондентам. В настоящей работе мы приводим лишь некоторые общие правила, часто встречающиеся в соответствующей литературе и представляющиеся нам наиболее важными.

1. В интервью (индивидуальных и групповых), а также в случае письменного опроса, предполагающего свободные ответы респондентов, должно быть достаточное количество так называемых открытых вопросов. Примеры открытых вопросов: «Как Вы думаете, что такое любовь?», «Что Вам больше всего понравилось в просмотренном фильме?», «Что Вы пережили, когда узнали... (встретились... и т.п.)?» Открытые вопросы предполагают, что респондент может выбрать свой путь для ответа. Закрытые (дихотомические) вопросы – это те, на которые следует простой ответ «да» или «нет», либо те, которые в качестве ответа предполагают выбор из нескольких готовых альтернатив. Примеры закрытых вопросов: «Вы работаете в университете?», «Часто ли Вы ощущаете подавленность?», «Что для Вас более важно: любить или быть любимым?» Если в процессе качественного интервью задавать только закрытые вопросы, беседа потеряет свою содержательность и исследователь не сможет получить необходимой ему информации. Остроумный пример, что происходит между собеседниками, когда один из них задает лишь дихотомические вопросы, приводит Р. Крюгер (Krueger, 2000):

Подросток возвращается домой.

Отец: О, ты пришел очень поздно!

Сын: Да.

Отец: Ты хорошо провел время?

Сын: Да.

Отец: Ты ходил в кино?

Сын: Да.

Отец: Хорошее было кино?

Сын: Да.

Отец: Стоит посмотреть?

Сын: Да, стоит.

Отец: Я много слышал о нем. Ты думаешь, мне понравится?

Сын: Я не знаю, может быть.

Отец: Еще расскажешь что-нибудь о вечере?

Сын: Нет, больше нечего.

Подросток уходит спать. Один из родителей говорит другому: «Как трудно с ним говорить. Я думаю, это такой возраст, когда у детей нет желания что-то рассказывать родителям».

Безусловно, такое развитие событий было бы очень неблагоприятно для интервьюера. Поэтому вопросы закрытого типа не должны превалировать в интервью. Закрытые вопросы можно задавать, чтобы подытожить или уточнить сказанное. Кроме того, есть такие закрытые вопросы, определенный ответ на которые предполагает последующий выход в вопрос открытого типа. Например, вопрос: «Есть ли, по-Вашему, различия между любовью и влюбленностью?» – в случае положительного ответа на него, предполагает, что далее последует открытый вопрос: «В чем Вы видите эти различия?»

2. Главные вопросы нужно задавать в дескриптивной форме: «Что случилось и как это случилось?», «Как Вы тогда себя чувствовали?», «Что Вы пережили?», «Что Вы думаете?» и т. п. Вопрос «Почему?», безусловно, может быть задан, но лишь очень прицельно и в определенных контекстах. Цель исследователя чаще всего состоит в том, чтобы получить от собеседника спонтанные описания, а не спекулятивные объяснения. Вопрос «Почему?» может быть важен сам по себе, но слишком большое количество таких вопросов нередко приводит к интеллектуализации ситуации исследования и у респондента может возникнуть ощущение, что он на экзамене. Кроме того, на вопросы «Почему?» чаще всего даются социально одобряемые, стереотипные или ситуативные ответы. Р. Крюгер полагает, что в вопросе «Почему?» скрыты две возможных конструкции – «влияние» и «атрибуция», – и в соответствии с ними его можно переформулировать в два различных вопроса. Например, на вопрос: «Почему Вы пошли в зоопарк?» – можно дать ответы двух типов: «Потому, что этого хотели мои дети» (ответ по типу «влияние») и «Потому, что я хотел увидеть белугу» (ответ по типу «атрибуция»). Соответственно слово «почему» мы можем заменить иными конструкциями: «Что побудило Вас пойти в зоопарк?» («влияние») и «Что в зоопарке кажется Вам особенно интересным?» («атрибуция») (Krueger, 2000).

3. Вопросы лучше задавать в разговорном стиле, используя при этом простые слова и выражения. Например, вместо того чтобы спрашивать: «Какие компоненты ассоциируются у Вас со здоровым образом жизни?» – лучше спросить: «Что такое, по-Вашему, здоровый образ жизни?» (или просто: «Опишите здоровый образ жизни»). О.Т. Мельникова (2007) отмечает, что важной чертой удачных вопросов можно считать их хорошую запоминаемость: такой вопрос обычно «крутится в голове». Вместе с тем усердно упрощать вопросы, чересчур примитивизируя в них исследовательскую тему, тоже не стоит: в таком случае у респондентов может возникнуть ощущение, что их «принимают за дурачков».

4. Не следует включать в вопросы специальные психологические термины. Например, у преподавателя хотят узнать, импульсивен ли данный ученик. Если задают вопрос: «Импульсивен ли данный ребенок?» – педагог, отвечая на него, может вложить в понятие импульсивности совсем другой смысл, чем тот, который имел в виду психолог. Поэтому предпочтительнее спрашивать о конкретных особенностях поведения, характерных для проявления импульсивности.

5. Лучше задавать такие вопросы, которые являются логически самостоятельными. Сложный вопрос типа: «Считаешь ли ты, что ... , потому что ... ?» – нужно разбивать на два вопроса.

6. Вопросы не должны быть слишком длинными – предложение не должно включать в себя более 16 слов. Особенно это касается устного интервью, так как опрашиваемый может не запомнить всего вопроса и ответить лишь на его часть или вообще отказаться от ответа.

Проблема, с которой нередко приходится сталкиваться, – нужно ли исследователю придерживаться одних и тех же вопросов для всех респондентов? И вообще, какой степени структурированности должно быть интервью, чтобы его нельзя было обвинить в ненаучности? Заметим, что в области качественных исследований достаточную популярность приобрели полуструктурированные и даже неструктурированные интервью. Однако именно такого рода варианты интервью вызывают критику у скептически настроенных коллег. С одной стороны, безусловно, четкая структура интервью и продумывание одинаковых для всех респондентов вопросов позволяют до известных пределов контролировать искажения исследовательского процесса, обусловленные влиянием исследователя. С другой стороны, за стремлением придать интервью жесткую структуру стоит вера в то, что путем стандартизации процедуры можно добиться одинаковых для всех респондентов условий, в которых происходит передача смысла. По нашему мнению, это не так. Респонденты по-разному понимают смысл вопросов; их ответы отличаются разной степенью полноты, требуют разных форм прояснения и т. п. «Мягкая» структура интервью позволяет исследователю гибко выбирать направление интервью в соответствии с теми смысловыми акцентами, которые характерны именно для данного респондента, чтобы получить максимально полную, отвечающую исследовательскому плану информацию. В этом смысле полу- и неструктурированные формы интервью в ряде случаев гораздо больше согласуются с особенностями исследуемого объекта – человеческого мира как мира значений и смыслов (по крайней мере, именно так понимается объект в традиции обоснования специфики гуманитарных наук, на которую ориентируется качественная исследовательская методология). Вместе с тем мы отнюдь не хотим культивировать ситуацию избегания любых форм структурирования. По нашему мнению, основные блоки вопросов исследователю необходимо продумывать до того, как он выйдет «в поле». Что же касается самой ситуации интервью, то гибкое поведение исследователя, основанное на его коммуникативной компетентности, не нарушает структуры этих блоков, а, напротив, в некотором смысле дает возможность более вдумчиво и осознанно (не механически) ей следовать. К тому же, нужно напомнить, что в интервью исследователю приходится не только решать задачу, непосредственно связанную с необходимостью сбора информации, релевантной исследованию, но и поддерживать контакт с респондентами.

Последовательность вопросов. Существуют и некоторые правила, в какой последовательности необходимо задавать вопросы.

1. Чаще всего в литературе говорят о нескольких типах вопросов, следующих друг за другом и выполняющих в интервью каждый свою функцию. В начале интервью, как правило, задаются вводные вопросы. Они вводят респондентов в курс дела, концентрируют их внимание и побуждают обратиться к собственному опыту в связи с обсуждаемыми проблемами. Затем интервьюер переходит к основным, или ключевым вопросам – именно они в первую очередь прорабатываются исследовательской командой и требуют особого внимания в процессе интерпретации полученных данных. В конце интервью задаются заключительные вопросы – чаще всего интервьюер подытоживает сказанное респондентом и спрашивает, правильно ли он все понял, не упущено ли что-то важное и не хотел бы респондент сказать что-то еще. В качестве примера приведем последовательность некоторых возможных вопросов феноменологического исследования, направленного на выделение структуры эстетического переживания

Мне хотелось бы поговорить с Вами об эстетическом переживании, о Вашем опыте соприкосновения с прекрасным.

Вводный вопрос 2. Переживали ли Вы такой момент, когда какое-то произведение искусства произвело на Вас особенное впечатление? Какое это было произведение?

Основной вопрос 1. Не могли бы Вы вспомнить, как это было?

Основной вопрос 2. Что Вы тогда чувствовали?

Основной вопрос 3. Что было в Вашем переживании такого, чего не было, когда Вы читали другие книги (слушали другую музыку и т. п.)?

...

Заключительный вопрос (обзорный). Правильно ли я Вас поняла, что...

Заключительный вопрос (завершающий). Может быть, есть еще что-то, о чем Вам хотелось бы сказать?

Вопросы чаще всего задаются в последовательности «от общего к частному» (правило «прямой воронки»): вначале респонденту предлагается более общий вопрос, а за ним следуют вопросы более частные (отслеживающие, уточняющие, конкретизирующие). С.А. Белановский (2001) справедливо замечает, что начиная интервью с постановки общего вопроса, исследователь боится себя от привнесения в беседу своего взгляда. Многие конкретные вопросы могут незаметно для исследователя оказаться навязанными. Постановка в начале интервью общего вопроса позволяет в дальнейшем задавать частные вопросы, соотнося их с рамками соотнесения респондента. Пример последовательности вопросов, соответствующей правилу «прямой воронки», мы взяли из интервью А. Джорджи об обучении, которое приводит С. Квале (2003, с. 35–37):

– Не могли бы Вы, насколько возможно подробно, описать ситуацию, которая Вас чему-то научила?

- Какую часть этого опыта Вы считаете обучением?
- Вы говорите, что обучение состояло в том, что Вы узнали от Миртис, и в том, что Вы потом попробовали применить...?

Вначале исследователь формулирует наиболее общий вопрос и затем движется в тех рамках, которые задает ему респондент, проясняя релевантные исследовательской теме вопросы. Следует сказать, что именно так – «от общего к частному» – вопросы ставятся во всех случаях, когда нет специальных методических указаний для обратной последовательности («обратной воронки»). «Обратную воронку» целесообразно применять в тех случаях, когда респонденту по каким-то причинам трудно говорить на тему интервью, например, когда затрагиваются эмоционально «закрытые» или табуированные темы или когда тема интервью оказывается когнитивно сложной для респондента. В таких ситуациях люди легче отвечают на конкретные вопросы, чем на общие, а потому интервью стоит начинать с частных вопросов, а более общие задавать в конце, когда респондент «разговорится». Однако в случае применения «обратной воронки» довольно остро встает проблема наводящих вопросов, поскольку исследователь как бы «подсказывает» респонденту, как именно последний должен думать.

2. В содержательном плане нужно помнить, что вопросы, которые могут быть наиболее лично значимы, лучше задавать к концу основной части интервью, когда между собеседниками уже установлен контакт. Наиболее важные с точки зрения исследователя и трудные для опрашиваемых вопросы должны располагаться в середине интервью, когда респондент уже полностью вошел в ситуацию опроса, но еще не успел утомиться. Как правило, утомление наступает после 15–25 минут беседы.

Проблема наводящих вопросов. Особого обсуждения требует возможность использования наводящих вопросов. С одной стороны, наводящие вопросы могут значительно исказить результаты исследования, поэтому во многих книгах, посвященных исследовательскому интервью, особо подчеркивается необходимость контролировать риск того, что исследователь своими вопросами и поведением может «наводить» респондентов на тот или иной ответ. Исследователь должен задавать нейтральные вопросы и вести себя так же нейтрально.

Однако, с другой стороны, может ли результат беседы или качественно опроса быть вообще никак не обусловлен вопросами? Существует установленный факт – даже небольшое изменение формы вопроса может повлиять на ответ. С. Квале (2003) приводит данные интересного психологического эксперимента, в котором изучалась надежность свидетелей. В ходе эксперимента разным участникам показывали один и тот же фильм, в котором сталкивались две машины, а потом просили определить скорость, с которой машины двигались. Когда задавали вопрос: «Как быстро шли машины в тот момент, когда они *врезались* друг в друга?» – среднее значение

скорости в ответах равнялось 41 миле в час. Когда в вопросе слово «*врезались*» было заменено выражением «*вошли в контакт*», эксперты в среднем оценили скорость как 32 мили в час.

Если ответ всегда зависит от формы вопроса, мы можем предполагать, что любой вопрос в каком-то смысле будет наводящим и все дело лишь в степени его влияния на ответ. Наши данные во многом будут формироваться самим формулированием вопросов. Предположим, мы исследуем гендерную специфику межличностных отношений. Мы можем спросить: «Как Вы считаете, есть ли *различия* в том, как мужчины и женщины строят отношения с другими людьми?» А можем задать вопрос несколько иначе: «Как Вы считаете, есть ли *сходство* между мужчинами и женщинами в том, как они строят отношения с другими людьми?» Очевидно, что такие формулировки приведут к разным данным.

Сторонники качественных исследований утверждают, что, собственно, наводящие вопросы могут играть в исследовании важную роль и задаваться специально в зависимости от цели исследования. Например, в интервью удобно использовать наводящие вопросы, чтобы многократно проверить надежность высказываний интервьюируемого, а также проверить правильность интерпретаций исследователя. Как утверждает С. Квале, задача исследователя «состоит не в том, чтобы избегать наводящих вопросов, а в том, чтобы осознавать приоритетность вопросов и стараться сделать ориентирующие вопросы явными, таким образом давая читателю возможность оценить их влияние на результаты исследования и определить валидность этих результатов» (*там же*, с. 159).

Следующий пример, который мы заимствуем у М. Бергмана и А. Коксона (*Bergman, Coxon, 2005*), ярко демонстрирует, что наводящие вопросы могут играть важную роль в прояснении позиции респондента, особенно в том случае, если мы видим, что ответы респондента внутренне непоследовательны.

Приведем вначале отрывок из интервью с мужчиной:

Мужчины и женщины очень похожи. И мужчины и женщины ищут нежности, эротических моментов, близости, разрядки напряжения. В моей жизни бывали периоды, когда я искал длительных привязанностей, в то же время я знаю женщин, ищущих исполнения эротических фантазий и любовной связи. Но часто я думаю, что женщины более переменчивы в настроении. Конечно, это может быть связано с женским биологическим циклом. Но если честно, я думаю, между нами нет различий.

М. Бергман и А. Коксон отмечают, что приведенное высказывание респондента можно воспринять двояко: респондент либо не видит различий между мужчинами и женщинами по части любовных отношений, либо, наоборот, видит эти различия, поскольку утверждает, что женщины более переменчивы по причине их биологии. Пассаж открывает интересную непоследовательность и несоответствие между двумя интерпретациями. Ин-

тервьюер предпринимает шаги, позволяющие исследовать причину этого несоответствия:

И. (интервьюер): Можно ли понять так, что переменчивость в настроении – одно из различий между женщинами и мужчинами в плане отношений?

Р. (респондент): Нет. То есть да, но это не означает, что мужчины не могут быть переменчивыми.

И.: Есть ли еще что-то, чем, по-вашему, мужчины отличаются от женщин?

Р.: Нет, думаю, нет.

И.: Если бы вам сказали: вот есть два человека, один желает длительных отношений, а другой хочет просто эротического приключения, любовной связи, – кто из них, по-вашему, мужчина, а кто – женщина?

Р.: Я не знаю. И мужчины и женщины могут иметь любовные связи.

И.: Вы представьте, что вам нужно сделать выбор. Как если бы вы играли на деньги.

Р.: Ну, это же ясно. Мужчина – тот, кто хочет приключения, женщина – длительных отношений.

И.: Почему вы так думаете?

Р.: Такова наша природа.

В начальных утверждениях респондента присутствует непоследовательность: он утверждает одновременно и то, что между мужчинами и женщинами нет различий, и то, что различия есть и объясняются они биологией. Либо интервьюер не понял смысла утверждения, либо есть что-то, что стоит за непоследовательностью, и тогда необходимо дальнейшее прояснение позиции респондента. Благодаря предпринятым интервьюером достаточно последовательным «наводящим» пробам выясняется, что для респондента есть различие между возможностью и вероятностью определенных характеристик и поведенческих паттернов у мужчин и женщин: обладать ими могут как мужчины, так и женщины, но в зависимости от гендера эти характеристики становятся более или менее вероятными (*Ibid.*). Следует заметить, однако, что, как видно из приведенного примера, анализ данных всегда должен учитывать коммуникативный контекст, в котором эти данные были получены. Всякий раз нам необходимо решать, насколько сказанное респондентом отражает его собственную позицию.

По справедливому замечанию С. Квале, тот факт, что проблеме наводящих вопросов уделяется столь пристальное внимание, может быть следствием наивного эмпиризма. «Это может быть вера в существование беспристрастного наблюдения за объективной социальной реальностью, независимой от наблюдателя; вера, которая предполагает, что интервьюер собирает вербальные ответы так же, как ботаник собирает на природе растения, а шахтер добывает из-под земли редкие металлы» (*Квале, 2003, с. 159*). В 1-й главе мы уже обращались к альтернативной метафоре познания, которую предлагает С. Квале, – исследователь как путешественник. Эта метафора предполагает диалогический подход в психологиче-

ских исследованиях. Исследователь путешествует по стране, встречается с собеседниками, слушает их истории, которые затем пытается качественно реконструировать в форме собственных рассказов, адресуемых другим исследователям или более широкому кругу людей. Рассказы собеседников превращаются в новые повествования, значимые благодаря своей аргументации и убедительные благодаря своей эстетической форме. В рамках метафоры Квале, если исследователь – это путешественник, то познание – это разговор, в котором факты возникают в межличностном взаимодействии, соавторстве и совместном творчестве исследователя и исследуемого. «Ключевой вопрос не в том, должны ли вопросы исследователя вести куда-либо, а в том, куда они должны вести, и в том, ведут ли они в нужном направлении, которое даст новые, заслуживающие доверия и интересные знания» (*там же*).

Продумывание вопросов, их содержания и формы в самом начале исследования и затем постановка вопросов в процессе взаимодействия с респондентами должны ориентироваться на целостный контекст исследования – его замысел, планируемый результат, общий подход (феноменологический, дискурсивный и т. д.), который исследователь выбирает для реализации своего замысла, на предполагаемые способы анализа полученных данных и т. п. Понятно, что если, к примеру, предполагается изучение переживания и исследователь останавливается на феноменологическом подходе и тематическом анализе полученных данных, то планируемые вопросы должны быть об опыте переживания («Что Вы чувствовали?», «Что с Вами происходило?» и т. п.); фокусируясь на переживаниях респондента, исследователю в большинстве случаев лучше начинать с более общих вопросов и затем в процессе диалога с собеседником по возможности максимально подробно прояснять нюансы сообщаемого им опыта, смысл, который он вкладывает в используемые им слова. В дискурсивном исследовании, ориентированном на раскрытие основных тропов, при помощи которых человек осмысляет те или иные события, вопросы должны ставиться таким образом, чтобы стимулировать свободные рассказы об этих событиях, и во время беседы необходимо прояснять эпизоды сообщаемых событий и характер действующих в них лиц. Проведение критического исследования, скорее всего, потребует «вскрывающих» техник постановки вопросов, что в свою очередь ставит исследователя перед необходимостью поиска тем, провоцирующих респондентов на озвучивание глубинных установок по поводу каких-либо значимых социальных проблем и позволяющих «ухватить» неоднозначность и конфликтность различных социальных дискурсов и «голосов» на уровне индивидуального сознания. Таким образом, «хорошие» вопросы требуют, чтобы исследователь с самого начала продумывал все исследование целиком, включая его конечные шаги, связанные с анализом и представлением результатов.

Формирование выборки респондентов

Вопрос, который обычно интересует психологов, приступающих к планированию исследования, – «сколько нужно респондентов?». Безусловно, этот вопрос очень важен, однако действительный смысл он получает лишь в контексте более широких вопросов, касающихся стратегий и общих планов формирования выборки (sampling design). Согласно целому ряду авторов (Curtis et al., 2000; Firestone, 1993; Miles, Huberman, 1994; Onwuegbuzie, Teddlie, 2003 и др.), вопросы о типе выборки и ее размере тесно связаны с предполагаемыми в исследовании типами обобщений. В настоящем параграфе мы рассмотрим вначале характерные для количественных и качественных исследований типы обобщений, а также, как они влияют на характер выборки, и затем перейдем к вопросу конкретных планов формирования выборки в качественных исследованиях; коснемся и вопроса размера выборки.

Типы обобщения и характер выборки. В количественных исследованиях обычно применяются статистические обобщения – распространение выводов, полученных на исследовательской выборке, на всех членов популяции. Соответственно основное требование к выборке в данном типе исследований – ее репрезентативность. Напомним, что под репрезентативностью выборки понимается «степень адекватности отражения свойств и характеристик всей изучаемой популяции в конкретной выборке испытуемых. Высокая репрезентативность выборки означает высокую представленность популяции» (Готтсданкер, 1982, с. 441–442). Наилучшая стратегия для получения репрезентативной выборки – использование метода случайного отбора испытуемых (схемы простой рандомизации, рандомизации с выделением страт и др.). Размер репрезентативной выборки количественного исследования, как правило, достаточно большой: обычно рекомендуется, чтобы численность сравниваемых групп, из статистических соображений, была не менее 30–35 человек (при таком количестве испытуемых, скажем, коэффициенты корреляции выше 0,35 значимы при $\alpha=0,05$) (Дружинин, 2002).

В качественных исследованиях статистические обобщения используются очень редко. Если же такое происходит, то требования к выборке аналогичны таковым в количественных исследованиях. Примером качественного исследования, построенного на основе статистического обобщения, может служить приведенное выше исследование особенностей ценностно-смысловой сферы при ипохондризациях личности. В качестве испытуемых в исследовании принимали участие: группа случайно отобранных больных, перенесших инфаркт миокарда, с ипохондрическим симптомом, группа перенесших инфаркт миокарда больных со сходными функциональными нарушениями, но без ипохондрического симптома, группа больных неврозом с ипохондрической симптоматикой и контрольная группа здоровых испытуемых. Численность выборки составляла более ста человек (около 30 человек в каждой из выбранных групп). Как видим, сформированная выбор-

ка испытуемых позволяла сравнивать особенности интересующего исследователя феномена (отношение к себе, другим людям и миру в целом) в случае наличия и отсутствия ипохондрических симптомов. При этом принимались во внимание различные условия, при которых может возникать ипохондрическая симптоматика (тяжелая соматическая болезнь и относительное соматическое здоровье). Таким образом, в исследовании, благодаря методу случайного отбора и достаточно большой численности сравниваемых групп, куда входили люди разного пола и разного социального положения, была достигнута относительно высокая степень репрезентативности выборки, позволяющая делать статистические обобщения полученных результатов на всех членов популяции. И, кроме того, относительная эквивалентность испытуемых разных групп (по полу, возрасту, выраженности функциональных нарушений в группах больных инфарктом миокарда), а также использование различных условий ипохондризации (наличие или отсутствие соматического заболевания) позволяли более точно и полно проанализировать роль особенностей ценностно-смысловой сферы в генезисе ипохондрического развития личности, иными словами, дать полноценный ответ на интересующий исследователя вопрос.

Заметим, что несмотря на приверженность психологов статистическим обобщениям, на деле такой тип мышления далеко не так точен, как это часто представляется, поскольку в большинстве случаев достичь хорошей статистической репрезентативности крайне сложно, если вообще возможно. Чаще всего популяция остается для нас относительно неизвестной: мы не знаем точно, что/кого нужно включать в популяцию, что/кого не нужно, какие характеристики популяции релевантны исследовательскому вопросу, какие не релевантны; соответственно, мы не можем быть уверены, одинакова ли вероятность того, что тот или иной человек (случай и т. п.) попадет в исследовательскую выборку, так же как не можем точно определить, на какие именно страты делить популяцию, чтобы сделать подходящий для нашего исследования стратометрический отбор. Каждый, кто проводил статистические исследования, прекрасно знает, что отбор испытуемых, как правило, обусловлен степенью их доступности и мы учитываем лишь наиболее стандартные характеристики популяции (пол, возраст) либо те, которые с наибольшей очевидностью повлияют на результаты исследования.

Некоторые авторы (см., напр.: Yin, 2003) вообще отрицают ценность статистических обобщений и предлагают взамен опоры на логику формирования выборки, цель которой – статистическая репрезентативность, опираться на логику повторения. Последняя нередко используется в экспериментальных исследованиях, когда один и тот же эксперимент проводится с разными испытуемыми. Исследователь имеет возможность выбирать не только те случаи, в которых с большой вероятностью можно ожидать подтверждения гипотезы, но и те, которые, скорее всего, гипотезе будут противоречить. Р. Йин утверждает, что последовательный анализ отдельных случаев

позволяет исследователю проверять возникающие гипотезы, изменять их, сопоставлять и на этой основе формировать теорию. И вот эта теория и становится платформой для перенесения полученных результатов на те случаи, которые не принимали участия в исследовании (*там же*). Как видим, такое обобщение не является переходом от статистической репрезентативной выборки к более широкой популяции, но представляет собой переход от одного случая к другим случаям, которые не участвовали в исследовании, но также принадлежат области теории.

Описанную процедуру обобщения Р. Йин называет «аналитическим обобщением». В методологии качественных исследований она известна также под названием «теоретического обобщения» (*Seal, 1999*). На наш взгляд, применительно к качественным исследованиям последнее название более точное, поскольку в качественных исследованиях применяется и тип описательного аналитического обобщения, который не предполагает, чтобы обобщающие умозаключения достигали ранга теории – результатом описательно-аналитического обобщения может быть, например, типология.

Итак, мы можем говорить о двух основных типах индуктивных обобщений – статистическом обобщении и аналитическом обобщении; последнее, в свою очередь, подразделяется на теоретическое обобщение и аналитическое описательное обобщение. В качественных исследованиях используются оба типа индуктивных обобщений, но приоритет принадлежит аналитическим обобщениям (как теоретическим, так и аналитическим описательным).

Еще один тип обобщений, часто используемый в качественных исследованиях, – перенос от одного случая к другому (*Firestone, 1993*) или, иначе, обобщение по аналогии (*Smaling, 2003*). В этом случае мы тщательно сравниваем сходства и различия случаев и принимаем решение о возможности перенесения результатов, полученных на одних случаях, на другие похожие случаи, ориентируясь на логику умозаключений по аналогии. Обобщения по аналогии могут быть действием, осуществляемым самим исследователем, либо могут носить коммуникативный характер, когда обобщения являются результатом коммуникации всех участников исследовательского проекта либо исследователь предоставляет по возможности наиболее полную информацию читателю, который волен сам принимать решение, можно ли переносить полученные в исследовании результаты на интересующие его случаи (*Smaling, 2003*). Строго говоря, обобщения по аналогии не являются индуктивными обобщениями, а представляют собой отдельный тип, хотя мышление по аналогии может присутствовать и в контексте индуктивных обобщений.

Прежде чем перейти к характеристикам качественной выборки, которые, как уже было сказано, определяются прежде всего типами используемых в исследовании обобщений, напомним, что некоторые авторы, занимающиеся методологией качественных исследований (*Connolly, 1998; Stake, 2005* и др.), подчеркивают, что цель данного типа исследований – как можно более насыщенное описание отдельных случаев с учетом всех нюансов контекста,

в котором были получены именно эти данные. Обобщения, с этой точки зрения, далеко не самая важная часть качественных исследований, и, более того, качественные исследования вообще не предназначены, чтобы на их основании делать обобщенные умозаключения. Мы, однако, согласны с Дж. Мейсоном (*Mason, 1996*), что качественное исследование не должно ограничиваться лишь его собственными эмпирическими параметрами: научные исследования интересны прежде всего тем, что способны давать знания, которые могут быть обобщены и иметь более широкий резонанс.

В философской литературе возможность индуктивных обобщений и обобщений по аналогии неоднократно ставилась под сомнение. Наиболее известны две критических позиции. Одна из них – позиция К. Поппера (1983), основанная на центральном логическом аргументе, согласно которому для индуктивных обобщений всегда нет оснований (если все встреченные нами лебеди белые, это вовсе не означает, что все лебеди белые, поскольку нам всегда может встретиться экземпляр, противоречащий этому правилу). Другая – позиция социального конструкционизма (*Denzin, Lincoln, 2005* и др.), согласно которой все феномены зависят от культурно-исторического и ситуативного контекста и поэтому можно говорить лишь о развитии «идеографического корпуса знания». Соглашаясь с указанной критикой, мы все же полагаем, что обобщения индуктивного типа и логически возможны, и не противостоят контекстуальной природе знания, отстаиваемой социальным конструкционизмом. Все дело лишь в том, какой уровень абстракции мы подразумеваем, говоря об обобщениях. Как Поппер, так и социальные конструкционисты имеют в виду обобщения на уровне универсальных законов, в данной же работе речь идет лишь о локальных теориях и об обобщающих умозаключениях в границах определенных условий. На наш взгляд, именно такого уровня «мягкие» обобщения характерны для качественных исследований в психологии. И, кроме того, такие обобщения вполне согласуются с идеографическими притязаниями качественных исследователей.

Характерные для качественных исследований аналитические обобщения и обобщения по аналогии требуют специфического подхода к формированию выборки. Чаще всего качественные исследователи задействуют методы не случайной, а *целевой* выборки: они целенаправленно ищут те группы и условия, в которых изучаемые явления могут возникнуть с наибольшей вероятностью (*Denzin, Lincoln, 2005*). В тех случаях когда цель исследования – построение теории, используется такой вид целевой выборки, как *теоретическая* выборка: она предполагает отбор лиц, групп, событий таким образом, чтобы они способствовали развитию теоретических положений исследователя (*Mason, 1996; Silverman, 2000*). На первых этапах «восхождения к теории» исследователь выбирает случаи, дающие ему как можно более вариативную информацию. По мере того как он формирует категории и выдвигает гипотетические предположения об их связях, ему становятся необходимы случаи, позволяющие тестировать гипотезы и более

плотно «насыщать» фрагменты возникающей теории. Большое значение для построения теории имеет поиск «негативных» случаев, т. е. случаев, которые могли бы противоречить возникшему предположению. Если такой случай обнаруживается, гипотеза изменяется так, чтобы ее новый вариант включал в себя данный случай. И так далее. Подбор случаев заканчивается, когда достигнута точка теоретического насыщения: все фрагменты теории в достаточной степени проработаны и каждый следующий случай не несет с собой никакой новой информации – другими словами, теория больше не нуждается в модификации (по крайней мере, на данный момент она более или менее удовлетворяет исследователя и предполагаемое сообщество, которому исследование адресовано). К одному из вариантов теоретической выборки, который характерен для предложенного Б. Глезером и А. Страуссом подхода обоснованной теории, мы вернемся в следующей главе, посвященной различным способам анализа качественных данных.

Когда исследователь проводит описательное или чисто практическое исследование, цель которого не формулирование теории, а описание вариаций существования феномена, задействуются методы *целевой описательной* выборки: исследователь старается сделать выборку как можно более вариативной, он целенаправленно ищет случаи, которые бы отличались от уже известных ему; при этом особый интерес для него могут представлять крайние («девиантные») случаи. Поиск случаев, как и при теоретической выборке, происходит до тех пор, пока не достигнута точка насыщения – в данном случае не теоретического, а описательного: в качестве результата мы должны получить законченное описание вариаций интересующего нас феномена. Обобщения описательного типа основаны на допущении, что вариации, представленные в популяции, полноценно отражены в вариациях исследовательской выборки. Иными словами, у исследователя нет цели подсчитать, как часто встречается та или иная вариация: выборка не является репрезентативной в статистическом смысле, но она репрезентирует набор вариаций (Smaling, 2003).

Вообще точки описательного насыщения (как, собственно, и теоретического) достичь довольно трудно: в строгом смысле исследователь никогда не может быть уверен, что новые случаи не принесут ему новой информации, однако он должен категоризировать данные, несмотря на риск, что следующий случай «разобьет» всю построенную им систему категорий. Понятно, что такой процесс категоризации в принципе бесконечен, но на практике точку описательного насыщения можно считать достигнутой, если нет необходимости значимо перестраивать систему категорий даже в случае получения новых данных (*там же*).

Как видим, объем выборки в качественном исследовании практически никогда не бывает фиксированным с самого начала исследования, как это характерно для количественных исследований. Целевая выборка – это «набор процедур, в котором исследователь интерактивно управляет аналитиче-

ским... содержанием выборки в процессе исследования в гораздо большей степени, чем в статистической выборке» (Дж. Мейсон, цит. по: Мельникова, 2007, с. 38). По мнению Д. Силвермана, качественный исследователь имеет возможность менять объем выборки в ходе исследования в тех случаях, когда 1) с появлением новых фактов у него появляется желание увеличить выборку, чтобы получить больше данных; 2) он концентрирует свое внимание на небольшой части выборки на ранних этапах исследования, чтобы использовать более широкую выборку для дальнейшей проверки сделанных обобщений; 3) неожиданные выводы, полученные по ходу анализа данных, приводят к поиску новых девиантных случаев (цит. по: Мельникова, 2007, с. 38).

Последний отмеченный нами тип обобщения – перенос от случая к случаю, или обобщения по аналогии, – играет в качественных исследованиях очень важную роль. Мышление по аналогии зачастую встроено в исследование, цель которого – построение теории или описание типов существования феномена. Скажем, теоретические обобщения подразумевают, что исследователь знает, в какого рода случаях теория с большой вероятностью будет «работать». А это значит, что исследователю в процессе индуктивного построения теории необходимо постоянно принимать решения, какие неисследованные случаи можно полагать аналогичными исследованным. И на этом пути исследователя могут подстерегать всевозможные искажения, в конечном счете ведущие к чересчур поспешным теоретическим обобщениям. Мы уже отмечали, со ссылкой на А. Смалинга (Smaling, 2003), что открытая аргументация решений об аналогии случаев позволяет исследователю более четко прояснить условия, при которых построенная им теория будет «работать» и, следовательно, прояснить саму область теории. Как отмечает А. Смалинг, мышление по аналогии возможно лишь в тех случаях, когда есть веские аргументы, что неисследованный случай обладает такими же релевантными для исследовательских выводов характеристиками, как и случай исследованный; знания об этом сходстве могут базироваться на прошлом опыте, существующей литературе или аргументированной оценке экспертов, хорошо знакомых с типами подобных случаев в силу имеющегося у них научного и жизненного опыта (*Ibid.*). Кроме того, А. Смалинг показывает, что могут быть выделены и формальные критерии, следование которым способно улучшать аргументативное качество мышления по аналогии, например, перенос результатов с одного случая на другой будет более аргументированным, если данные случаи имеют больше сходств, нежели различий, если эти сходства релевантны исследуемому феномену, и др. (*Ibid.*).

Искажения, которые может нести с собой мышление по аналогии, связаны со стратегиями формирования выборки: исследователь может неверно выбрать случаи, которые, по его мнению, должны репрезентировать определенную группу людей. В частности, в методологии качественных исследований упоминаются ошибки, обусловленные неверным выбором ключевых респондентов (key informant bias) (Maxwell, 2005). Понятно, что перенесение резуль-

татов, полученных на ключевых респондентах, на других членов популяции, оправдано лишь в той мере, в какой голоса первых действительно являются репрезентативными. Как отбирать ключевых респондентов, мы обсудим чуть ниже, в связи с вопросами формирования гнездовой (nested) выборки.

Подведем некоторые итоги. Характер выборки определяется типами обобщений, на которые нацелен исследователь. Если задача исследователя – обобщить результаты, полученные на исследовательской выборке, на всю популяцию, то исследователю необходимо позаботиться, чтобы выборка была репрезентативна. И в этом случае более всего подходит *случайная выборка*. При этом исследователь может использовать различные схемы формирования случайной выборки: простой случайный отбор, стратометрический отбор, систематический случайный отбор и др.

Если же цель исследователя состоит не в обобщении данных на всю популяцию, а в лучшем понимании феномена, людей или событий, в теоретизировании или описательном обобщении, то гораздо более характерно для качественных исследований, то лучше остановиться на таком типе выборки, как *целевая*. И в этом случае исследователь тоже может использовать различные схемы: отбор максимально вариативных случаев, гомогенных случаев, крайних случаев, случаев, релевантных определенному фрагменту развиваемой теории, и др.

Планы формирования выборки и ее размер. До сих пор мы обсуждали характерные для качественных исследований типы обобщений и определяемую ими общую логику формирования выборки. Но пока мы ничего не сказали, каковы могут быть конкретные планы формирования выборки в качественных исследованиях, а также на какое число исследуемых было бы правильным ориентироваться, планируя исследование данного типа. Что касается последнего вопроса (о числе испытуемых), то психологи придают ему особое значение в силу бытующего в психологическом сообществе отождествления научных исследований со статистическими исследованиями. Между тем именно вопрос о числе испытуемых в методологии качественных исследований, как правило, уходит на второй план, хотя, по нашему мнению, это не совсем верно. Число респондентов в качественном исследовании должно быть четко продумано, поскольку, с одной стороны, слишком большой объем выборки может ухудшить качество как собственно данных, так и их последующего анализа, но, с другой стороны, чересчур маленькая выборка не даст возможности достичь точки теоретического или описательного насыщения.

Для достижения своих целей качественный исследователь может остановиться на анализе одного случая и дать его подробное идеографическое описание, либо, обосновав типичность данного случая, показать возможность обобщения полученных на нем результатов на другие похожие случаи. Исследователь может дать подробное описание случая – чтобы предоставить читателю возможность самому делать подобные обобщения. При-

мером читательских обобщений могут служить классические психотерапевтические случаи З. Фрейда, Л. Бинсвангера и др., которые описаны настолько живо и убедительно, что читатели до сих пор переносят многие из сделанных этими авторами открытий на текущие случаи.

Анализ случая (case study) представляет собой особый тип исследования. Чаще, однако, в качественных исследованиях выборка представлена не одним, а целой коллекцией случаев. Для того чтобы достичь понимания интересующего его феномена, исследователь проводит так называемый «горизонтальный анализ», т. е. сравнивает случаи между собой и, перемещаясь «по горизонтали» от случая к случаю и обратно, отслеживает переклички тем, контрасты, центральные категории и их вариации и т. п. Само собой разумеется, что выбор случаев в такого рода исследованиях имеет огромное значение.

В зависимости от типа отношений в сети случаев формируемая выборка может быть *параллельной* – простой или с разделением на подгруппы, *гнездовой* (nested) и *многоуровневой* (Onwuegbuzie, Leech, 2007). *Параллельная* выборка предполагает сравнение одноуровневых случаев (например, речь может идти о сравнении между собой студентов-психологов третьего курса). Мы можем набирать простую параллельную выборку, чтобы затем сравнивать каждый случай со всеми другими случаями; предполагается, что каждый «голос» вносит свой вклад в понимание нами интересующего нас феномена (к примеру, так называемого «кризиса третьего курса»), а взятые все вместе, эти «голоса» способны приводить к точке насыщения. Помимо простой параллельной выборки, существует тип параллельной выборки, включающей в себя различные подгруппы (например, студенты-психологи третьего курса – девушки и юноши). В этом случае помимо попарного сравнения случаев, входящих в одну подгруппу, предполагается сравнение случаев, извлеченных из разных подгрупп. Разделение выборки на подгруппы позволяет выявить больше вариаций феномена и тем самым уменьшить риск преждевременного механического сведения всех данных в систему инвариантных тем или теоретических обобщений.

Количество случаев простой параллельной выборки может быть различным, однако учитывая, что нам необходимо минимум 3–4 случая, чтобы убедиться в достижении точки насыщения, лучше, чтобы это количество не опускалось ниже 6–8 случаев. Если же исследователи сравнивают между собой случаи из различных подгрупп, то в каждой из подгрупп должно быть не менее трех случаев: если их, скажем, по одному, то может оказаться так, что мы сравниваем типичные случаи одной подгруппы с атипичными случаями другой подгруппы – очевидно, что наши выводы будут неадекватны; если же в каждой подгруппе по два случая, то нам будет сложно достичь точки насыщения для каждой из подгрупп, поскольку один из двух случаев может оказаться нетипичным. Если, к примеру, мы исследуем студентов-психологов третьего курса и выделяем в этой группе подгруппы 1) девушек и юношей и 2) москвичей и иногородних, то общее количество

исследуемых случаев в выборке должно быть не менее 12 (2 пола × 2 места жительства × 3 случая). Соответственно, чем больше подгрупп мы используем, тем большее число респондентов нам понадобится. В методологической литературе не рекомендуется использовать более четырех подгрупп в феноменологических исследованиях и более 7–10 подгрупп для подхода обоснованной теории (Creswell, 2007; Onwuegbuzie, Leech, 2007). Заметим, что для того чтобы сравнивать подгруппы, исследователю необходимо тщательно проанализировать сходства и различия случаев внутри каждой из подгрупп, попытаться, где это возможно, осуществить перевод (буквальный или идиоматический) смыслов одного случая в смыслы другого случая. Такой перевод, одним из результатов которого становится формирование мета-категорий и мета-тем, является важнейшей частью интерпретативной работы исследователя-«качественника». Причем, еще раз подчеркнем, сравнение случаев внутри подгруппы должно носить именно интерпретативный характер, а не сводиться лишь к простому их объединению.

План гнездовой выборки предполагает, что из общей группы отобранных нами случаев мы выделяем несколько ключевых (своеобразные «гнезда» случаев), которые и станут основой для нашего дальнейшего анализа. Например, исследуя структуру эстетического переживания, мы можем, после проведения пробных интервью с десятком респондентов, остановиться на 4–5 случаях, которые дадут нам максимум интересующей нас информации. Однако, как мы уже отмечали, отбор ключевых случаев для исследования может нести с собой риск приписать типичность опыта нетипичным случаям. В отношении исследования, скажем, структуры эстетического переживания этот риск будет не столь большим в силу особенностей самого предмета исследования: нам действительно понадобятся респонденты, способные к яркому переживанию эстетического опыта и последующей рефлексии над ним, и именно благодаря таким людям мы сможем прояснить суть самого опыта. Но если, к примеру, мы хотим исследовать женский опыт романтической любви в гетеросексуальных отношениях и в качестве ключевых случаев отбираем наиболее яркие описания, есть значительная опасность, что мы примем за типичные переживания лишь определенную вариацию опыта (например, опыт женщин с выраженными феминистскими или, напротив, патриархальными установками, в зависимости от предпочтений самого исследователя). Некоторые авторы (например, Maxwell, 2005) рекомендуют для выбора ключевых респондентов использовать схемы систематического случайного отбора. Однако, на наш взгляд, от преимуществ целевой выборки в данном случае тоже отказываться не стоит. Например, очень полезной может оказаться схема отбора максимально вариативных случаев или отбор типичных случаев, но с учетом возможных внутрикультурных различий, т. е. отбор типичных случаев, относящихся к разным культурным типам.

Гнездовая выборка может формироваться как на стадии планирования исследования, так и в процессе его проведения, скажем, для того, чтобы со-

брать конкретную информацию, получить больше интерпретативных вариантов, «насытить» категории, оценить адекватность и осмысленность тем, верифицировать фрагменты индуктивно выстраиваемой теории или определить ее концептуальные границы. Как и в параллельной выборке, внутри гнездовой выборки мы можем выделять различные подгруппы случаев. В самом начале исследования это могут быть наиболее стандартные подгруппы (мужчины/женщины, представители различных возрастных групп и т. п.) В процессе исследования мы можем столкнуться с необходимостью разделять гнездовую выборку на более специфические, релевантные именно данному исследованию подгруппы, например, мужчин и женщин с различными установками в отношении какого-либо опыта и т. п. Из тех же соображений, какие мы отмечали, описывая параллельную выборку, лучше, чтобы в каждой подгруппе гнездовой выборки было не менее трех случаев.

Наконец, третий план формирования выборки – *многоуровневая* выборка – представляет собой подгруппы случаев, принадлежащих различным иерархическим уровням. К примеру, если мы исследуем представления психотерапевтов о психотерапевтической неудаче, в нашу выборку могут входить подгруппы уже практикующих психотерапевтов и тех, кто в настоящее время лишь обучается психотерапии и только начинает практиковать. Подгруппы «специалистов» и «начинающих» представляют собой два различных иерархических уровня, соответственно схемы их формирования могут быть неидентичными. К примеру, мы можем набирать вначале подгруппу «начинающих» и затем, уже в соответствии с нею, формировать подгруппу «специалистов»: отбирать специалистов тех же психотерапевтических школ, к которым принадлежат начинающие, специально подбирать таких специалистов, которые обучают начинающих, или, напротив, избегать подобного сюжета и т. д. Особую сложность при многоуровневой выборке представляет анализ случаев и их сравнение по иерархическим подгруппам: насколько смыслы, выделенные на подгруппе одного иерархического уровня, переводимы в смыслы другого иерархического уровня. В этом случае задача исследователя – выделение метатем более высокого уровня абстракции по сравнению с первоначально определенными темами (Onwuegbuzie, 2003).

Вернемся еще раз к вопросу, с которого мы начали данный параграф: «Сколько нужно респондентов?» Остроумный ответ на этот вопрос дает С. Квале: «Столько, сколько нужно, чтобы узнать то, что вы хотите знать» (2003, с. 106). В качественном исследовании действительно упор делается на качестве анализа, а не на количестве случаев, в силу того что основная цель исследований подобного типа – как можно более подробные описания случаев, а также аналитические обобщения. Однако мы попытались дать более конкретный ответ на вопрос о количестве случаев, обратившись к выделяемым в методологической литературе планам и схемам формирования выборки. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что определение стратегий формирования выборки должно быть подчинено общему иссле-

довательскому замыслу. В конечном счете, исследование будет плодотворным только в том случае, если мы сумеем обеспечить интерпретативную последовательность и согласованность различных его этапов, их нацеленность на решение стоящих перед нами исследовательских задач.

Исследование случая (case study)

Исследование случая представляет собой детализированный анализ индивида, группы, организации, события, фрагментов биографии и тому подобное в рамках того реального, жизненного контекста, в котором они существуют. В методологии case study различают исследовательский план, состоящий в анализе отдельного случая (single-case study), а также исследовательский план, включающий в себя исследование нескольких случаев (multiple-case study). Последний вариант исследовательского плана предполагает, что каждый из случаев анализируется как отдельный полноценный случай и затем исследователь ищет возможные переклички случаев, общие темы и т. п.

Надо сказать, что анализ случая является очень распространенным «жанром» в психотерапии и консультативной психологии, т. е. в практико-ориентированных областях. Что же касается собственно психологических исследований, то здесь он встречается довольно редко, поскольку традиционно психологи приписывают подобного рода исследованиям весьма низкий научный статус.

В последнее время, однако, появилось значительное количество методологических работ (Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992; Stake, 2005; Yin, 2003 и др.), авторы которых обосновывают эвристичность и высокий научный потенциал case study, а также ставят вопросы, как можно улучшить качество исследований, основанных на анализе отдельных случаев, какие технические процедуры могут повысить достоверность и надежность результатов подобных исследований и т. п. В настоящем параграфе мы кратко коснемся некоторых общих мест критики case study и отметим наиболее сильные контр-аргументы, свидетельствующие о несостоятельности этой критики, в контексте современных представлений о природе научного познания. Кроме того, мы затронем технические вопросы, связанные с планированием исследования отдельных случаев, выделением единиц анализа и стратегиями подбора самих случаев, релевантных исследовательской проблеме.

Роль исследований случаев в научном познании. Согласно распространенному мнению, исследование, основанное на анализе отдельных случаев, научно несостоятельно прежде всего потому, что, во-первых, результаты, полученные на отдельных случаях, невозможно обобщать (а целью и интересом любой науки являются именно обобщения), и, во-вторых, исследования отдельных случаев несут с собой риск неконтролируемой склонности к верификации, иными словами, в исследованиях отдельных случаев мы сталкиваемся с тенденцией исследователя подтверждать любые свои предположения.

Однако в современной методологической литературе (Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992 и др.) представлены очень веские аргументы в пользу того, что данные утверждения относительно исследований случаев ошибочны.

Исследования отдельных случаев не дают возможности делать статистические обобщения. Однако они позволяют работать с иными типами обобщений. Р. Стейк (Stake, 2005), анализируя виды обобщений на материале исследования случаев, выделил тип обобщений, который он обозначил как «естественные (naturalistic) обобщения». Такие обобщения основаны на личном опыте человека; они выводятся из имплицитных знаний человека о мире и приводят к формированию тех или иных ожиданий. Как правило, детальное описание случая исследователем дает читателю информацию для подобного типа естественных ожиданий, которые читатель формирует, задействовав описанное выше мышление по аналогии.

Как указывает ряд авторов (Flyvbjerg, 2006; Stake, 2005 и др.), исследования случаев позволяют делать и более строгие аналитические обобщения. В этом случае исследователь выдвигает в пользу своих обобщений рациональные аргументы, как правило, основанные на теории или более широких философских размышлениях. С. Квале, ссылаясь на статью М. Кеннеди «Обобщение, опирающееся на отдельно взятые случаи», пишет, что выводы о степени обобщенности результатов из исследований единичных случаев должны быть основаны на правилах, с которыми могут согласиться разумные люди. Причем эксплицируя аргументы и предоставляя читателю по возможности всю полноту информации, исследователь как бы приглашает читателя оценить обоснованность выдвигаемых им притязаний на обобщения (Квале, 2003).

Б. Фливерберг (Flyvbjerg, 2006) показывает, что на основании исследования отдельных случаев мы можем делать даже строгие логические обобщения – для этого необходимо логически выверенное моделирование экспериментальной ситуации и правильный выбор случаев. Фливерберг подчеркивает, что подобного рода обобщения нередко используются в естественных дисциплинах, например в физике, и именно опыт физики ярко демонстрирует, что для строгих обобщений в ряде случаев необходимы не статистические исследования, высвечивающие типичность проявлений того или иного феномена, а логика концептуального моделирования и последующий анализ соответствующего случая. Примером подобного логического обобщения может быть знаменитый концептуальный и затем практический эксперимент Галилея, позволивший ему доказать, что скорость падения тел не зависит от их массы. Напомним, что Галилей сбрасывал с Пизанской башни в один и тот же момент тяжелое пушечное ядро и значительно более легкую мушкетную пулю (был ли это реальный эксперимент или лишь воображаемый, для нас сейчас не имеет значения). Поскольку оба тела примерно одинаковой обтекаемой формы, то и для ядра, и для пули силы сопротивления воздуха пренебрежимо малы по сравнению с силами притяжения. Оказалось, что оба предмета достигают земли в один и тот же момент, т. е. скорость их падения одинакова.

накова. Как видим, Галилею не нужны были серии систематических наблюдений, как случайно отобранные объекты падают со случайно отобранных высот в условиях различной силы ветра и т. п. Напротив, он сделал свои выводы из исследования индивидуального случая, но это оказалось возможно благодаря концептуальному подбору необходимых объектов (в данном случае это объекты, представляющие возможность пренебречь силой сопротивления воздуха). Несколько позднее, когда был изобретен воздушный насос, представления Галилея получили подтверждение в эксперименте, сегодня известном каждому школьнику: в вакуумной камере металлическая монета и перо падают с одинаковой скоростью. Как видим, в этом эксперименте фигурируют объекты, представляющие собой крайние случаи (тяжелый металл и легкое перо). Статистическая случайная выборка объектов здесь не требуется: если наше представление подтверждается для крайних случаев, то оно будет тем более верным для других случаев.

С. Квале (2003) справедливо замечает, что история психологии тоже свидетельствует о том, что обобщенное знание зачастую является результатом интенсивного изучения отдельных случаев. В качестве примера можно вспомнить вклад изучения З. Фрейдом индивидуальных случаев в общие знания по психологии личности и психопатологии. Против частого использования больших выборок и статистики в психологии возражали радикальный бихевиорист Б.Ф. Скиннер и сторонник естественно-научной «галилеевской» психологии К. Левин. По мнению Левина (1990), именно изучение индивидуальных случаев способно приводить к «усмотрению» сущностей.

Механизм, лежащий в основании обобщений на материале отдельных случаев, прекрасно раскрыт Д. Кэмпбеллом (1996). Исследователь, согласно Кэмпбеллу, обладает способностью формировать целостное представление об исследуемом объекте в условиях неполной и противоречивой эмпирической информации, и этот целостный концептуальный образ (гештальт) предшествует распознаванию отдельных сторон объекта, которые могут быть квантифицированы. Но насколько такой интуитивно сформированный исследователем концептуальный образ будет свободен от его субъективных фантазий и проекций? Кэмпбелл считает, что качественное исследование случая обладает внутренними механизмами самокоррекции. «В исследовании отдельных случаев, проведенном “бдительным” социальным исследователем, теория, которую он создает для объяснения основной проблемы, порождает предсказания и ожидания относительно большого числа других аспектов наблюдаемой им культуры. Поэтому он не принимает теорию до тех пор, пока большинство таких ожиданий тоже не получит подтверждения. В отличие от статистической проверки, исследователь, работающий качественными методами, перепроверяет свою теорию с помощью степеней свободы, образуемых многочисленными следствиями, существующими в любой логически упорядоченной теории» (*там же*, с. 282). Иными словами, Кэмпбелл подчеркивает, что обобщения отдельных случа-

ев основаны на концептуализациях, которые, в свою очередь, должны обладать качеством логической непротиворечивости и интуитивной правдоподобности. Кроме того, Кэмпбелл указывает, что сама реальность представляет собой весьма требовательную и настойчивую силу, которую можно недооценивать, но от которой невозможно уклониться.

Таким образом, согласно всем цитированным выше авторам, обобщения на основании исследования отдельных случаев вполне корректны, и исследования случаев наряду с другими формами исследований вносят свой вклад в развитие обобщенного научного знания.

Вместе с тем исследования отдельных случаев позволяют по-новому оценить саму ориентацию науки на универсальные обобщения. Как справедливо замечает Б. Фливерберг (*Flyvbjerg*, 2006), формальные генерализации – далеко не единственный способ получения и аккумуляции научного знания. То, что знание не может быть обобщено (в формальном смысле этого слова), вовсе не означает, что оно бесполезно для непрерывно совершающегося в обществе процесса коллективного развития знания: чисто описательное исследование случая, не претендующее на какие-либо обобщения, тоже имеет свою ценность, поскольку открывает иной путь к научным инновациям.

Вообще столь значительный акцент на формальных обобщениях основан на допущении, что универсальное, не зависящее от контекста теоретическое знание представляет собой высший уровень знания и, соответственно, более ценно, чем знание конкретное, практическое, контекстуальное. Бент Фливерберг выдвигает против этого допущения два серьезных возражения (*Ibid.*). Во-первых, как показывают феноменологические исследования процесса обучения, овладение контекстуально-опосредованным знанием является необходимым условием перехода обучающегося с уровня «новичка» на уровень «виртуоза-эксперта». В отличие от начинающих специалистов, ориентирующихся на подчиняющуюся правилам аналитическую рациональность и абстрактные формулы, истинные эксперты свободно оперируют нюансированным знанием, основанным на опыте индивидуальных случаев, они обладают способностью проводить тонкие различия между ситуациями, не сводя их к набору стандартных правил. Если научное знание ограничить универсальными абстракциями, то человек, в него посвящаемый, никогда не преодолет уровня «новичка» в понимании человеческой реальности (*Ibid.*). Другое возражение, выдвигаемое Фливербергом против ориентации социальных наук на универсальное знание как высшую ценность, состоит в том, что в социальных науках, по всей видимости, вообще невозможно достичь такого уровня знания. «Мягкие» обобщения и контекстуально-опосредованное знание – это то, с чем в действительности имеет дело социальная наука. «Иногда нам нужно просто открыть глаза и внимательно наблюдать индивидуальные случаи – не в надежде что-либо доказать, но в надежде чему-то научиться» (Г. Айзенк, цит. по: *Flyvbjerg*, 2006, р. 224).

Исследования случаев замечательны тем, что дают исследователю выход к реальным жизненным ситуациям и позволяют «ухватить» целост-

ные типы человеческого поведения, в принципе не редуцируемые к стерильным теоретическим формулам. В этом смысле ценность исследований случаев не только и не столько в том, что на их основе возможны, как это было показано выше, формальные обобщения достаточно высокого уровня. В четких, терминологически выверенных концептах нередко теряется контекстуальная и взаимопроникающая природа сил. Как заметил Р. Рорти, самый верный способ расколдовать мир – это держаться конкретного. Исследование случая может стать тем детализированным повествованием – «дискретной и на первый взгляд незначительной истиной, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживает в себе зародыш парадигм, метафор и универсализма» (Flyvbjerg, 2006, p. 238). История случая, во всей ее многогранности, сложности и противоречивости, связанная не столько с конкретными теориями той или иной дисциплины, сколько с более широкими философскими позициями, – это, так сказать, «виртуальная реальность». «Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, – пишет Фливерберг, – наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория» (Ibid., p. 238–239). Речь идет не о подрыве ценности теоретических обобщений. Скорее, это напоминание о том, что теоретические обобщения – не единственный источник научного развития. Выдающийся историк и методолог науки Томас Кун говорил, что дисциплина без большого числа тщательно проведенных исследований случаев – это дисциплина без систематического производства образцовых примеров, а дисциплина без образцовых примеров – неэффективна.

Столь же ошибочно и представление о том, что исследования случаев несут с собой опасность неконтролируемой склонности исследователя подтверждать свои гипотезы. Практика исследований случаев показывает, что скорее фальсификация, а не верификация является их характерной чертой: исследователи, проводившие глубинные case studies, свидетельствуют, что их первоначальные взгляды, предположения и гипотезы в процессе исследования значительно менялись (Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992). Вообще склонность обращать внимание на факты, подтверждающие собственные мнения, и не замечать того, что эти мнения опровергает, присуща человеческой природе, как об этом в свое время писал Фрэнсис Бэкон. И, безусловно, ценность научного познания в том, что оно основано на процедурах систематического контроля таких искажений. С проблемой субъективизма и склонности к подтверждению гипотез сталкивается любой исследователь, независимо от того, какие методы и исследовательские планы он использует. В этом смысле произвольности у сторонников case study ничуть не больше, чем у тех, кто проводит исследования с использованием стандартизованных опросников и методов статистической обработки. Например, элемент произвольного субъективизма может быть весьма значителен при выборе категорий и переменных для количественного исследования. Причем, как справедливо замечает Б. Фливерберг (Flyvbjerg, 2006), эту субъективность край-

не сложно заметить и исправить в процессе исследования, поскольку исследователь чересчур отстранен от исследуемых и не получает от них живой обратной связи. Еще раз стоит подчеркнуть, что преимущество case study в том, что оно очень близко реальным жизненным ситуациям и дает возможность проверять предположения, практически взаимодействуя с феноменами. А реальность, как мы уже это отмечали, ссылаясь на Д. Кэмпбелла, слишком настойчива, чтобы от нее можно было с легкостью уклониться.

Планирование исследования случая. Итак, исследования случая могут играть весьма важную роль в развитии психологического знания. Однако, как и в других типах исследований, достоверные, intersubjectively значимые результаты исследований случаев можно получить лишь тогда, когда исследователю удастся контролировать искажения исследовательского процесса. В этой связи тщательное продумывание процедуры исследования случаев становится для исследователя важнейшей задачей, от решения которой напрямую зависит качество предстоящего исследования.

В зависимости от цели научной работы, исследователь может планировать различные типы исследований случаев. *Иллюстративные* исследования случаев направлены на то, чтобы на нескольких примерах продемонстрировать «работу» предложенной исследователем теоретической модели или прояснить выдвигаемые им теоретические концепты. Они позволяют исследователю более полноценно «вести» читателя в смысловое поле исследователя, тем самым дав ему возможность найти «общий язык» с исследователем. В качестве примеров таких иллюстративных исследований случаев могут выступить клинические описания известных людей или литературных персонажей, базирующиеся на обосновываемой исследователем характерологической (или другой) типологии (см., к примеру: Волков, 2000).

Другой тип исследований случаев – *поисковые* (или *пилотажные*) исследования. Их главная функция – на основании детального анализа нескольких случаев понять интересующий исследователя феномен, генерировать гипотезы, определить переменные, чтобы на следующем этапе провести масштабное (как правило, количественное) исследование, посвященное проверке выдвинутых предположений и позволяющее уже сделать более или менее определенные выводы. Кстати сказать, именно данный тип исследований случаев, как правило, принимается большинством исследователей в качестве научно обоснованного. Однако, как мы попытались показать выше, сегодня сводить функцию исследований случаев лишь к поисковым действиям определения проблемы и генерирования гипотез было бы ошибочно. Case studies могут обладать ценностью сами по себе, как относительно законченные исследования, хотя пилотажные исследования случаев по-прежнему остаются очень актуальными.

Индуктивно-аналитические описательные и *теоретические* исследования случаев представляют собой следующую группу кейс-стади. Мы отнесли их к одному типу исследований, потому что, на наш взгляд, невозможно

четко разделить описание и собственно теорию, индуктивно выводимую из случаев, на наш взгляд, провести невозможно: исследования будут описательными по своему характеру, с присущим им движением в сторону обобщений, создания концептуальной рамки и теоретизаций. При этом исследователь всякий раз решает, на каком уровне концептуализации ему стоит остановиться. Психоаналитическая литература дает довольно много интересных примеров подобного рода. Используемые в психоанализе концепты имеют статус, скорее метагерменевтических, чем собственно теоретических понятий: это лишь некие общие схемы, позволяющие структурировать случай и на этой основе углублять понимание интересующего исследователя феномена. К примеру, В.А. Зимин (2004), используя некоторые концепты психоанализа З. Фрейда, Ж. Лакана и теории объектных отношений, обращается к фильму Педро Альмодовара «Все о моей матери» и на материале анализа случаев – судеб героев этого фильма – размышляет о таком феномене, как трансгрессия границ между полами и поколениями, о ее соблазнительности и опасностях. Пример непсихоаналитической теоретизации на материале отдельного случая можно найти в работе Г. Гарфинкеля (*Garfinkel*, 1967). Классическое исследование Гарфинкеля известно как «случай Агнес»: Агнес родилась мальчиком и воспитывалась как мальчик до 18 лет; в 18 лет она поменяла пол и имя, переехала в другой город; Гарфинкель описывает, как Агнес постепенно приобретает женский опыт, школу которого ей не удалось пройти ранее, – он известен ей лишь отчасти, но во многом неведом, поскольку абсолютно растворен в повседневных отношениях. И исследуя случай Агнес, Гарфинкель теоретизирует по поводу социально-конструктивной природы пола.

Наконец, возможно планирование гипотетико-дедуктивного исследования случая, направленного на проверку гипотез. На примере приведенного выше физического эксперимента Галилея можно отследить логику подобного исследования: его начало – мыслительный (концептуальный) эксперимент, моделирующий теоретическое представление, которое затем должно быть подвергнуто проверке посредством анализа соответствующим образом подобранного случая (или нескольких случаев). Как правило, в гипотетико-дедуктивных исследованиях предполагается подбор так называемых *критических* случаев, т. е. случаев, стратегически важных в связи с решаемой исследовательской проблемой, так что полученная на материале данного случая информация позволяет сделать дедуктивный вывод: «Если это верно/неверно для данного случая, то это тем более верно/неверно для других случаев». Например, если мы предполагаем устойчивость традиционных установок, которые, по нашему мнению, должны оказывать значительное влияние на формирование гендерной идентичности современных женщин, то для проверки нашего предположения нам нужно исследовать случаи женщин, стиль жизни которых в максимальной степени не соответствует традиционным представлениям о женственности. И если в этих слу-

чаях мы выявим, что традиционные установки все-таки занимают важное место в структуре субъективности этих женщин, мы можем сделать вывод, что это тем более верно для женщин, стиль жизни которых гораздо более традиционен. Ниже мы несколько более подробно коснемся стратегий подбора случаев в зависимости от целей исследования.

Как и в случае других типов исследования, выбор такого исследовательского «дизайна», как case study (single-case или multiple-case study) определяется проблемой исследования, а также предпочтениями самого исследователя – его перспективой видения проблемы, способом постановки исследовательских вопросов и т. п. И, безусловно, выбор любого исследовательского «дизайна» должен быть рационально обоснован и убедителен для исследовательского сообщества. Исследования случаев чаще всего проводятся, когда исследователя интересуют сложные, комплексные феномены в их реальном жизненном контексте.

В методологической литературе нередко отмечается, что выделить четкий алгоритм процедуры планирования и проведения любого исследования невозможно. Однако вполне можно эксплицировать наиболее важные ориентиры для самоопределения исследователя. Для исследований случаев удобную схему предлагает Роберт Йин (*Yin*, 2003). Он выделяет пять основных компонентов исследовательского «дизайна», ориентация на которые, на наш взгляд, может помочь исследователю планировать и иные, отличные от case study, типы исследовательской работы: 1) исследовательские вопросы; 2) предположения и гипотезы (если они есть), 3) единицы анализа (феномен, его конкретные стороны и аспекты), 4) формы логической связи данных с исследовательскими вопросами и предположениями, 5) критерии интерпретации результатов. В дополнение к этим пяти базовым компонентам, Р. Йин подчеркивает важность прояснения теоретической перспективы исследователя, определения целей исследования, обоснования стратегий отбора случаев и выбора методов и методик сбора данных, а также продумывания общей композиции итогового отчета (*Ibid.*).

По мнению Йина (*Ibid.*), грамотный, хорошо спланированный проект case study предполагает ведение исследовательского протокола, который должен включать в себя следующие секции: 1) общий обзор проекта (проблема исследования, цели проекта, предмет интереса и т. п.), 2) «полевые» процедуры (определение форм и способов работы, необходимые разрешения, согласия, доступы к сайтам и т. п.), 3) исследовательские вопросы (то, что исследователь должен всегда «держать в уме» в процессе сбора данных), 4) план отчета (общий эскиз, формат изложения и т. п.).

Попробуем прокомментировать некоторые из приведенных рекомендаций Йина, заслуживающие, на наш взгляд, самого пристального внимания. Наиболее важной характеристикой case study является ориентация на целостное, детализированное описание феномена. Как и другие качественные исследования, case studies обычно направлены на получение максимальной

информации, касающейся исследовательской проблемы или феномена. Исследовательскими вопросами, для ответа на которые вполне логично проведение case study, могут быть, к примеру, те, которые имеют отношение к прояснению глубинных причин, лежащих в основании проблемы, и их последствий. Но вряд ли этими вопросами могут быть вопросы о самих «симптомах» проблемы и частоте их выраженности в популяции. Р. Йин пишет, что далеко не всякое исследование случаев нуждается в гипотезах. В самом деле, ни иллюстративные, ни поисковые исследования случаев гипотез не предполагают. То же самое можно сказать и об индуктивно-аналитических исследованиях. Все эти типы исследований нуждаются в четком определении исследовательских целей и задач, а также в выделении критериев, по которым исследователь будет оценивать успех своей работы.

Следующий очень важный для исследований случаев момент – разделение собственно случаев и единиц анализа. Именно единицы анализа имеют отношение к предмету, интересующему исследователя, и определяют собой логику подбора случаев. Вообще можно сказать, что именно взаимодействие между единицами анализа и самими случаями является конститутивным элементом исследований случаев (Sjoberg et al., 1991; Van Wynsberghe, Khan, 2007). Наиболее простой пример отношений случая и единиц анализа можно позаимствовать из юридической сферы (Van Wynsberghe, Khan, 2007). Для защиты своего клиента в суде адвокат может выбрать различные типы основания, к примеру, историю жизни обвиняемого, его психическое состояние во время совершения преступления, систему связей обвиняемого с отдельными людьми и группами людей и даже специфические культурные аспекты его жизни. Можно провести аналогию между выбираемым адвокатом основанием защиты и единицей анализа. Если, к примеру, адвокат фокусируется на системе связей обвиняемого, то случай может принять форму «случая козла отпущения», когда обвиняемый предстает перед нами лишь частью более широкой криминальной проблемы. Если адвокат фокусируется на истории жизни обвиняемого, то это может быть, к примеру, «случай детской травмы». И так далее. По мере того как набирается соответствующая информация, касающаяся выбранного адвокатом основания защиты, сам случай приобретает все большую определенность (даже если принять во внимание тот факт, что в адвокатской практике случай задан с самого начала – ситуация, как правило, не характерная для научных исследований).

Как можно видеть из приведенного примера, именно единицы анализа определяют, случаем чего является исследуемый случай. В упоминавшемся исследовании В.А. Зимина (2004), обратившегося к материалу фильма П. Альмодовара «Все о моей матери», единицами анализа являются представленные в данном фильме формы нарушения/преодоления границ между полами и поколениями, и можно сказать, что феномен трансгрессии конституирует исследуемые Зиминим случаи. Хотя единицы анализа определяются на стадии планирования исследования, сложность состоит в том, что в процессе исследования первоначально определенные единицы анализа могут

несколько меняться, тем самым видоизменяя сам «случай». Бент Флибберг, к примеру, предупреждает, что исследователь, проводящий case study, должен быть готов к самым критическим поворотам своего замысла (Flyvbjerg, 2006).

Р. Йин (Yin, 2003) замечает, что формы логической связи между данными и предположениями, а также критерии анализа результатов – наименее разработанные аспекты исследования случаев. Ряд авторов (Кэмпбелл, 1996; Stake, 2005; Yin, 2003) в качестве основной техники связывания данных с предположениями, на которую может ориентироваться исследователь, называет «сравнение признаков» (pattern-matching). Вообще сравнение признаков, по-видимому, можно считать одним из самых важных процессов, посредством которых приобретает знание. Суть его состоит в том, что исследователь вначале выдвигает некоторые предположения или, как говорит К. Лоренц (1998), исследователь вначале «что-то думает»; потом он сравнивает это с опытом или с поступающими извне данными, чтобы затем из совпадения или несовпадения заключить, верно или неверно «то, что он думал». Иными словами, техника сравнения признаков – это сравнение между внутренней закономерностью, каким-то образом возникающей в сознании, и другой закономерностью, существующей во внешнем мире. Совпадение этих закономерностей и есть то, что можно назвать «знанием». По-видимому, сравнение признаков является главной аналитической техникой большинства case studies.

Роберт Йин рекомендует исследователям на стадии планирования определять теоретическую перспективу, в рамках которой будет выполняться исследование. Причем определение теоретической перспективы можно понимать довольно широко: это не обязательно должны быть рамки конкретной теории или концепции в пределах той или иной профессиональной дисциплины; исследователь может попытаться соотносить свое исследование с более широкими философскими позициями. Планируемый анализ данных, полученных в результате проведения исследований случая, может быть различным: это могут быть процедуры систематического кодирования и описания категорий, «восхождение к теории» на основании первоначально выделяемых категорий, тематический анализ либо техники герменевтической интерпретации. В следующей главе ряд аналитических техник и подходов в работе с качественными данными будет рассмотрен достаточно подробно.

Относительно подбора методов и методик в исследованиях случаев трудно сказать что-либо определенное, кроме того, что они должны отвечать исследовательскому замыслу и давать возможность собрать ту информацию, которая необходима для решения исследовательских задач. Р. Йин (Yin, 2003) к тому же подчеркивает, что в исследованиях случаев для повышения их надежности очень важна методологическая триангуляция, т. е. использование в исследовании различных методов и техник, чтобы у исследователя была возможность сопоставлять результаты, полученные разными путями. Поэтому в большинстве исследований случаев лучше планировать применение нескольких методов сбора и анализа данных. Кроме

того, повышению надежности результатов кейс-стади может способствовать планирование исследования, в котором будет занят не один, а несколько исследователей, имеющих возможность вступать в диалог друг с другом по поводу полученных в исследовании результатов.

Огромное значение для исследований случаев имеет подбор самих случаев. Как правило, стратегии случайного отбора в исследованиях такого рода неэффективны: типичные или среднестатистические случаи зачастую гораздо менее информативны для глубокого понимания тех или иных феноменов, чем, скажем, крайние («девиантные») случаи. В исследованиях случаев чаще всего применяют стратегии формирования целевой выборки: отбираются случаи, от которых исследователь ожидает большей содержательной информативности. Б. Фливерберг (*Flyvbjerg, 2006*) предлагает следующую классификацию целевой выборки для исследований случаев: *крайние («девиантные») случаи; максимально вариативные случаи; критические случаи; парадигматические случаи.*

Крайние случаи позволяют увидеть феномен в наиболее ярком, иногда даже драматичном свете, как это характерно, к примеру, для случая «Человека-волка», описанного З. Фрейдом. Подбор *максимально вариативных* случаев часто используется в исследованиях коллекции случаев (*multiple-case studies*); предполагается, что отбираемые при этом случаи максимально отличаются друг друга по каким-либо значимым для исследования характеристикам.

Критические случаи дают информацию, позволяющую делать дедуктивные выводы, касающиеся широкого класса случаев. Примерами критических случаев являются приведенные выше использование в эксперименте монеты и пера для доказательства, что в вакууме физические объекты падают с одинаковой скоростью, и исследование женщин с наименее традиционным стилем жизни для доказательства устойчивости традиционных установок. Б. Фливерберг (*Ibid.*) подчеркивает, что не существует универсальных методологических принципов, которые бы позволили определенно идентифицировать случай как критический. Однако при этом Фливерберг дает очень ценный методологический совет: нужно искать случаи, от которых ожидается, что они будут либо максимально подтверждать, либо максимально опровергать гипотезы и предположения; если ожидается, что случай должен максимально подтверждать гипотезу, а он ее опровергает, то этот случай идеально подходит (является критическим) для фальсификации пропозиций, и наоборот, если ожидается, что случай должен опровергать гипотезу, а он ее подтверждает (как в эксперименте с монетой и пером), этот случай идеально подходит (является критическим) для верификации пропозиций.

Следующая группа случаев – Фливерберг их называет *парадигматическими* – это, по сути, емкие метафоры, описывающие наиболее значимые стороны каких-либо феноменов, практик и т. п. Парадигматическим является случай царя Эдипа, который Фрейд кладет в основание культурного развития человека. Другой пример парадигматического случая – «Паноптикум»

Бентама, который в произведениях М. Фуко приобретает черты культурной парадигмы, метафорически «схватывающей» сущность эпохи западного модерна. Что именно позволяет определить случай в качестве парадигматического, т. е. случая, имеющего метафорическую ценность и способного быть прототипом других случаев, – вопрос еще более сложный, чем тот, который касается определения критических случаев. Как пишет Б. Фливерберг (*Ibid.*), для определения парадигматических случаев нет стандартов, поскольку эти стандарты определяют они сами. Фливерберг приводит ответ Г. Дрейфуса на вопрос, что такое парадигматический случай: «Хайдеггер говорит, что распознать парадигматический случай можно по тому, что он сияет, но я боюсь, что это не поможет. Вам нужно просто включать интуицию... Это большая проблема для демократического общества, где предполагается, что люди всегда могут обосновать свою интуицию. Так что вам всегда нужно давать обоснования, хотя это могут быть далеко не те обоснования, на которые вы действительно опираетесь» (цит по: *Flyvbjerg, 2006, р. 232*). Безусловно, можно согласиться с Дрейфусом, что для определения парадигматического случая необходима интуиция, но, как справедливо замечает Фливерберг, вряд ли можно согласиться с тем, что интуицию невозможно обосновать. Этнометодологические исследования практики научных исследований показывают, что сама эта практика основывается на процедурах, зачастую ощущаемых и описываемых как интуитивные. Однако интуитивные решения вполне подотчетны сознанию, в том смысле, что по необходимости их можно эксплицировать для других участников научных исследований. По-видимому, то же самое можно сказать и относительно определения парадигматических случаев: мы интуитивно определяем тот или иной случай в качестве парадигматического, но при необходимости можем привести аргументы в пользу нашего выбора, вполне осмысленные для других членов научного сообщества. Кроме того, Фливерберг отмечает, что заведомое определение, является ли случай парадигматическим или нет, не столь важно (*Ibid.*). Исследователи могут лишь показать, что выбранный ими случай действительно может представлять интерес в парадигматическом смысле, и рационально аргументировать свой выбор. Станет ли случай действительно парадигматическим, во многом зависит от того, как проведено само исследование, а также от реакции на него со стороны как сугубо научного, так и более широкого – человеческого – сообщества.

В заключение подчеркнем, что различные стратегии отбора случаев не обязательно исключают друг друга: случай может быть одновременно и крайним, и критическим, и парадигматическим; он открывает перед исследователем различные перспективы, в зависимости от того, как исследователь его интерпретирует и к какому типу его относит. В целом приведенная классификация Б. Фливерберга дает хорошее представление, на что может ориентироваться исследователь, формируя выборку для предстоящего исследования отдельного случая или их коллекции.

Глава 4

Анализ качественных данных

Пожалуй, наиболее важный этап качественных исследований – анализ данных. Но именно ему, на наш взгляд, в методологической литературе подчас уделяется недостаточно внимания. Нередко описания техник анализа несут лишь общий характер (см., к примеру: *Белановский*, 2001; *Квале*, 2003; *Мельникова*, 2007, и др. – во всех этих работах анализ данных представлен гораздо менее подробно, чем обсуждение других этапов исследования). Исключение составляют, пожалуй, работы сторонников подхода обоснованной теории: характерная особенность этого подхода как раз и состоит в том, что техники анализа данных в нем проработаны наиболее основательно (см., к примеру: *Страусс*, *Корбин*, 2007; представленный в книге В.В. Семеновской (1998) довольно подробный вариант анализа качественных данных тоже основан на техниках подхода обоснованной теории). Анализ данных исключительно важен для получения валидных результатов, однако методологическое оформление его правил явно недостаточно; поэтому мы считаем необходимым наиболее подробно остановиться здесь именно на этом этапе качественного исследования.

В качественных исследованиях могут быть использованы различные техники и подходы к анализу данных. При этом существуют техники, которые можно обозначить как «сквозные» – к ним относятся техника кодировки и категоризации значений и техника конденсации смысла, которые применяются в рамках многих исследовательских подходов (например, в подходе обоснованной теории, феноменологическом подходе, некоторых формах дискурс-анализа). И та и другая техники представляют собой типы систематической работы с текстовыми данными, предполагающие разбиение текста на смысловые фрагменты и их «пошаговый» анализ. По сути, именно с данными техниками связана работа по организации качественных данных и, на наш взгляд, именно они привносят в качественное исследование ту систематичность и точность метода, которые являются одной из важных особенностей научного способа работы с данными. Вместе с тем, обе техники предполагают движение от первичной организации данных к концептуализации, научная значимость которой определяется уже не столько точностью метода, сколько качеством осмысления проблем.

Помимо «сквозных» техник категоризации и конденсации существуют специальные приемы анализа, применяемые в определенных качественных исследовательских подходах: подходе обоснованной теории, феноменологическом подходе, а также в различных интерпретативных подходах. К примеру, приемы феноменологического описания отличаются от форм интерпретативной работы с текстом в рамках классической и глубинной герменевтики. На наш взгляд, в настоящее время огромное значение приобретают формы комплексной интерпретации текстовых данных, базиру-

ющиеся как на пошаговой конденсации и категоризации значений, описании тем на уровне самопонимания говорящего, так и на целостной глобальной интерпретации текста.

В психологии существуют традиционные способы интерпретации, теоретическая основа которых – традиции глубинной и экзистенциально-гуманистической психологии. На наш взгляд, и глубинно-аналитическая, и экзистенциально-гуманистическая интерпретации предполагают тесную связь между языковыми единицами и личностными особенностями автора. Однако в свете сегодняшнего дня допущение такой связи отнюдь не очевидно. Лингвистика показала, что высказывание может совершаться само собой, и даже если и требует кого-то для своего свершения, то этот кто-то – субъект речи, но не личность. В последнее время в психологических исследованиях хорошо зарекомендовали себя структуралистские, постструктуралистские и дискурс-аналитические способы работы с текстом, основанные на идее дискурсивного или лингвистического поворота в психологическом знании. Интересно, что использование дискурс-аналитических техник в психологии не предполагает непосредственного выхода к личности; в центре внимания этих техник – сам язык, и личность понимается через языковые координаты.

Техника кодировки и категоризации значений (качественный контент-анализ)

Контент-анализ известен психологам как качественно-количественный метод, в основе которого лежит работа с кодировочными категориями. В последнее время достаточно эффективно применяется качественный контент-анализ, который использует возможности количественного анализа, но отличается от последнего рядом особенностей. Для того чтобы сделать качественный контент-анализ более понятным, мы начнем рассмотрение контент-анализа с его количественных вариантов.

Количественный вариант контент-анализа и правила кодирования. Задача количественного контент-анализа – подсчет частоты встречаемости слов, относящихся к той или иной категории. В центре метода – система категоризации, согласно которой и квантифицируются языковые единицы: текст разбивается на аналитические содержательные единицы и анализируется пошагово; текстовый материал распределяется по категориям и эти категории кодируются. Мы сводим текст к простым категориям типа «+» или «-» (наличие или отсутствие явления) или шкалируем его по категориям, чтобы обозначить степень выраженности явления. Таким образом, категоризация сокращает и структурирует большой текст. Категории чаще всего разрабатывают заранее либо они могут появиться ситуативно в процессе анализа. Категории можно взять из теории, из разговорного языка или выбрать из высказываний респондентов.

Собственно, что именно мы можем считать? В качестве кодировочных единиц могут выступать слова и словосочетания (лексика языка, например, слова, обозначающие долженствование: «должен», «обязан», «нужно» и т. п.; словосочетания типа «патриотическое воспитание», «имперское сознание» и т. п.), а также грамматические конструкции (например, отрицательные частицы). Кроме того, это могут быть более крупные единицы – понятийно-тематические единицы (например, не только слово «свобода», но все, что связано со значением этого слова: упоминания о каких-либо внешних ограничениях, фразы, касающиеся внутреннего ощущения свободы/несвободы), референциальные или квазиреференциальные единицы (упоминания конкретных лиц и сообществ, допустим, людей, принадлежащих к определенным возрастным когортам), пропозициональные единицы или оценки (например, количество требований, констатаций, негативных или позитивных оценок определенных событий), макроструктурные единицы (идеологемы, мифологемы, стереотипы, метафоры: «страна дураков», «все мужики сволочи»). В исследованиях подсчитывается относительная частота каких-либо единиц (отношение количества интересующих нас единиц к общему количеству единиц). Общие единицы должны быть того же формата, как и интересующие нас единицы, например, если интересующие нас единицы имеют формат слов, то в качестве общих единиц тоже должны быть слова, если нас интересуют развернутые высказывания, общие единицы должны быть формата предложений.

Пример

Исследование имплицитных содержаний психотерапевтического диалога⁶
Исследователи выдвигают предположение, что употребление грамматических форм в меньшей степени, чем употребление лексики, контролируется автором текста и поэтому может послужить источником таких сведений о нем, которые не являются частью его сознания. Иными словами, синтаксические особенности речи могут быть коррелятом неосознаваемых психологических процессов. Например, коррелятом речевой неопределенности в процессе психотерапии могут выступать неопределенные местоимения. В соответствии с приведенным предположением, транскрипт психотерапевтической сессии разбивается на темы и для каждой темы подсчитывается относительная частота неопределенных местоимений (отношение количества неопределенных местоимений к общему количеству слов в оцениваемой части протокола). Затем строится диаграмма динамики частотности неопределенных местоимений в течение сеанса (либо в течение нескольких сеансов). Полученные результаты позволяют отследить, например, как неопределенность изменяется в зависимости от темы или динамики психотерапевтических отношений. Интерес представляет анализ частотности личных местоимений в психотерапевтических сессиях, например, соотношение частотности активного употребления местоимения «я» («я» в именительном падеже) и пассивного употребления этого местоимения (другие падежные формы: «меня», «мною» и

⁶ По материалам исследований, представленных в: *Россохин, Измагурова, 2004.*

т. д.), что можно рассматривать как речевой эквивалент понятия «локус контроля». Подсчет активных и пассивных форм местоимения «я» дает возможность отследить, к примеру, какие темы являются выражено интернальными, какие экстернальными. Динамика личных местоимений, обозначающих или включающих собеседника («Вы», «ты», «ваше» или «мы», «наше» соответственно), может быть одним из речевых признаков, отображающих ход процесса психотерапии; можно задать вопрос, когда происходит переход от преимущественно одних форм обращения к терапевту к другим.

До сих пор мы говорили о категориях, носящих чисто языковой характер. Категориями могут быть также вводимые исследователем смысловые единицы, которым дается довольно подробное и четкое определение (формулировка), приводятся примеры и определяются правила кодирования.

Пример

Категории высокого, среднего и низкого уровней самоуважения⁷

Категория	Определение	Примеры	Правила кодирования
C1: высокий уровень самоуважения	Выраженная субъективная уверенность в собственной способности успешно справиться с требованиями ситуации, что включает в себя: – знание этих требований и собственных возможностей; – наличие выраженного позитивного чувства по отношению к собственным возможностям управления ситуацией («я управляю ситуацией, держу ее в своих руках») – уверенность в своей способности собственными силами справиться с ситуацией	«Конечно, были некоторые проблемы, но мы все их решили: либо я сам, либо студент, в зависимости от того, кто совершил ошибку. Ошибку может совершить любой». «Конечно, проблемы и были, и есть, но у нас прекрасные взаимоотношения. Мы все решаем вместе»	Все 3 аспекта указывают на высокий уровень самоуважения
C2: средний уровень самоуважения	Лишь частичная, либо временами наступающая уверенность в собственной способности справиться с требованиями ситуации	«Очень часто мне трудно справиться с проблемами, но в конце концов я делаю это». «Временами все становится лучше. Но я не знаю, что приводит к этому – я сам или обстоятельства»	Из 3-х аспектов какие-то указывают на высокий, а другие – на низкий уровень самоуважения

⁷ Пример взят из: *Mayring, 2000.*

Категория	Определение	Примеры	Правила кодирования
С3: низкий уровень самоуважения	Уверенность в отсутствии способности самостоятельно справиться с требованиями ситуации, что включает в себя: <ul style="list-style-type: none"> – незнание, что действительно требует ситуация; – наличие негативного, пессимистического чувства по отношению к собственным возможностям управления ситуацией; – уверенность, что собственные действия не могут привести к улучшению ситуации 	«Это очень пошатнуло мое самоуважение. Я думал, я ничтожество – или даже хуже того»	Все 3 аспекта указывают на низкий уровень самоуважения. Колебаний не обнаруживается

Пример**Шкалы методики Готтшалка–Глезер (Gottschalk L.A., Gleser G.S.)⁸**

Методика включает в себя следующие контент-аналитические шкалы: тревоги, аутоагрессии (депрессии), социальной отчужденности и личностной дезорганизации (шизофреническая), когнитивных и интеллектуальных повреждений, «надежды», стремления к достижениям. Каждая из шкал включает в себя контент-категории и критерии количественной оценки содержания речевых высказываний, на основании которых выявляются те или иные состояния, переживаемые говорящим. В самой методике разработаны формулы перевода сырых оценок в стандартные, на которых мы не будем останавливаться, поскольку для наших целей эти формулы неактуальны. Две приведенные ниже шкалы методики представляют собой хороший пример, как могут быть определены контент-аналитические категории.

Шкала внутренней агрессии Готтшалка–Глезер

A4	4 балла	Высказывания о том, как говорящий пытается или угрожает убить себя с осознанным намерением или без такового
A3	3 балла	Высказывания о том, что у говорящего раны, увечья, либо говорящий угрожает нанести их себе с осознанным желанием или без такового
A2	2 балла	Высказывания о том, что говорящий заслуживает наказания или оно ему необходимо, о расплате за свои грехи, искуплении, покаянии
A1	1 балл	Высказывания о чувстве разочарования в себе, неспособности удовлетворить свои или чужие ожидания
B4	4 балла	Высказывания о желании умереть, необходимости умереть, или о том, что говорящий заслуживает смерти
B3	3 балла	Самообвинения, проявление злости или ненависти к себе, считает себя никчемным или нестоящим, причиной своих неудач и проблем

⁸ Пример взят из: Психологические исследования дискурса, 2002.

B2	2 балла	Отрицательная самокритика, умаление своих достоинств, высказывания о сожалении или стыде за свои поступки или дела, высказывания о своих ошибках или заблуждениях
B1	1 балл	Отрицание гнева, неприязни, ненависти, упреков, разрушительных импульсов у себя и к себе
C3	3 балла	Высказывания о чувстве разочарования, утрате надежды, отчаянии, чувстве печали или подавленности, отсутствии цели в жизни
C2	2 балла	Высказывания о чувстве потерянности, разочарованности, тоски
C1	1 балл	Высказывания о чувстве вынужденности или обязанности удовлетворять свои собственные ожидания и требования

Шкала тревожности Готтшалка–Глезер

Тр 1.1	Тревога смерти	Высказывания о смерти, умирании, угрозе смерти или опасении смерти. Относимые к себе – 3 балла, к другим – 2 балла, отрицание опасений – 1 балл
Тр 1.2	Тревога физического неблагополучия	Высказывания об угрозе заболевания или наличии такового, опасении о состоянии здоровья, о ранениях, повреждении тканей или опасениях ранений или угрозе такового. Относимые к себе – 3 балла, к другим – 2 балла, отрицание опасений – 1 балл
Тр 2	Тревога разобщения	Высказывания об оставлении, заброшенности, утрате поддержки, утрате любви или угрозе таковой. Относимые к себе – 3 балла, к другим – 2 балла, отрицание опасений – 1 балл
Тр 3	Тревога социального неодобрения	Высказывания об отрицательной самокритике, оскорблении, осуждении, моральном неодобрении, вине или угрозе таковых, высказывания о насмешках, неполноценности, стыде, смущении, унижении, чрезмерное выделение недостатков или подробностей личного характера. Относимые к себе – 3 балла, к другим – 2 балла, отрицание осуждений, оскорблений – 1 балл
Тр 4	Неопределенная или диффузная тревога	Высказывания об опасениях или страхах без выделения типа или источника опасения. Относимые к себе – 3 балла, к другим – 2 балла, отрицание опасений – 1 балл
Тр 5	Тревога за других людей	Высказывания об опасениях за физическое благополучие, жизнь, здоровье, социальное положение, социальное благополучие других людей. От 1-го лица – 3 балла, от 3-го лица – 2 балла, отрицание опасений и переживаний – 1 балл

Определенные таким образом категории затем кодируются в тексте. Для этого текст разбивается на смысловые единицы – связанные фрагменты, содержащие комплексную идею и отделенные от других фрагментов, – и исследователь выделяет (кодирует) фрагменты, соответствующие той или иной категории.

Пример**Кодировка по Готтшалку–Глезер⁹**

Приведенный фрагмент интервью разбит на стандартные смысловые единицы. В тексте кодируются единицы, соответствующие приведенным выше категориям внутренней агрессии и тревожности.

Фрагмент из интервью с девушкой 23-х лет, страдающей реактивной депрессией; косыми чертами обозначены границы смысловой единицы; в скобках приведены коды категорий внутренней агрессии и тревожности согласно правилам, определенным в двух приведенных выше шкалах:

/Так много всего было,/ что даже не знаю, что рассказать./ У меня в жизни был период, когда я два года жила с одним человеком./ Были очень сильные чувства,/ постоянно хотелось видеть его,/ но были проблемы с жильем./ Мне было тогда 17, а ему – 22,/ у меня жить не разрешали родители,/ и мы жили у него дома./ Там трехкомнатная квартира,/ в одной комнате бабушка,/ а в другой мама с отчимом,/ ну а в третьей – мы./ Этот отчим постоянно напивался и ломился к нам,/ а мой молодой человек ничего не мог сделать,/ т.к. его мать грозила вызвать милицию и написать на него заявление./ Я не понимаю, как так можно,/ ведь это же ее сын,/ а она встает за отчима./ Причем, это даже и не отчим,/ они не были расписаны./ /Вот такая безысходная ситуация, (С3) / мне все время казалось, что я сойду с ума, (Тр 1.2, 3 балла) / я так любила этого человека,/ и он тоже, но сделать что-то был просто не способен (Тр 3, 2 балла)./ Его все время что-то не устраивало (Тр 3, 2 балла),/ вечно ему не везло, (Тр 3, 2 балла) / он постоянно везде опаздывал. (Тр 3, 2 балла) / Мы ссорились,/ я несколько раз пыталась уйти, (Тр 2, 3 балла) / но всегда возвращалась,/ и от этого было еще хуже. (С3) / Полная зависимость, (С3) / я даже думала о самоубийстве. (А4) / Ужасно, что и в его квартире все было таким же, как и в его жизни. (С3) / Его мама собирала всякий мусор,/ ничего не выбрасывала,/ от этого в квартире не было места,/ все было завалено хламом./ Ощущение, что живешь в помойке,/ я боялась дотронуться до чего-нибудь, все такое омерзительное. (Тр 1.2, 3 балла) / Пятый этаж хрущевки, / темная комната.../ его мать даже окно умудрилась завесить своими растениями,/ света вообще не было./ Мы с ней постоянно из-за этого ссорились,/ но она мне ничего не высказывала,/ а наговаривала на меня своему сыну. (Тр 3, 2 балла) / В общем, выхода не было. (С3) / Но я надеялась, что он разменяет квартиру,/ начнет нормально работать,/ я все же в него верила./ /Все это довело меня до больницы, (Тр 1.2, 3 балла) / я слегла с тяжелой формой гриппа, (Тр 1.2, 3 балла) / врачи сказали, что на нервной почве. (Тр 1.2, 3 балла) / Ну, а потом, выйдя из больницы,/ я встретила другого человека,/ и те, прежние чувства, как обрубило./ А он, как мне говорят друзья,/ все так же живет,/ только работает постоянно,/ и все надеется меня вернуть./

Для кодирования категорий в исследовании часто привлекаются эксперты, оценки которых объединяются. Если мнения экспертов расходятся, можно организовать их диалог, в ходе которого они получают возможность достичь согласия. Применяют также статистическое усреднение экспертных оценок.

⁹ Пример взят из: Психологические исследования дискурса, 2002.

Безусловно, привлекать экспертов не всегда разумно: если кодировочные категории слишком просты (к примеру, нужно подсчитывать отрицательные частицы), достаточно, чтобы кодированием занимался один исследователь; эксперты необходимы, когда мы имеем дело с довольно сложными категориями и можем предполагать значимые расхождения в оценках.

Качественный контент-анализ. Качественный контент-анализ стал бурно развиваться во 2-й половине XX века на волне критики поверхностного анализа содержания без учета контекста, что свойственно количественным вариантам контент-анализа, в которых, для того чтобы сделать возможным квантификацию, используются весьма упрощенные формы понимания содержания (Mayring, 2000). Качественный контент-анализ предполагает работу не только с манифестным содержанием, но и с контекстом: адекватное понимание требует учитывать, к какому моменту коммуникации относится анализируемый текст, каковы особенности говорящего, ситуация, в которой был порожден текст, социокультурный фон и т. п. В качественном контент-анализе точно так же применяются пошаговые техники анализа, материал разбивается на аналитические содержательные единицы и идет работа с категориями. Причем мы можем работать как с категориями, подготовленными заранее (дедуктивные способы выделения категорий), так и разрабатывать категории, исходя непосредственно из эмпирического материала (индуктивное выделение категорий). Для качественных форм работы с текстом более характерен второй вариант – индуктивный анализ, когда категории извлекаются из самого текста. Процесс выделения категорий зависит от теоретической основы, которой придерживается исследователь, и исследовательского вопроса – теория и вопрос задают, какие именно аспекты материала нужно принимать во внимание. В соответствии с теоретической платформой и исследовательским вопросом прорабатывается текстовый материал, формулируются пробные категории, которые затем подвергаются обобщению. Постоянно идет проверка категорий на материале текста.

Пример**«Психотерапевтическая неудача»¹⁰**

Настоящее исследование было посвящено представлению психологов о психотерапевтической неудаче. В исследовании принимали участие практикующие психотерапевты и студенты факультета психологического консультирования МГППУ, которые, в свою очередь, были разделены на две группы: студентов, имевших клиентские часы и небольшую собственную практику, и студентов, получивших представление о психотерапии лишь на учебных занятиях. Респондентов просили письменно ответить на вопрос, что такое для них «неудача в психотерапии». Помимо общих рассуждений на данную тему, респонденты должны были вспомнить и описать собственный опыт неудачи. Полученные данные анализировались с использованием техники индуктивного вы-

¹⁰ В примере использованы материалы исследования Н. Капорской.

деления категорий и кодировки их в текстах. Сопоставлялись категории, выделенные внутри одного протокола, а также категории из разных протоколов. На основании сопоставления категорий исследователь собирал кластеры категорий и предлагал более крупную категорию, которая могла бы выступить основанием для их объединения. Наконец, проводилось сравнение группы психотерапевтов с двумя подгруппами студентов по выделенным категориям. В результате анализа были выделены две основные категории:

1. Неудачный результат психотерапии (описание негативного состояния клиента, появление у него новых проблем, нерешенность проблемы, отсутствие изменения клиента);
2. Неудачный психотерапевтический процесс; эта категория подразделялась на несколько субкатегорий:
  - 2.1. Особенности процесса безотносительно к действиям психотерапевта (плохой контакт, отсутствие динамики, плохая динамика)
  - 2.2. Действия психотерапевта в процессе (не понял, не туда повел клиента, не сумел);
  - 2.3. Потеря позиции психотерапевтом (личные отношения с клиентом, психотерапевт занимает позицию клиента, матери, друга, решение психотерапевтом собственных проблем, «непроработанность» психотерапевта);
  - 2.4. Негативные чувства психотерапевта по отношению к клиенту.

Пример

Интерпретация эстетического переживания в обыденном дискурсе¹¹

Под «эстетическим переживанием» в данной работе понимался опыт восприятия произведений искусства. Респондентов расспрашивали, что с ними происходило, что они думали и чувствовали, общаясь с запомнившимся им произведением искусства. Интервью записывались на диктофон; при расшифровке устная речь переводилась в вариант «правильной» письменной речи, при этом паузы, повторения и т.п. не учитывались. При анализе использовалась техника индуктивного выделения категорий. В исследовании были выявлены и описаны три категории, обозначающие различные формы направленности внимания, которые структурируют соответственно три разных типа интерпретации своего опыта взаимодействия с произведениями искусства в обыденном дискурсе: направленность на свой индивидуальный мир, направленность на надиндивидуальные смыслы и общие идеи, направленность на мир искусства в собственном смысле.

Направленность на свой индивидуальный мир: «Я нахожу в искусстве себя». Человек описывает искусство как то, что оказывается очень близко ему лично. Произведение искусства становится своеобразным зеркалом, отражающим состояния, намерения, желания человека. Художественная реальность потому получает отклик в читателе (зрителе, слушателе), что «падает» в его собственные переживания, становится выражением его собственного внутреннего мира. «Я нахожу вовне соответственное моему внутреннему состоянию, и мне от этого хорошо становится». «Меня больше всего привлекает то, к чему я имею отношение, что бы мне самому хотелось уметь». «Я нахожу себя. Стопроцентно всегда нахожу себя. В том искусстве, которое мне нравится».

Направленность на надиндивидуальные смыслы и идеи: «Искусство – это разговор о вечном». Произведения искусства дают человеку возможность выйти в «иной мир» – мир Духа, мир вечных смыслов и вечных понятий, таких как любовь, смерть, надежда, душа. Благодаря общению с искусством человек расширяет границы своего существования, приобщается к общечеловеческим смыслам, открывает духовные истины. «...Эта картина имеет какую-то сущность... эта икона смотрит на тебя, не потому, что это лик святого, а по-другому. Духовность какая-то, насыщенность». «Просто идет трансляция чего-то, что больше меня, чего-то общечеловеческого: что такое смерть, что такое для человека одиночество и т.д.». «Искусство – это то, что что-то дает, чем-то обогащает».

Направленность на искусство в собственном смысле: «Искусство – это творчество мастера». Человек говорит об искусстве, занимая позицию оценивающего зрителя (читателя, слушателя), общающегося с автором. Искусство – это сотворенный мир, и ценность этого мира зависит от искренности и мастерства его создателя. Истинное искусство – всегда авторское, в нем присутствует автор с его мировоззрением, опытом, историей жизни и даже внутренней конфликтностью и «болезненностью». «Фильмы, которые явно мне не нравятся, бестолковые, они построены только на ярких визуальных образах, динамическом разбалтывании рук и какой-то пустой болтовне... Они искусственны, потому что делаются ради денег, а не потому, что человек этого хочет и ему есть что сказать».

По всей видимости, полноценное восприятие произведения искусства включает в себя все три компонента, обозначенные в описанных типах рассказов о своем опыте: во-первых, это идентификация с тем, о чем повествует текст (фильм, картина), отклик на «вымышленный мир» изнутри собственного жизненного опыта, что делает произведение искусства чем-то очень близким этому миру; во-вторых, это выход на уровень общих идей и смыслов, творчество смыслов, обогащающее личность новым видением и пониманием; и, наконец, в-третьих, это отношение к произведению искусства как к «сотворенному миру», встреча с мировоззрением автора и оценка его мастерства.

В настоящем исследовании с самого начала вводилась еще одна категория – преобладание в описании когнитивного или аффективного процесса («рассказ о мыслях» и «рассказ о чувствах и переживаниях»). Для обыденного дискурса действительно характерно разделение когнитивных и аффективных аспектов опыта (дихотомия разума и чувства, размышления и переживания и т.п.). В психологических теориях тоже присутствует подобное разделение (интеллект и аффект, проблема их взаимосвязи, когнитивные и аффективные аспекты в структуре отношения и т.п.). Категории «рассказ о мыслях» и «рассказ о переживаниях» тоже оказались представлены в эмпирических данных. На основании комбинаций трех описанных выше индуктивно выделенных категорий (направленность внимания на индивидуальный мир, на надиндивидуальные смыслы и собственно на мир искусства) и двух введенных категорий (рассказ о мыслях и рассказ о переживаниях) авторы исследования попытались описать шесть типов репертуаров интерпретации эстетического переживания в обыденном дискурсе. Понятие «репертуара интерпретации» (interpretative repertoire) заимствовано из дискурс-аналитического подхода, предложенного Дж. Поттером и М. Уезе-

¹¹ Исследование проводилось нами совместно с Т. Мисягиной.

релл (*Potter; Wetherell*, 1987). Более подробно о подходе Поттера и Уезерелл речь пойдет в параграфе, посвященном дискурсу-анализу в психологии. На данном примере уже можно видеть, как работа с категориями встраивается в дискурс-аналитические техники анализа текстовых данных.

Пример

Представления предпринимателей о роли психолога в организации¹²

Для выявления представлений предпринимателей о роли психолога в организации с предпринимателями проводилось полуструктурированное интервью¹³. При анализе данных интервью использовалась техника индуктивного выделения категорий и кодирования. В тексте выделялись все фрагменты, в которых речь шла о функциях психолога в организации, по представлениям предпринимателей. Затем исследователи отдельно работали с каждым выделенным фрагментом. На стадии открытого кодирования выделялись проблемные категории, которые затем сопоставлялись друг с другом на предмет их смыслового сходства/различия и возможности объединения их в рамках более крупной категории. В итоге были выделены три категории, описывающие различные функции психолога в организации: психолог как релаксатор и психотерапевт, психолог как «активизатор бизнес-процесса», психолог как профессиональный манипулятор.

Психолог как релаксатор и психотерапевт. Психологам, как представителям помогающих профессий, предприниматели приписывают прежде всего функцию эмоциональной поддержки. Психолог, с точки зрения предпринимателей, «снимает стресс», «налаживает понимание», «защищает», «оберегает», «помогает», «поддерживает», «создает ауру безопасности», «обеспечивает спокойствие», создает «эмоциональный комфорт», «решает психологические проблемы сотрудников». Нужно отметить, что в ряде случаев психолог по своим функциям противопоставляется руководителю. Например, речь идет о том, что руководитель должен проявлять директивность и настойчивость, чтобы побудить работников выполнять приказы и организовывать их работу; психолог же занимается чем-то противоположным: он создает уютную атмосферу, «ауру безопасности», помогает каждому человеку почувствовать себя индивидуальностью. У руководителя «нет возможности – ни времени, ни сил, ни опыта, – чтобы заниматься психологическими проблемами сотрудников и помогать им их решать. А закрывать на это глаза тоже нельзя... Этим должен заниматься профессионал в своей области (т. е. психолог)». Предприниматели отмечают сложную, стрессовую обстановку, в которой приходится существовать; нестабильность рынка, вынуждающая рисковать, жесткая конкуренция, формальные отношения, неопределенность – все это причины стресса, тревоги, беспокойства как руководителя, так и работника бизнес-команды. Психолог должен обеспечивать атмосферу комфорта и уюта, снимать стресс, оказывать психологическую поддержку, предупреждать недоразумения в отношениях. Любого человек, подчеркивают предприниматели, нуждается в человеческом отношении, признании, уважении к себе. Но в условиях «постоянной нервозности» уваже-

ние подменяется формальными фразами, забота оборачивается помыслами о собственной выгоде и пр. Предприниматели отмечают недостаток (и невозможность полного проявления) искренних чувств и отношений в бизнес-команде и психолог, по их мнению, и является той фигурой, которая создаст атмосферу для проявления подлинных, доверительных отношений. Для этого, как говорят предприниматели, психолог, со своей стороны, должен проявлять «настоящую», искреннюю заботу, внимание и уважение.

Психолог как «активатор бизнес-процесса». В представлениях предпринимателей психологу принадлежит важная роль в командообразовании и раскрытии потенциала сотрудников фирмы. Предприниматели отмечают, что психолог призван работать с «человеческими ресурсами» – самым главным фактором бизнес-процесса. В этом смысле, по мнению многих предпринимателей, профессиональный психолог для организации «не менее важен, чем юрист или хороший бухгалтер». При этом психолог, как говорят некоторые предприниматели, «должен заботиться о том, чтобы каждый сотрудник наиболее полно реализовал себя в работе»; кроме того, по мнению предпринимателей, психолог ответственен за то, чтобы «эффективность взаимодействия руководителя с сотрудниками, а также сотрудников друг с другом была максимальной». Предприниматели отмечают, что настало время работать командами: значительно усложнившиеся в последнее время условия «добывания» денег делают труд одинокого работника малоэффективным, так что сегодня одиночки не выживают – они вынуждены либо менять принципы своей работы, либо вообще покинуть сцену бизнеса. Необходима слаженная, полноценная рабочая команда – именно команда сможет разрешить любые сложности, справиться с любой проблемой, в том числе финансовой, и сделает все необходимое для реализации общего делового проекта. И психолог, в представлениях предпринимателей, наделен способностью положительно влиять на деятельность рабочей команды, он обладает навыками подбора необходимых фирме людей и формирования из них сплоченного коллектива.

Психолог как профессиональный манипулятор. Пожалуй, это наиболее интересная роль, приписываемая психологу предпринимателями. По их представлениям, психолог обладает умениями и навыками оказывать воздействие на другого человека, а также навыками «видеть человека насквозь», чтобы избежать обмана или каких-то уловок со стороны конкурентов. Предприниматели предполагают, что психолог мог бы быть хорошим манипулятором на переговорах, при заключении договоров, поскольку он должен «чувствовать, на чем можно сыграть, чтобы конкурент принял те условия, которые нужно». «...У каждого человека есть ниточки, за которые нужно подергать в нужный момент, ну что ли слабые места... это надо знать и уметь, а быть профессионалом в этой области – это бесценно!...» «...Профессиональная манипуляция при ведении переговоров – это искусство, связанное с тонким знанием о человеке. Сейчас не модно запугивание или назначение “стрелок”... все основано на личном уважении, на отношениях, а навыки манипуляции – это тонкий инструмент, и он должен быть одной из профессиональных черт психолога». Кроме того, при отборе кандидатов на топ-позиции, психолог может задействовать свои умения чувствовать человека, «что за человек, может, казачок-то засланный, в бизнесе всякое бывает...» Таким образом, эффективность психолога в пред-

¹² Исследование проводилось нами совместно с Е. Комаровой.

¹³ Фрагмент интервью с одним из предпринимателей приведен в Приложении 1.

ставления предпринимателей часто связывается с его умением манипулировать другими людьми (например, конкурентами), определять мишени воздействия и оказывать давление на собеседника. Можно предположить, что представления о психологе как профессиональном манипуляторе тесно связаны с отмечаемой во многих исследованиях «паранойальной» позицией, свойственной большинству представителей бизнес-сообщества (Сельченко, 2001). В их отношении к сотрудникам прослеживаются «чрезмерная осторожность, плохо скрываемое недоверие, неумная жажда гарантировать собственную безопасность от возможных предательств и обманов, невротическое желание самоутвердиться ценой примитивизации мотивов, движущих поведением других людей («им бы только побольше получать да поменьше работать»...). В целом для многих предпринимателей характерно излишне поверхностное понимание жизненных миров их сотрудников, ложное представление о недопустимости малейшей мягкости и сердечности в отношениях с ними, а также о важности всеми силами утверждать свою императивную позицию, время от времени одаривая сотрудников формальными улыбками и играми в снисходительность и покровительство» (там же). Психолог в глазах предпринимателей становится кем-то вроде Остапа Бендера. Последний, как мы помним, отличался недюжинными знаниями в области житейской психологии, при помощи которых достиг высоких результатов, например, в такой деятельности, как «отъем денег у населения». Манипуляция и оказание воздействия на другого в своих интересах (или интересах фирмы), которое предприниматели ожидают от психолога, вряд ли могут быть отнесены к профессиональной функции психолога с точки зрения психологического сообщества, и это специально оговорено в этическом кодексе. Однако, представления предпринимателей в этом смысле далеки от этического кодекса психологов. «В любви и в бизнесе все средства хороши», как выразился один из респондентов. Цели в бизнесе, такие как конкурентоспособность, наращивание производительности и эффективности труда и др., должны достигаться какими угодно путями. Далее мы анализируем приведенный в Приложении 1 отрывок из интервью с предпринимателем, используя схему трех типов кодирования и «парадигму» связей между категориями, предложенные А. Страуссом в подходе обоснованной теории (Страусс, Корбин, 2007). Результаты такого анализа данных можно будет сравнить с тем, что представлено выше и что было получено на основании по большей части лишь описательной (контент-аналитической) работы с категориями.

Процесс выделения категорий. Собственно выделение категорий – это искусство, и написано о нем очень мало. Начало категоризации – это пошаговая работа со смысловыми единицами, затем следуют обобщения.

Попробуем описать сам процесс выделения категорий более подробно. Логика анализа текстовой информации состоит в первичной организации текстовых данных и затем в восхождении к концептуальному видению (Семенова, 1998). Начинаем мы с первичного описания текстовых данных (оно носит название аналитического описания, иногда его называют интерпретацией первого порядка), потом переходим к концептуализации.

Первичное описание включает в себя следующие этапы (там же):

- 1) первичное прочтение текста целиком – оно необходимо для формирования общего видения текста, прежде чем он будет разделен на фрагменты;
- 2) вторичное, более детальное вчитывание в текст, в ходе которого составляется его «плотное описание» (thick description): в зависимости от целей исследования оно может быть различным, но важно, чтобы оно конкретизировало информацию, всесторонне описывало ее и содержало минимум исследовательских оценок;
- 3) этап первичного кодирования: при последующих прочтениях формулируются коды, которые в дальнейшем конкретизируются, уточняются, соотносятся с отдельными отрывками из текста; одновременно происходит сокращение текста за счет исключения ненужной информации; мы берем каждый отдельный кусочек текста и сортируем его (или относим к определенной категории) – примерно так, как это происходит в случае собирания пазлов: «синий – это, должно быть, часть неба, коричневый – часть земли» и т. д. Например, в приведенном выше примере исследования «психотерапевтической неудачи» мы кодируем высказывания респондентов следующим образом: ухудшение состояния клиента, отсутствие изменений клиента, плохой контакт с клиентом, непонимание клиента психотерапевтом и т. п.;
- 4) в результате аналитического описания остается организованный структурированный текст и те категории и отрывки текста, которые необходимы для дальнейшего анализа. Весь процесс носит характер «интерактивного» общения с текстом. Исследователь много раз возвращается к тексту, переосмысливая свои понятия и интерпретации.

Особенностью описания в отличие от последующих шагов концептуализации является воспроизводство некоторой реальности преимущественно языком и образами самих участников, а не при помощи научных концепций исследователя. Интерпретация обычно минимальна или ведется в понятиях и образах самих участников процесса или ситуации, без выделения конкретного концептуального плана исследования.

Иногда аналитическим описанием исследование заканчивается. Есть даже такие авторы, которые считают, что данные не нужно анализировать вообще. Скорее, задача исследователя состоит в том, чтобы собрать данные и представить их в таком виде, чтобы участники говорили сами за себя. Безусловно, представить все собранные данные невозможно, необходима хотя бы их минимальная сортировка и упорядочение. Вместе с тем, согласно затронутой перспективе, вмешательство исследователя в данные должно быть минимальным. Задача ученого-исследователя состоит в том, чтобы слушать и сообщать, что отчасти сродни профессии журналиста.

Чаще, однако, аналитическое описание является базой для собственно концептуального анализа. Здесь исследователь из эмпирика-наблюдателя становится аналитиком. От первичного описания мы переходим к классифи-

кации данных в категориях и субкатегориях. Кроме того, мы можем от выделенных категорий и субкатегорий продвинуться еще дальше на пути концептуализации – к выявлению связей между отдельными субкатегориями и, наконец, к конструированию кластеров и построению концепций (именно это делается в подходе обоснованной теории, который мы рассмотрим далее).

Разберем на примерах, что представляют собой описанные шаги. Итак, имеющиеся у нас первичные описательные категории мы должны обобщить в более целостные категории, имеющие отношение к теоретическому аппарату психологии. Например, в исследовании психотерапевтической неудачи мы, обобщив описательные категории, выделили две более крупных категории: неудачный результат психотерапии (описание негативного состояния клиента, появление у него новых проблем, нерешенность проблемы, отсутствие изменения клиента) и неудачный психотерапевтический процесс. При этом неудачный психотерапевтический процесс включил в себя несколько субкатегорий: особенности процесса безотносительно к действиям психотерапевта (плохой контакт, отсутствие динамики, плохая динамика); действия психотерапевта в процессе (не понял, не туда повел клиента, не сумел); потеря позиции психотерапевта (личные отношения с клиентом, психотерапевт занимает позицию клиента, матери, друга, решение психотерапевтом собственных проблем за счет клиента, непроработанность психотерапевта); негативные чувства психотерапевта. Далее в исследовании было замечено, что практикующие психотерапевты, в отличие от обучающихся психологии студентов, гораздо большее значение придают неудачному психотерапевтическому процессу, чем неудачному результату психотерапии, и вообще склонны, говоря о неудаче в психотерапии, говорить именно о плохом процессе. Студенты же в основном говорят о неудаче как об отсутствии положительного результата психотерапии. В исследовании не было попыток проследить связь между выделенными субкатегориями. Однако было бы полезно выяснить, какие именно особенности неудачного процесса связаны с неудачным результатом, а какие – нет, вообще при каких условиях практикующие психотерапевты все-таки говорят о неудачном результате и т. п. Проведенный в исследовании анализ позволил лишь подойти к обсуждению темы, связанной с перемещением в процессе профессионализации фокуса внимания психотерапевтов с оценки результата своей деятельности на оценку процесса.

В исследовании, описанном в книге В.В. Семеновой (1998), удалось подобным методом аналитической индукции построить минитеорию, касающуюся социальных ролей бабушек в разных семьях:

- Первоначально упоминавшиеся в нескольких биографических текстах разнохарактерные занятия бабушек с внуками (бабушка пела песни, рассказывала сказки, кормила и ухаживала, когда болел, учила грамоте и т. д.) были объединены в категорию «функции бабушек в семье».
- Затем категория «функции бабушек в семье» была разделена на две субкатегории: «функции бабушек в образованных семьях» и «функции бабушек в необразованных семьях».

- Аналогично категория «уровень образования бабушки» была разделена на субкатегории «высокий/низкий»; категория «среда бабушки» – на «интеллигентская» и «крестьянская»; успехи внука как категория – на «интеллектуал», «служащий», «простой».
- Затем субкатегории «функции бабушек в образованных семьях» и «функции бабушек в необразованных семьях» были соединены с субкатегориями, описывающими среду бабушки и жизненные успехи ее внука.
- В результате авторы получили окончательные кластеры. Первый образ – «бабушка-воспитатель», которая передала культуру своей среды внуку, а второй – «бабушка-няня», которая ухаживала за внуком, была его семейным защитником, но не транслятором культуры своей среды.
- Первый образ бабушки характеризуется передачей культурного капитала бабушкиной семьи, тогда как второй – лишь функцией ухода за внуком.

Таким образом, можно сказать, что в приведенном В.В. Семеновой исследовании благодаря аналитической индукции удалось построить обобщенные «образы», модели социальных ролей бабушек в разных семьях. Кстати, в процессе исследования авторы сделали очень важный ход. Уже в самом начале исследования они отметили очевидную связь между наличием бабушки и уровнем культуры внука. Возникло основание для первичной гипотезы о «культурном влиянии бабушек на воспитание внуков в русских семьях». Однако авторы обратили внимание на те семьи, которые отклонялись от данной гипотезы. Изучив эти отклонения, они предположили наличие связи между несколькими категориями (влияние бабушек, культурный уровень внуков, функции бабушек в семье, среда, в которой воспитывалась бабушка, ее образование). Авторы смогли прийти к своей минитеории именно благодаря внимательному отношению к отклонениям от первоначальной гипотезы.

Качество категоризаций. Применение любой техники в рамках научного исследования требует определения критериев качества, соотнесение с которыми позволит оценить, насколько достоверны полученные результаты. Для техники категоризации мы предлагаем три основных критерия качества:

1. Соответствие категорий исследовательскому вопросу.
2. Верифицированность категорий данными.
3. Концептуальный характер категорий.

Одна из главных ошибок, значительно угрожающая валидности исследования, – неверные, не отражающие исследовательского интереса вопросы по отношению к данным. В эмпирических «лесах» очень легко затеряться, особенно если внимание исследователя рассеянно, он не знает, что именно он ищет и вследствие этого углубляется во все детали, на которые падает его взгляд. Поэтому столь большое значение приобретает необходимость определения исследовательских интересов и приоритетов еще на этапе планирования исследования. Вместе с тем, и это особенно подчеркивают А. Страусс и Дж. Корбин (*Страусс, Корбин 2007*), исследователю не-

обходимо сохранять и известную долю «открытости», чуткости к происходящему и настроенности на получение новой, неожиданной информации, что сложно ожидать от исследователя с жестко выстроенной структурой пред-понимания, содержание которого определено литературными источниками и заранее сформулированными гипотезами и ожиданиями. Так что речь должна идти, скорее, о балансе определенности и открытости, требуемой наукой систематичности и творчества.

Выделенные категории всегда должны подтверждаться данными. В описании категорий исследователю необходимо показать, какие именно эмпирические данные привели его к акцентированию данной категории. В сущности, результаты категоризации должны быть такими, чтобы с ними могли согласиться сами исследуемые, а также члены научного или даже более широкого людского сообщества.

Наконец, следует подчеркнуть, что, пожалуй, самый важный момент в технике категоризации – создание приемлемых категорий, применение которых сможет привести к ценному и интересному знанию. Выше мы говорили о том, что, используя технику категоризации, исследователь волен остановиться на том или ином уровне концептуализации в зависимости от собственных предпочтений и задач исследования, однако любые, сколь угодно описательные, категории все же должны, по нашему мнению, иметь «концептуальный вкус». В противном случае описанная исследователем картина будет похожа на случайную зарисовку отдельных эмпирических деталей, смысл которой для тех, кому это исследование адресовано, останется неясен.

Эмпирические феномены классифицируются в соответствии с существующими смысловыми структурами, идущими из области общечеловеческого опыта или из определенной теоретической парадигмы. Поэтому даже в том случае, когда категоризацию проводит один исследователь, нельзя сказать, что она является полностью индивидуалистическим актом: категоризация зависит от социокультурных правил и непосредственного контекста. Однако следует подчеркнуть, что категоризация не может быть только продуктом культуры: нетривиальные мысли и действия относительно независимы от культуры, кроме того, культура не обеспечивает интерпретаций всего и вся. В случае столкновения с новыми ситуациями и противоречиями интерпретатор базируется на переживаемом им уникальном контексте, который он пытается вписать в социокультурную рамку, тем самым сделав его понимаемым и осмысленным.

Что касается контроля субъективности, то в качественных контент-аналитических исследованиях может быть задействовано несколько исследователей, независимо друг от друга работающих с данными. В таком случае конечным результатом может быть продукт согласования в диалоге тех категорий, которые каждый из исследователей выделил индивидуально. Еще один способ контроля субъективных искажений, применяемый в качественных контент-аналитических исследованиях, – обратная связь исследуемых, их согласие с категориями и возможность правки в случае несогласия.

Безусловно, любая категоризация – это упрощение, поскольку ни одна категория не может охватить всех внутрикатегориальных вариаций. Подчеркнем, что правила научности требуют, чтобы ни одна категория не принималась сама по себе: она должна быть обоснована (эмпирическими данными и создаваемой исследователем концептуальной рамкой).

Мы уже неоднократно отмечали, что для того чтобы придать исследованию большую связность и убедительность, исследователю необходимо как можно точнее и тщательнее эксплицировать все те моменты, которыми он руководствовался на всех этапах исследования. Только в этом случае можно оценить достоверность и доказательность результатов. Вообще отражение результатов анализа в отчете должно быть подчинено правилу ясности и прозрачности – «загадочность» исследователя есть признак дурного тона: ему нужно описывать категории и приводить эмпирические примеры так, чтобы читателю было ясно, что исследователь имеет в виду, и он мог самостоятельно оценить значимость результатов, полученных исследователем. Арбитром, оценивающим качество исследования, обычно выступает научное сообщество. Однако следует заметить, что далеко не всегда согласие большинства гарантирует качество исследовательских процедур и интерпретаций, ведь сообщество нередко консервативно и защищается от новизны.

В заключение отметим, что по крайней мере в двух случаях качественный контент-анализ не является эффективным: во-первых, в случае слишком открытого исследовательского вопроса – если исследователь пока не знает, что он ищет, пошаговая работа со смысловыми единицами будет ограничивать его поиски; в этом случае лучше выбрать более целостные способы работы с данными; и во-вторых, в случае изначальной четкой определенности теоретической перспективы, которая требует от исследователя интерпретации текста как целого (например, в случае интерпретаций в рамках психоаналитической традиции).

Анализ данных в подходе обоснованной теории (grounded theory)

Именно данный подход основан на систематической работе с категориями. В 1-й главе мы подчеркивали, что в подходе обоснованной теории речь идет о разработке теоретически нагруженной интерпретации. Обоснованная теория – это теория, которая индуктивно выводится из данных в результате их систематического анализа. Выше мы уже отмечали, что именно данный подход предлагает наиболее проработанную процедуру анализа данных. От того, насколько исследователю удастся следовать разработанной процедуре, напрямую зависит качество полученных результатов. Таким образом, само следование процедуре – ориентир для гибкой коррекции проводимого анализа. Кроме того, представление материала об анализе психологическому сообществу тоже должно быть таким, чтобы показывать последнему, как именно соблюдалась процедура, и какие решения принимал исследователь в ходе исследовательского процесса. Иными словами,

разработанная в подходе обоснованной теории процедура и предоставляет исследователю ориентиры для самокоррекции собственного исследования, и предлагает правила возможной экспликации исследовательского процесса для коллег. Мы предлагаем рассмотреть основные моменты процедуры работы с данными в подходе обоснованной теории и на примерах показать, как может осуществляться экспликация исследовательской процедуры и оценка подобного рода исследований.

Три типа кодирования. Анализ в подходе обоснованной теории состоит из трех основных типов кодирования – *открытого (open)*, *осевого (axing)* и *избирательного (selective)*. Смысл поэтапного кодирования состоит в постепенном сужении поля анализа: от предельно открытого поиска смысловых единиц текста до узконаправленного, наиболее соответствующего замыслу исследователя.

Открытое кодирование имеет отношение конкретно к называнию и категоризации феноменов. Текст разбивается на части, и каждому отдельному случаю, идее или событию присваивается название. А. Страусс и Дж. Корбин (*Страусс, Корбин, 2007*) подчеркивают, что нужно именно «концептуализировать», а не «суммировать данные» (например, лучше назвать категорию «сбор информации», чем остановиться на фразе «изучала литературу»).

После того как в данных идентифицированы отдельные феномены, можно начать группировать вокруг них понятия, чтобы сократить число рабочих единиц. Очевидно, что полученные категории должны быть более высокого уровня абстракции, нежели входящие в них понятия. Допускается использование категорий, почерпнутых из литературы, однако, как справедливо предупреждают Страусс и Корбин (*там же*), такие категории могут наложить стандартные значения на анализируемый материал, по сути, прекратив исследование, вместо того чтобы его начать. В случае открытого кодирования исследователь может использовать построчный анализ (рассмотрение фразы за фразой, иногда даже отдельных слов), может проводить кодирование по предложениям или параграфам, а может и пробовать кодировать весь документ (отвечая на вопрос: «Что делает этот документ таким же, как другие документы, и что отличает его от других?»).

Осевое кодирование является вторым «проходом» через данные. Здесь выбираются ключевые категории и устанавливается их *ось*. В подходе, предлагаемом в книге А. Страусса и Дж. Корбина (2007), категории связываются посредством уже имеющейся вводимой ими «парадигмы»: она включает в себя условия, приводящие к феномену, сам феномен, свойства феномена, создающие контекст, стратегии взаимодействия с феноменом, следствия. В подходе Б. Глезера никаких изначально вводимых «парадигм» нет: все парадигмы создаются индуктивно, с максимальной опорой на данные.

Избирательное кодирование является последним проходом по тексту, когда становится ясна центральная тема и ее формулировка, как она вырисовывает-

ся из полученных материалов. Выборочно отыскиваются подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему, одновременно осуществляется сравнение или противопоставление разных отрывков текста.

В результате такого последовательного прохода по тексту выявляется «линия истории» и происходит движение от описания к концептуализации. Центральная категория связывается с остальными категориями посредством «парадигмы». В подходе Страусса и Корбина картина получается примерно следующая: А (условия) направляют к Б (феномен), который направляет к В (контекст), который в свою очередь направляет к Г (действие/взаимодействие, включая стратегии), которые затем направляют к Д (следствия). Дается гипотетическая формулировка связей между категориями и затем раскрываются паттерны феномена. В итоге мы получаем минитеорию интересующего нас феномена.

Пример

Переживание беременности в случае хронических заболеваний¹⁴

На этапе открытого кодирования данных интервью и наблюдений авторы выделили категории, из которых затем, на этапе осевого кодирования, в соответствии с парадигмой была выбрана центральная категория – феномен (защитное управление), категории, отнесенные авторами к условиям (факторы риска, сопряженные с беременностью, и хроническая болезнь), категории, отнесенные к контексту существования феномена (оценивание рисков: высокий/низкий риск, нормальное/аномальное течение беременности), категории – стратегии действия (контролирование) и категории, обозначающие следствия действий (сдерживание рисков). Факторы риска, сопряженные с беременностью плюс хроническая болезнь (условия) направляют к необходимости защитного управления (феномен). Защитное управление осуществляется следующим образом: оценивание направляет к определению контекстов риска, которые изменяются через мотивацию, поддержание баланса плюс другие промежуточные условия. Все это направляет к стратегиям контролирования рисков, которые затем дают результат в сдерживании рисков.

На этапе избирательного кодирования была дана гипотетическая формулировка связей между категориями: в условиях беременности, осложненной хронической болезнью, женщины предпринимают защитные действия, чтобы управлять воспринимаемыми рисками посредством оценки уровня риска, поддержания баланса между своими возможностями выбора средств лечения и использованием совместного процесса управления, названного «контролированием», с тем чтобы иметь возможность сдерживать риски и иметь здорового ребенка.

Контексты существования феномена раскрывались следующим образом: восприятие рисков – высокий/низкий риск; течение беременности – нормальное/аномальное. Возможные комбинации этих категорий дают 4 контекста:

- 1) нормальный контекст пониженного риска;
- 2) нормальный контекст повышенного риска;
- 3) аномальный некритический контекст;

¹⁴ Пример из: *Страусс, Корбин, 2007*.

4) аномальный критический контекст.

Осмысливаются категории: оценивание, факторы риска, поддержание баланса. Например, оценивание основано на информации (сигналах). Женщины следили за сигналами. Как изменялись сигналы в зависимости от контекста? В итоге авторы предложили минитеорию переживания беременности в случае хронических заболеваний. Суть ее состоит в том, что беременность, осложненная хроническими заболеваниями, приводит к необходимости прибегать к стратегиям защитного управления. Женщины оценивают степень риска и предпринимают определенные действия защитного управления в зависимости от результатов этого оценивания. Авторы подробно описывают защитное управление в условиях нормального контекста пониженного риска: описываются риски, сигналы, на основании которых происходит оценивание, поддержание баланса и т. д.; затем столь же подробно описывается защитное управление в условиях нормального контекста повышенного риска, в условиях аномального некритического контекста и в условиях аномального критического контекста.

Пример

Отношение к хронической боли в современной медицине¹⁵

Цель данного исследования состояла в изучении того, как современная медицина, специализирующаяся в области борьбы с болью, относится к проблеме боли. Этот аспект работы представляет для медиков большую сложность, т.к. не существует единого мнения, на которое они могли бы опереться, чтобы охарактеризовать ситуацию болевых ощущений пациента. Долгое время проблема хронической боли существовала в медицине как данность, хотя она и пронизывает все поля медицинской практики. Современные медики пытаются более или менее четко определить свои взгляды на эту проблему. В итоге по вопросу отношения к боли медицинское сообщество оказалось разделенным на две группы. Центральной в этом противостоянии стала проблема формулирования единого авторитетного мнения по вопросу боли, что позволило бы соответствующим образом определить и практику борьбы с болью. В настоящее время такого консенсуса не достигнуто. Исследование А. Страусса было посвящено тому, каким образом медики, придерживающиеся разных взглядов, формируют свои позиции по отношению к пациентам с хронической болью и каковы последствия таких стратегий для пациентов.

Страусс детально описал наблюдения за больными и медицинским персоналом в клинике. Он обнаружил, что во взаимоотношениях между ними немалую роль играют приборы и инструменты, часто причиняющие боль и страдание. В результате аналитического описания возникла обобщенная категория «стратегия борьбы с болью», которую Страусс, в соответствии с конкретными формами проявления этой категории, представил в виде субкатегорий: «стратегия борьбы с болью при помощи технических средств» и «стратегия борьбы с болью через адаптацию к боли». Затем были сформированы два кластера, где каждая из стратегий рассматривалась в связи с конкретными последствиями для «состояния больного» и его «представления о боли». В результате автор вышел на теоретико-философское осмысление проблемы боли: что такое боль, как ее воспринимают люди и каким образом возможно нормальное существование человека в ситуации постоянных хронических болей.

¹⁵ Исследование А. Страусса; описано в: Семенова, 1998.

Теоретическая выборка. В подходе обоснованной теории используется не статистическая, а целевая теоретическая выборка. Общую стратегию формирования теоретической выборки мы описали во 2-й главе. В подходе обоснованной теории выборка должна быть такой, чтобы она позволяла получить теоретически насыщенные категории. На этапе открытого кодирования выборка должна обеспечивать как можно больше потенциально релевантных категорий, вместе с их свойствами и измерениями. На этапе осевого кодирования исследователь связывает категории с точки зрения «парадигмы»: условия, феномен, контекст (свойства феномена), действие/взаимодействие и следствия. Выборка на этом этапе должна фокусироваться на обнаружении и валидации этих взаимосвязей. Если исследователь останавливается на варианте подхода обоснованной теории Б. Глезера, не предполагающем никаких предварительных представлений о связях между категориями, то отношение к формированию выборки на этапе осевого кодирования должно быть еще более серьезным: в этом случае у исследователя нет никаких вне-эмпирических опор и ему необходимо проверить и уплотнить любую предполагаемую связь категорий и характер этой связи. На этапе избирательного кодирования, когда предлагаются гипотетические формулировки линии истории, выборка должна позволять валидизировать интегративные формулировки взаимосвязей, обеспечивать максимальные возможности для верификации линии истории и для наполнения категорий, нуждающихся в дальнейшем развертывании. На этом этапе исследователь может вновь возвращаться к уже собранному данным, а может принять решение продолжить прицельный сбор таких данных, которые позволят ему заполнить «бреши» в развиваемой теории.

Общее правило в исследованиях по методу обоснованной теории заключается в том, чтобы делать выборку до тех пор, пока не будет достигнуто *теоретическое насыщение* каждой категорий (*Страусс, Корбин, 2007*). Это означает: 1) никаких новых данных, относящихся к данной категории, по-видимому, больше не возникнет; 2) категории разработаны настолько, чтобы учитывать все элементы парадигмы (в варианте А. Страусса); 3) взаимосвязи между категориями хорошо установлены и валидизированы. Страусс и Корбин подчеркивают, что теоретическое насыщение имеет большое значение, и если исследователь не прилагает усилий к этому насыщению, то его теория будет *концептуально неадекватной (там же)*.

Пример

Исследование раннего истощения учебной мотивации у студентов первого курса¹⁶

На этапе открытого кодирования данных интервью с 20 студентами первого курса двух американских университетов авторами было выделено 9 категорий. Последующий анализ позволил выделить центральную категорию (феномен, согласно парадигме, предлагаемой Страуссом и Корбин): истощение учебной мотивации. Ряд выделенных категорий авторы представили как

¹⁶ Пример из: Rausch, Hamilton, 2006.

условия, приводящие к истощению; кроме того, в соответствии с «парадигмой» Страусса и Корбин, были определены категории, обозначающие взаимодействие с истощением, реакции на него.

Категории, выделенные в исследовании истощения учебной мотивации

Условия, приводящие к истощению учебной мотивации	Действие/взаимодействие с истощением, реакции на него
Недостаточная подготовленность – старшая школа не готовит к обучению в университете, не дает навыков организации своего времени и т. п.	Отсутствие упорства – низкая посещаемость занятий; – пассивность в обучении; – желание сменить вуз (в прошлом перемена вуза уже случалась)
Принятые обязательства (пришел в университет не столько по своему желанию, сколько потому, что так нужно, так хотели родители, кто-то из учителей, друзей и т. п.)	Акцентирование проблем, связанных с новой социализацией/адаптацией – сложности отношений с однокурсниками, друзьями, соседями; – сложности с подчинением своего жизненного ритма учебному расписанию
Несоответствие ожиданиям – большие группы; – найти новых друзей оказалось не так легко; – университетская жизнь оказалась совсем не такой, какая представлялась	Появление конкурирующих интересов – конфликт между целями образования и дальнейшей карьерой; – появление работы, трудности соединения ролей студента и работающего
Отсутствие информации (нет информации об ориентации вуза, расписании, условиях проживания)	Низкая самопродуктивность – чувство непринадлежности к университету; – низкая оценка своих когнитивных способностей

Следствие – уход из университета в течение первого года обучения.

На этапе избирательного кодирования авторы сформулировали линию истории: отсутствие ясных образовательных целей (недостаток подготовки, принятые обязательства, несоответствие ожиданиям, отсутствие информации) приводит к истощению учебной мотивации, на которую студент реагирует различными формами отвлечения от учебной деятельности (отсутствие упорства, «уход» в проблемы новой социализации/адаптации, появление конкурирующих интересов, низкая оценка возможности университета дать то, в чем студент нуждается, и низкая самооценка), что приводит к еще большей неясности целей, в свою очередь ведущих к дальнейшему снижению учебной мотивации, и т. д. Следствием такой ситуации становится уход из университета в течение первого года обучения.

В описании, приводимом авторами, не хватает контекста (свойств феномена), в котором и происходит реакция на феномен: какие формы принимает истощение учебной мотивации? Возможно, при определенных условиях учебная мотивация возвращается. Какие формы взаимодействия с феноме-

ном могут привести к обозначению целей учебной деятельности и тем самым к поддержанию мотивации? Если следовать рекомендациям А. Страусса и Дж. Корбин, то можно сказать, что настоящее исследование, проведенное по методу обоснованной теории, не завершено, поскольку некоторые важные моменты «парадигмы» остались не раскрытыми.

Роль «парадигмы». Как уже было сказано, А. Страусс и Дж. Корбин (2007) настаивают на том, чтобы исследователь «нанизывал» категории на ось предлагаемой ими парадигмы. Б. Глезер выступает против введения любых форм гипотетической связи между категориями, которые бы формулировались до самого исследования: с его точки зрения, такие дедуктивные внеэмпирические формы работы противоречат самому духу подхода обоснованной теории, который предполагает, что концепции должны возникнуть из самих данных, быть *обоснованы* ими. Таким образом, Глезер настаивает на радикально *индуктивном* характере обоснованной теории. Однако постпозитивистская философия науки показала, что факты всегда в той или иной мере теоретически нагружены, и мы всегда привносим в «поле» систему собственного пред-понимания. В этом смысле усилия Б. Глезера по «стерилизации» эмпирии от любых форм теоретического «инфицирования» представляются нам несколько наивными. Однако и точное следование предложенной А. Страуссом парадигме тоже может быть не всегда релевантно эмпирическим данным, к тому же наложение одной и той же схемы на любые данные может значительно сковывать исследователя в его попытках их адекватной концептуализации, приглушать его *теоретическую чувствительность*, необходимую для получения нетривиальных исследовательских результатов. Мы бы предложили ориентироваться на промежуточный вариант: схема Страусса действительно очень удобна и ее нужно «держать в уме», начиная анализ данных; однако если эмпирические данные предоставляют нам возможность иных, не предусмотренных первоначальной схемой рисунков связей между категориями, мы должны быть готовы последовать за данными, отставив в сторону на направлявшую нас изначально схему.

Пример

Роль психолога в организации в представлениях предпринимателей

В настоящем примере мы попробуем применить процедуры подхода обоснованной теории к материалу фрагментов интервью с предпринимателем (см. Приложение 1). Результатом нашего анализа должна стать гипотетическая формулировка «линии истории», раскрывающей роль психолога в организации в представлениях предпринимателей. Безусловно, ни о каком насыщении категорий здесь речь идти не может, поскольку мы воспользуемся лишь небольшими фрагментами интервью с одним предпринимателем. Однако сформулированная нами гипотетическая «линия истории» может стать платформой для дальнейших исследований. К тому же полученный результат анализа можно сравнить с результатами приведенного выше исследования на ту же тему (и с использованием того же материала, правда, гораздо более многочисленного), в котором был использован качественный контент-анализ и выде-

лены и описаны категории, соответствующие основным функциям психолога в организации с точки зрения предпринимателей. Напомним, что в приведенном выше исследовании было выделено три функции психолога в организации: психолог как релаксатор и психотерапевт, психолог как «активизатор бизнес-процесса» и психолог как профессиональный манипулятор.

Открытое кодирование

Выделены следующие категории: психологические проблемы сотрудников; необходимость что-то делать с этими проблемами; человеческое отношение к сотрудникам (уважение, признание, ценность индивидуальности); формальное отношение к сотрудникам; загруженность руководителя; человеческий фактор – человек как центр бизнеса; команда профессионалов как инструмент бизнеса; мотивированность сотрудников на достижение результатов; различные формы мотивации – традиционные формы мотивации (крик, материальные подкрепление и наказание), особые техники мотивации у психолога; взаимоотношения между людьми – центральными фигурами бизнеса (хозяином, работниками, партнерами и т. д.); знание психолога, относящиеся к сфере человеческих отношений.

Осевое кодирование

Феномен – человеческий фактор, необходимость управления человеческими ресурсами. Условия – современная ситуация бизнеса (жесткая конкуренция, требующая учета многих факторов; разговоры о человеческом ресурсе). Свойства человеческого фактора (контекст) – человек как инструмент бизнеса (измерения – высокая/низкая мотивированность в достижении результата; наличие/отсутствие слаженной команды профессионалов) и «человеческое в человеке» (психологические проблемы, желание внимания, сложности взаимоотношений между сотрудниками).

Промежуточное условие – занятость руководителя.

Действие/взаимодействие: руководитель владеет традиционными формами позитивного и негативного подкрепления, подбирает команду с точки зрения профессионализма работников; не имеет возможности иметь дело с «человеческим фактором», хотя понимает его важность; руководитель делегирует часть функций психологу – необходимость работать с «человеческим в человеке», психолог использует свои формы воздействия на мотивацию, разрешает сложности во взаимоотношениях.

Следствия: если работать только своими силами – недостаточная эффективность и несоответствие современным тенденциям; привлечение психолога – выгодно с точки зрения повышения эффективности.

Избирательное кодирование

«Линия истории»: в условиях жесткой конкуренции, требующей учета многих факторов, а также общей гуманизации и контекста разговоров о человеческих ресурсах, в представлении предпринимателей появляется важная фигура – человек; предприниматели фокусируют свое внимание на человеческом факторе, которым необходимо грамотно управлять. С одной стороны, именно человек, человеческие ресурсы выступают как важнейший инструмент бизнеса – в том случае, если сотрудники обладают высокой мотивированностью в достижении результата, если сформировалась слаженная команда профессионалов. Но с другой стороны, с человеческими ресурсами связан и ряд неудобств – у сотрудников есть личные проблемы, которые отвлекают их от работы, есть

сложности взаимоотношений в коллективе; кроме того, человек требует к себе «человеческого» отношения. Руководитель взаимодействует с человеческим фактором своими традиционными способами – это различные способы позитивного и негативного подкрепления, подбор команды с точки зрения профессионализма работников. Однако руководитель «слишком занят» и его время «очень дорого», чтобы заниматься «человеческим в человеке». Руководитель нанимает психолога и действует на персонал опосредованно – через психолога. Психолог должен владеть «тонкими» способами мотивирования сотрудников и воздействия на команду. Кроме того, именно психологу можно делегировать работу с теми неудобными факторами, которые связаны с человеком: психолог будет выполнять поддерживающую функцию, уделять внимание личным проблемам сотрудников, разрешать конфликты отношений и т. д. Таким образом, психолог «гуманизирует» атмосферу, тем самым освобождая руководителя от необходимости думать о человеческих проблемах и устанавливать человеческое отношение к сотрудникам. И психолог сам становится важным инструментом бизнеса, если учесть, что он владеет профессиональными формами психологического воздействия на сотрудников, призванными повышать их мотивацию и укреплять слаженность команды. Сегодня традиционных директивных методов управления людьми недостаточно: игнорирование человеческой индивидуальности и использование лишь старых форм наказания и поощрения приведет к снижению эффективности бизнеса. Психолог же может помочь в учете всех сложностей человеческого фактора, при этом избавляя руководителя от «неудобных» для него проблем.

В приведенной «линии истории» лишь вскользь упоминается манипулятивная функция психолога (психолог как инструмент бизнеса, обладающий своими формами воздействия на сотрудников), которой отведено большое место в отчете упомянутого исследования. Мы решили поработать лишь с теми фрагментами интервью, которые приведены в Приложении 1, а в них речи о манипуляции как таковой не идет. Что же касается двух других функций психолога (психолог как релаксатор и психотерапевт и психолог как «активизатор бизнес-процесса»), то, на наш взгляд, они оказались представлены и в «линии истории», причем попытка связать в рамках парадигмы Страусса выделенные на этапе открытого кодирования категории «высветила» важные нюансы смысла, который предприниматели вкладывают в данные функции. Психолог предстал перед нами в качестве «инструмента бизнеса», причем такого, который может быть использован предпринимателем для того, чтобы, по возможности, сделать всех сотрудников тоже удобными и эффективными «инструментами бизнеса», при этом идя в ногу с общегуманистическими тенденциями современности.

Как можно видеть, анализируя фрагменты интервью, мы придерживались предложенной А. Страуссом парадигмы. Мы старались связывать категории согласно парадигме: условия, приводящие к феномену, феномен, его свойства (контекст), действия с феноменом, следствия. Однако в своем движении мы не были чересчур педантичными в следовании данной парадигме и, скорее, руководствовались непосредственными данными и теми смысловыми связями, которые они нам предоставляют. Еще раз подчеркнем: схема Страусса действительно очень полезна и может выступать в качестве «путеводителя» по данным; вместе с тем эта схема, как и любой «путеводитель», задает лишь общие ориентиры, а не жесткий маршрут, который, в конечном счете, исследователь всегда выбирает сам.

Критерии качества обоснованной теории. В подходе обоснованной теории разработаны достаточно четкие критерии и стандарты качества. Авторы этого подхода призывают поддерживать обычные каноны «хорошей науки», которые включают в себя совместимость теории и эмпирии, логическую последовательность интерпретаций и объяснений, обобщение, воспроизводимость и верификацию. Правда, как пишут А. Страусс и Дж. Корбин (2007), эти каноны «хорошей науки» в подходе обоснованной теории переосмысляются таким образом, чтобы соответствовать реальности качественного исследования и сложности социальных и психологических феноменов. Например, если речь идет о воспроизводимости, то в случае обоснованной теории мы вряд ли будем иметь дело с ее «жесткими» вариантами, предполагающими, что результаты любого исследования, если они достоверны, могут быть воспроизведены другими исследователями. По всей видимости, – пишут Страусс и Корбин, – «не существует теории, имеющей дело с фактически воспроизводимым социальным/психологическим феноменом, поскольку обнаруживаются новые ситуации или иные ситуации, условия которых точно не совпадают с условиями исходного исследования, хотя многие важные условия могут быть сходными. В отличие от исследования физического феномена, очень трудно воплотить экспериментальные или другие замыслы, в которых можно было бы воссоздать все первоначальные условия, и контролировать все внешние переменные, с которыми может столкнуться изучаемый социальный/психологический феномен» (*там же*, с. 208). Страусс и Корбин указывают, что существует и иная форма воспроизводимости, на которую и должна ориентироваться обоснованная теория: другой исследователь, придерживаясь той же теоретической перспективы, тем же общим правилам сбора и анализа данных и имея сходный ряд условий, что и первый исследователь, должен прийти к такому же теоретическому объяснению данного феномена. «Любые возникающие разногласия могут быть решены путем перепроверки данных и идентификации условий, которые могут действовать в каждом случае» (*там же*).

В таком же ключе должен быть переосмыслен канон обобщаемости результатов. В обоснованной теории исследователь должен точно обозначать условия, в которых феномен существует и в которых с ним совершается действие/взаимодействие. Обобщение не может выходить за рамки обозначенной группы условий. Конечно, чем больше вариаций условий рассмотрено в обоснованной теории, тем выше ее обобщающая способность. В сущности, вновь найденная вариация, первоначально не включенная в обоснованную теорию, позже может быть добавлена, что вызовет изменения в первоначальной формулировке теории и будет способствовать увеличению ее обобщающей способности.

Для оценки исследования, выполненного по методу обоснованной теории, составляются суждения, во-первых, о валидности, надежности и до-

стоверности данных, во-вторых, об адекватности исследовательского процесса, и в-третьих – об эмпирическом обосновании исследовательских результатов (*там же*). Суждения о данных выносятся на основании информации, как именно собирались данные, какие методы при этом были использованы, как проводилась систематизация данных и т. п. В качестве оценочных критериев исследовательского процесса могут служить приведенные в описании исследования ответы на следующие вопросы (*там же*):

На каком основании была отобрана первоначальная выборка?

Какие категории возникли?

Какие данные указывали на эти категории?

На основе каких категорий происходила теоретическая выборка?

Или: Каким образом теоретические формулировки направляли сбор данных?

Какие выдвигались гипотезы о концептуальных связях между категориями и на каких основаниях они были сформулированы?

Были ли случаи, когда гипотезы не поддерживались эмпирическими данными? Как учитывались эти разногласия?

На каких основаниях были приняты окончательные аналитические решения?

Как видим, в итоговых отчетах исследователю необходимо по максимуму давать информацию, которая позволит читателю вынести суждения о качестве исследовательского процесса.

Для вынесения суждений об эмпирической обоснованности теории А. Страусс и Дж. Корбин тоже предлагают несколько ориентировочных вопросов (*там же*):

Производит ли теория понятия, источник которых – эмпирические данные?

Является ли связь между понятиями систематической и есть ли для данной связи эмпирические основания?

Обладают ли категории концептуальной плотностью, выделены ли в них различные свойства и измерения, также эмпирически обоснованные?

Много ли вариаций встроено в теорию и как они обозначены?

Включены ли в объяснение более широкие условия, которые влияют на изучаемый феномен (учитывались ли социальные тенденции, культурные ценности и т. п.)?

Был ли принят во внимание процесс, т. е. изменения в зависимости от условий?

Заметим, что простое следование канонам «хорошей науки» не может привести к значимым и интересным результатам. Акцент на обоснованности и точности, привычно культивируемый в методологической литературе

ре, отвлекает внимание от другой важнейшей характеристики научного знания – его нетривиальности. Если исследователь просто соблюдает все каноны, «без воображения и проникновения в суть того, что отражают данные, потому что он или она не видит, о чем они действительно говорят, за исключением тривиальных и хорошо известных феноменов, то опубликованные результаты можно будет оценить как неудачные» (там же, с. 213). Нужны аналитическая способность, воображение, теоретическая восприимчивость и чувствительность к тонкостям плюс развитые литературные способности, чтобы увидеть в полученных данных нечто необычное и достойным образом об этом рассказать.

Итак, для обоснованной теории мы можем выделить несколько наборов критериев: соответствующий правилам исследовательский процесс; эмпирическая обоснованность и правдоподобность теории; нетривиальность полученных результатов. По сути, эти же наборы критериев вполне применимы и для других типов исследований.

Техника конденсации смысла

Как мы уже отмечали, техника *конденсации смысла* наряду с техникой кодировки и категоризации относится к «сквозным» техникам, которые применяются в большинстве качественных подходов. Данная техника была описана А. Джорджи. «Мы заинтересованы в том, – пишет Джорджи, – чтобы показать, что исследование можно провести строго и дисциплинированно, не приводя обязательно данные к количественному выражению, хотя и это имеет свою ценность. Основная задача исследования – показать, как можно систематически работать с данными, которые выражены средствами обычного языка» (цит. по: *Квале*, 2003, с. 192).

Исследование, проведенное А. Джорджи, было посвящено определению, что такое обучение для обычных людей, занимающихся своими повседневными делами, и как совершается обучение. Джорджи проводил интервью по поводу обучения. Предложенный им анализ полученных в интервью данных (техника конденсации смысла) включает в себя пять стадий. Первая стадия: все интервью читается полностью, чтобы получить о нем общее представление. Вторая стадия: исследователь выделяет из высказываний респондента «естественные смысловые единицы» в том виде, как они были высказаны. Третья стадия: доминирующая в естественных смысловых единицах тема формулируется как можно проще. Здесь исследователь пытается читать ответы респондента без предубеждения и определять тему высказывания с точки зрения респондента, но так, как ее понимает исследователь. Четвертая стадия: проверка смысловых единиц с точки зрения конкретной цели исследования. Основные вопросы исследования Джорджи – «Что такое обучение?» и «Как совершается обучение?». К содержанию смысловых единиц он подходил с точки зрения вопроса: «Что данное высказывание говорит мне об обучении?». Пятая стадия: суще-

ственные, необходимые темы всего интервью связывались воедино в описательное утверждение (там же, с. 192–193).

Таким образом, предложенный Джорджи метод состоял в конденсации выраженных значений во все более и более сущностный смысл структуры и стиля обучения. В итоге Джорджи пришел к сущностному описанию стиля обучения, полученному в ответ на исследовательский вопрос «Как происходило обучение?», и предпринял теоретическое обсуждение полученной структуры обучения, в котором подчеркивается его межличностная природа, в связи со стандартными психологическими теориями учения, уделяющими межличностному контексту обучения недостаточно внимания (там же).

В предлагаемой ниже таблице (там же) представлена конденсация отрывков из интервью об обучении с молодой женщиной. В левом столбце приведены естественные смысловые единицы ответов респондентки, а в правом – конденсированный смысл этих единиц:

	Естественная единица	Основное содержание
1.	В первую очередь приходит в голову то, что я узнала от Миртис о внутреннем декоре. Она рассказала мне, как мы видим окружающее. Она теперь по-другому смотрит на разные помещения. Она сказала мне, что когда тыходишь в помещение, ты обычно не замечаешь, сколько там горизонтальных и вертикальных линий, по крайней мере, не обращаешь на это внимание сознательно. А еще, если взять кого-то, кто понимает в украшении интерьера, он сразу интуитивно почувствует, сколько ли там вертикалей и горизонталей, сколько нужно.	Роль вертикальных и горизонтальных линий в украшении интерьера.
2.	Так вот, я пришла домой и начала смотреть на эти линии в нашей гостиной, и сосчитала эти горизонтальные и вертикальные линии, многие из них я никогда и не воспринимала как линии. Балка... Действительно, я никогда раньше не думала о ней как о вертикали, просто выступ стены. (Смеется.)	Респондент смотрит на горизонтальные и вертикальные линии в своем доме.
3.	Я обнаружила, что было не так с оформлением нашей гостиной: много, слишком много горизонталей и недостаточно вертикалей. Поэтому я начала двигать вещи и менять их вид. Я передвинула кое-что из мебели и убрала несколько безделушек, какие-то линии замаскировала, и... для меня это действительно стало выглядеть по-другому.	Респондент обнаружила слишком много горизонтальных линий в гостиной и удачно изменила вид.
4.	Это интересно, потому что когда через несколько часов с работы пришел мой муж, я ему сказала: «Посмотри на гостиную – все по-другому». Не зная того, что я обнаружила, он не мог увидеть все так же, как я. Он видел, что все изменилось, видел, что вещи передвинуты, но не мог сказать, что горизонтальные линии были замаскированы, а вертикальные подчеркнуты. Так я почувствовала, что что-то знаю, чему-то научилась.	Муж подтвердил изменения, не зная, почему это произошло.

Сущностное описание стиля обучения

Обучение для респондентки произошло, когда она получила знание от значимого другого и конкретную демонстрацию этого знания, которое было связано с проблемой, долго ее беспокоившей. Когда респондентка обнаружила, что может применить это знание в своей собственной ситуации и своим способом, принимая во внимание все неожиданности, которые предполагает новая ситуация, она почувствовала, что научилась. Таким образом, респондентка научилась, сначала проявив внимание к другому, а затем самостоятельно применив знание, которое она получила, при одобрении со стороны другого значимого для нее человека.

Техника конденсации смысла широко используется в феноменологических исследованиях. Кроме того, она является важной частью интерпретативных подходов, в которых анализ данных всегда лучше начинать с понимания очевидных смыслов.

Феноменологическое описание

Когда в психологии говорят о феноменологии, обычно имеют в виду метод или определенный способ постижения субъективной реальности, непосредственных переживаний, опыта в их максимальной конкретности и полноте, без обращений к каким-либо схемам, без каких бы то ни было предположений относительно их происхождения или причин (Леонтьев, 2001).

В целом можно сказать, что в психологии феноменологическая установка описывается двумя способами: в одном случае в большей мере подчеркивается ее ценностный аспект, в другом – процедурно-технический. Ценностная составляющая преобладает, например, у А.А. Пузыря (1997), техническая сторона раскрывается такими западными авторами, как Д. Полкинхорн, А. Джорджи, С. Квале и др. (на рус. яз. обзор представлений западных авторов см.: Улановский, 2007). Безусловно, мы отнюдь не утверждаем, что западные авторы не уделяют внимания той совокупности убеждений и позиций, которая составляет суть феноменологического движения в психологии. Говоря, что в их работах раскрывается процедурно-техническая сторона феноменологической установки, мы лишь имеем в виду, что значительное место в этих работах отводится самому *практису* феноменологического метода.

Согласно А.А. Пузырю (1997), феноменологическое понимание – это и есть собственно понимание, идущее из живого опыта чтения. Оно не редуцирует текст, не сводит его к чему-то уже понятному и известному, не разоблачает *секрет*, но утверждает *тайну* – как то, что является внутренне присущим самому понимаемому, из чего понимание получает оправдание своего существования, достигает его подлинности. Как пишет Пузырей, в случае феноменологического чтения мы не производим смысл текста, а лишь даем возможность заговорить самому тексту, высказать то, что он в самом деле говорит (*там же*). Отсюда естественным образом вытекает не просто

критика психологических подходов, но серьезный приговор всей психологии, занятой рациональным, объясняющим, редуцирующим толкованием.

Обобщая западные представления о феноменологическом методе как качественной исследовательской стратегии, А.М. Улановский (2005) выделяет несколько его специфических черт: помимо свойственного ему описательного характера, о котором мы достаточно подробно говорили в 1-й главе нашей работы, это ориентация на переживание как предмет исследования, использование рефлексивных данных, отказ от любых теоретических допущений и выводов и использование обыденного языка описания.

Как видим, одна из важнейших черт феноменологической психологии – установка на понимание, что внутренне присуще самому понимаемому, описание данного с очевидностью вне домыслов и редуцирующих толкований. Как подчеркивает Улановский (*там же*), метод, разрабатываемый сторонниками феноменологической психологии, призван помочь справиться с огромным количеством абстрактных теорий и всевозможных произвольных моделей, предлагаемых в психологии.

Если говорить о самом *практисе* феноменологических исследований, то в литературе описано несколько разновидностей феноменологического метода (Giorgi, 1997; Holroyd, 2001; Karlsson, 1993 и др.). Все они основаны на технике конденсации смысла, выделении категорий, кодировании и последующем тематическом анализе.

В целом работа с текстовыми данными в феноменологическом исследовании включает в себя несколько этапов:

- 1) прочтение текста/текстов целиком; общее впечатление, возможные гипотезы;
- 2) выделение смысловых единиц, соответствующих теме исследования;
- 3) «конденсация смысла» выделенных единиц;
- 4) выделение тем, их обозначение;
- 5) обобщение тем (центральных тенденций), выделение внутри каждой темы вариаций.

Пример

Жизнь в условиях хронического заболевания сердца¹⁷

Основной вопрос исследования: что это такое – жизнь с хроническим заболеванием сердца, как это переживают сами заболевшие. С четырьмя женщинами и тремя мужчинами было проведено полуструктурированное интервью, в процессе которого их расспрашивали о том, что с ними происходило в период обследования, постановки диагноза, лечения и в последующий период. Полученные данные обрабатывались с использованием тематического анализа. Автор выделила несколько общих для респондентов тем, каждую из которых подробно описала.

Неопределенность: прежде всего связанная с будущим; переживания неопределенности в самом начале болезни.

¹⁷ Пример из: Winters, 1997.

Изменения: осознание своей смертности, переоценка ценностей, изменения в стиле жизни, переосмысление самой болезни как части более широкого неизвестного плана.

Конфликт: желание опираться на себя / необходимость опираться на других; необходимость медицинского лечения / страх перед ним, желание контроля / чувство невозможности его осуществить.

«Игра в игру»: включенность в своего рода работу, связанную с диагностическими процедурами, контактом с медицинским персоналом и т. п.; желание жить и повышать качество своей жизни; нежелание быть обузой для близких.

Еще раз подчеркнем, что важной особенностью феноменологического метода, с точки зрения самих феноменологов, является его описательный характер. Феноменологи настаивают на необходимости работать на уровне очевидных смыслов текста и самопонимания исследуемых. Однако, по нашему мнению, сложно сказать, насколько предлагаемые в рамках феноменологического метода техники действительно отличны от интерпретации и способны приводить к пониманию текста в его изначальной самобытности. Как показывает Х.-Г. Гадамер (1988), понимание никогда не является простым воспроизведением понимаемого, но всегда свершается в процессе толкования. Для того чтобы «дать выражение мнению текста в его фактическом содержании, мы должны перевести его на свой язык, а это значит, что мы приводим его во взаимодействие со сферой всех возможных мнений, в которой движемся мы сами, высказываясь и готовые высказаться» (*там же*, с. 460). На приводимом нами примере феноменологического анализа мы намерены показать, что в случае феноменологического метода речь идет об определенном типе интерпретации, ориентирующейся на контекст самопонимания говорящего или пишущего. Исследователь-феноменолог не просто воспроизводит оригинальные смыслы, но концептуализирует их в рамках собственного тематического построения, отвечающего исследовательскому замыслу. Вместе с тем ориентация на контекст самопонимания исследуемого и очевидные смыслы текста дает возможность в достаточной мере упорядочить процедуру анализа и выйти на уровень intersubjectively значимых результатов (на основе согласия экспертов и/или согласия с результатами самих респондентов).

Пример

«Болезнь» письма (отношение артиста к книге воспоминаний)

В данном исследовании мы обратились к фрагментам записей Ф. Раневской (Фаина Раневская., 2005; см. текст Приложения 2). В этих фрагментах так или иначе затрагивается тема отношения Раневской к автобиографической книге, написать которую она планировала (по просьбам других или собственному желанию), но так и не написала: в приводимых нами отрывках речь идет о том, что она ее уничтожила. Мы приводим анализ отношения Раневской к книге воспоминаний, построенный на основе феноменологического метода.

Феноменологический анализ фрагментов записей Ф. Раневской

Естественные смысловые единицы	Конденсированный смысл
...Книжку читала с восторгом, с восхищением и чувством черной зависти. Хотелось бы и мне так писать.	Восхищается книгой. Высказывает желание писать так, как написаны хорошие книги.
Получила грозное предупреждение из издательства. Строчки не могу выдавать. Пожалуй, единственная болезнь, которой у меня нет, – графомания, а как бы сейчас она мне пригодилась.	Сопrotивление письму, несмотря на требования издательства.
Пристают, просят писать, писать о себе.	Назойливые просьбы других писать о себе.
Отказываю. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать.	Сопrotивление письму: писать о себе плохо – не хочется, хорошо – неприлично.
К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке.	Плохо писать, делать ошибки – постыдно
В том, с какой бесцеремонностью ко мне пристают с требованием писать о себе, – есть бессердечие/	Бесцеремонные требования других писать о себе.
Если бы уступила просьбам и стала писать о себе – это была бы «жалобная книга». «Судьба-шлюха».	Ф.Р. представляет, что она может писать о себе лишь «жалобную книгу»
...Не могу записывать, ни к чему. Противно брать в руки карандаш. Надо писать только одну фразу: «Все проходит». ...И к тому же у меня непреодолимое отвращение к процессу писания. «Писанина». Лепет стариковский, омерзительная распушенность, ненавижу мемуары актерские. Кроме книжки П.Л. (Павлы Леонтьевны Вульф. – Н.Б.).	Отвращение к плохому письму – «писанине», убогому «лепету», каким часто являются написанные актерами мемуары.
Все бранят меня за то, что я порвала книгу воспоминаний.	Высказываемое другими людьми неодобрение по поводу того, что Ф.Р. порвала свою книгу.
Почему я так поступила? Кто-то сказал, кажется, Стендаль: «Если у человека есть сердце, он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза». И это решило судьбу книги. Когда она усыпала пол моей комнаты, – листья бумаги валялись обратной стороной, т. е. белым, и было похоже, что это мертвые птицы.	Нежелание выносить свою жизнь на всеобщее обозрение.
«Воспоминания» – невольная сплетня. О себе говорить неудобно (а очень хочется).	Есть желание говорить о себе и в то же время сопротивление этому, поскольку говорить о себе неудобно.
«Воспоминания» – это от чего? У меня от одиночества смертного.	Одиночество.
...Писать должны писатели, а актерам положено играть в театре.	Каждый должен заниматься своим делом. Если писать, то нужно этим заниматься серьезно.

Все ушли... Рядом бродяга, псина, безумно ее полюбила. Думаю, что собаки острее чувствуют, потому что не умеют говорить. Заразила я ее бессонницей и моей звериной тоской. Когда уожу, она плачет. Беру ее с собой в театр, а потом рвусь к ней. Мне еще никто так не радовался.	Одиночество.
...Наверное, зря порвала все, что поставило бы книгу, о которой просило ВТО. И аванс надо теперь возвращать 2 тыс. Бог с ними, с деньгами, соберу, отдам аванс.	Ф.Р. размышляет, правилен ли был ее поступок – порвать книгу: помимо всего прочего, здесь присутствует и денежный момент, хотя не он является главным.
а почему уничтожила? Скромность или же сатанинская гордыня? Нет, тут что-то другое. ...Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных. Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала, и только. Кто, кроме моей Павлы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Кто мучился, когда я сидела без работы? Никому я не была нужна... Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это все. Личная жизнь тоже не состоялась. ...В театре Завадского заживо гнию.	Нежелание обнародовать свою жизнь. Глубинное ощущение неудавшейся жизни – как профессиональной, так и личной, – несмотря на успех
Иногда приходит в голову что-то неглупое, но я тут же забываю это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги. ...Книга должна быть написана художником или мыслителем. Гений – это талант умершего. Вот почему порвала мой опус.	Если писать, то нужно писать достойно и писать о чем-то стоящем («умном»). Писать должны художники или мыслители, т. е. те, кому есть о чем писать и кто умеет это делать

В данном случае в рамках исследовательского интереса определяются две темы – побудительные мотивы писать о себе и невозможность писать о себе, сопротивление письму; вместе они составляют одну тему конфликтного отношения к письму.

Побудительные мотивы писать о себе. Очень часто фактором, побуждающим артиста писать о себе, являются другие люди: они настойчиво просят артиста писать, и иногда эти просьбы принимают характер назойливых требований. К тому же и у самого артиста нередко появляется желание говорить о себе.

Невозможность писать о себе, сопротивление письму. Если писать о себе, то это нужно делать достойно, – писать так, как написаны хорошие книги. Однако многие мемуары актеров написаны так, что ничего, кроме «графоманской писанины», собой не представляют, а такой «стариковский лепет» вызывает у Ф.Р. непреодолимое отвращение, и она не может позволить себе столь невыносимую ей «писательскую» распушенность.

Другой источник сопротивления письму – нежелание выносить свою жизнь на всеобщее обозрение. Возможно, за этим стоит ценность скромно-

сти – говорить о себе неудобно, и достойный человек, т. е. человек, у которого «есть сердце», не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза. Возможно, за таким нежеланием стоит и гордыня – отделение себя от других людей.

Однако самое важное состоит в том, что письмо, побудившее к рефлексии над целостностью своей жизни, столкнуло Ф.Р. с глубоким переживанием неудовлетворенности этой жизнью – полной «смертного одиночества», «трудной» и «неудавшейся», несмотря на успех. И вот это глубочайшее переживание и заставило Ф.Р. порвать даже то, что уже было написано: ей не просто не хочется выносить свою жизнь на обозрение, но не хочется выносить именно **такую** жизнь. Дело не только в том, как писать, – хотя писать, безусловно, нужно достойно, и Ф.Р. отвратительны любые формы убогого графоманства, – но и в том, что писать, в сущности, не о чем: нет смысла писать о собственной «неудавшейся» жизни.

Мы пытались анализировать текст на уровне очевидных смыслов. Но, как можно видеть из приведенного нами анализа, даже в этом случае конденсация смысла и тематический анализ письменного текста включают в себя немалую долю интерпретации. В ряде случаев нам приходилось акцентировать одни смысловые моменты в ущерб другим. К тому же сама выбранная нами с самого начала тема (отношение к книге воспоминаний) определенным образом фокусировала наше внимание: мы смотрели на текст сквозь призму интересующего нас вопроса¹⁸. Поэтому представленные нами темы вряд ли можно считать лишь отражением очевидных смыслов текста – скорее, они родились в результате нашего диалога с ним.

Обратим внимание, что в нашем примере феноменологического анализа мы использовали письменный текст. Некоторые авторы (например, А. Джорджи) полагают, что культурные тексты несут в себе слишком много неясностей, метафор, недоговоренностей и поэтому с неизбежностью требуют герменевтического (т. е. интерпретативного) подхода, предполагающего учет жанра письма, биографии писавшего, общекультурного контекста и т. п. (Улановский, 2007). В нашем случае такого выхода в более широкие контексты мы не предпринимали, намеренно ограничивая себя описанием непосредственных смыслов текста. И тем не менее, конденсируя смысл естественных единиц, мы осуществляли нечто вроде перевода с одного языка на другой, что неизбежно включало в себя поиск смыслового компромисса.

Вопрос, который мы хотим поставить, следующий: если анализ, осуществляемый на основе феноменологического метода, тоже имеет приро-

¹⁸ Впрочем, тема отношения к книге воспоминаний была выделена после прочтения самих дневниковых записей, а не вводилась нами заранее. Вместе с тем культурный и психологический феномен весьма распространенного в наши дни публичного «рассказа о себе», побудительные мотивы и личностные смыслы создания и публикации такого рода произведений – предмет нашего давнего интереса. Так что можно сказать, что выделение темы, обозначенной как «болезнь письма», – результат своеобразного «слияния горизонтов» сознаний читающего и пишущего.

ду толкования, означает ли это, что сами феноменологи, настаивая на описательном характере разрабатываемого ими метода и противопоставляя его интерпретации, предлагают неадекватную рефлексию собственного метода? На наш взгляд, то, что феноменологи называют «описанием», на самом деле отличается от того, что в психологии обычно имеют в виду под интерпретацией, а именно: производство (конструирование) смысла текста, как правило, в соответствии с комплексом теоретических представлений психолога либо *симптоматическое прочтение*, раскрывающее, выражением (симптомом) чего являются высказываемые слова и действия (симптоматическое прочтение обычно также предполагает теоретический контекст, например, опору на психоаналитические представления). Феноменологический анализ не подразумевает, что мы создаем (конструируем) некую новую историю взамен истории оригинальной; мы действительно даем возможность самому тексту сказать то, что он говорит. Однако это отнюдь не означает, что мы навсегда покидаем поле игры истолкования. По нашему мнению, феноменологи предлагают особый тип *интерпретативной* активности исследователя, цель которого – усиливать сказанное в тексте, обращаясь к самому делу – заключенному в сказанном смысле. Пожалуй, то, что происходит, когда мы осуществляем феноменологический анализ текста, лучше всего «схватывается» в описываемом Х.-Г. Гадамером опыте подлинной диалектики, которая, на наш взгляд, и находит свое воплощение в данном типе анализа. Феноменологическое понимание свершается в среде языка. Однако, – пишет Гадамер, – подобно тому, как слово «в своем собственном чувственном бытии существует лишь затем, чтобы снять себя в сказанном», понятия, в которых осуществляется толкование, «снимаются в завершеном понимании, ибо они обречены на исчезновение» (Гадамер, 1988, с. 547–548). Развертывание смыслового целого, которое мы стремимся понять, подталкивает нас к тому, чтобы вновь истолковывать и отказываться от толкования. Получается, что в опыте описываемого феноменологического анализа интерпретация (толкование) как бы диалектически «снимает», преодолевает саму себя, и лишь такое «снятие толкованием себя самого создает окончательную возможность того, что само дело – смысл текста – добывается нашего признания» (*там же*, с. 537–538).

Итак, нельзя сказать, что в своей рефлексии предлагаемого ими метода как метода описательного и отличного от интерпретации сторонники феноменологической психологии абсолютно неправы. Однако несмотря на присущую ему специфику, отличающую его от других типов психологической интерпретации, на наш взгляд, феноменологический метод тоже должен быть отнесен к *интерпретативной методологии*, полагающей интерпретацию в качестве фундаментального принципа понимания.

Контроль субъективности в феноменологических исследованиях. В 1-й главе мы отмечали, что для осуществления последовательной конден-

сации смысла в феноменологических исследованиях нередко привлекаются эксперты, и в итоговое описание конденсированного смысла включаются только те мнения экспертов, которые получили intersubъективное согласие. Описание в целях валидации может быть предложено респондентам, которые подтверждают его верность либо вносят в него поправки. Посредством подобных процедур достигается цель феноменологического анализа – интегрированное описание переживания, не зависящее от теоретической, политической или какой-либо иной позиции исследователя.

Впрочем, сегодня различают два типа феноменологических исследований – *классическую*, или *интуитивную* (*classical*, или *intuiting*), феноменологию и *новую*, или *эмпатическую* (*new*, или *empathetic*), феноменологию (Crotty, 1996; Willis, 2004). Первая – классическая интуитивная – феноменология представляет собой достаточно фундаменталистское предприятие, цель которого – раскрыть инвариантную структуру того или иного переживания, иными словами, ответить на вопрос, что собой представляет такой феномен, как, скажем, «чувство, что тебя понимают», эстетическое переживание или что-либо еще. Новая эмпатическая феноменология пытается ответить на вопрос, как те или иные люди переживают определенный опыт (понимания, восприятия прекрасного и т. п.). Если классическая феноменология, обращаясь к субъективному опыту, пытается через него найти путь к пониманию, что собой представляет тот или иной феномен, какова его сущность, то эмпатическая феноменология открыто и рефлексивно обращается к субъективным смыслам и значениям, которые вкладывают в свое переживание сами переживающие: что означает ухаживать за умирающими для самих медицинских сестер хосписа? что значит жить с больным сердцем для самих больных? и т. п. В социальном смысле подобные исследования имеют огромное значение, поскольку они демонстрируют разнообразие жизненных миров людей и позволяют «схватывать» опыт тех, чей взгляд в силу тех или иных социальных причин отличается от взгляда представителей доминирующих в данной области групп. Эмпатическая феноменология, как можно видеть, исходит из идеи социальной неоднородности человеческого сознания и сама вносит свой вклад в развитие соответствующих представлений. Тем самым эмпатическая феноменология близко примыкает к критическому модусу качественных исследований, хотя при этом и не использует свойственные самим критическим исследованиям «вскрывающие» интерпретативные техники.

Следует сказать, что в отличие от интуитивной феноменологии, базирующейся на философских идеях Э. Гуссерля, эмпатическая феноменология многое берет из герменевтической традиции; соответственно на шкале, полюсами которой являются описание и интерпретация, она хотя и окажется на полюсе описания, но будет несколько сдвинута в сторону интерпретации. В исследованиях, выполненных в рамках эмпатической феноменологии, позиции исследователя уделяется гораздо большее внимание, поскольку в них предполагается, что результаты исследования рождаются из взаимодействия исследователя с другими его участниками. В этом случае исследователю необходимо пока-

зять, как именно он пришел к своим результатам, какова была его изначальная исследовательская перспектива и социальная позиция, в каких условиях были получены данные и какие использовались процедуры анализа.

Не нужно думать, будто качественные данные предоставляют столь уж большие возможности для их произвольной трактовки. Обыденный язык, хоть и содержит в себе известную долю свободы понимания и интерпретации (в противном случае гуманитарные науки вообще потеряли бы смысл), все-таки очерчивает достаточно жесткие границы, куда и как может двигаться интерпретатор. Кроме того, у исследователя всегда есть доступ к смысловым контекстам, в пределах которых он понимает и описывает полученные данные. Интерсубъективность заложена в самих структурах обыденного языка и связана с общностью жизненного мира, который мы разделяем друг с другом. Вместе с тем правдой остается и то, что чем ближе мы продвигаемся в сторону интерпретативного модуса анализа, тем менее достижимыми становятся интерсубъективно-универсальные высказывания. Тонкость нашего понимания на деле зависит от того, насколько близок понимаемый тому типу личности, к которому принадлежим мы сами. Поэтому в феноменологических исследованиях столь большое значение придается коллективным исследованиям, в процессе которых исследователи с различными жизненными ориентациями и опытом имеют возможность вступать в диалог друг с другом. Но, еще раз повторим, грубые личностные проекции исследователя довольно легко усмотреть, просто внимательно вчитываясь в данные.

Пример

Приведем небольшой фрагмент интервью на тему представлений о любви, а затем результаты студенческой конденсации смысла этого, в сущности, довольно простого, однозначного отрывка. На этом примере нам бы хотелось продемонстрировать, что в ряде случаев субъективность феноменологического анализа достаточно просто контролировать: думаю, все согласятся с тем, что результаты приведенного студенческого анализа фрагмента интервью неудовлетворительны – в них выделены смыслы, которых в изначальных естественных единицах попросту нет. Далее мы приводим результат собственной конденсации смысла того же отрывка с выделением тем, которые могут звучать и в других интервью.

Фрагмент интервью

«Любовь... Ну, любовь – это, наверное, совокупность каких-то чувств. Когда любишь человека, принимаешь ответственность за него, хочется быть с ним рядом, делать что-то для него. Можно любить и несколько раз в жизни, а можно вообще не найти любовь. То есть любовь важнее дружбы, выше, чем секс. Любовь конечно необходима для счастья, но и здоровье тоже нужно. Ну как же! Если ты будешь инвалидом, но с любовью, вряд ли ты будешь счастливым. Ну и деньги конечно нужны, надо же семью обеспечивать – жену с детишками...»

Предложенная студентом конденсация смысла

1. Любовь – это совокупность большого количества чувств, которая затем перерастает в брак с целью обеспечения и заботы о любимом и семье.

Любовь и брак необходимы для счастья. Но любовь сложно найти, кто ее находит – тот становится счастливым человеком, потому что любовь важнее всего – важнее дружбы, секса.

2. Любовь как совокупность чувств, необходимых для брака и счастья, поскольку она является более важной, чем дружба и секс.
3. Любовь и брак.

Возможная конденсация смысла того же отрывка

Естественная смысловая единица	Основное содержание
1. Любовь... Ну, любовь – это, наверное, совокупность каких-то чувств.	Любовь как совокупность чувств.
2. Когда любишь человека, принимаешь ответственность за него, хочется быть с ним рядом, делать что-то для него.	Проявления любви (принятие ответственности за другого; хочется быть рядом, что-то делать для другого человека).
3. Можно любить и несколько раз в жизни, а можно вообще не найти любовь.	Любовь не связана с «количеством», возможно любить несколько раз или не найти любви.
4. То есть любовь важнее дружбы, выше, чем секс.	Любовь важнее других отношений (дружбы и секса)
5. Любовь, конечно, необходима для счастья, но и здоровье тоже нужно. Ну как же! Если ты будешь инвалидом, но с любовью, вряд ли ты будешь счастливым. Ну и деньги, конечно, нужны, надо же семью обеспечивать – жену с детишками.	Для счастья любовь необходима, но недостаточно, необходимо также здоровье, материальное благополучие.

Темы (центральные тенденции), которые можно встретить и у других респондентов, и вариация этих тем, характерная для данного респондента

1. Любовь как совокупность чувств.
2. Проявления любви (вариация – желание быть рядом, забота о другом; необходимость единственности любви – можно любить несколько раз).
3. Ценность любви (вариация – любовь наиболее важная сторона человеческих отношений; любовь необходима для счастья, хотя и недостаточна).

Обратим внимание, что тема любви и брака, акцентированная в приведенной выше конденсации, выполненной студентом, косвенно представлена во фрагменте интервью («любовь необходима для счастья... и деньги нужны, надо же семью обеспечивать»). Можно предположить, что респондентом подразумевается тесная связь между любовью и браком. Однако эта тема в настоящем фрагменте интервью осталась непроясненной.

Интерпретация в качественных исследованиях

Мы уже отмечали, что интерпретация, в отличие от феноменологического описания, всегда предполагает выход за пределы сказанного прямо, вычленение структуры и смысловых отношений, которые невозможно увидеть в тексте с первого взгляда (Квале, 2003). Интерпретируя, мы идем от явных смыслов текста к более глубоким, как если бы в словах было нечто

большее, чем то, что сказано. Практика интерпретации требует определенной дистанцированности от того, что сказано, и эта дистанцированность обеспечивается методической или теоретической позицией исследователя, восстанавливающей концептуальный контекст сказанного.

Интерпретация и вопросы к тексту. В случае собственно интерпретативного анализа текста систематичности процедуры добиться гораздо сложнее, чем в феноменологических исследованиях, ориентирующихся на наиболее очевидные, интерсубъективно разделяемые значения. Однако мы стараемся показать, что и для такой работы могут быть предложены методологические и методические ориентиры. В частности, одним из способов упорядочения процедуры интерпретации, привнесения в нее той систематичности, недостаток которой нередко приводит сциентистски настроенных коллег к столь низкой оценке научного потенциала качественного анализа, является постановка вопросов к тексту. Помимо систематизации исследовательского процесса фиксация вопросов к тексту облегчает последующую экспликацию исследовательской процедуры, призванную продемонстрировать сообществу коллег, как именно анализировались данные и были получены те или иные результаты. Напомним, что именно экспликация процедуры, по мнению некоторых авторов (см. мнение А. Джорджи в: Квале, 2003, с. 207), является основой контроля анализа в интерпретативных исследованиях.

Качественным исследованиям нередко предъявляются претензии в том, что их результаты зависят от перспективы исследователя и включают немалую долю субъективности. Следует заметить, что подобные претензии в наименьшей степени относятся к исследованиям, выполненным на основе феноменологического метода. Как мы видели, процедура феноменологического метода предполагает движение в направлении единого смысла, с которым могли бы согласиться все участники коммуникации (исследователь, респонденты, психологическое сообщество). Однако в целом качественным подходам присущ «перспективизм» и внимание к субъективному фактору, который сами сторонники качественной методологии пытаются осмыслить в позитивном ключе.

Упреки в субъективности в большей мере уместны по отношению к собственно интерпретативным исследованиям, в которых достичь интерсубъективно значимых результатов действительно крайне сложно. Однако и в них «субъективность» может иметь качественно различный смысл. К примеру, С. Квале (2003) разводит *предвзятую субъективность* и *субъективность разных взглядов*. Первая означает просто неряшливую и ненадежную работу, когда исследователь замечает только те факты, которые подкрепляют его мнение, и пропускает все, что им противоречит. Но в случае, когда исследователи с разными взглядами ставят разные вопросы к одному и тому же тексту и приходят к различным интерпретациям его смысла, мы имеем дело с совершенно другой субъективностью. С. Квале (*Там же*) справедливо замечает,

что основной проблемой для качественных исследований является не многообразие интерпретаций, а недостаточно ясно сформулированные вопросы к тексту. Так что можно сказать, что уточнение вопросов, задаваемых тексту, – одна из важнейших задач исследователя-«качественника».

Ниже на примере анализа небольшого фрагмента интервью мы показываем, как типы вопросов структурируют интерпретативный процесс и определяют содержание интерпретации. Фрагмент интервью взят нами из нашего собственного исследования, посвященного особенностям психологической ситуации, в которой приходится работать среднему медицинскому персоналу детских онкологических клиник. Для анализа фрагмента мы воспользовались схемой возможных вопросов, предложенной С. Квале (*там же*). Во-первых, наш вопрос может относиться либо к содержанию того, что нам рассказывают, – и тогда собеседник выступает в качестве источника информации, либо к личности собеседника, – и тогда собеседник выступает в качестве объекта анализа. Во-вторых, вопрос может касаться разных контекстов интерпретации (по Квале, это контексты самопонимания, критического понимания с позиций здравого смысла и теоретического понимания).

Пример

Исследование факторов, вызывающих психологическое напряжение у медицинских сестер детских онкологических отделений

Высказывание из интервью с медсестрой, являющееся очень показательным: «Мы здесь такие вот козлы отпущения. Мы все время вынуждены терпеть несправедливость. Это ужасно. Ты все время делаешь что-то не так. То врач дает нагоняй. То мамам что-то не так. Врачи злость срывают, особенно когда видят, что ничего не могут сделать. Мама не могут ничего сказать врачам, выразить им претензии. Значит, опять мы виноваты».

Мы можем воспринимать медсестру как важнейший источник информации о том, какие именно факторы оказывают наибольшее влияние на ухудшение психологического состояния среднего медицинского персонала; иными словами, мы можем держать в фокусе нашего внимания содержание того, о чем нам говорят исследуемые. В таком случае мы получаем следующую информацию. Медсестры в онкологической клинике нередко становятся своеобразными «козлами отпущения», на них валятся все шишки как со стороны врачей, так и со стороны родителей детей-пациентов. Врачи отыгрывают на медсестрах собственные неудачи. Мама же не могут критиковать действия врача – для них он является слишком значительной психологически фигурой, поэтому критика смещается в адрес медсестер.

В принципе достоверность полученной в интервью информации может быть проверена эмпирическим путем при помощи техники триангуляции, которая означает, что один и тот же феномен исследуется с разных точек зрения, чтобы определить его точное место. В нашем случае мы можем использовать различные источники информации (как самих медсестер, так и тех, кто находится в другой социальной позиции, т. е. врачей и родителей детей), а также разные методы сбора информации (например, применять помимо интервью метод наблюдения за поведением медсестер, их взаимодействием с врачами

и жизнью отделения в целом). Безусловно, технику триангуляции не нужно воспринимать как способ конечной проверки результатов. Скорее, она дает возможность собрать более «объемную» информацию, которая должна быть интегрирована в конечную интерпретацию изучаемого феномена. В нашем исследовании большинство медсестер отделения подтвердили факт несправедливого отношения к ним со стороны врачей и родителей. Врачи же со своей стороны говорили о высоком уровне профессионализма среднего медицинского персонала отделения и отсутствии сколько-нибудь значимых претензий к их работе. Мамы тоже работой медсестер были довольны и в интервью высказывали благодарность в адрес «девочек». Результаты наблюдения также дали основание предположить, что несправедливое отношение к медсестрам в большей мере является частью «внутреннего мира» самих медсестер, чем отражением реальной жизни отделения. Впрочем, можно полагать, что ряд особенностей «психологической» позиции, которую занимают медсестры в отделении, действительно находит свое отражение в их собственных переживаниях, но при этом остается скрытым от внешнего взгляда. Подобные соображения ведут к необходимости серьезного системного анализа психологической ситуации в отделении, иными словами, открывают одну из возможных исследовательских перспектив, предполагающую опору на соответствующие теоретические подходы.

Анализируя приведенный фрагмент интервью, мы можем попробовать держать в фокусе внимания не содержание, а личность исследуемого. В этом случае мы будем прочитывать текст интервью не с точки зрения его фактической достоверности, а, например, пытаясь раскрыть особенности «жизненного мира» исследуемых в контексте их самопонимания, ответить на вопрос: что значит быть медицинской сестрой детской онкологической клиники – для самой медицинской сестры? Ответ на такой вопрос потребует от нас исследования в рамках эмпатической феноменологии, результатом которого должно стать описание наиболее значимых для респондентов тем (например, темы переживания несправедливости по отношению к себе, как в приведенном отрывке).

Фокус внимания на личности исследуемого может вести и к иному – не феноменологическому – типу исследования. Если мы предполагаем, что несправедливое отношение к медсестрам не столько отражает действительное положение дел, сколько является частью их собственного психологического мира, то уместно задать вопросом, как у медсестер появляется такое в целом неверное представление об отношении к себе со стороны врачей и родителей, каким образом оно складывается. Задавая такой вопрос, мы будем прочитывать текст симптоматически, иными словами, мы попытаемся раскрыть, симптомом чего является переживаемая медсестрами несправедливость. В процессе нашего исследования мы предположили, что у медсестер отсутствует чувство значимости их работы; они отыгрывают собственное неудовлетворение работой, проецируя его на других, и нередко демонстрируют излишнее эмоциональное дистанцирование от своих маленьких пациентов. Беседы с медсестрами, а также наблюдение за жизнью отделения в целом привели нас к предположению, что за таким дистанцированием медсестер от пациентов стоит не желание им эмоционально и по-человечески помогать, а неспособность это делать, своеобразная коммуникативная не-

подготовленность. Мы пришли к гипотезе, что эмоциональное напряжение среднего медицинского персонала во многом связано с символически обедненной средой: дистанцирование – излюбленный защитный механизм медицинского персонала всякого уровня, но если для врачей он в целом пригоден, то среднему медицинскому персоналу именно он не дает возможности выстраивать свою профессиональную идентичность на основе чувства значимости своей деятельности и получать удовлетворение от работы.

Интерпретация может иметь разный контекст: это может быть и свойственное самим исследуемым самопонимание, и критическое понимание без привлечения психологических теорий и, наконец, теоретическое понимание. К примеру, приведенная симптоматическая интерпретация не предполагает явного контекста определенной теории. Однако ситуацию в клинике можно было бы проанализировать, хотя и несколько спекулятивно, в психоаналитическом ключе, используя понятие психологической защиты, или в когнитивистском ключе посредством обращения к понятию процессов, поддерживающих позитивный Я-образ. Отчасти мы это сделали. Однако интерпретацию в рамках указанных теоретических перспектив при необходимости можно углублять.

Обратим внимание, что вопросы, поставленные к тексту, задают различные перспективы видения эмпирического материала. В приведенном примере анализа это были перспектива возможного системного анализа психологических позиций, занимаемых пациентами, их родителями и медицинским персоналом в клинике, перспектива исследования «жизненного мира» медсестер в рамках эмпатической феноменологии и, наконец, симптоматическая интерпретация характерных для медсестер искажений в восприятии ряда ситуаций.

В исследовании психотерапевтической неудачи, приведенном в параграфе, посвященном контент-анализу, исследователи были сосредоточены на содержании *высказываний* респондентов, их интересовал сам феномен неудачи. Напомним, что студенты, говоря о неудаче, имели в виду прежде всего неудачный результат психотерапии, а практикующие психотерапевты сосредоточивались на характеристиках процесса. Но можно попробовать направить внимание на *личность* респондентов и задать вопрос: что высказывания собеседников говорят о них самих? Можно предположить, что студенты и практикующие психотерапевты по-разному рассказывают о деятельности психотерапевта, поскольку следуют разным ценностным стандартам. В таком случае становится интересно, с чем связаны подобные изменения в фокусе внимания (по-видимому, они предполагают выстраивание практикующими психотерапевтами четких границ, до которых распространяется их ответственность за свою деятельность – это границы психотерапевтической сессии).

Итак, в качественных подходах возможны разные способы прочтения материала. Недостаток ли это? Сторонники качественной исследовательской методологии, как правило, основывают свои взгляды на социоконструкционистских идеях и позиции неклассической рациональности, согласно которым мы знаем о реальности лишь в перспективе наших отношений с нею: мир – это коллаж, множественность, требующая для своего раскрытия раз-

ных подходов и разных точек зрения. Как пишет А. Джорджи, дело не в том, может ли быть принята другая позиция в отношении данных (с точки зрения Джорджи, этот пункт принимается прежде всего), а в том, «может ли читатель, принимающий точку зрения, которую защищает исследователь, увидеть то, что видел исследователь, согласен он с его мнением или нет» (цит. по: Квале, 2003, с. 207). Заметим, что позиция методологического плюрализма отнюдь не означает произвольности суждений: исследователь посредством постановки вопросов к тексту задает перспективу видения материала, но внутри этой перспективы он выстраивает интерпретацию согласно принятым правилам, т. е. в соответствии с эмпирическими данными, правилами логической последовательности, теоретической когерентности и т. п.

Феноменологический и интерпретативный модусы понимания. В одной из своих работ С. Квале (Kvale, 1983) говорит о феноменологическом и герменевтическом модусах понимания – но не в смысле целостных методологических подходов, как мы это делали в 1-й главе, а в смысле локальных установок исследователя, которые последний может сочетать в рамках одного исследования. Феноменологический модус понимания заключается в том, что исследователь пытается «ухватить» смыслы на уровне самопонимания исследуемого. В герменевтическом модусе исследователь не останавливается на том, как сам респондент понимает смысл своего высказывания, но предполагает, что высказывание всегда сообщает больше, чем намерен сообщить его автор. В герменевтическом модусе понимания высказывание обогащается смыслами, привносимыми в него интерпретатором.

В целом принимая идею Квале о двух разных модусах понимания как локальных установках исследователя, мы бы предложили говорить о феноменологическом и интерпретативном модусах, подразделяя последний на собственно герменевтический и глубинно-герменевтический варианты. В своих представлениях об исследовательском интервью Квале (2003) в основном следует феноменологической исследовательской традиции (хотя при этом он и выделяет такой тип прочтения, как симптоматическая интерпретация, близкая идеям глубинной герменевтики). Работа с содержанием у Квале, как правило, не подразумевает «вертикали» бессознательного: текст, как это принято в эмпатической и герменевтической феноменологии, обращается к нам *в своей истине*, услышать которую и призван интерпретатор посредством феноменологического и герменевтического модусов понимания (мы сейчас намеренно обходим стороной социоконструкционистские воззрения С. Квале, поскольку их раскрытие не актуально для прояснения темы, имеющей отношение к различению двух модусов понимания). Наше предложение говорить об интерпретативном модусе понимания взамен герменевтического продиктовано необходимостью учитывать и основанную на идее бессознательного глубинно-герменевтическую традицию, которая, будучи также интерпретативной, тем не менее значительно отличается от традиционной герменевтики.

На наш взгляд, выделение двух модусов понимания актуально именно для интерпретативных исследований. В ряде исследований такого рода уместно начинать анализ с техник, традиционно применяемых в феноменологическом подходе (конденсации смысла и выделения тем): на первом этапе анализа данных исследователь представляет сжатое изложение наиболее очевидных смыслов, ориентируясь на самопонимание говорящего, и лишь затем приступает к концептуальной интерпретации текста. Можно думать, что такой тип анализа будет содействовать большей эмпирической обоснованности интерпретаций и контролю произвольности интерпретативных конструкций.

Схема интерпретативного анализа может быть примерно следующей: *смысловые единицы* → *конденсированный смысл* → *темы* → *интерпретация исследователя* (на основании исследовательских вопросов и определения теоретической перспективы).

Комплексные подходы к интерпретации текстов. Работа с текстовыми данными зачастую связана с их комплексным анализом, который включает в себя раскрытие смысла на уровне самопонимания респондента, герменевтическую интерпретацию содержания, анализ латентных аспектов субъективной реальности (симптоматическое прочтение), декодирование направляющих человеческую речь кодов «социального бессознательного», учет коммуникативного контекста и т. д. Возможную схему такого комплексного интерпретативного анализа текста приводит А. Шорн, используя для этого материал собственного исследования (Schorn, 2000). Одним из интересных моментов данной схемы является пошаговая работа с теми текстовыми пассажами, которые наиболее значимы с точки зрения исследовательской темы или наиболее эмоционально насыщены, и потому становятся объектом детального анализа и интерпретации. С точки зрения Шорн (*Ibid.*), научная интерпретация не может не опираться на обыденные интуитивные способы понимания, но при этом должна следовать – причем следовать систематически – определенным методологическим правилам. В исследовательской практике данное утверждение означает, что исследователь задает к тексту такие вопросы, которые направлены на различные его стороны и которые, в конечном счете, помогают раскрыть его смысл.

Шорн (*Ibid.*) предлагает следующие четыре типа вопросов к тексту:

- Что говорят? (основной интерпретационный вопрос; раскрывает объективное содержание; *логическое понимание*).
- Каким образом говорят друг с другом? (исследуется взаимодействие; *психологическое понимание*).
- Как именно говорят, какие выразительные средства используются? (фокус на способах говорения, на речевых приемах; *сценическое понимание*).
- Почему говорят то, что говорят, и так, как говорят? (раскрытие латентного смысла; симптоматическое прочтение, *глубинное герменевтическое понимание*).

В приведенном ниже примере комплексного анализа фрагмента «Письма отцу» Франца Кафки (2005) мы интерпретируем отрывки текста, пытаемся ответить на три вопроса: что говорится (предмет речи), как говорится (речевые особенности) и почему говорится (глубинные смыслы, психологическая ситуация, стоящая за высказываниями). Данные типы вопросов, по нашему мнению, выводят исследователя в модус глубинной герменевтической интерпретации текста. Соглашаясь с А. Шорн, мы полагаем, что вопросы, адресованные различным сторонам текста, позволяют более тонко раскрыть его смысл. Мы не предпринимает попытки дать законченное понимание выбранного фрагмента. Скорее, наша задача состоит в том, чтобы показать возможное «движение» интерпретации с использованием простого перечня вопросов.

Пример

Комплексный анализ фрагмента «Письма отцу» Ф. Кафки¹⁹

В анализируемом фрагменте Ф. Кафка (далее – Ф.К.) говорит о невозможности для себя вступить в брак и связывает эту невозможность с фигурой отца, причем текст насыщен двусмысленностями, в которых мы и попытались разобраться. Отметим, что формой обращения Ф.К. к отцу служит «Ты» – с большой буквы. В перспективе Ж. Лакана (1995) можно предположить, что Ф.К. взывает не столько к реальному отцу, сколько к имени отца: «... в имени отца следует видеть носителя символической функции, которая уже на заре человеческой истории идентифицирует его лицо с образом закона» (с. 48). Наша интерпретация не предполагала специального обращения к деталям биографии Кафки, но мы использовали некоторые весьма общие представления о нем и его жизни, а также о созданных им произведениях, которые вместе с теоретической перспективой (в основном, это ряд положений и концептов Ж. Лакана) составили основу пред-понимания написанного. По-видимому, Кафка страдал серьезными эмоциональными расстройствами, возможно даже психотического круга. Его отношения с реальным отцом были очень сложными, во всяком случае, отец не принимал его попыток заниматься писательством. Кафка дважды пытался жениться, но так и не сделал этого. В пользу того что данное письмо было обращено скорее к «имени отца», может свидетельствовать и тот факт, что письмо не было передано адресату: возможно, на самом деле Кафка и не хотел, чтобы письмо было прочитано отцом.

Текст Ф. Кафки (1)

... Хочу попробовать объяснить подробнее: когда я предпринимаю попытку жениться, две противоположности в моем отношении к Тебе проявляются столь сильно, как никогда прежде. Женитьба, несомненно, залог решительного самоосвобождения и независимости. У меня появилась бы семья, то есть, по моему представлению, самое большее, чего только можно достигнуть, значит, и самое большее из того, чего достиг Ты, я стал бы Тебе равен, весь мой прежний и вечно новый позор, вся Твоя тирания просто бы ушли в прошлое. Это было бы сказочно, но потому-то и сомнительно. Слишком уж это много – так много достигнуть нельзя.

¹⁹ Полный текст анализируемого фрагмента приведен в Приложении 3.

Анализ

Что говорится (предмет речи): попытки жениться наиболее явно вытекают из противоположности в отношении к отцу. С одной стороны, женитьба – это шаг к освобождению и независимости, это – огромное достижение, которое могло бы уравнять Ф.К. с отцом. Но, с другой стороны, такое достижение, означающее равенство с отцом, представляется Ф.К. слишком большим, а потому нереальным.

Как говорится (речевые особенности): обращает на себя внимание явное преувеличение автором значимости такого, в общем-то, обычного для людей события, как женитьба.

Почему говорится (глубинные смыслы, психологическая ситуация, стоящая за выражениями): жениться – значит самому занять структурную позицию отца и, следовательно, включиться в экономию либидинальных отношений, диктуемую Законом Символического. Это действительно большой шаг к требуемой культурой зрелости. Но, с другой стороны, шаг этот всегда анонимен, в том смысле, что не требует личного выбора: сеть социальных каналов довольно жестко структурирует желание индивида. И согласие с Законом, властью действительно способно давать чувство эмоционального благополучия. Отклонение от канала, любой выход за его пределы вследствие запруженности, задержки, переполненности – это тоже столкновение с Законом, проигрываемое в бесчисленных снах, симптомах и т. п. Вероятно, жизнь в соответствии с Законом представляется Ф.К. величайшим благом, для него, однако, недоступным.

Текст Ф. Кафки (2)

Вообразим, что человек попал в тюрьму и решил бежать, что само по себе, вероятно, осуществимо, но он намеревается одновременно перестроить тюрьму в увеселительный замок. Однако, сбежав, он не сможет перестраивать, а перестраивая, не сможет бежать. Если при существующих между нами злосчастных отношениях я хочу стать самостоятельным, то должен сделать что-то, по возможности не имеющее никакой связи с Тобой; женитьба, хотя и есть самое важное в этом смысле и дает почетнейшую самостоятельность, вместе с тем неразрывно связана с Тобой. Поэтому желание найти здесь выход смахивает на безумие, и всякая попытка почти безумием же и наказывается.

Анализ

Что: женитьба, с одной стороны, дает столь желаемую Ф.К. самостоятельность. С другой стороны, она неразрывно связана с отцом, а потому, вероятно, не просто не приносит с собой самостоятельности, но парадоксальным образом загоняет в тюрьму еще безысходнее. Попытки Ф.К. найти выход вызывают состояние, близкое к безумию.

Как: Ф.К. обращается к образу человека, попавшего в тюрьму, который одновременно хочет и сбежать, и перестроить тюрьму.

Почему: если предлагаемый Ф.К. образ приложить к его собственной ситуации, то можно было бы предположить, что переживаемые Ф.К. зависимость от отца (тюрьма), чувство униженности («вся Твоя тирания» и «весь мой прежний и вечно новый позор») можно было бы преодолеть, разорвав любую связь с отцом (сбежать из тюрьмы), но женитьба – это, скорее, не разрыв, а попытка перестроить имеющиеся отношения (сделать из тюрьмы «увеселительный замок»). Попытка найти выход грозит безумием. Причем

можно полагать, что Ф.К. говорит о безумии в прямом, а не метафорическом смысле. Жениться, самому стать отцом – значит быть захваченным анонимным тираническим миром отца. Смысл безумия (психоза), в лакановской перспективе, состоит в том, что исключенное, т. е. никогда не приходившее в место Другого, «имя отца» призывается в это место для символического противостояния субъекту. Можно предположить, что у Ф.К. «имя отца» изначально отсутствует в месте Другого. Пустота в означаемом вызывает хаотичную перестройку означающего, путаницу смыслов, ценностей и представлений, в свою очередь приводящую к катастрофе в воображаемом, которая продолжается до тех пор, пока означаемое и означающее не уравниваются друг друга в найденной бредом метафоре. Безумие, о котором говорит Ф.К., – это захваченность фигурами, символическая основа которых – «имя отца».

Текст Ф. Кафки (3)

Но отчасти именно этой тесной связью и привлекает меня женитьба. Равенство, которое после того установилось бы между нами и которое пришлось бы Тебе по душе как никакое иное, мне представляется именно потому столь прекрасным, что я смог бы тогда стать свободным, благодарным, избавленным от чувства вины прямодушным сыном, а Ты – ничем не омрачаемым, недеспотичным, полным сочувствия, довольным отцом. Но чтобы достигнуть этой цели, надо сделать все случившееся неслучившимся, то есть вычеркнуть нас обоих.

Анализ

Что и почему: женитьба – одно из важных действий в мире отца, возможно, даже императив этого мира, мира тотального производства и воспроизводства, мира функциональности, основанного на метафоре капитала, где действуют экономические логики пола и производства. Женитьба – своего рода инициация, и Ф.К. она привлекает равенством, которое она способна установить между ним и отцом. А такое равенство, возможно, приведет к эмоциональному благополучию и хорошим отношениям с близкими: Ф.К. станет таким, каким его ожидают увидеть в мире отца. Однако столь радужная перспектива невозможна просто в силу того, что для этого нужно быть другим человеком – иметь другого отца, другую биографию и т. д.

Текст Ф. Кафки (4)

Но раз мы такие, какие есть, женитьба не для меня как раз потому, что эта область целиком принадлежит Тебе. Иногда я представляю себе разостланную карту мира и Тебя, распростертого поперек нее. И тогда мне кажется, будто для меня речь может идти только о тех областях, которые либо не лежат под Тобой, либо находятся за пределами Твоей досягаемости. А их – в соответствии с моим представлением о Твоем размере – совсем немного, и области эти не очень отрадны, и брак отнюдь не принадлежит к их числу.

Анализ

Что и почему: Ф.К. отделяет себя и свой мир от мира отца. И брак – область, принадлежащая миру последнего, а потому она не может быть частью мира Ф.К. Мир отца огромен: отец распространяет свою власть на все области, оставляя вне своей досягаемости лишь маленькие фрагменты – вероятно, не обладающие Ф.К. значимостью и не очень отрадны.

Как и почему: Ф.К. позволяет себе ироничный тон, который, подвергая высмеиванию отцовский мир, тем самым снижает его значимость. Возможно,

таким действием Ф.К. пытается утвердить значимость своего мира и своей индивидуальности.

Текст Ф. Кафки (5)

... Существует мнение, будто страх перед браком иной раз проистекает от боязни, как бы дети потом не отплатили нам за то, в чем мы сами согрешили перед собственными родителями...

Но гораздо важнее при этом страх за себя самого. Это следует понимать так: я уже упоминал, что сочинительство и все с ним связанное – суть мои маленькие попытки стать самостоятельным, попытки бегства; они предпринимались с ничтожнейшим успехом и вряд ли приведут к большему, многое это подтверждает. Тем не менее мой долг или, вернее, весь смысл моей жизни состоит в том, чтобы охранять их, сделать все, что только в моих силах, чтобы предотвратить всякую угрожающую им опасность, даже возможность такой опасности.

Анализ

Что и почему: страх перед браком – не столько страх за то, что грех плохого отношения к собственным родителям будет наказан плохим отношением детей. Для Ф.К. страх перед браком – прежде всего страх за самого себя. Занятия литературой, хотя и не очень успешные, представляют для Ф.К. немалую ценность: это и есть доступное ему средство обрести самостоятельность. Возможно, это то, что в мире отца не имеет никакой значимости – не получит ни успеха, ни признания, иными словами, останется ребячеством, никак не включенным во взрослый мир «прибавочной стоимости». Но это мир Ф.К., и он должен его охранять. Быть может, это единственный мир, позволяющий Ф.К. оставаться собой и, возможно, укрепляться в своей идентичности.

Текст Ф. Кафки (6)

Брак таит в себе возможность такой опасности, правда, он же может стать и величайшим вдохновителем, но для меня достаточно того, что он таит такую опасность. Что я стану делать, если он действительно окажется опасностью! Как я смогу жить в браке с ощущением этой опасности, ощущением, может быть, и необъяснимым, но тем не менее неопровержимым! Перед такой перспективой я, правда, могу колебаться, но конечный исход predetermined, я должен отказаться.

Анализ

Что и почему: брак таит в себе опасность – он может угрожать литературным занятиям, и это толкает Ф.К. на то, чтобы отказываться от брака. Почему брак таит опасность? Литература противостоит серьезному миру «экономических» (экономических и в социальном, и в психоаналитическом смысле) отношений: экономике производства, пола, желания. Вступить в брак для Ф.К. означает принять требования этого мира и в некотором смысле стать тем, кто есть его отец, а значит, предать то, чем является он сам. Главенство цели над текущей жизнью – принцип взрослости. Ф.К. не хочет быть отцом и, вероятно, не хочет быть взрослым. Он хочет продолжать свои литературные игры, хочет длить свою детскую до-фаллическую сексуальность (сам акт письма у Кафки наполнен эротизмом, что действительно можно интерпретировать как фиксацию либидо на до-фаллической стадии). В пользу этой интерпретации говорят и особенности созданных Кафкой образов: своих героев он наделяет скандальностью, беззаботностью, ребячеством и какой-то странной позицией бесцельного следования прихотям.

Текст Ф. Кафки (7)

Поговорка о журавле в небе и синице в руках очень мало подходит здесь. В руках у меня пусто, в небе же все, и тем не менее я должен выбрать эту пустоту – так решают условия борьбы и бремя жизни...

Анализ

Что, как и почему: «пустота в руках» – выбранный Ф.К. мир его литературных попыток. Возможно, Ф.К. сам переживает незначительность своих литературных поисков. Возможно, здесь присутствует некоторая игра, в конечном счете производящая инверсию смысла, и литература – та ценность, оценить которую на языке экономических ценностей невозможно. «Условия борьбы и бремя жизни» – Ф.К. вступает в борьбу, в которой никогда не сможет одержать победу: победившее ребячество перестает быть ребячеством – оно само приобретает те качества, которые делают его частью упорядоченного мира экономического обмена. Но в таком случае не предать себя – значит парадоксально вести борьбу за то, чтобы оставаться изгоем в этом мире, сохраняя нелогическую, не-фаллическую, не-упорядоченную чистоту ребяческих грез.

В заключение приведенного анализа сделаем несколько пояснений общего характера относительно занимаемой нами интерпретативной позиции. Помимо теоретической перспективы, обозначенной Ж. Лаканом, мы обратились к интерпретации Символического, близкой постфрейдизму (в частности, Дж. Батлер (2002)), а также к некоторым идеям Ж. Батая (1994). Кроме того, в ценностном плане для нас было важным дать интерпретацию части внутреннего мира Кафки, по возможности в позитивных терминах, не прибегая к задачам психотерапевтического дискурса, как правило, предполагающего понимание смысла в перспективе проблемы и ее возможного решения, а потому уделяющего большое значение «структуре дефекта», признакам дефицитарности анализируемой субъективности и т. п. (примеры такого дискурса можно найти в психотерапевтических анализах случая). Представленный «случай Франца Кафки» можно назвать «клиническим» лишь в том смысле, что в центре его – унаследованный от психоанализа интерес к глубинам человеческой личности.

Заметим, что мы предприняли пошаговый анализ фрагмента письма Кафки. Процесс понимания фрагмента носил характер *герменевтического круга*: изначальное пред-понимание целого, которое составили не только совокупность общих знаний о Кафке и интересующая нас теоретическая платформа Ж. Лакана, но и ряд ценностных установок по отношению к «маргинальным» моментам человеческой жизни, направляло понимание отдельных частей, которое, в свою очередь, дополняло, корректировало либо видоизменяло понимание целого. Надо сказать, что пошаговый анализ не часто практикуется в интерпретативных исследованиях, сторонники которых предпочитают работать с материалом как целым, и в этом есть свой смысл. Разбиение текста на фрагменты и поэтапное извлечение смысла из выделенных единиц может выхолащивать понимание, поскольку нередко утерянными для интерпретатора оказываются целостные смысловые контексты. Но, с другой стороны, пошаговый анализ способен удерживать исследователя, так сказать, близко к «телу» текста, создавать условия для

большого контакта исследователя с данными. К тому же пошаговый анализ не перечеркивает возможности работы с материалом как целым: и тот и другой типы анализа можно гибко сочетать друг с другом.

Качество интерпретаций. Итак, процесс интерпретации может быть отчасти упорядочен благодаря постановке вопросов к тексту. Однако все-таки в большинстве интерпретативных подходов (исключение составляет лишь подход обоснованной теории, который, по нашему мнению, тоже может быть отнесен к интерпретативным) процедура анализа практически не поддается жесткой систематизации. В силу того что каноны «хорошей науки» в отношении процесса интерпретации весьма размыты, трудно определить критерии, позволяющие оценивать качество интерпретаций. Однако, по нашему мнению, это вовсе не означает, что интерпретативное исследование ближе к искусству, чем к науке. Такое суждение базируется на представлении о науке как механистическом предприятии, результаты которого однозначно вытекают из метода и, следовательно, универсальность которого гарантирована использованием жестких алгоритмов и процедур. В 1-й главе мы довольно подробно остановились на свойственном психологам стремлении подвести процедуру обоснования достоверности к единому алгоритму (на примере распространенной практики проверки значимости статистических гипотез) и показали, что подобные стремления ведут лишь к ряду курьезов. Единого алгоритма обоснования достоверности и научной значимости полученного знания не существует – для исследователя это всякий раз новая задача. Психологу, проводящему интерпретативное исследование, необходимо максимально подробно и четко эксплицировать свою теоретическую и социальную позицию, описать процедуру сбора и анализа данных и показать, что в свете его позиции и имеющихся у него данных интерпретация, которую он предлагает, наиболее вероятна. Каким образом возникла именно эта интерпретация – ключевой вопрос, ответ на который интерпретатор должен представить читателю, чтобы последний мог оценить ее достоинства и недостатки.

С позиции интерпретативных подходов, знание всегда есть результат взаимодействия познающего и познаваемого, перспектива и пред-понимание исследователя изначальны направляют интерпретацию феномена, которая всегда открыта изменениям по мере того, как изменяется в процессе взаимодействия с феноменом изначальное пред-понимание исследователя. Как справедливо замечает С. Фиш (Fish, 1980), интерпретатор, читая текст, не вычитывает некий *истинный* смысл текста, но истолковывает этот смысл, основываясь на искусстве *вопросания*. Однако представление о том, что нет «уже готового» смысла, отнюдь не означает, что мы неизбежно приходим к культивированию произвольности и субъективизма, поскольку сами пути создания смысла ограничены теми институтами и сообществами, частью которых интерпретатор является. «...Смыслы не объективны и не субъективны, – пишет С. Фиш, – по крайней мере, в том

значении, которое придают этим терминам сторонники традиционной системы представлений: они не могут быть объективными, поскольку всегда являются продуктом той или иной точки зрения... и они не могут быть субъективными, поскольку точка зрения всегда имеет социальную или институциональную природу» (*Ibid.*, p. 335–336). Если смысл текста в самом деле есть функция интерпретативного сообщества, то достижение *интерпретативного согласия* внутри этого сообщества и может выступать конечной целью интерпретатора: исследователь, проводящий интерпретативное исследование, подробно эксплицирует процедуру исследования и свою позицию в отношении данных, и если члены интерпретативного сообщества, приняв перспективу исследователя, смогут согласиться с его интерпретацией, то она обретает статус «валидной» или «истинной» – по крайней мере, до тех пор, пока не будет предложена лучшая, с точки зрения этого сообщества, интерпретация.

Однако представленный контроль качества интерпретации посредством «переговоров» с читателем по-своему проблематичен. Безусловно, такая форма контроля качества исследования, при которой речь идет не о достижении некоего абсолютного знания, но лишь о смелости исследователя «выложить карты на стол» и отдать свое «творение» на суд сообществу, весьма позитивна, поскольку в ней подчеркивается диалогический характер непрерывного производства знания в процессе взаимодействия между людьми и достижения согласия. Но интерпретативное сообщество никогда не бывает однородным, существует множество дискурсивных контекстов (не только теоретических, но социальных, политических, ценностных), с которыми члены сообщества могут соотносить (порой бессознательно) свою позицию, поэтому ориентация на достижение абсолютного консенсуса, пожалуй, выглядит несколько утопично. Кроме того, как мы уже отмечали, говоря о качестве категорий, сообщество часто бывает весьма консервативным и всячески защищается от новизны...

Во 2-й главе мы подробно говорили, что для того чтобы исследование было валидным, необходимо разрабатывать внутренние механизмы самокоррекции, встроенные в исследовательский процесс, ответственность за который целиком лежит на самом исследователе. И в качестве главного механизма самокоррекции может выступать «испытывание» интерпретативных конструкций «на прочность» – позиция, близкая критическому рационализму К. Поппера.

Если же все-таки попытаться выделить более формальные критерии качества интерпретаций, то ими могли бы быть логическая ясность, эмпирическая верифицируемость и адекватный масштаб. Смысл первых двух критериев достаточно очевиден, последний же критерий требует некоторого пояснения. Мы попытаемся сделать его яснее на примере «от обратного» – проанализировав интерпретацию, которая, по нашему мнению, критерию адекватности масштаба не отвечает.

Пример

Неадекватность масштаба интерпретации²⁰

В книге К. Ратнера приведена интерпретация небольшого фрагмента диалога, авторы которой – Ш. Роу, Дж. Верч и Т. Косьева. В своей интерпретации указанные авторы исходят из мнения, что современным людям в большей мере свойственно не отражать социальные смыслы, а конструировать смыслы личностные. Социальные смыслы авторы называют вне-личностными, монолитными и статичными. Они подчеркивают, что индивиды всегда активны в своем восприятии культурного мира – они никогда не бывают просто пассивными реципиентами социальных значений; напротив, они склонны трансформировать эти значения в нечто для себя лично значимое. Данную точку зрения, как считают авторы, иллюстрирует короткий разговор. Дело происходит в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже. Две девушки (К. и S.) рассматривают картину XIX века, на которой изображен Зимний дворец и его окрестности:

К.: Смотри, я как-то жила целое лето в Петербурге у своей подруги в ее квартире прямо вот на этой улице.

S.: Ты жила прямо здесь?

К.: Да, не именно в этом доме, но по этой улице, немного сюда, и я могла каждый день прогуливаться пешком до площади.

Авторы утверждают, что девушки в данном диалоге трансформируют социальные смыслы в личностные. «Вместо того чтобы “подтягивать” автобиографические нарративы к официальной культуре, что могло бы частично способствовать обогащению последней, мы полагаем, говорящий в данном нарративе демонстрирует бегство из сферы общественной памяти. Посетители музея отказываются войти в пространство общественной памяти музея. Они создают собственный смысл посредством собственных слов».

Но неужели девушки говорят об этом? – задает вопрос Карл Ратнер. Отказываться, бегать от чего-либо – значит активно это отрицать. В таком случае мы должны были бы наблюдать здесь выражение неудовольствия и неприятия. На самом же деле одна девушка просто делает замечание, что она когда-то жила в том месте, которое изображено на картине. Нет никаких указаний, что она «бежит из сферы общественной памяти» или не хочет в нее вступать. Вторая девушка еще менее экспрессивна: она просто делает уточняющий вопрос. Мы согласны с К. Ратнером, что в интерпретации интенций приведенного диалога нет никаких оснований использовать столь сильные термины (бегство, отрицание, создание собственных смыслов). Подобные интерпретации Ратнер называет «импрессионистическими»: авторы, по мнению Ратнера, в большей мере эмоционально захвачены своими собственными теоретическими воззрениями, нежели следуют реальному эмпирическому материалу. По нашему мнению, приведенная интерпретация не столько эмпирически обосновательна, сколько в ней нарушено соответствие между эмпирическими данными и выбранными для их понимания теоретическими концептами, иными словами, масштаб предлагаемой интерпретации неадекватен материалу.

²⁰ Пример взят из книги К. Ратнера «Культурная психология» (Ratner, 2002).

В интерпретативных исследованиях нередко можно столкнуться с проблемой гиперинтерпретации, т. е. с тенденцией исследователя давать замысловатые интерпретации там, где интерпретации такого уровня вообще не требуются. Проблема гиперинтерпретации является центральной темой остроумного романа Умберто Эко «Маятник Фуко», герои которого выстраивают накрученные интерпретативные конструкции «тайных знаков», держа в руках, по-видимому, обыкновенный товарный чек.

Как нам представляется, гиперинтерпретации и нарушения масштаба интерпретаций встречаются в психоаналитических описаниях, в особенности тех, которые ориентируются на идеи Ж. Лакана, когда последние используются для понимания довольно простых ситуаций (типа боязни Бабы Яги маленьким мальчиком – этот случай подробно разбирался на одном из русско-французских семинаров по лакановскому психоанализу). Думаем, что для таких случаев более адекватной по своему масштабу могла бы быть более простая интерпретация, к примеру, в терминах семейной динамики. С нашей точки зрения, сложные и весьма затейливые интеллектуальные построения хороши тогда, когда мы имеем дело с таким же сложным, затейливым материалом. В других же случаях, и сторонники феноменологического анализа здесь во многом правы, лучше держаться очевидного. В конечном счете, как говорит У. Эко, иногда (и не столь уж редко) «фиги в корзине» означают просто фиги в корзине.

На наш взгляд, когда речь заходит о необходимости оценки качества качественного анализа, исследователям приходится сталкиваться с дилеммой: нужно ли ориентироваться на поиск единого смысла, заключенного в данных, или лучше допустить возможность множества равноправных смысловых позиций. Заметим, что направленность на поиск единого смысла отнюдь не означает культивирования онтологической составляющей классического концепта *объективности* научного знания как отражения реального положения дел – речь может идти о движении к универсальной точке зрения, которая получает конкретное воплощение, например, в intersubъективном согласии с результатами исследования всех участников коммуникации, независимо от занимаемой ими теоретической, политической или какой-либо иной позиции. В феноменологических исследованиях такая цель, как мы видели, достигается благодаря использованию экспертных оценок и техники валидации, осуществляемой респондентами. Однако можно занять и иную позицию, полагая, что единый смысл – цель не только не достижимая, но и не нужная: различные перспективы дают возможность более объемного видения мира и, к тому же, их сохранение препятствует опасной догматизации какой-либо одной точки зрения как единственно верной. Безусловно, позиция плюрализма делает гораздо более размытыми критерии, позволяющие оценивать качество интерпретаций. И идеи об экспликации процедуры, как и идеи о полемико-аргументативном характере интерпретаций, дают лишь общие ориентиры для такой оценки.

Вряд ли сегодня можно однозначно ответить на вопрос, какая из позиций разбираемой нами дилеммы более актуальна. Перспектива множественности взглядов на один и тот же предмет нередко страшит психологов, но, скорее всего, именно потому, что сама психология никогда не знала единства и психологами подобное положение дел продолжает восприниматься как кризис, который необходимо преодолеть. Между тем в других областях знания, например, в философии науки позиция методологического плюрализма во второй половине XX века значительно усилилась (хотя и не получила приоритета). Вообще дилемма единства/множественности смысловых перспектив, на наш взгляд, является одной из характерных особенностей современного интеллектуального климата. Как мы показали во 2-й главе, в философии она получила воплощение в известном противостоянии герменевтических идей «тотальности смысла», опоры понимания на предструктуры жизненного мира (Х.-Г. Гадамер), «рационально мотивированного консенсуса» (Ю. Хабермас, К.-О. Апель) и др., с одной стороны, и постструктуралистских идей рассеянности смысла (Ж. Деррида, Р. Барт), «гетерогенности языковых игр», паралогии как цели дискуссии (Ж.-Ф. Лиотар) и пр. Хотя мы и не солидаризируемся полностью с плюралистической позицией, однако полагаем, что тот ее вариант, который отстаивают многие сторонники качественной методологии (А. Джорджи, С. Квале и др.), весьма продуктивен: в нем подчеркивается необходимость (и возможность) достижения понимания друг друга теми позициями, между которыми сохраняется разногласие. По нашему мнению, такой взгляд на плюрализм исследовательских перспектив отчасти сглаживает их разобщенность и вместе с тем способствует сохранению открытости любого содержания для критики и пересмотра в свете альтернативных позиций.

Подведем основные итоги нашего рассмотрения различных подходов к анализу текстовых данных. Как мы попытались показать, в области качественной исследовательской методологии разработаны способы анализа данных, отличающиеся достаточной точностью и систематичностью. Вместе с тем большинство аналитических техник предполагает «восхождение» от первичной описательной организации данных к их концептуальному видению. Движение в сторону собственно интерпретативных и концептуальных построений в свою очередь делает актуальной оценку полученного знания не столько с точки зрения точности метода, сколько с позиции глубины осмысления проблем. Чем дальше продвигается исследователь по пути к концептуальному видению, тем большее значение для контроля знания приобретают процесс «переговоров» с читателем и формы рациональной аргументации исследователя.

Обратим внимание, что в качественной исследовательской методологии движение к единому смыслу и универсальность понимания характерны, скорее, для тех типов анализа, которые культивируют описательную работу с данными, не предполагающую выхода за рамки наиболее очевидных

смыслов (на примере феноменологического описания мы показывали, что такая работа также интерпретативна, но интерпретация в этом случае отличается от других типов собственно интерпретативной работы рядом особенностей, что и позволяет обозначать ее словом «описание»). Анализ, цель которого – интерпретативные и концептуальные построения, основывается, как правило, на позиции перспективизма, иными словами, он предполагает возможность множества смысловых перспектив. В последнем случае опасной для науки позиции радикального релятивизма в качественных исследованиях, на наш взгляд, все же удастся избежать: отчасти с проблемой множественности прочтений позволяет совладать критический принцип «испытывания интерпретаций на прочность», который дает возможность отбраковывать неудачные, неэкономичные и не согласующиеся со всем комплексом данных выводы. Однако мы склонны думать, что критическая проверка не отменяет множественности перспектив, из которых можно смотреть на данные. Более того, мы полагаем, что плюрализм, отстаиваемый многими сторонниками качественной методологии исследования, сегодня весьма продуктивен, поскольку способствует сохранению критического взгляда на любые формы догматизма. К тому же, как нам представляется, плюралистическая позиция сторонников качественных исследований согласуется с формой новой рациональности, которая не сводится лишь к аргументированному опровержению мнений оппонента, но предполагает прежде всего «умение встать на точку зрения другого, посмотреть на себя и собственную позицию с этой иной точки зрения и вступить в плодотворный диалог с иными взглядами, не отказываясь от собственных» (*Лекторский, 2001, с. 74*).

Дискурс-аналитические подходы в психологии

О дискурсивном повороте в психологии – повороте к исследованию психологических феноменов посредством анализа дискурса, т. е. языка в его социокультурных и интерактивных аспектах, – говорят последние 20–30 лет. В этом движении психология обращает внимание на методологии, разработанные в других гуманитарных дисциплинах, прежде всего в лингвистике, социальной философии и философии языка. Сегодня можно говорить о нескольких типах дискурс-аналитических исследований, зарекомендовавших себя в психологии: это дискурс-анализ, опирающийся на идеи Л. Витгенштейна (анализ правил употребления тех или иных слов, касающихся, например, эмоциональной сферы; анализ грамматики языка и т. п.); дискурс-анализ, опирающийся на структурно-семиологические и постструктуралистские идеи, а также критический дискурс-анализ, использующий идеи социальных теорий критики идеологии (соответственно подобного рода психологические исследования выглядят наиболее философски нагруженными); дискурс-анализ, берущий начало в этнометодологии и разговорном анализе (*conversational analysis*); позиционный анализ; анализ дискурса в рамках идей М.М. Бахтина и некоторые другие.

Характеризуя философские основания дискурс-аналитических подходов в 1-й главе, мы подчеркивали, что одной из ведущих идей, на которые они опираются, выступает представление о конститутивной роли языка. На наш взгляд, радикализация этой идеи, характерная для сторонников дискурс-аналитических подходов, имеет важнейшие следствия для того типа анализа данных, который в этих подходах предлагается. Дискурс-анализ становится не просто одной из форм работы с данными, которую можно сочетать с другими типами анализа, но превращается в своеобразную эпистемологическую перспективу, в своих базовых допущениях и установках значительно отличающуюся от привычных для психологии интерпретативных перспектив с понимаемыми в них формами психологической интерпретации.

По сути, различные варианты психологической интерпретации исходят из одной и той же предпосылки, а именно из трансцендентальной антропологии и герменевтики с ее неповторимой субъективностью. Вообще герменевтика как учение о принципах истолкования текстов во всех ее вариантах имеет теологические корни, будучи наследницей библейского образа истории, центрированного вокруг фигуры Творца и противопоставленного античному круговороту стихий (*Руткевич, 1997*). За текстом мы всегда находим творца, не Бога, но человека-творца, эмпирического автора. Наша расшифровка претендует на установление некоего окончательного смысла, идущего от этого автора и предполагающего мир его душевных движений. Мы исходим из того, что за текстом мы можем и должны – в этом наша задача – увидеть неповторимую субъективность автора. Мы как бы «упираемся» в нее.

Однако ведь за текстовыми данными совсем необязательно предполагать психическую субъективность автора. Во-первых, потому, что текст во многом обусловлен словарем, тем или иным социолектом, языковыми играми, определенными системами коннотаций, свойственными социальным и культурным группам, и т. п. В этом смысле сама личность оказывается иерархией дискурсов: человек никогда не ведет индивидуальную игру, скорее, он является той сценой, на которой свою игру разыгрывают социальные дискурсы. И в таком случае невозможно помыслить личность как стабильную, целостную, имеющую свою индивидуальную сущность без того, чтобы определить уровень дискурса, внутри которого она сконструирована. А во-вторых, даже если предположить, что за текстом все же стоит субъективность автора, то «вычитать» ее практически невозможно, поскольку у текста, как говорит Р. Барт, нет «тайны», он не обладает единым значением и может быть множественно прочитан (*Барт, 1994б*). Кстати, автор как некоторая эмпирическая сущность – достояние Нового времени. В более ранних культурах авторству, по-видимому, не уделялось никакого значения. Только в последние века, как показывает М. Фуко, автор стал центральной фигурой, тем, от кого «требуют, чтобы он отдавал себе отчет в единстве текста, который подписан его именем» (*Фуко, 1996б, с. 62*). Мы живем в мире, пишет Фуко, где автор – это то, что «лишающему покоя языку вымысла дает формы его единства, узлы связ-

ности, прикрепление к реальности» (*Там же*, с. 62–63). Однако после интеллектуальных опытов постструктурализма с его лаконичной формулой «смерти автора» об авторе действительно говорить трудно.

Наверное, М. Фуко во многом прав, говоря уже не о «смерти автора», а о «смерти человека» (*Фуко*, 1994). В работе «Слова и вещи» он сделал парадоксальное заявление, согласно которому человек – лишь недавнее изобретение культуры: он стал теоретической загадкой для самого себя лишь в конце XVIII – начале XIX веков (и тому есть свои предпосылки). И вот теперь, пишет Фуко, мы наблюдаем закат подобного – «антропологического» – типа познания: человек, т. е. образ человека, уже близок к исчезновению и, возможно, исчезнет, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (*там же*, с. 404). Безусловно, понимать заявление Фуко нужно не буквально. На наш взгляд, в формуле Фуко о «смерти человека» схвачена важная особенность, характерная для современных размышлений о человеке – если не для всех, то, по крайней мере, для значительной и очень влиятельной их части (и дискурс-аналитические подходы в психологии – в их числе). Вчерашняя загадка для самого себя, требующая познания и самопознания через раскрытие собственных биологических, социальных и бессознательно-психических детерминант, человек как индивидуальная самость сегодня уступает место интересу к тем элементам, которые его производят и конструируют, которые придают ему культурную форму, – прежде всего к языку, к символическому, к дискурсивным практикам. В западных психологических исследованиях интерес к языковым моментам подчас настолько силен, что из виду ускользает сам предмет психологии: растворяясь в гипертекстуальности, личность превращается в литературную условность, а психический мир оказывается сведенным к культурно-символическим ресурсам и социальным позициям. Во всяком случае, та форма анализа, которая предлагается в дискурс-аналитических подходах, больше напоминает культурную антропологию и социолингвистику, чем собственно психологию (по крайней мере, ту психологию, к которой мы привыкли).

Итак, как мы уже отмечали, языковые конструкции в дискурс-аналитических исследованиях рассматриваются как дискурсивные действия. Фокус исследования перемещается с описания исследуемых феноменов как части внутренней жизни на их понимание в качестве конструкций бесед или письменной речи индивидуумов, касающихся определенных событий. На наш взгляд, разница между имеющимися формами дискурс-анализа – в понимании контекста и субъекта высказывания. Анализ «грамматики языка» («грамматический» анализ) (*Харпе*, 1995; 1996; *Harré, Gillet*, 1994) и исследования, основанные на идеях постструктуралистов (критический дискурс-анализ, или КДА) (*Wetherell*, 1998; *Wetherell, Potter*, 1992), как правило, предполагают обращение к более широкому социальному контексту, делающему возможными те или иные формы человеческого взаимодействия. В наиболее радикальных вариантах человек становится сценой, на

которой воплощают себя различные дискурсы. Странники этнометодологии и разговорного анализа (напр., *Schegloff*, 1997) изучают детали использования языка как действия в социальном взаимодействии без систематического анализа связей между деталями текста и более широкими социальными и культурными процессами и структурами; контекст взаимодействия, который учитывается в этом случае, локальный – это контекст непосредственной интеракции, а субъекты дискурса – эмпирические участники коммуникации. Позиционный анализ (*Bamberg*, 1997; *Davies, Harré*, 1991) и исследования, построенные на применении идей Бахтина в области эмпирической психологии (*Skinner et al.*, 2001), представляют собой синтетические точки зрения, в определенном смысле объединяющие две предыдущие: в них делается попытка учитывать как контекст взаимодействия, так и более широкий социальный контекст, признается активная роль и говорящего, и самих структур дискурса. Впрочем, наше разделение подходов, как и любые формы аналитической классификации, весьма условно: в реальности мы можем говорить лишь о некоторых тенденциях, свойственных тому или иному подходу (или автору), и разделять их не по абсолютной выраженности какого-либо показателя, а по относительной, т. е. сравнивая их друг с другом.

Мы можем отобразить упомянутые подходы на континууме, полюса которого заданы широким контекстом социальных практик, с одной стороны, и контекстом интеракции – с другой:

Широкий социальный контекст	Контекст интеракции
Постструктурализм КДА (М. Уезерелл, Д. Эдвардс)	Дискурс-анализ (Дж. Поттер)
«Грамматический» анализ	Диалогический анализ
	Позиционный анализ
	Анализ разговора

а также на континууме, отражающем понимание субъекта высказывания:

Субъект – продукт дискурса	Субъект – отправная точка дискурса
Постструктурализм КДА	Дискурс-анализ (Дж. Поттер)
	Диалогический анализ
	Позиционный анализ
	Анализ разговора

Ниже мы очень коротко остановимся на нескольких дискурс-аналитических подходах, представленных на схемах, и рассмотрим, как «позиционируется» человек и его психический мир в каждом из них.

«Грамматический анализ» психологических понятий. Сама идея использовать грамматический анализ, чтобы понять, что собой представляют психологические состояния, принадлежит Л. Витгенштейну (*Витгенштейн*, 1994в). По крайней мере, именно его влияние обусловило развитие «дискурсивной онтологии» (*Харпе*, 1995; 1996) и «лингвистических» программ исследования психологических феноменов (*Харпе*, 1995; *Billig*, 1986; *Harré, Gillett*, 1994 и др.).

Идеи Л. Витгенштейна для психологии весьма необычны, во всяком случае они значительно отличаются от всего того, что принято относить к

области «психологического знания». К тому же в отечественной психологии философия Витгенштейна практически не обсуждается в контексте ее возможного вклада в наше понимание, что есть человеческая психика. Что же касается западной психологии, то можно сказать, что влияние на нее философских идей Витгенштейна является одним из самых значительных.

До сих пор не совсем ясно, была ли у самого Витгенштейна программа позитивной психологии (Jost, 1995). Целый ряд его замечаний в адрес философии психологии, кажется, исключает саму возможность эмпирической психологии вообще (см.: *Витгенштейн*, 1994в, с. 319; *Wittgenstein*, 1980, § 92). Однако если вдуматься, то замечания Витгенштейна лишь проблематизируют свойственную психологам привычку полагать, будто «психология есть изучение способностей и поведения индивида с точки зрения того, что происходит внутри этого индивида» (Williams, 1985, p. 208). Критика Витгенштейна как раз и направлена против «менталистской» психологии, согласно которой психологические процессы есть приватные ментальные переживания, логически независимые от внешнего или наблюдаемого состояния индивида и его окружения. Можно сказать даже несколько шире, что критика Витгенштейна направлена на индивидуалистические подходы вообще, к которым можно отнести большинство направлений современной психологии (Jost, 1995). «Индивидуалистические» подходы можно определить как «философские концепции, которые занимаются поиском личностных интенциональных ментальных феноменов исключительно в терминах того, что случается с человеком, что происходит внутри него и как он отвечает на собственное физическое окружение, без какой бы то ни было сущностной отсылки к контексту, в котором находятся он сам или интерпретатор его ментальных феноменов» (Т. Бердж, цит. по: Jost, 1995, p. 7). Витгенштейн же прямо утверждал, что было бы заблуждением принимать поведение за «знаки ментальных процессов», и критиковал представление, согласно которому эксперименты могут прояснить «загадочную» природу мыслительных процессов. И предметом критики Витгенштейна становятся не только когнитивистские допущения, подобные идее мышления как процесса «в чьей-то голове», но и вообще представления о возможности редуцировать психологические «феномены» к любым индивидуальным состояниям – будь то ментальные, эмоциональные, физиологические или поведенческие состояния.

«Как можно описать человеческое поведение? – задает вопрос Витгенштейн. – Очевидно, лишь делая набросок действий множества людей, как если бы они были перемешаны друг с другом. Наши оценки, концепты и реакции определяет не то, что данный человек делает в настоящий момент, не индивидуальные действия, но целая сумятица человеческих действий, фон, на котором мы наблюдаем любое действие» (Wittgenstein, 1967, § 567). Иными словами, нашу оценку или описание психологического статуса индивида обуславливает не его индивидуальное поведение. По Витгенштейну, нельзя понять что-либо как интенцию, намерение или целенаправлен-

ное поведение в отрыве от остального мышления и жизни субъекта и в отрыве субъекта от паттерна жизни, который обеспечивают его социальные условия. Для того чтобы дать адекватное психологическое описание, нужно иметь в виду социальные практики «формы жизни» субъекта.

И вот здесь Витгенштейн предлагает свой собственный план «лечения» психологических понятий: с его точки зрения, постижение психического мира должно начинаться с исследования «грамматики», конституирующей повседневные описания и выражения психического мира. Витгенштейн утверждал, что его собственное исследование – «грамматическое», т.е. представляет собой лингвистический анализ понятий. Согласно Витгенштейну, для того чтобы «схватить» природу ментальных состояний (если таковая существует), нужно обратиться к «грамматике». Причем заметим, что Витгенштейн в своем анализе пытается преодолеть метафорический («дегенеративный») тип описания и по возможности дойти до буквального прочтения термина.

Поскольку Витгенштейн придерживается прагматической теории языка, согласно которой значение выражения определяется его употреблением, психологические выражения нужно понимать, исходя из их грамматических правил или функций, задаваемых исключительно культурными практиками (как пишет Витгенштейн, понятие боли характеризуется его специфической функцией в нашей жизни). По Витгенштейну, определить смысл психологического понятия можно путем выяснения его функциональной роли в обществе. Такой анализ включает, во-первых, изучение релевантных языковых игр, и, во-вторых, помещение их внутрь культурного контекста «формы жизни». Иными словами, согласно Витгенштейну, понять человеческое поведение – значит проанализировать социальные и лингвистические практики общества и социальной группы и показать, как психологические акты и выражения встроены в этот контекст. Его грамматический план лечения психологических понятий основан на анализе «системы референций», «фона», отталкиваясь от которого, можно интерпретировать действие.

Именно эти лингвистические рекомендации Витгенштейна и были в основном восприняты психологами, начавшими масштабные исследования психической «реальности» посредством обращения к соответствующим «языковым играм». По нашему мнению, излишний акцент на «языковых играх» – следствие достаточно узкого прочтения наследия Витгенштейна: можно полагать, что «Философские исследования» дают хорошую возможность критически подойти к той «лингвистической тюрьме», возведение которой нередко приписывают Витгенштейну. В частности, внимательная интерпретация понятия «формы жизни», к которому обращается Витгенштейн, позволяет соотнести его с рядом феноменологических идей Э. Гуссерля (2004), М. Мерло-Понти (1999) и С. Страссера (Strasser, 1969), связанных с разработками ими тем «жизненного мира», «одушевленного тела» (или «тела-субъекта») и его эмоциональной составляющей, что, в свою очередь, выводит на иные, нежели язык, аспекты человеческого существования.

Однако нельзя сказать, что сам Витгенштейн своими «лингвистическими исследованиями» не дал повода к развитию «дискурсивной акцентуированности» ряда направлений психологии, воспринявших его идеи. В любом случае, он предложил весьма необычный взгляд на то, что есть психология: практикуемое им «грамматическое исследование» психологических понятий позволило сдвинуть интерес с отдельного индивида к социальным практикам, в которые этот индивид включен. Вполне вероятно, что такой ракурс релевантен эмпирической психологии, но требует от нее радикального пересмотра собственных оснований (что, собственно, и делают последователи Витгенштейна – к примеру, Ром Харре переосмысляет психологию с точки зрения новой «дискурсивной онтологии», полагая в качестве ее предмета дискурсивные практики и языковые конвенции).

Дискурс-анализ по Дж. Поттеру и М. Уезерелл. Выделение репертуаров интерпретации. Данный тип дискурс-анализа предложен в книге Дж. Поттера и М. Уезерелл (*Potter, Wetherell, 1987*). Именно представления этих авторов легли в основу многочисленных на сегодняшний день дискурс-аналитических исследований психологических феноменов, в частности, исследований в области социальной психологии.

Одна из идей, положенная в основу дискурс-анализа Поттером и Уезерелл, – идея функциональности языка: люди используют язык, чтобы делать что-то, достигая определенных результатов. Можно говорить о двух важнейших аспектах, вытекающих из этой идеи функциональности языка. Во-первых, при помощи языка люди конструируют определенный образ мира и самих себя – и тогда задачей дискурс-анализа является прослеживание путей и результатов такого конструирования. Во-вторых, функциональность языка предполагает принятие инструментальной модели коммуникации: в ходе реальных интеракций человек использует язык, чтобы добиться конкретных целей взаимодействия; высказывания не столько отражают личностные особенности говорящего (как в репрезентационной модели коммуникации), сколько встроены в диалог и выполняют в этом диалоге определенные функции – функцию самопредъявления и функцию оказания воздействия на слушателя, чтобы вызвать у него определенную реакцию; и тогда задача дискурс-анализа – обнаружить эти действия, осуществляемые посредством высказываний: как именно говорящий предполагал воздействовать на слушателя, какую реакцию хотел вызвать и т. п.

Мы остановимся в основном на той форме дискурс-анализа, в которой решается первая из отмеченных нами задач – а именно на дискурс-анализе способов конструирования реальности.

С точки зрения Поттера и Уезерелл, язык – средство построения вокруг нас социального мира или его вариантов. Компоненты психологического мира (мышление, память, установки и т. д.) рассматриваются ими как дискурсивные действия. Одной из конкретных задач дискурс-анализа по Пот-

теру и Уезерелл является выделение *репертуаров интерпретации* (или *интерпретативных репертуаров*). Под интерпретативными репертуарами понимаются «периодически используемые системы терминов, которые характеризуют и оценивают действия, события и другие явления. Репертуар... составляется из ограниченного спектра терминов, использующихся только в стилистических и грамматических конструкциях. Часто репертуар формируется вокруг специфических метафор или фигур речи...» (*Potter, Wetherell, 1987, p. 149*). По сути, в дискурс-анализе Поттера и Уезерелл речь идет о выделении интерпретативных приемов, при помощи которых люди конструируют свои версии мира и самих себя. Кроме того, это те приемы, с помощью которых говорящие (или пишущие) убеждают слушателя (читателя). Интерпретативные репертуары имеют социальную природу – они заимствуются индивидами из культурного контекста представлений и верований, но всякий раз их использование оказывается подчинено конкретным коммуникативным интенциям говорящего/пишущего. Надо сказать, что М. Уезерелл в ее сегодняшних работах является сторонником критического дискурс-анализа: в ее исследованиях репертуары интерпретации очень близки по смыслу социальным идеологиям, непосредственно связанным с практиками доминации. В варианте, предложенном ею совместно с Поттером, критическая составляющая дискурс-анализа уходит на второй план.

Более детально технику дискурс-анализа Поттера и Уезерелл можно проследить на примере исследования П. Калая и А. Хейкинен, посвященного изучению атрибуций.

Пример

Атрибуции в рамках дискурсивного подхода: объяснение успехов и неудач в изучении английского языка как иностранного²¹

В соответствии с выбранным ими подходом авторы рассматривают атрибуции (или причинные объяснения) как дискурсивные действия. В исследовании анализируются языковые конструкции, представленные в сочинениях студентов. Студентов одного из финских университетов просили описать свой опыт изучения английского языка в жанре истории из жизни. Это должен был быть связный хронологический рассказ о них самих. Кроме того, до начала работы над заданием студентам предложили несколько наводящих вопросов (например, таких: «Как Вы впервые познакомились с английским языком?», «Какими были Ваши преподаватели/однокурсники/учебники?», «Как Вы изучали английский язык в начальных, средних, старших классах и высшей школе?»). Студентам предложили писать рассказ, как бы обращаясь к другу.

Полученные таким образом данные обрабатывались при помощи дискурс-анализа с целью выявления интерпретативных репертуаров. Для этой цели авторы проводили процедуры кодирования и категоризации. Кодирование материала проходило в два этапа.

На первом этапе была предпринята попытка выделить каждый случай объяснения успеха или неудачи в изучении английского языка и после этого выделить все выражения причины, использованные в полученных историях.

²¹ Пример взят из: *Калая, Хейкинен, 2002*.

Объяснение определялось как часть беседы, выделяющаяся как разрешение некоторой проблемной ситуации, а причина была действием или событием в каждом из случаев успеха или неудачи. Рассмотрим примеры (1–3):

- (1) Но, в конечном счете, мои языковые навыки заметно улучшились за годы, проведенные в ... (следует название города – *Н.Б.*), потому что я напряженно работала.
- (2) И судьба распорядилась так, что на этот раз мне тоже негде было заниматься.
- (3) Я никогда не общался с носителями английского языка. Я много путешествовал, но не по странам английского языка. Мои практические навыки в английском языке несколько устарели.

Как можно видеть, только в примере (1) у нас есть четкий языковой маркер объяснения (союз «потому что»), обозначающий причинную связь между развитием навыков автора и ее напряженной работой. Напротив, в примерах (2) и (3) объяснения не такие четкие, в них нет таких вводящих объяснение речевых маркеров, как «потому что», «из-за», «благодаря», «вследствие», «в результате» или «следовательно». Однако несмотря на отсутствие явных маркеров объяснения, выражения в этих примерах все же рассматривались как объяснения. В примере (2) выражение «судьба распорядилась так» функционирует как объяснение провала учащегося при поступлении в колледж. В примере (3) студент сначала признает, что он никогда не общался с носителями английского языка; затем он говорит, что и во время путешествий он не сталкивался с английским («путешествовал не по странам английского языка»); и после этого студент заключает, что его навыки английского языка несколько устарели. Мы можем предположить, что в данном рассказе присутствует объяснение: навыки устарели именно потому, что студент не общался с носителями языка, не путешествовал по англоязычным странам. Важно отметить, что в настоящем исследовании студенты понимали термины «успех» и «неудача» каждый по-своему. Так, в примере (1) успех связан с навыками в английском языке в целом, в примере (2) – с институциональным достижением, а в примере (3) – с практическими навыками устной речи. Другими словами, определения не давались исследователями заранее. Напротив, они рассматривались как действия, производимые информантами. Всего при обработке было найдено 185 причин успехов и неудач в изучении языка. На втором этапе кодирования причины были разделены на две группы: одна группа (134 отрывка) касалась успехов, а другая (51 отрывок) – неудач. Величина отрывков варьировалась от нескольких слов до целого абзаца. Полученные две группы данных читались и перечитывались, чтобы найти в них общее и дать ему интерпретацию. Особое внимание уделялось двум аспектам объяснения – манере описания автором своей роли в изучении языка в сравнении с другими и на фоне окружающей обстановки; и описанию автором характера обучения, с учетом среды, приводившей к успеху или неудаче в изучении. В результате анализа было выделено и подробно описано пять интерпретативных репертуаров, или типов отношения обучающихся к своим успехам и неудачам в изучении английского языка. Это: 1) индивидуалистический репертуар (*individualistic repertoire*), 2) натуралистический репертуар (*naturalistic repertoire*), 3) эффективистский репертуар (*efficiency repertoire*), 4) институциональный репертуар (*institutional repertoire*) и 5) фаталистический репертуар (*fatalistic repertoire*).

Обратим внимание, что в приведенном примере часть психической жизни (атрибуции) понимается через ее языковые координаты – как речевые действия. Путем достаточно скрупулезной работы с текстовым материалом (многоэтапного кодирования, «горизонтального» сопоставления категорий, собирания их в обобщающие кластеры и связывания друг с другом) авторы приходят к выделению нескольких интерпретативных репертуаров, которые, по сути, представляют собой символические ресурсы, используемые людьми для осмысления и форматирования определенного опыта (в данном случае – опыта успехов и неудач в изучении иностранного языка). Заметим, что, как и в случае «грамматического анализа» психологических понятий, в данном случае мы тоже имеем дело с дискурсивными аспектами психологического опыта, при этом сам опыт исчерпывается дискурсивной «поверхностью» (если продолжить пространственную метафору, можно сказать, что психический мир лишается «глубины»: он не выражается посредством дискурса, а в некотором смысле существует как дискурс).

В критических вариантах дискурс-анализа, как правило, основанных на ряде постструктуралистских идей (их мы достаточно подробно раскрывали в 1-й главе), в естественно протекающей речи, диалогах, письменных текстах также выделяются системы конструкторов, близкие описанным репертуарам интерпретации. При этом сторонников критического дискурс-анализа интересует, каким образом оказывается возможным именно так, а не иначе осмыслить события, с каким социальным контекстом и властными практиками общества могут быть связаны те или иные способы говорить и думать о самих себе, других людях, событиях и т. д. (*Wetherell*, 1998). Пожалуй, именно критическим аналитикам в наибольшей мере свойственно представление, что субъект «рождается» дискурсом: человек принимает на себя ту субъектную позицию, которая предполагается дискурсом, причем дискурс мыслится в его связи с широким социальным контекстом. Дискурс в понимании теоретиков критического дискурс-анализа чем-то напоминает «концептуальную схему», придающую феноменам определенность, с той лишь разницей, что дискурс представляет собой не статичный репертуар, а многогранный общественный процесс, посредством которого формируются смыслы. В рамках критического дискурс-анализа речь человека осмысливается не как выражение его внутренних установок, привязанностей, особенностей личности, но с точки зрения позиций в дискурсе: исследователю необходимо уловить в речи те дискурсы, которые позиционируют индивидуума, и по возможности проследить борьбу за значение на уровне индивидуального сознания.

Позиционный анализ. В противоположность постструктуралистскому анализу имеющиеся версии позиционного анализа восстанавливают в правах индивидуального субъекта. То же самое можно сказать и об анализе в рамках теории М.М. Бахтина. В отличие от взглядов постструктуралистов (где, как мы видели, субъект – результат или продукт дискурса), здесь субъект

ект – отправная точка. В этом смысле и сторонники Бахтина и представители позиционного анализа ближе к прагматической традиции: вопрос смысла решается ими в сфере межличностных отношений.

Основная идея позиционного анализа заключается в том, что интерпретативные репертуары, нормы и правила, которым подчиняются высказывания, не существуют до актуальной языковой практики; интерпретативные репертуары имманентны актуальным языковым практикам, они встроены в коммуникативную реальность. Язык – не медиум культурных репертуаров и не просто «сцена», где разыгрываются идеологические дилеммы; язык существует только в употреблении, причем интерпретативные жанры и нормативные дискурсы – сами суть формы языка, встроенные в актуальные языковые практики, а не независимые реальности, которыми собеседники лишь последовательно манипулируют в процессе социального взаимодействия (*Bamberg, 1997; Harré, van Langenhove, 1999*).

Отличие позиционного анализа от других форм дискурс-аналитических исследований ярко видно на примере понимания его сторонниками личностной идентичности. Как и в перспективе постструктурализма, идентичность в рамках позиционного анализа имеет дискурсивную природу. Она не может быть сведена к некой «внутренней» структуре индивидуума, который согласно своей личности организует и синтезирует различные языковые и социальные практики, соразмеряя их со своим «внутренним миром». Однако в перспективе позиционного анализа идентичность нельзя рассматривать и как идеологический эффект дискурсов. Скорее, здесь она понимается как интерактивное образование, локальный показатель перспективы или позиционирования *Я* перед лицом Другого. Идентичность формируется внутри продолжающегося разговорного взаимодействия благодаря использованию языковых ходов, сдвигов темы, контрастов, поправок, выбора лексики и местоимений, выразительных средств, интонационных паттернов, фигур речи и т. д. Культурные репертуары играют важную роль в определении идентичности, но они всегда опосредованы актуальными практиками взаимодействия. Таким образом, позиционный анализ представляет собой некий синтетический вариант дискурс-анализа, сторонники которого пытаются уделять внимание как широкому социальному контексту, так и локальным ситуациям речи. Обратим внимание все же на то, что сторонники позиционного анализа возвращают эмпирического субъекта речи, но не человека в его целостности как субъекта речи: о структурах «внутреннего мира» здесь речи тоже не идет.

Известный вариант позиционного анализа был предложен Б. Дэвис и Р. Харре (*Davies, Harré, 1991*). Под *позиционированием* Дэвис и Харре понимают дискурсивный процесс, посредством которого индивиды оказываются в пространстве разговора в качестве участников совместно продуцируемых повествовательных линий. В любом рассказе есть «логика» явной темы и некие «повествовательные линии». Разговор порождает развитие нескольких повествовательных линий, каждая из которых организована

вокруг определенного стержня (события, характеров, моральных дилемм). В качестве ресурса таких повествовательных линий можно назвать культурные клише – медсестра/пациент, дирижер/оркестр, мать/сын и т. п. При этом необходимо помнить, что эти культурные ресурсы людьми воспринимаются по-разному. Люди вступают в коммуникацию в соответствии с теми нарративными формами, которые им знакомы, но привносят в эти нарративы свои собственные субъективные истории.

Говорящий позиционирует самого себя и других, адаптируя некую повествовательную линию, основанную на интерпретации культурных клише. Причем он делает это так, как будто «приглашает» других принять ее. Безусловно, собеседники могут не хотеть принимать эту повествовательную линию по целому ряду причин. Например, они просто могут не понимать ее смысла или выстраивать собственную повествовательную линию, игнорируя ту линию, которую подразумевает высказывание первого говорящего. Возможна и попытка сопротивления. Либо собеседники могут принять предложенную им повествовательную линию, сочтя, что у них нет выбора, – но испытывать при этом гнев, подавленность или оскорбленность.

С точки зрения Дэвис и Харре (*Ibid.*), для того чтобы понять, какие речевые акты имеют место, недостаточно выяснить интенцию говорящего (как это принято в теории речевых актов Остина и Серля), – нужно определить повествовательные линии, моментами которых являются данные высказывания. Только внутри этих повествовательных линий, прояснив формы позиционирования себя и другого, свойственные каждому говорящему (а именно решением этой задачи и занят позиционный анализ), мы сможем придать речевым актам определенность.

Приведем пример позиционного анализа, предлагаемого Дэвис и Харре.

Пример

Позиционный анализ повседневного разговора²²

Саша и Маша на конференции в чужом городе. Зимний день, дует холодный ветер. Они идут по улице – ищут аптеку, чтобы купить лекарство для приболевшей Маши. Маша предлагает спросить дорогу, а не искать вслепую. Саша забегает во все магазины, чтобы посмотреть, нет ли там аптечного киоска. Вскоре становится ясно, что аптеки по соседству нет. Саша и Маша останавливаются. Саша говорит: «Прости, что я протащил тебя всю дорогу, когда ты себя плохо чувствуешь». Его слова удивили Машу. Она отвечает: «Ты не тащил меня, я сама решила пойти». Это, в свою очередь, вызывает когнитивный диссонанс у Саши. Он заявляет, что чувствует свою ответственность, Маша же отвечает, что она не желает, чтобы он брал ответственность на себя, поскольку это ставит ее в позицию того, кто не несет ответственности, и следовательно, получается, что она не способна принимать решения, касающиеся ее благополучия. Затем они начинают выяснять: если один берет ответственность на себя – значит ли это, что тем самым он лишает ответственности дру-

²² Пример взят из: *Davies, Harré, 1991*. У авторов статьи участники разговора носят имена Зано и Энфермада; для удобства чтения мы будем именовать их Саша и Маша.

того? Для Саши обязанности имеют первостепенное значение. Здоровый обязан заботиться о больном – это само собой разумеется, и Саша прежде всего никак не может понять, что кто-то может воспринимать выполнение этой обязанности как угрозу своей свободе, – для Саши это верх нелепости. Маша отвергает его заявление об ответственности, поскольку для ее мира неприемлемо, чтобы кто-либо позиционировал ее лишь как дополнение к своим собственным действиям, а не как полноценного субъекта, и сама она тоже не может принять такой позиции. При этом Маша отчасти верит, что слова Саши не содержат в себе намеренной интенции поставить ее в такую позицию. Она полагает, что его слова непосредственно указывают на его общую установку по отношению к ней (и к женщинам вообще) как к той, кто не является субъектом собственной жизненной истории. В общем-то она знает, что Саша не хочет маргинализировать женщин, и именно поэтому обращает внимание на ту подчеркнутую объектную позицию, которая просматривается в его словах, отказываясь вступить в нее. Однако ее протест позиционирует Сашу как сексиста, что в свою очередь его обижает. Он пытается показать, что Маша неверно прочитала его слова. Но, безусловно, его попытки имеют такой смысл лишь в его моральном порядке межличностных обязательств, а не в ее. Таким образом, каждый из говорящих привязан к уже имеющейся у него идее самого себя, которая была характерна для него до взаимодействия; Маша – к идее себя как феминистки настроенного субъекта, Саша – к идее себя как человека, желающего выполнять социально требуемые обязательства. Они также привязаны к тому, как каждый из них слышит ситуацию. Протест каждого из них направлен против того, чтобы другой устанавливал свои дефиниции, и для каждого этот протест имеет сильную эмоциональную нагрузку.

Эпизод продолжается чередой взаимных обид. На одном из этапов разговора Саша обвиняет Машу в том, что она предпочитает действовать, исходя из худшего интерпретативного принципа, который, как он говорит, вообще характерен для феминистских и других миноритарных групп, – отвечать на «воображаемые обиды». Маша слышит в этих словах утверждение, что она без надобности усложняет свою жизнь, отчуждая от себя людей (в том числе и Сашу). Это обижает Машу даже больше, чем первоначальное Сашино извинение, поскольку она видит себя уже не только лишенной субъектности, но и глупой и тривиальной, неприятным членом миноритарной группы, который только тогда сможет стать равноправным членом общества наряду с Сашей, когда будет правильно себя вести. Ее первоначальный протест был направлен против того, что его слова – желал он того или нет – лишали ее доступа в этот мир. Но она верила, что его сознательные интенции были хорошие и именно поэтому стоит поднять эту проблему. Однако теперь она видит, что даже зная, как неприятно ей быть позиционированной в его нарративе, он хочет всю ответственность за неравноправное обращение переложить на ее личностный стиль.

Итак, фрагмент разговора двух собеседников:

Саша: Прости, что я протащил тебя всю дорогу, когда ты себя плохо чувствуешь.

Маша: Ты не тащил меня, я сама решила пойти.

Какие речевые акты здесь имели место? Мы сможем ответить на этот вопрос, лишь определив повествовательные линии, моментами которых являются данные высказывания. Линия Саши, как она воспринимается Сашей:

почти медицинское обращение, ассоциирующееся с позициями Саша=врач (медбрат), Маша=пациент. Речевое действие – сочувствие.

Линия Саши, как она воспринимается Машей: патернализм, связанные друг с другом позиции Саша=независимый, обладающий властью мужчина, Маша=зависимая, беспомощная женщина. Речевое действие – снисхождение. Линия Маши, как она воспринимается Машей: совместное путешествие, позиции Саши и Маши – путешественники в чужой стране. Речевое действие – напоминание данной повествовательной линии.

Линия Маши, как она воспринимается Сашей: феминистский протест с позициями Саша=шовинист, Маша=протестующая праведница. Речевое действие – жалоба, недовольство.

Как видим, два вполне разумных и интеллигентных человека общаются друг с другом таким образом, что практически оказываются втянуты в ссору, причина которой – в структурных особенностях самого разговора, а не в интенциях говорящих. Он не патерналист, а она не педантичная феминистка, но каждый ведом собственной повествовательной линией и связанными с нею позициями – так, что оказались возможными взаимные обвинения.

Авторы анализа подчеркивают, что на данном примере мы можем видеть, как двое людей могут проживать абсолютно разные нарративы, не понимая этого. Если бы Маша не выразила своего протеста, Саше не нужно бы было задаваться вопросом, как его позиция заботящегося может выглядеть в свете морального порядка того, чья позиция радикально отличается от его собственной. Без ее ответа он бы не осознал, что может быть услышан как патерналист. Ее молчание только подтверждало бы его моральный порядок.

Слова сами по себе, вне контекста повествовательной линии, не имеют смысла. Извинение Саши оказалось двусмысленным. В контексте нарратива Маши оно указывает на обиду. Точно так же ее протест против того, чтобы ее ставили в позицию беспомощной, ранит Сашу, поскольку в его истории этот протест ставит под вопрос то, что Саша принимает за универсальную моральную обязанность. Таким образом, авторам анализа удалось показать относительность позиционирования: то, что выглядит очевидным из одной позиции, отнюдь не очевидно для человека в другой позиции. Как будет понято сказанное, зависит от того, какую повествовательную линию «проживает» собеседник. В рамках каждой повествовательной линии существуют нормативные ожидания. Саша удивлен протестом Маши, так как в конвенциях линии медицинский работник/пациент есть нормативные ожидания, что больной нуждается и принимает помощь. Безусловно, эта нарративная структура включает и случай трудного пациента. Для Маши, в свою очередь, привычно, что ее маргинализируют в мужских разговорах. Слыша в его словах обидное для себя, она интерпретирует коммуникативные ходы Саши как демонстрацию нормативного мужского поведения. И конечно, внутри этой нарративной линии мужчины не способны осознать, как их патерналистская позиция лишает субъектности женщин, с которыми они общаются.

Таким образом, Дэвис и Харре признают конститутивную силу дискурсивных практик, и в то же время подчеркивают способность людей делать выбор этих практик. Можно сказать, что конститутивная функция любой дискурсивной практики – в создании условий для субъектных позиций, а

субъектная позиция вбирает в себя и «концептуальный (интерпретативный) репертуар», и место для эмпирической личности. Приняв определенную позицию как свою собственную, человек неизбежно смотрит на мир из этой позиции, опосредуя свой взгляд образами, метафорами, повествовательными линиями и понятиями, релевантными той дискурсивной практике, которая их позиционирует. Среди продуктов дискурсивных практик – сами люди, их практикующие (*Ibid.*).

Нужно сказать, что в обществе существует множество противоречащих друг другу дискурсивных практик, в которые может быть включен любой человек, так что у каждого есть выбор. Однако зачастую люди, в силу собственной жизненной истории, оказываются «привязанными» к определенным повествовательным линиям. Кроме того, в обществе существуют доминирующие линии, так или иначе довлеющие над нашим пониманием себя и других людей. В этом смысле наша реальная свобода выбора оказывается весьма и весьма ограниченной. К примеру, как показывает Дэвис в одном из своих исследований (*Ibid.*), традиционные дискурсивные практики, посредством которых действия интерпретируются в их гендерной специфичности, являются, вероятно, одними из самых устойчивых. Как можно видеть, теоретические основания позиционного анализа вполне сочетаемы с установками социальной критики, так что техники позиционного анализа могут успешно применяться в рамках критического подхода.

Итак, дискурс-анализ в психологии нельзя воспринимать лишь как метод исследования психического мира. Теоретики дискурс-анализа предлагают психологии своеобразную эпистемологическую перспективу, в которой объект психологии – психический мир – понимается как дискурсивная конструкция. Если говорить наиболее общо, то сторонники дискурс-аналитических подходов подразумевают образ психологии, занятой раскрытием путей дискурсивного смыслообразования; язык в практиках его употребления становится начальной и конечной точкой анализа.

Представление результатов

Традиционно принято считать, что научные работы должны отличаться так называемым «научным стилем» – совокупностью своеобразных риторических оборотов, позволяющих безошибочно отнести данный текст к «научному». По сути, научный стиль представляет собой такой способ изложения, в котором язык как бы преодолевает сам себя, позволяя акцентировать «объективное» содержание сообщения.

Как отмечает Ролан Барт (1994а), одна из основополагающих особенностей отношения к языку в науке состоит в том, что для науки язык лишь орудие, и его желательно сделать как можно более прозрачным и нейтральным, поставить в зависимость от субстанции научного изложения (операций, предположений, выводов), которая считается по отношению к нему внеположной и пер-

вичной. Идеал науки – полная формализация дискурса, но поскольку для гуманитарных дисциплин это невозможно и, скажем, в психологии мы пользуемся естественным языком, он должен быть как можно более эмоционально отстраненным и нейтральным – чем-то вроде метаязыка. Риторический элемент, безусловно, присутствует в любом сообщении, включая научное. Другое дело, что в научных кругах существует молчаливый консенсус не обсуждать особенности языка в научных публикациях: ученых интересует само «тело» исследования, а не набрасываемые на него языковые «одежды».

Американский исследователь К. Бейзерман (*Bazerman*, 1988) показал, что официальный стиль риторики в психологических статьях характеризуется движением от экспликации феноменов к операционализации. На протяжении XX века усиливалась тенденция к формализации исследовательского дискурса в психологии. В 50-х годах язык статистики становится стандартом описания результатов. Из мыслителя, обосновывающего свой взгляд, автор превращается в того, кто проводит эксперименты, занимается подсчетами и представляет полученные результаты.

Со временем статьи стали своеобразной аккумуляцией фактов. Можно согласиться с Бейзерманом, что сегодня не синтез, интерпретация или проблематизация являются главной целью большинства научных работ по психологии. Исследователь преподносит то, чем он занимается, как некое завершенное достижение, открывающее новые перспективы исследования (получены такие-то результаты, теперь встает следующий вопрос...). Речь исследователя, как правило, характеризуется подчеркнуто технической лексикой и апелляцией к специализированному знанию. От читателя ожидается, что тот встроит предлагаемый ему материал в собственную структуру знания и задастся вопросом о тех пробелах, которые еще могут существовать в области, которой посвящено изучаемое им исследование. Кроме того, читатель должен выступить в роли некоего критика, способного найти ошибку в логических построениях и процедуре эксперимента. Авторы исследований, скорее, демонстрируют аудитории свою компетентность, чем убеждают читателей в истинности своих идей. Можно предположить, что такая форма письма позиционирует науку в качестве весьма определенно-го и серьезного предприятия и служит среди прочего тому, что из науки как будто исключается «хаос» интеллектуальных различий и она предстает перед нами в блеске своих универсальных достижений (*Ibid.*).

Но насколько велика необходимость представлять исследование именно так? Дело в том, что описанные правила подачи исследовательского материала формировались в определенном культурно-историческом контексте, характерной чертой которого было культивирование упорядоченности, простроенных границ между индивидами, группами, социальными слоями, дисциплинами, областями человеческой деятельности, культурными практиками. Литература должна была быть (и была) литературой, наука – наукой, а философия – философией. Но (расхожая фраза) времена меняются, и в последней четверти XX века – а это как раз то время, когда и начал расти интерес к качественным ис-

следованиям, – отличить одно от другого стало довольно сложно: культурные практики стали мутировать, мигрировать, вступать на сопредельные территории, и современный мир начал переживать что-то вроде всеобщего смешения – стилей, жанров, культурных и жизненных сфер (*Трубина*, 2002). Сегодня порой довольно трудно сказать, где заканчивается философия или даже наука и начинается литература (как и трудно определить, скажем, где сегодня заканчивается спорт и начинается политика, – время с приставкой «транс-», по выражению Ж. Бодрийера; вспомним, что и качественные исследования определяются как «трансдисциплинарное» поле...)

В конце XX века популярность приобрели идеи Ф. Ницше, для которого наука и философия были тоже формами литературы, занимающиеся видимостями; только в отличие от искусства, о них забыли, что они таковы. В работе «Истина и заблуждение в их экстремальном смысле» Ницше писал: «Что есть истина? ...Подвижная армия метафор, метонимий и антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений, которые были усилены, транспонированы и приукрашены поэтически и риторически и которые после долгого употребления кажутся окончательными, каноническими и обязательными для людей: истины – это иллюзии, о которых позабыли, что они иллюзии... монеты, на которых стерлось изображение и которые теперь имеют значение только как железки, но не как монеты» (цит. по: *Вопонай*, 1998, с. 409–410). Ницше говорит, что произведение искусства как репрезентация предлагает видеть мир как чистую видимость и, поступая так, ближе подходит к природе действительности, чем научный или философский дискурс. «Искусство, таким образом, рассматривает видимость как видимость; оно не намерено обманывать и является, следовательно, истинным» (*там же*).

Д. Полкинхорн (*Polkinghorne*, 1989) утверждает, что в современной культуре преодолевается тот разрыв, который наметил в свое время И. Кант, разделив сферы теоретического знания, эстетики и морали. В последнее время можно наблюдать своеобразную эстетизацию философии и науки. В оценке научных текстов все чаще применяется критерий эстетической красоты и образности. Р. Барт в уже упомянутой нами работе «От науки к литературе» (1994а) призывает ученого («структуралиста») превратиться в писателя, заботящегося, чтобы чтить и отправлять обряды «изящного стиля». Кроме того, в науке постоянно идут дискуссии, касающиеся ее ценностной составляющей. И особенно актуальна эта тема для сферы социальных и гуманитарных наук, близость которых к области этики сегодня активно обсуждается.

Получив развитие в определенном культурно-историческом контексте, качественные исследования сами немало способствуют легитимации нарративного модуса повествования и выражения в исследовательских отчетах личностных установок, представлений и ценностей исследователя. Использование новых форм повествований, по сравнению с традиционным «отстраненным» типом письма, дает возможность в ряде случаев лучше раскрыть то, что пытаются выразить в своих рассказах собеседники и что представляет часть их ежедневной коммуникации.

Однако нужно обратить внимание, что качественным исследователям иногда свойственны такие эксперименты в области подачи материала, в которых пропадает какая бы то ни было связь интерпретаций не только с темой, но и с объектом исследования. Сегодня в области качественных исследований явно наметились две рефлексивные традиции, которые можно обозначить как «исповедальные рассказы» и «текстуальный радикализм». В первом случае исследователь приводит рассказ о проекте и процессе работы, причем у читателя должно создаваться впечатление реальности всего, что описывается. Можно сказать, что исповедь – особая стратегия достижения (а не избегания) достоверности, исповедь основана на допущении реальности происходящего. Эксперименты в области текстуального радикализма – следствие кризиса репрезентации и лингвистического поворота в социальных науках. Они включают в себя представления почти или полностью не отредактированных транскриптов, различные формы экспериментального письма, например создание полифонических текстов, в которых представлены воображаемые диалоги между исследователем, респондентом и, скажем, автором какой-нибудь теоретической позиции, либо написание нарративов, якобы рассказываемых разными лицами, предположительно занимающими непохожие социальные позиции (примеры см. в: *Джерджесен*, 2003). В текстах, авторы которых придерживаются радикальных взглядов на письмо, нередко используются чисто литературные приемы. Например, мы можем встретить различные формы гипертекста, созданные посредством использования большого количества цитат, своеобразные «фотографические» коллажи, подчиненные цели индуцирования определенного эмоционального состояния читателя, и т. п. На наш взгляд, эти «сильные» формы рефлексии децентрируют авторство и нарушают ожидания читателя. И их вряд ли можно признать удовлетворительными, поскольку они парализуют исследовательское предприятие, ведь в усиливающих самореференциях текста теряется сам анализируемый объект. Сохранение авторского голоса необходимо хотя бы для того, чтобы читатели могли оценить достоинства представленного материала. Да и вообще понять, о чем было представленное исследование.

Мы полагаем, что область качественных исследований в самом деле нуждается в расширении научной риторики и, возможно, обогащении ее средствами художественной литературы. Вместе с тем рационально-аргументативный компонент, будучи отличительной чертой научного дискурса, должен по-прежнему занимать в этой новой риторике ведущее место.

По справедливому замечанию Н. Дензина и И. Линкольна, процесс написания – интерпретативный личностный и политический акт (*Denzin, Lincoln*, 2005). Он требует понимания себя, респондентов и аудитории, которой текст адресован. Кому в конечном счете служит исследование? – вот, пожалуй, один из основных вопросов, ответ на который непосредственно связывает исследование со сферой человеческих интересов и этики.

Заклучение

В настоящее время качественные исследования представляют собой бурно развивающуюся область исследовательской практики в социогуманитарных науках. Что же касается психологии (в особенности отечественной), то ее отношение к качественным исследованиям по-прежнему двойственное. Несмотря на явный интерес психологов к качественным методам, исследования с их применением по сей день выпадают из общего потока психологических исследований, занимая весьма шаткое маргинальное положение в силу неясности их научного статуса. Научность качественных исследований в психологии продолжает оцениваться с позиции сциентизма, однако, как мы попытались показать, эта позиция не только неадекватна качественным исследованиям, чаще всего базирующимся на иных, отличных от сциентизма предпосылках, но и включает в себя ряд механистических представлений о науке и даже мифологем.

В настоящей работе мы представили взгляд на качественные исследования как своеобразную исследовательскую «культуру», являющуюся формой развития в психологии гуманитарного познания и основанную на специфических допущениях о природе объекта исследования, отношениях между исследователем и исследуемым и характере исследования. Мы показали, что качественная методология получила развитие в определенном социокультурном «климате», и ее философским основанием выступает традиция обоснования специфики гуманитарных наук, отнесенностью к которой в конечном счете удостоверяется научный статус качественной методологии.

В сущности, даже если не пытаться мыслить предельные основания исследовательских методологий, предпринятые нами размышления о методологической специфике качественных исследований неизбежно ведут к установлению различия двух типов познания в психологии, один из которых направлен на вскрытие универсальных закономерностей психического аппарата, другой же нацелен на понимание, диалог с традицией, критический анализ и развитие интерпретативных практик. Следует, однако, заметить, что подобный «разговор о различиях» влечет за собой ряд сложностей. К примеру, не совсем ясно, правомерно ли вообще говорить о возможности четкого разделения методологий, особенно в свете сегодняшнего дня, когда все большее развитие получает так называемая «смешанная» методология, развивается такая область исследований, как психосемантика с ее использованием языка цифр, как это принято в количественных исследованиях, с одной стороны, и общей интерпретативной направленностью, характерной для качественных исследований, с другой, и т. д. Возможно, описанные нами «каче-

ственная» и «количественная» методологии исследования представляют собой, как мы уже это отмечали, полюсы континуума исследовательских методологий. Во всяком случае, вопрос этот требует дальнейших прояснений.

Еще одна проблема состоит в том, что проведенное нами разделение методологий исследования в еще большей мере увеличивает разрыв двух «полупсихологий», тем самым заостряя кризис психологии, о котором в свое время писал Л.С. Выготский. Мы действительно полагаем, что сегодня есть все предпосылки для разделения методологий, однако может оказаться так, что подобное разделение носит преимущественно «политический» характер: оно позволяет обосновать специфику и ценность альтернативных «естественно-научному» форм познания в психологии. Вместе с тем, качественная исследовательская методология, на наш взгляд, поднимает важнейшие вопросы, связанные с психологическим познанием вообще, и ее критический и реформаторский потенциал может быть использован для продумывания оснований единства психологической науки. В анализе качественной методологии исследования с этих позиций мы видим перспективу и дальнейшее направление наших исследований.

Литература

- Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование. – СПб.: Питер, 2001.
- Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2007.
- Апель К.-О.* Трансформация философии. – М.: Логос, 2001.
- Арон Р.* Историческое объяснение // Философия и общество. 2003. № 4 (33). С. 156–192.
- Барт Р.* От науки к литературе // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994а. С. 375–383.
- Барт Р.* Смерть автора // Там же. 1994б. С. 384–391.
- Батай Ж.* Литература и Зло. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Батлер Дж.* Психика власти: теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
- Белановский С.А.* Индивидуальное глубокое интервью. – М.: Никколо-Медиа, 2001.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
- Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопр. психол. 1997. № 5. С. 3–19.
- Бусыгина Н.П.* Кризис классической эпистемологии и проблема оценки валидности психологического исследования // Гуманитарные исследования в психотерапии / Под общ. ред. Ф.Е. Василюка. – М.: МГППУ, ПИ РАО, 2007. С. 11–28.
- Васильева Т.С.* Обоснованная теория в поле качественного исследования // Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: КомКнига, 2007. С. 225–250.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994а. С. 1–74.
- Витгенштейн Л.* О достоверности // Там же. 1994б. С. 321–405.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Там же. 1994в. С. 75–319.
- Войскунский А.Е., Скрипкин С.В.* Качественный анализ данных как инструмент научного исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 2. С. 93–109.

- Волков П.В.* Разнообразие человеческих миров. – М.: АГРАФ, 2000.
- Воропай Т.С.* Метафора и истина // Философский век: Альманах. Вып. 7: Между физикой и метафизикой: наука и философия / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 1998. С. 406–414.
- Вригт Г.Х. фон* Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2003. С. 41–190.
- Гаврилова М.В.* Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
- Гадамер Х.-Г.* Истина в науках о духе // Топос. 2000. № 1. С. 7–12.
- Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопр. филос. 1997. № 4. С. 86–96.
- Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. – СПб., 1999.
- Гилберт Дж.Н., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых. – М.: Прогресс, 1987.
- Готтсданкер Р.* Основы психологического эксперимента. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Гуссерль Э.* Феноменологическая психология // Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297–340.
- Деннет Д.* Виды психики. – М.: Идея-пресс, 2004.
- Джерджен К.* Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: Саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. – М.: ИНИОН, 1995. С. 51–73.
- Джерджен К.* Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. ст. – Минск: Изд-во БГУ, 2003.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1.
- Донцов А.И., Белокрылова Г.М.* Профессиональные представления студентов-психологов // Вопр. психол. 1999. № 2. С. 42–49.
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо; Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Дружинин В.М.* Структура и логика психологического исследования. – М.: ИП РАН, 1994.
- Дружинин В.М.* Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2002.
- Зарецкий В.К.* Если ситуация кажется неразрешимой... – М.: ТПО Ахилл, 1991.
- Зимин В.А.* Функция трансгрессии (проблема нарушения границ между планами и поколениями) // Моск. психотерапевт. журн. 2004. № 1. С. 168–189.

- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. – М.: ИП РАН, 1994.
- Кадыров И.М.* «Двойник» Ф.М. Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации // Моск. психотерапевт. журн. 2002. № 1. С. 120–140.
- Калая П., Хейкинен А.* Атрибуции в рамках дискурсивного подхода: объяснение успехов и неудач в изучении английского языка как иностранного // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: ВГТУ, 2002. С. 43–72.
- Калмыкова Е.С., Чеснова И.Г.* Анализ нарративов пациента: ССРТ и дискурс-анализ // Моск. психотерапевт. журн. 1996. № 2. С. 177–201.
- Кафка Ф.* Письмо отцу // Завещание / Пер. с нем. Е. Кацевой. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. С. 244–302.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса /* Общ. ред. П. Серю. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.
- Квале С.* Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003.
- Корнилова Т.В.* Введение в психологический эксперимент. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Кузнецов В.Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. №10 (20). С. 43–88.
- Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – СПб.: Соц.-психол. центр, 1996.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995.
- Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. – М.: Рус. феноменологич. об-во, 1997.
- Лакан Ж.* Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа (1954/55). – М.: Гнозис; Логос, 1999.
- Лакатос И.* Методология исследовательских программ. – М.: АСТ; Ермак, 2003.
- Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
- Левин К.* Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психолог. журн. 1990. Т. 11. № 5. С. 135–158.
- Леонтьев Д.А.* О предмете экзистенциальной психологии // 1-я Всерос. научн.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. – М.: Смысл, 2001. С. 3–6.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998.
- Лоренцер А.* Археология психоанализа: Интимность и социальное страдание. – М.: Прогресс-Академия, 1996.
- Мазилев В.А.* Методология психологической науки. – Ярославль: МАПН, 2003.

- Мамчур Е.А.* Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей / Отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М., 1999. С. 10–30.
- Мельникова О.Т.* Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. – М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Мертон Р.Л., Фиске М., Кендалл Р.З.* Фокусированное интервью. – М., 1991.
- Микешина Л.А.* Витгенштейн: проблема веры и достоверности в познании // Философские идеи Людвиг Витгенштейна / Под ред. М.С. Козлова. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 54–67.
- Онуцин А.Н.* «Новая парадигма» в социальной психологии // Мир психологии. 1999. № 3. С. 90–97.
- Подорога В.А.* Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1989. С. 206–255.
- Позер Х.* Правила как формы мышления: Об истине и конвенции в науках // Научные и вненаучные формы мышления: Материалы симп. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 102–113.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.
- Психологические исследования дискурса /* Под ред. Н.Д. Павловой. – М.: PerSe, 2002.
- Пузырей А.А.* Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопр. методологии. 1997. № 3–4. С. 148–165.
- Пузырей А.А.* Несколько камней для сада Дерека Джармена (проблема «нормы» в психологии: генеалогический анализ) // Вопр. методологии. 1999. № 1–2. С. 68–99.
- Райдер Дж.* Примиряя прагматизм и натурализм // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7, Философия. 2005. № 4. С. 18–36.
- Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
- Ромек Е.А.* Феноменологический метод и дилемма психиатрии: Бинсвангер и Гуссерль // Вопр. филос. 2001. № 11. С. 80–92.
- Россохин А.В., Измагурова В.Л.* Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. – М.: Смысл, 2004.
- Руткевич А.М.* Глубинная герменевтика А. Лоренцера // Логос. 1992. № 3. С. 146–164.
- Руткевич А.М.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – Форум, 1997.
- Сапарова И.А.* Исследование особенностей смысловой регуляции деятельности при ипохондрических состояниях разного генеза // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1990. № 9. С. 75–79.

- Сельченко К.В.* Кто они – «замполиты капитализма»? Архетипическая миссия бизнес-психолога // Психология и бизнес / <http://www.psycho.ru/library/255>
- Семенова В.В.* Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998.
- Слинин Я.А.* Кризис европейского человечества: в чем он состоит и какие средства предлагает Эдмунд Гуссерль для его преодоления // Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 359–384.
- Соболева М.Е.* К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. № 2 (33). С. 97–119.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
- Степин В.С.* Основания науки и их социокультурная размерность // Научные и вненаучные формы мышления: Материалы симп. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 8–25.
- Степин В.С.* Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопр. филос. 2004. № 3. С. 37–49.
- Столярова О.Е.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 39–52.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: КомКнига, 2007.
- Темкина А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / Под ред. А. Клещина. СПб.: ИС РАН, 1999. Вып. 2. С. 20–54.
- Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: Ин-т философии РАН, 1995.
- Трубина Е.Г.* Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы курса. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М.: Рус. феноменологич. об-во, 1996.
- Улановский А.М.* Феноменологическое описание в психологии // 2-я Всероссий. научн.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М.: Смысл, 2004. <http://hpsy.ru/public/x825.htm>
- Улановский А.М.* Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
- Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопр. психологии. 2006. № 3. С. 27–37.
- Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.
- Фаина Раневская: «Судьба – шлюха» / Авт.-сост. Д. Щеглов. – М.: Астрель; АСТ, 2005.

- Филлис Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Философия в современной культуре: новые перспективы: Материалы «круглого стола» // Вопр. филос. 2004. № 4. С. 4–46.
- Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сад, 1994.
- Фуко М.* Археология знания. – К.: Ника-Центр, 1996а.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум, 1996б.
- Фуко М.* Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М.* Использование удовольствий: История сексуальности. Т. 2. – СПб.: Академич. проект, 2004.
- Фурс В.Н.* Парадигма критической теории в современной философии: Попытка экспликации // Логос. 2001. 2(28). С. 46–75.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. – СПб.: Наука, 2002.
- Харре Р.* Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопр. филос. 1992. № 9. С. 49–60.
- Харре Р.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. – М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 74–93.
- Харре Р.* Вторая когнитивная революция // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 2. С. 3–15.
- Хюбнер К.* Критика научного разума / Пер. с нем. И.Т. Касавина. – М.: ИФ РАН; Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1994.
- Швырев В.С.* Берега рациональности (беседа с В.С. Швыревым) // Вопр. филос. 2004. № 2. С. 113–126.
- Шпигельберг Г.* Феноменологическое движение: Историческое введение. – М.: Логос, 2002.
- Эко У.* Открытое произведение. – СПб.: Академический проект, 2004.
- Экспериментальная психология: Практикум: Учебное пособие для вузов / Т.Г. Богданова, Ю.Б. Гиппенрейтер, Е.Л. Григоренко и др.; Под ред. С.Д. Смирнова, Т.В. Корниловой. – М.: Аспект Пресс, 2002.
- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопр. психол. 2001. № 5. С. 3–18.
- Якимова Е.В.* Введение // Социальная психология: Саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. – М.: ИНИОН, 1995. С. 5–22.

- Янчук В.А. Методология, теория и метод в социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.
- Ярская-Смирнова Е.П. Социокультурный анализ нетипичности. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997.
- Allen D.G. Hermeneutics: philosophical traditions and nursing practice research // *Nursing Science Quarterly*. 1995. Vol. 8(4). P. 174–182.
- Altheide D., Johnson J. Criteria for assessing interpretive validity in qualitative research // N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.) *Handbook of qualitative research*. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994. P. 485–499.
- Anfara V.A., Brown K.M., Mangione T.L. Qualitative analysis on stage: Making the research process more public // *Educational Researcher*. 2002. 31(7). P. 28–38.
- Angen M.J. Evaluating interpretive inquiry: Reviewing the validity debate and opening the dialogue // *Qualitative health research*. 2000. Vol. 10(3). P. 378–395.
- Bailey P.H. Assuring quality in narrative analysis // *Western Journal of Nursing Research*. 1996. Vol. 18. P. 186–194.
- Baker C., Wuest J., Stern P.N. Method slurring: the grounded theory/phenomenology example // *Journal of Advanced Nursing*. 1992. Vol. 17(11). P. 1355–1360.
- Bamberg M. Positioning between structure and performance // *Journal of narrative and life history*. 1997. Vol. 7. P. 335–342.
- Barry K. *Female Sexual Slavery*. – N.Y.: New University Press, 1979.
- Bazerman C. Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988.
- Bergman M.M., Coxon A.P.M. The quality in qualitative methods // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2005. Vol. 6(2) / <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-05/05-2-34-e.htm>
- Bermudez J.L. *The Paradox of Self-Consciousness*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Bickhard M.H. Myths of science: Misconceptions of science in contemporary psychology // *Theory & Psychology*. 1992. Vol. 2(3). P. 321–337.
- Bickhard M.H., Cooper R.G., Mace P.E. Vestiges of logical positivism: Critiques of stage explanations // *Human Development*. 1985. Vol. 28. P. 240–258.
- Billig M. *Arguing and thinking*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Billig M. Whose terms? Whose ordinariness? Rhetoric and ideology in conversation analysis // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10(4). P. 543–558.
- Blackman L.M. What is doing history? The use of history to understand the constitution of contemporary psychological objects // *Theory & Psychology*. 1994. Vol. 4(4). P. 485–504.
- Bontekoe R. *Dimensions of the Hermeneutic Circle*. – Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1996.

- Braidotti R. *Patterns of dissonance: A study of women in contemporary philosophy*. – N.Y.: Routledge, 1991.
- Bryman A. *Social research methods*. – Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Burke K. *Language as symbolic action*. – Berkeley, CA: University of California Press, 1966.
- Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. – L.: Sage Publications, 2006.
- Churchland P.M. *Matter and Consciousness*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1988.
- Cohen J. Things I have learned (so far) // *American Psychologist*. 1990. Vol. 45. P. 1304–1312.
- Connolly P. «Dancing to the wrong tune»: Ethnography generalization and research on racism in schools // P. Connolly, B. Troyna (Eds.) *Researching racism in education: Politics, theory, and practice*. – Buckingham, U.K.: Open University Press, 1998. P. 122–139.
- Crabtree B.F., Miller W.L. (Eds.) *Doing Qualitative Research*. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1999.
- Creswell J.W. *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions*. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2007.
- Cronbach L.J., Meehl P.E. Construct validity in psychological tests // *Psychological Bulletin*. 1955. Vol. 52. P. 281–302.
- Crotty M. *Phenomenology and nursing research*. – Melbourne: Churchill Livingstone, 1996.
- Curtis S., Gesler W., Smith G., Washburn S. Approaches to sampling and case selection in qualitative research: Examples in the geography of health // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 50. P. 1001–1014.
- Danziger K. *Constructing the subject: Historical origins of psychological research*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Dar R. Another look at Meehl, Lakatos, and the scientific practices of psychologists // *American Psychologist*. 1987. Vol. 42(2). P. 145–151.
- Davies B., Harré R. Positioning: the discursive production of selves // *Journal for the social behaviour*. 1991. 20(1). P. 44–63.
- Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.) *Handbook of qualitative research*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
- Dessler D. The positivist-interpretivist controversy // *Qualitative Methods*. 2003. Vol. 1. № 2. P. 21–24.
- Eco U. (Ed.) *Interpretation and overinterpretation*. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1992.
- Ellis C., Bochner A. (Eds.) *Composing ethnography: Alternative forms of qualitative writing*. – Walnut Creek, CA: AltaMira, 1996.
- Enerstvedt R.T. The problem of validity in social science // *Issues of validity in qualitative research / S. Kvale (Ed.)*. – Lund, Sweden: Studentlitteratur, 1989. P. 135–173.

- Falk R., Greenbaum Ch.W.* Significance tests die hard: The amazing persistence of a probabilistic misconception // *Theory & Psychology*. 1995. Vol. 5(1). P. 75–98.
- Firestone W.A.* Alternative arguments for generalizing from data, as applied to qualitative research // *Educational Researcher*. 1993. 22(4). P. 16–23.
- Fish S.* Is there a text in this class? The authority of interpretive communities. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Flax J.* Thinking fragments: Psychoanalysis, feminism, and postmodernism in contemporary west. – Berkeley: University of California Press, 1990.
- Flyvbjerg B.* Five misunderstandings about case-study research // *Qualitative inquiry*. 2006. Vol. 12(2). P. 219–245.
- Frosh S., Emerson P.D.* Interpretation and overinterpretation: disputing the meaning of texts // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5(3). P. 307–324.
- Gadamer H.G.* The hermeneutical problem // G. Ormiston, A. Schifft (Eds.) *The hermeneutic tradition: From Ast to Ricoeur*. – N.Y.: State University of New York Press, 1990. P. 273–297.
- Gallagher Sh.* Hermeneutics and education. – N.Y.: State University of New York Press, 1992.
- Gallagher Sh.* Mutual enlightenment: Recent phenomenology in cognitive science // *Journal of Consciousness Studies*. 1997. Vol. 4(3). P. 195–214.
- Garfinkel H.* *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
- Gigerenzer G., Murray D.J.* *Cognition as intuitive statistics*. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1987.
- Giorgi A.* *Psychology as a human science*. – N.Y.: Harper & Row, 1970.
- Giorgi A.* The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1997. 28(2). P. 235–260.
- Giorgi A.* Facts, values and the psychology of the human person // *The Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. 2006. Vol. 6. Special Edition / http://www.ipjp.org/issues/aug2006special/Special_Edition_Method-01_Giorgi.pdf
- Gould J., Kolb W. (Eds.)* *A dictionary of social sciences*. – N.Y.: Macmillan Company, 1964.
- Hamberg K., Johansson E., Lindgren G., Westman G.* Scientific rigour in qualitative research – examples from a study of women’s health in family practice // *Family Practice*. 1994. Vol. 11, № 2. P. 176–181.
- Hammersley M.* Some notes on the terms «validity» and «reliability» // *British Educational Research Journal*. 1987. Vol. 13(1). P. 73–81.
- Harding S.* *Whose Science? Whose Knowledge?* – Ithaca: Cornell University Press, 1991.
- Harré R., Gillet G.* *The discursive mind*. – L.: Sage Publications, 1994.
- Harré R., Langenhove L. van* *Positioning theory*. – Oxford, U.K.: Blackwell Publishers, 1999.

- Hepburn A.* Teachers and secondary school bullying: a postmodern discourse analysis // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8(1). P. 27–48.
- Heshusius L.* Freeing ourselves from objectivity: Managing subjectivity or turning toward a participatory mode of consciousness // *Educational Researcher*. 1994. Vol. 23(3). P. 15–22.
- Holloway I., Todres L.* The status of method: flexibility, consistency and coherence // *Qualitative Research*. 2003. Vol. 3(3). P. 345–357.
- Holroyd C.* Phenomenological research method, design and procedure: A phenomenological investigation of the phenomenon of being-in-community as experienced by two individuals who have participated in a Community Building Workshop // *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. 2001. Vol. 1, ed. 1 / <http://www.ipjp.org/april2001/holroyd.pdf>
- Hughes D.M.* Significant differences: The construction of knowledge, objectivity and dominance // *Women’s Studies International Forum*. 1995. Vol. 18. № 4. P. 396–406.
- Jardine D.* Reflections on education, hermeneutics, and ambiguity: Hermeneutics as a restoring of life to its original difficulty // W.F. Pinar, W.M. Reynolds (Eds.) *Understanding curriculum as phenomenological and deconstructed text*. – N.Y.: Teachers College Press, 1992. P. 116–130.
- Jones W.T.* *The Twentieth Century to Wittgenstein and Sartre*. – San Francisco: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.
- Jost J.T.* Toward a Wittgensteinian social psychology of human development // *Theory & Psychology*. 1995. Vol. 5(1). P. 5–25.
- Karlsson G.* Psychological qualitative research from a phenomenological perspective. – Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell, 1993.
- Kirk J., Miller M.L.* Reliability and validity in qualitative research // *Qualitative Research Methods Series*. Vol. 1. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1986.
- Kleining G., Witt H.* Discovery as basic methodology of qualitative and quantitative research // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2001. Vol. 2, № 1. Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-01/1-01kleiningwitt-e.htm>
- Koch T.* Interpretive approaches in nursing research: The influence of Husserl and Heidegger // *Journal of Advanced Nursing*. 1995. Vol. 21. P. 827–836.
- Kolakowski L.* *Positivist Philosophy: From Hume to the Vienna Circle*. – Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Kripke S.* *Naming and necessity*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Krueger R. A.* *Focus groups: A practical guide for applied research*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.
- Kukla A.* Nonempirical issues in psychology // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44(5). P. 785–794.
- Kvale S.* The qualitative research interview – a phenomenological and a hermeneutical mode of understanding // *Journal of phenomenological psychology*. 1983. Vol. 14. P. 171–196.

- Lather P.A.* Fertile obsession: Validity after poststructuralism // *Sociological Quarterly*. 1993. Vol. 34(4). P. 673–693.
- Laverty S.M.* Hermeneutic phenomenology and phenomenology: A comparison of historical and methodological considerations // *International Journal of Qualitative Methods*, 2003. Vol. 2(3), article 3. Электронная версия: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/2_3final/html/laverty.html
- Lenzo K.* Validity and self-reflexivity meet poststructuralism: Scientific ethos and the transgressive self // *Educational Researcher*. 1995. Vol. 24(4). P. 17–23.
- Liebrucks A.* The concept of social construction // *Theory & Psychology*. 2001. Vol. 11(3). P. 363–391.
- Lincoln Y.S.* Emerging criteria for quality in qualitative and interpretive research // *Qualitative Inquiry*. 1995. Vol. 3. P. 275–289.
- Lincoln Y., Guba E.* *Naturalistic inquiry*. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1985.
- Lutz C.A.* Ethnopsychology compared to what? Explaining behavior and consciousness among the Ifaluk // G.M. White, Kirpatrick J. (Eds.) *Person, self and experience*. – Berkeley: University of California Press, 1985. P. 35–79.
- Lutz C.A.* *Unnatural emotions*. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988.
- Madison G.* *The hermeneutics of postmodernity: Figure and themes*. – Bloomington: Indiana University Press, 1988.
- Marshall C.* Goodness criteria: Are they objective or judgement calls? // E.G. Guba (Ed.) *The paradigm dialog*. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. P. 188–197.
- Mason J.* *Qualitative researching*. – L.: Sage, 1996.
- Maxwell J.A.* Understanding and validity in qualitative research // *Harvard Educational Review*. 1992. Vol. 62. P. 279–299.
- Maxwell J.A.* *Qualitative research design: An interactive approach*. – Newbury Park, CA: Sage, 2005.
- Mayring P.* *Qualitative Content Analysis* // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal]. 2000. 1(2) / <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/2-00mayring-e.htm>
- Mays N., Pope C.* Assessing quality in qualitative research // *British Medical Journal*. 2000. Vol. 320. P. 50–52.
- Merwe W.L. van der, Voestermans P.P.* Wittgenstein's legacy and the challenge to psychology // *Theory & Psychology*. 1995. Vol. 5(1). P. 27–48.
- Miles M., Huberman A.M.* *Qualitative data analysis: An expanded sourcebook*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
- Mills J., Bonner A., Francis K.* The development of constructivist grounded theory // *International Journal of Qualitative Methods*. 2006. Vol. 5(1). P. 2–10. http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_1/PDF/MILLS.PDF
- Mishler E.G.* Validation in inquiry-guided research: The role of exemplars in narrative studies // *Harvard Educational Review*. 1990. Vol. 60. P. 415–440.

- Morse J.M., Barrett M., Mayan M., Olson K., Spiers J.* Verification strategies for establishing reliability and validity in qualitative research // *International Journal of Qualitative Methods*. 2002. Vol. 1(2), article 2 // <http://www.ualberta.ca/~ijqm/>
- Moustakas C.* *Phenomenological research methods*. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994.
- Onwuegbuzie A.J.* Effect sizes in qualitative research: A prolegomenon // *Quality & Quantity: International journal of methodology*. 2003. Vol. 37. P. 393–409.
- Onwuegbuzie A.J., Leech N.L.* Sampling designs in qualitative research: making the sampling process more public // *The Qualitative Report*. 2007. Vol. 12(2). P. 238–254. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR12-2/onwuegbuzie1.pdf>
- Onwuegbuzie A.J., Teddlie C.* A framework for analyzing data in mixed methods research // A. Tashakkori, C. Teddlie (Eds.) *Handbook of mixed methods in social and behavioral research*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 351–383.
- Packer M.J., Addison R.B. (Eds.)* *Entering the circle: Hermeneutic investigation in psychology*. – Albany, NY: State University of New York Press, 1989.
- Parker I.* *Discourse dynamics: Critical analysis for social and individual psychology*. – L.; N.Y.: Routledge, 1992.
- Peshkin A.* The goodness of qualitative research // *Educational Researcher*. 1993. Vol. 22(2). P. 24–30.
- Polkinghorne D.E.* *Methodology for the human sciences: Systems of inquiry*. – Albany, NY: State University of New York Press, 1983.
- Polkinghorne D.E.* Changing conversations about human science // *Issues of Validity in Qualitative Research / S. Kvale (Ed.)*. – Lund (Sweden): Studentlitteratur, 1989. P. 13–45.
- Potter J.W.* *Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction*. – L.: Sage Publications, 1996.
- Potter J.W., Wetherell M.* *Discourse and social psychology*. – L.: Sage Publications, 1987.
- Prilleltensky I.* *The morals and politics of psychology*. – Albany, N.Y.: SUNY Press, 1994.
- Putnam H.* *Representation and reality*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1988.
- Ragin C.C., Becker, H.S. (Eds.)* *What is a case? Exploring the foundations of social inquiry*. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1992.
- Ratner C.* *Cultural psychology: Theory and method*. N.Y.: Plenum, 2002.
- Rausch J.L., Hamilton M.W.* Goals and distractions: explanations of early attrition from traditional university freshmen // *The Qualitative Report*. 2006. Vol. 11(2). P. 317–334. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR11-2/rausch.pdf>
- Reckwitz A.* *Praxis-Autopoiesis-Text: Drei Versionen des Cultural Turn in der Sozialtheorie* // A. Reckwitz, H. Sievert (Eds.) *Interpretation, Konstruktion, Kultur: Ein Paradigmenwechsel in den Sozialwissenschaften*. – Opladen Westdeutscher Verlag, 1999. P. 19–49.

- Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // P. Rabinow, W.M. Sullivan (Eds.) *Interpretive social science: A reader.* – Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 73–101.
- Riger S.* Epistemological debates, feminist voices: Science, social values, and the study of women // *American Psychologist.* 1992. Vol. 47. P. 730–740.
- Rogers T.* Operationism in psychology // *Journal of the History of the Behavioral Sciences.* 1989. Vol. 25(2). P. 139–153.
- Rorty R.* Inquiry as recontextualization: An anti-dualist account of interpretation // D. Hiley, J. Bohman, R. Shusterman (Eds.) *The interpretive turn: Philosophy, science and culture.* – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991. P. 59–80.
- Rose G.* *Visual methodologies: An introduction to the interpretation of visual materials.* – London: Sage Publications, 2001.
- Rose N.* *Governing the soul: The shaping of the private self.* – L.: Routledge, 1990.
- Rowland R.* *Woman herself: A transdisciplinary perspective on women's identity.* – Oxford: University Press, 1988.
- Runyan W.M.* Why did Van Gogh cut off his ear? The problem of alternative explanations in psychobiography // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1981. Vol. 40. P. 1070–1077.
- Salner M.* Validity in Human Science Research // *Issues of Validity in Qualitative Research* / S. Kvale (Ed.). – Lund (Sweden): Studentlitteratur, 1989. P. 47–71.
- Sampson E.E.* Identity politics: Challenges to psychology's understanding // *American Psychologist.* 1992. Vol. 48. P. 1219–1230.
- Sandelowski M.* The problem of rigor in qualitative research // *Advances in Nursing Science.* 1986. Vol. 8. P. 27–37.
- Sandelowski M.* Rigor or rigor mortis: The problem of rigor in qualitative research revisited // *Advances in Nursing Science.* 1993. Vol. 16. P. 1–8.
- Schäfer G.* Romantic love in heterosexual relationship: women's experiences // *Journal of social sciences.* 2008. 16(3). P. 187–197.
- Schegloff E.A.* Whose text? Whose context? // *Discourse & Society.* 1997. Vol. 8. P. 165–187.
- Schegloff E.A.* Reply to Wetherell // *Discourse & Society,* 1998. Vol. 9. № 3. P. 413–416.
- Schorn A.* The «theme-centered interview». A method to decode manifest and latent aspects of subjective realities // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal]. 2000. 1(2) / <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/2-00schorn-e.htm>
- Schott R.* Whose home is it anyway? A feminist response to Gadamer's hermeneutics // H. Silverman (Ed.) *Gadamer and hermeneutics.* – N.Y.: Routledge, 1991. P. 202–209.
- Schwartz T., White G.M., Lutz C.A. (Eds.)* *New directions in psychological anthropology.* – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1992.
- Seale C.* *The quality of qualitative research.* – L.: Sage, 1999.

- Seaman J.* Adopting a grounded theory approach to cultural-historical research: Conflicting methodologies or complementary methods? // *International Journal of Qualitative Methods.* 2008. Vol. 7(1). <http://ejournals.library.ualberta.ca/index.php/IJQM/article/view/1616/1>
- Shotter J.* *Social accountability and selfhood.* – Oxford: Blackwell, 1984.
- Silverman D.* *Doing qualitative research: A practical handbook.* – L.: Sage Publications, 2000
- Sjoberg G., Williams N., Vaughn T.R., Sjoberg A.F.* The case study approach in social research: Basic methodological issues // J.R. Feagin, A. Orum (Eds.) *A case for the case study.* – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 27–79.
- Skinner D., Valsiner J., Holland D.* Discerning the dialogical self: A theoretical and methodological examination of a nepali adolescent's narrative // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal]. 2001. Vol. 2(3). <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01skinneretal-e.htm>
- Smaling A.* Inductive, analogical, and communicative generalization // *International Journal of Qualitative Methods.* 2003. 2(1). http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/2_1/html/smaling.html
- Smith J.K.* Goodness criteria: Alternative research paradigms and the problem of criteria // E.G. Guba (Ed.) *The paradigm dialogue.* – Newbury Park, CA: Sage, 1990. P. 167–187.
- Stake R.E.* *The art of case study research.* – L.: Sage, 2005.
- Steiner C.J.* The technicity paradigm and scientism in qualitative research // *The Qualitative Report.* 2002. 7(2). <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR7-2/steiner.html>
- Stones C.R.* *Research: Toward a phenomenological praxis* // D. Kruger (Ed.) *An introduction to phenomenological psychology.* – Cape Town, South Africa: Juta, 1988. P. 141–156.
- Strasser S.* *The idea of dialogical phenomenology.* – Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 1969.
- Tankard J.W.* *The Statistical Pioneers.* – Cambridge, MA: Schenkman Pub Co, 1984.
- Tavris C.* *The mismeasure of woman.* – N.Y.: Touchstone/Simon & Schuster, 1992.
- Taylor C.* Interpretation and the science of man // P. Rabinow, W. Sullivan (Eds.) *Interpretive social science: A reader.* – Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 25–71.
- Todres L.* Writing phenomenological-psychological descriptions: An illustration attempting to balance texture and structure // *Auto/Biography.* 2000. Vol. 8(1, 2). P. 41–48.
- Tolman C.V., Maiers W. (Eds.)* *Critical psychology: Contribution to an historical science of the subject.* – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1991.

- Tschudi F.* Do qualitative and quantitative methods require different approaches to validity // Kvale S. (Ed.) *Issues of validity in qualitative research*. – Lund, Sweden: Studentlitteratur, 1989. P. 109–134.
- Valle R., Halling S. (Eds.)* *Existential-phenomenological perspective in psychology*. – N.Y.: Plenum Press, 1989.
- Van Manen M.* *Researching lived experience: Human science for an action sensitive pedagogy*. – Ontario, Canada: Althouse, 1990.
- Van Wynsberghe R., Khan S.* Redefining case study // *International Journal of Qualitative Methods*. 2007. 6(2). www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/6_2/vanwysberghe.htm
- Weimer W.B.* *Psychology and the conceptual foundations of science*. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1976.
- Wetherell M.* Positioning and interpretative repertoires: conversation analysis and post-structuralism in dialogue // *Discourse & Society*. 1998. Vol. 9(3). P. 387–412.
- Wetherell M., Potter J.* *Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation*. – Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1992.
- Whitmore R., Chase S.K., Mandle C.L.* Validity in qualitative research // *Qualitative Health Research*. 2001. Vol. 11. № 4. P. 522–537.
- Williams M.* Wittgenstein's rejection of scientific psychology // *Journal for the theory of social behaviour*. 1985. Vol. 15(2). P. 203–223.
- Willis P.* From «the things themselves» to a «feeling of understanding»: finding different voices in phenomenological research // *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. 2004. Vol. 4, edition 1. <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>
- Winters C.A.* Living with chronic heart disease: A pilot study // *The Qualitative Report*. 1997. Vol. 3. № 4. december. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-4/winters.html>
- Wittgenstein L.* *Remarks on the philosophy of psychology (Vol. 1)*. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980.
- Wittgenstein L.* *Zettel*. – Berkeley: University of California Press, 1967.
- Yin R.K.* *Case study research: Design and methods*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

Приложение 1

Роль психолога в организации (по представлениям предпринимателей) Фрагменты интервью с предпринимателем²³

Понимаете, из-за постоянных стрессов у сотрудников масса проблем. С этими проблемами надо что-то делать.

Деньги ведь это лишь часть человеческих ценностей, и ведь не всегда деньги являются приоритетной ценностью. Человеку хочется быть там и с теми, кто его уважает, кто ценит его индивидуальность. Короче, быть там, где его ценят как человека, где он получает человеческое признание.

Надо по-человечески. А то начинаются такие песни: «На фиг мне это надо, вкалывать тут на него. Ради чего? Ради обогащения какого-то дяди. А он на меня плевать хотел. Я для него – винтик в его машине, и нужен, пока не износился, пока кручусь. Ему плевать на меня, а мне плевать на него, на все его стрессы и на все его интересы. Не нужны мне эти подачки на день рождения» и т. д.

При такой запарке и нервотрепке, в этих ежедневных стрессах, естественно, начинаешь относиться к людям формально, хотя знаю, что не стоит. Знаю, что мне это дороже обойдется, потому что люди не терпят формальности, не терпят игнорирования в них человеческого. Знаю, что как машина никто не может.

У меня нет возможности – ни времени, ни сил, ни опыта, – чтобы заниматься психологическими проблемами сотрудников и помогать им их решать. Я могу, конечно, и в помещении сам убираться, но мое время слишком дорого. Да и нет смысла заниматься этим самому, если есть специально обученные профессионалы. Это выгодно.

Вообще психология и бизнес, наверное, имеют что-то общее. Ведь что такое бизнес? Это прежде всего искусство управления, управления людьми. Работу делают люди. Команда профессионалов, нацеленное на общее дело, – вот что главное. И тут не только квалификация и послушание, исполнительность, тут еще и мотивация важна, желание людей работать, вкладываться по полной.

Можно ли сегодня управлять по-старому? Плохо работает – позвал к себе, наорал, как говорится, вставил ему как следует. Или премии лишил.

²³ Использованы материалы исследования Н. Бусыгиной и Е. Комаровой, проводившегося в Москве в 2005 году.

Хорошо работает – премию повысил. Нет, это все, конечно, по-прежнему работает. Но сегодня этого недостаточно. А психолог – профессионал в своей области, и он должен знать и уметь по-своему, своими приемами тонкими мотивировать сотрудников. Людями сегодня надо управлять не «в лоб», сегодня должны быть особые техники, и ими должен владеть психолог.

Человек – главный фактор любого бизнеса. И все проблемы в бизнесе идут от человека. И от человеческих отношений многое зависит. Как мы все взаимодействуем – хозяин, менеджер, рабочий, государственный чиновник, клиент. И как взаимодействуют между собой партнеры по бизнесу. Как мы налаживаем контакт, как принимаем решения, на что ориентируемся, можем ли договориться, свои цели реализовать и интересы других учитывать. Вот все это и есть успешный бизнес, точнее, от этого напрямую зависит успешность. И скажете, это не психология?

Бизнесмен ведь делает свое дело не только собственным мозгом и компьютером, он делает свое дело людьми, люди – его главный инструмент. Основные действующие лица – люди, а не бумажные договоры.

Идея, что «нет человека – нет проблемы» – это не выход. С такой позиции, профессиональная обязанность психолога разбираться в человеческих отношениях, он должен уметь это делать лучше всех, с профессиональной позиции.

Развитию команды всегда необходимо посвящать время и силы. Я бы даже сказал, что именно так необходимо расставлять сегодня приоритеты: вначале команда; финансы, связи – все это тоже важно, но без команды мы никуда не продвинемся. А хорошая команда разрешит любые сложности, справится с любыми проблемами, в том числе финансовыми.

Приложение 2

Фаина Раневская о книге воспоминаний²⁴

Милый, дорогой Виктор Платонович!

...Книжку (повесть В.Некрасова «В окопах Сталинграда») читала с восторгом, с восхищением и чувством черной зависти. Хотелось бы и мне так писать. Получила грозное предупреждение из издательства. Строчки не могу выдавить.

Пожалуй, единственная болезнь, которой у меня нет, – графомания, а как бы сейчас она мне пригодилась.

(Из письма Ф. Раневской писателю В. Некрасову)

***

Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке.

В том, с какой бесцеремонностью ко мне пристают с требованием писать о себе, – есть бессердечие. ...Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей.

Если бы уступила просьбам и стала писать о себе – это была бы «жалобная книга».

«Судьба – шлюха».

...Не могу записывать, ни к чему. Противно брать в руки карандаш. Надо писать только одну фразу: «Все проходит». ...И к тому же у меня непреодолимое отвращение к процессу писания. «Писанина». Лепет стариковский, омерзительная распушенность, ненавижу мемуары актерские. Кроме книжки П.Л. (Павлы Леонтьевны Вульф. – Н.Б.).

***

Все бранят меня за то, что я порвала книгу воспоминаний. Почему я так поступила?

Кто-то сказал, кажется, Стендаль: «Если у человека есть сердце, он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза». И это решило судьбу книги. Когда она усыпала пол моей комнаты, – листья бумаги валялись обратной стороной, т. е. белым, и было похоже, что это мертвые птицы. «Воспоминания» – невольная сплетня. О себе говорить неудобно (а очень хочется). «Воспоминания» – это от чего? У меня от одиночества смертного.

²⁴ Записи Раневской приведены по изданию: Фаина Раневская: «Судьба – шлюха» / Авт.-сост. Д. Щеглов. – М.: Астрель; АСТ, 2005. С. 7–9.

...Писать должны писатели, а актерам положено играть в театре.

Все ушли... Рядом бродяга, псина, безумно ее полюбила. Думаю, что собаки острее чувствуют, потому что не умеют говорить. Заразила я ее бессонницей и моей звериной тоской. Когда ухожу, она плачет. Беру ее с собой в театр, а потом рвусь к ней. Мне еще никто так не радовался.

***

...Наверное, зря порвала все, что составило бы книгу, о которой просило ВТО. И аванс надо теперь возвращать 2 тыс. Бог с ними, с деньгами, соберу, отдам аванс, а почему уничтожила? Скромность или же сатанинская гордыня? Нет, тут что-то другое. ...Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных. Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала, и только. Кто, кроме моей Павлы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Кто мучился, когда я сидела без работы? Никому я не была нужна... Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это все. Личная жизнь тоже не состоялась. ...В театре Завадского заживо гнию.

***

Иногда приходит в голову что-то неглупое, но я тут же забываю это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги.

...Книга должна быть написана художником или мыслителем. Гений – это талант умершего.

Вот почему порвала мой опус.

...Воспоминания – это богатство старости.

Приложение 3

Франц Кафка «Письмо отцу» (фрагменты)²⁵

...Хочу попробовать объяснить подробнее: когда я предпринимаю попытку жениться, две противоположности в моем отношении к Тебе проявляются столь сильно, как никогда прежде. Женитьба, несомненно, залог решительного самоосвобождения и независимости. У меня появилась бы семья, то есть, по моему представлению, самое большее, чего только можно достигнуть, значит, и самое большее из того, чего достиг Ты, я стал бы Тебе равен, весь мой прежний и вечно новый позор, вся Твоя тирания просто бы ушли в прошлое. Это было бы сказочно, но потому-то и сомнительно. Слишком уж это много – так много достигнуть нельзя. Вообразим, что человек попал в тюрьму и решил бежать, что само по себе, вероятно, осуществимо, но он намеревается одновременно перестроить тюрьму в увеселительный замок. Однако, сбежав, он не сможет перестраивать, а перестраивая, не сможет бежать. Если при существующих между нами злосчастных отношениях я хочу стать самостоятельным, то должен сделать что-то, по возможности не имеющее никакой связи с Тобою; женитьба, хотя и есть самое важное в этом смысле и дает почетнейшую самостоятельность, вместе с тем неразрывно связана с Тобой. Поэтому желание найти здесь выход смахивает на безумие, и всякая попытка почти безумием же и наказывается.

Но отчасти именно этой тесной связью и привлекает меня женитьба. Равенство, которое после того установилось бы между нами и которое пришло бы Тебе по душе как никакое иное, мне представляется именно потому столь прекрасным, что я смог бы тогда стать свободным, благодарным, избавленным от чувства вины прямым сыном, а Ты – ничем не омрачаемым, недеспотичным, полным сочувствия, довольным отцом. Но чтобы достигнуть этой цели, надо сделать все случившееся неслучившимся, то есть вычеркнуть нас обоих.

Но раз мы такие, какие есть, женитьба не для меня как раз потому, что эта область целиком принадлежит Тебе. Иногда я представляю себе разостланную карту мира и Тебя, распростертого поперек нее. И тогда мне кажется, будто для меня речь может идти только о тех областях, которые либо не лежат под Тобой, либо находятся за пределами Твоей досягаемости. А их – в соот-

²⁵ Текст приводится по изданию: Кафка Ф. Письмо отцу // Завещание / Пер. с нем. Е. Кацевой. – Спб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. С. 295298.

ветствии с моим представлением о Твоем размере – совсем немного, и области эти не очень отградные, и брак отнюдь не принадлежит к их числу.

... Существует мнение, будто страх перед браком иной раз проистекает от боязни, как бы дети потом не отплатили нам за то, в чем мы сами согрешили перед собственными родителями...

Но гораздо важнее при этом страх за себя самого. Это следует понимать так: я уже упоминал, что сочинительство и все с ним связанное – суть мои маленькие попытки стать самостоятельным, попытки бегства; они предпринимались с ничтожнейшим успехом и вряд ли приведут к большему, многое это подтверждает. Тем не менее мой долг или, вернее, весь смысл моей жизни состоит в том, чтобы охранять их, сделать все, что только в моих силах, чтобы предотвратить всякую угрожающую им опасность, даже возможность такой опасности. Брак таит в себе возможность такой опасности, правда, он же может стать и величайшим вдохновителем, но для меня достаточно того, что он таит такую опасность. Что я стану делать, если он действительно окажется опасностью! Как я смогу жить в браке с ощущением этой опасности, ощущением, может быть, и необъяснимым, но тем не менее неопровержимым! Перед такой перспективой я, правда, могу колебаться, но конечный исход предопределен, я должен отказаться. Поговорка о журавле в небе и синице в руках очень мало подходит здесь. В руках у меня пусто, в небе же все, и тем не менее я должен выбрать эту пустоту – так решают условия борьбы и бремя жизни...

Приложение 4

Программа учебной дисциплины

«Методология качественных исследований в психологии»

Дисциплина «Методология качественных исследований в психологии» читается студентам специалитета и магистерской программы, обучающимся по специальности «Психология». Базовыми для нее являются дисциплины общей психологии, психологии личности, истории психологии. Кроме того, данная дисциплина требует минимума знаний в области философии и философской антропологии.

В результате изучения данной дисциплины студенты должны получить знания о месте качественных исследований в современной психологии, хорошо представлять себе специфику процедур планирования и проведения качественного исследования в их отличии от тех же процедур, проводимых в рамках количественного исследования, получить углубленные знания о возможностях и ограничениях той или иной парциальной методологии, применяемой для психологической интерпретации текстовых данных. Дисциплина формирует умения критически осмыслять и оценивать собственные интерпретативные ходы, самостоятельно применять некоторые техники аналитической интерпретации и текстового анализа по отношению к данным интервью, самоописаниям и т. п., а также представлять полученные результаты, используя соответствующие стиль и жанр описания.

Аннотация дисциплины

Настоящая дисциплина предполагает рассмотрение методологии качественных исследований в двух аспектах – в аспекте «философии метода» и в аспекте исследовательских техник и процедур. Соответственно можно говорить о двух составляющих предмета дисциплины и согласующихся с ними целях и задачах.

Во-первых, в рамках дисциплины предполагается анализ основных теоретических и методологических проблем, связанных с применением качественных методов психологического исследования, в контексте классической, неклассической и постнеклассической методологии науки (научного статуса знания, его объективности, валидности, возможностей и ограничений основных концептуальных подходов к интерпретации данных, и др.). Цель – дать студентам знание о специфике качественного исследования в психологии и его месте в структуре современной психологической на-

уки. Основные задачи: сформировать у студентов представление об основных изменениях, происшедших в методологии научного знания в целом и социально-гуманитарного (в том числе психологического) знания, в частности, во 2-й половине XX века; познакомить студентов с современными попытками проблематизации концепции валидности психологического исследования в свете происшедших изменений; углубить знания студентов о принципах интерпретации, принятых в ряде психологических подходов (психоанализе З. Фрейда, аналитической психологии К.Г. Юнга, Dasein-анализе Л. Бинсвангера, гуманистической психологии, структурном психоанализе Ж. Лакана, современных дискурс-аналитических проектах), которые могут быть положены в основу интерпретации данных, полученных в ходе интервью, анализа письменных источников и т. п.; научить студентов адекватному анализу возможностей и ограничений применения того или иного концептуального подхода к интерпретации текстовых данных в свете идеи методологического плюрализма.

Во-вторых, дисциплина предполагает рассмотрение особенностей планирования и проведения качественного исследования в психологии, а также основных техник и подходов аналитической интерпретации и текстового анализа, их философских предпосылок и принципов применения (техники кодировки и категоризации при работе с текстовыми данными; техника конденсации смысла; тематический анализ; варианты дискурс-анализа, применяемые в психологических исследованиях; феноменологический и герменевтический подходы, подход обоснованной теории и др.). Цель – научить студентов самостоятельно применять названные техники и подходы в соответствии с целями собственного исследования.

Курс «Методология качественных исследований в психологии» носит междисциплинарный характер. Поэтому в результате его изучения студенты не только углубляют знание ряда важнейших концептуальных направлений психологии, но и получают представление о некоторых наработках в таких областях знания, как современная эпистемология, семиотика, герменевтика, прагматика языка и др. Иными словами, дисциплина направлена не только на формирование у студентов конкретных знаний и умений, но и на повышение их общеобразовательной культуры.

Содержание дисциплины

Тема 1. Качественные исследования в психологии: социокультурные предпосылки, философские основания, научный статус

Общая характеристика качественных исследований в психологии. Методический и методологический смысл определения качественных исследований.

Основные социокультурные предпосылки качественной исследовательской методологии (акцент на многообразии культурных и жизненных миров и т. п.). Роль освободительных движений (антирасистского, антиколо-

ниального, антипсихиатрического, феминистского) в развитии качественной исследовательской методологии.

Психологическое исследование и человеческие интересы (Ю. Хабермас). Предсказание и контроль над объективными процессами, понимание и социальные изменения как метацели современных психологических исследований.

Философские основания качественной исследовательской методологии. Идея «единой науки» и ее проблематизация в традиции обоснования специфики гуманитарных наук. Влияние некоторых идей философской герменевтики, феноменологии, социального конструкционизма, постструктурализма и критических социальных теорий на развитие качественной исследовательской методологии. Особенности ответов на онтологический, эпистемологический и методологический вопросы в случае качественной методологии исследования.

Классические представления о валидности психологического исследования, их основные теоретико-методологические допущения. Проблематизация классической концепции валидности в свете современных представлений о природе научной рациональности. Расширение концепции валидности качественного исследования: не валидность как финальный показатель контроля за результатом, а процесс валидизации, встроенный в исследование. Пути критической оценки значимости выдвигаемых интерпретативных ходов (Ю. Хабермас, Д. Полкинхорн). Уровни (или контексты) интерпретации (С. Квале).

Интеллектуальные и этические требования к психологу, занимающемуся качественными исследованиями.

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. В чем методический и методологический смысл разделения качественных и количественных исследований?
2. Каковы онтологические, эпистемологические и методологические основания качественного подхода в психологических исследованиях?
3. Что означает «герменевтический круг» и как идея герменевтического круга представлена в качественной исследовательской методологии?
4. В чем смысл концепта «жизненный мир» (Э. Гуссерль) и каковы методологические следствия разработки этого концепта для качественной методологии?
5. Как нужно понимать современные представления о социальном конструировании знания? Какое значение имеют эти представления для развития качественных исследований?
6. Какова метацель представления о природе исследуемого объекта и отношениях исследователя и исследуемого объекта в критическом подходе?
7. Какие существуют подходы к оценке валидности качественных исследований?

Литература

1. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. Ч. 1. Гл. 1. Параграфы: «Методический и методологический смысл качественной/количественной дихотомии», «Философские основания качественных исследований»; Глава 2. Параграф: «Проблема оценки качества качественных исследований: принципы научной и этической валидации».
2. Квале С. Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003. С. 13–25, 48–53, 60–61, 239–242.
3. Morse J.M., Mitcham C. Exploring qualitatively-derived concepts: Inductive–deductive pitfalls // International Journal of Qualitative Methods. 2002. Vol. 1(4). Article 3. <http://www.ualberta.ca/~ijqm>

Тема 2. Особенности планирования и проведения качественных психологических исследований

Основания для выбора качественного исследования (предмет исследования – личностное бытие человека; недостаточная разработанность исследуемой проблемы; теоретические предпочтения исследователя и др.). Специфика исследовательских вопросов в качественных психологических исследованиях. Области применения качественных исследований в современной отечественной и зарубежной психологии.

Процедура планирования и проведения качественного исследования; ее отличия от аналогичной процедуры в количественном исследовании (открытый характер исследования, использование неформальных процедур, циклический характер анализа, специфика формулирования гипотез и др.).

Действия исследователя-«качественника» на каждом из этапов проведения исследования. Формулирование темы, постановка проблемы, выбор объекта, предмета, цели исследования, выдвижение рабочих гипотез в случае качественного психологического исследования.

Виды обобщений и типы выборки в качественных психологических исследованиях. Стратегии формирования выборки.

Основные методы, применяемые в качественных исследованиях (интервью, проективные методы, анализ продуктов деятельности и др.). Правила формулирования вопросов для интервью и фокус-групп.

Исследование случая (case study, кейс-стади) как вид качественного исследования. Исследование единичного случая (single-case study) и коллекции случаев (multiple-case study).

Проблемы сбора и фиксации данных в процессе проведения качественного исследования. Система транскрипций устного дискурса. Принципы первичной обработки и анализа данных качественного исследования. Особенности стиля и жанра представления результатов.

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. В чем специфика исследовательских вопросов в качественных исследованиях?

2. Каковы основные принципы и правила формулирования вопросов для интервью и фокус-групп?
3. Что такое аналитические обобщения?
4. В чем специфика целевой выборки и какие существуют виды целевой выборки?
5. Какие стратегии формирования выборки используются в качественных исследованиях?
6. Для решения каких исследовательских задач применяют исследования отдельных случаев (case study)?
7. Какие существуют стратегии подбора случаев в методологии кейс-стади?

Литература

1. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. Ч. 2. Гл. 3.
2. Квале С. Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003. С. 113–126, 132–145, 154–157, 229–233.
3. Мельникова О.Т. Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. – М.: Аспект Пресс, 2007. С. 37–40, 127–169.
4. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: КомКнига, 2007. С. 29–48, 146–160.
5. Onwuegbuzie A.J., Leech N.L. Sampling designs in qualitative research: making the sampling process more public // The Qualitative Report. 2007. Vol. 12(2). P. 238–254. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR12-2/onwuegbuzie1.pdf>

Тема 3. Техники кодировки и категоризации и анализ качественных данных в подходе обоснованной теории

Общие принципы работы с текстовыми данными. Первичная организация текстовых данных и восхождение к концептуальному видению. Категории и субкатегории. Выводы и минитеории.

Основные этапы подхода обоснованной теории. Поэтапное кодирование текстовых данных: открытое, осевое и выборочное кодирования. Теоретическая чувствительность и способы ее усиления (А. Страусс, Дж. Корбин). Понятие теоретической выборки. «Парадигма» связей между категориями (А. Страусс). Вычитывание эмпирических связей между категориями в варианте обоснованной теории Б. Глезера.

Критерии качества обоснованной теории.

Особенности представления результатов исследований, проведенных по методу обоснованной теории.

Работа с отрывками из интервью.

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. В чем отличие качественного контент-анализа от его количественных вариантов?

2. Каковы основные этапы индуктивного выделения категорий?
3. В чем состоит открытое, осевое и выборочное кодирование?
4. Что такое «парадигма» связей между категориями в варианте обоснованной теории А. Страусса?
5. Что такое теоретическая выборка?
6. Каковы критерии качества обоснованной теории?

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. Ч. 2. Гл. 4. Параграфы: «Техники кодировки и категоризации значений (качественный контент-анализ)», «Анализ данных в подходе обоснованной теории (grounded theory)».
2. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: КомКнига, 2007. С. 41–48, 52–119, 207–214.

Тема 4. Феноменологический подход в качественных психологических исследованиях

Описание и интерпретация в психологии. Феноменологический подход как описательный подход.

Идеи философской феноменологии как основание феноменологического исследовательского подхода: поворот к субъективности; феноменологическая редукция; «жизненный мир».

Феноменологический метод в психологии как анализ субъективных переживаний в их максимальной полноте. Работа на уровне очевидных данных и самопонимания исследуемого. «Классическая» и «новая» («эмпатическая») феноменология.

Конденсация смысла и тематический анализ как основные техники феноменологического подхода.

Варианты феноменологического исследовательского метода в психологии (А. Джорджи, Г. Карлсон, Р. Швейцер).

Принципы и приемы контроля качества феноменологического анализа. Рефлексия исследователя, практикующего феноменологический метод.

Работа с отрывками из интервью и фрагментами дневников.

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. Чем описание отличается от интерпретации?
2. Что собой представляет феноменологический метод в философии Э. Гуссерля?
3. Каковы основные черты феноменологического подхода в психологии?
4. Что собой представляет феноменологический метод в качественных психологических исследованиях?
5. Какие техники используются в феноменологических исследованиях и в чем их суть?
6. В чем разница между классической (интуитивистской) и новой (эмпатической) феноменологией?

7. Каковы принципы и приемы контроля качества феноменологического анализа?

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. Ч. 1. Гл. 1. Параграфы: «Философские основания качественных исследований» (раздел 2: «Феноменология и качественные исследования»), «Многообразие качественных подходов» (о феноменологическом подходе); Ч. 2. Гл. 4. Параграфы: «Техника конденсации смысла», «Феноменологическое описание».
2. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология // Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297–340.
3. *Квале С.* Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003. С. 58–61, 192–194.
4. *Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.
5. *Улановский А.М.* Феноменологическое описание в психологии // 2-я Всероссий. научн.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М.: Смысл, 2004. <http://hpsy.ru/public/x825.htm>

Тема 5. Интерпретация в качественных психологических исследованиях

Интерпретативный характер понимания (интерпретация в широком смысле) и интерпретация как выход за пределы сказанного прямо (интерпретация в узком смысле). Проблема субъективности интерпретации. Экспликация процедуры как важнейшее требование для интерпретативных исследований. Валидизация интерпретации как аргументативная дисциплина (П. Рикер).

Идеи классической и «глубинной» герменевтики в практике качественных исследований: условия и критерии понимания; герменевтический круг; диалектика вопроса и ответа; предрассудки и пред-понимание; бессознательное и дискурс Другого.

Интерпретация содержания и симптоматическое прочтение. Теоретические основания симптоматических интерпретаций: идеи психоанализа, аналитической психологии, экзистенциального психоанализа, когнитивной психологии. Отношения между симптоматической интерпретацией на уровне здравого смысла и симптоматической интерпретацией, ориентирующейся на определенные концептуальные построения (С. Квале).

Примеры интерпретативной работы с данными интервью и фрагментами личных дневников.

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. В чем состоит герменевтическая идея об интерпретативном характере понимания?
2. Каковы условия и критерии понимания в свете идей философской герменевтики?

3. В чем отличие между классической и «глубинной» герменевтикой?
4. В чем состоит методологический принцип постановки вопросов к тексту?
5. Что такое интерпретация содержания и симптоматическая интерпретация?
6. Какое значение имеет экспликация процедуры для контроля валидности интерпретативного исследования?

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. Ч. 1. Гл. 1. Параграфы: «Философские основания качественных исследований» (раздел 1: «Герменевтические основоположения качественной методологии»), «Многообразии качественных подходов» (о герменевтическом подходе); Ч. 2. Гл. 4. Параграф «Интерпретация в качественных исследованиях».
2. *Квале С.* Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003. С. 208–226, 227–249.
3. *Руткевич А.М.* Глубинная герменевтика А. Лоренцера // Логос. 1992. № 3. С. 146–164.

Тема 6. Дискурс-анализ и его применение в психологии

Понятие дискурса. «Дискурсивный поворот» в языкознании и «дискурсивный поворот» в психологии.

Дискурс-аналитическое исследование в психологии. Различные виды дискурс-анализа, применяемые в психологии. Дискурс-анализ, основанный на идеях Л. Витгенштейна; анализ «грамматики психологических понятий» как ключ к пониманию психических феноменов (Р. Харре, Дж. Поттер).

Дискурс-анализ как установление позиции говорящего по отношению к порождаемому высказыванию (Э. Бенвенист, М.М. Бахтин) и дискурс-анализ как установление позиции говорящего по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии (М. Фуко, феминистские авторы).

Анализ способов конструирования позиции в дискурсе; понятие интерпретативного репертуара (Дж. Поттер, М. Уезерелл).

Репрезентационная и инструментальная модели коммуникации; теория речевых актов (Дж. Остин); языковой перформатив и перформативная составляющая высказывания; принципы анализа взаимодействия на основе инструментальной модели коммуникации.

Идеологическая функция нарративов. Критические теории общества (франкфуртская школа, М. Фуко) и принципы критического дискурс-анализа в психологии (М. Уезерелл, А. Хепберн, Я. Паркер).

Позиционный анализ (Р. Харре, М. Бамберг).

Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. Что такое «дискурсивный поворот» в психологических исследованиях?
2. Какие виды дискурс-аналитических исследований зарекомендовали себя в психологии?

3. Что такое «грамматический анализ» психологических понятий в свете идей Л. Витгенштейна?
4. В чем состоит процедура дискурс-анализа в варианте, предложенном Дж. Поттером и М. Уезерелл?
5. Каковы отличительные черты критического дискурс-анализа?
6. Каковы основные понятия и процедура позиционного анализа, предложенного Р. Харре?

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. Ч. 1. Гл. 1. Параграфы: «Философские основания качественных исследований» (разд. 3, 4: «Идеи постструктурализма и критических социальных теорий как основание критического подхода в качественных психологических исследованиях»), «Многообразие качественных подходов» (о критическом подходе); Ч. 2. Гл. 4. Параграф «Дискурс-аналитические подходы в психологии».
2. *Калая П., Хейкинэн А.* Атрибуции в рамках дискурсивного подхода: объяснение успехов и неудач в изучении английского языка как иностранного // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2002. С. 43–72. <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002/KALAJANEIKINENLSE2002.HTM>
3. *Калмыкова Е.С., Чеснова И.Г.* Анализ нарративов пациента: CCRT и дискурс-анализ // Моск. психотерапевт. журн. 1996. № 2. С. 177–201.
4. *Касавин И.Т.* Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопр. психол. 2007. № 6. С. 97–119.
5. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. С. 152–211.

Вопросы к итоговому зачету

1. Методический и методологический смысл разделения качественных и количественных исследований в психологии. Различия в представлениях о природе изучаемой реальности, характере отношений исследователя и исследуемого, процессе исследования.
2. Социокультурные предпосылки развития качественной методологии исследования в психологии.
3. Идеи феноменологии и философской герменевтики как философское основание качественной методологии исследования в психологии.
4. Идеи социального конструкционизма и критических социальных теорий как философское основание качественной методологии исследования в психологии.
5. Стратегии валидизации в качественном психологическом исследовании («Валидизировать – значит ставить вопросы, проверять и теоретизировать», – С. Квале).
6. Этика проведения качественного исследования в психологии.
7. Особенности исследовательских вопросов в количественных и качественных исследованиях.

8. Основные методы сбора данных в качественном психологическом исследовании. Фокус-группы как качественный метод сбора данных.
9. Типы обобщения и стратегии формирования выборки в качественных психологических исследованиях.
10. Основные правила формулирования вопросов для интервью и фокус-групп. Приведите пример исследовательского вопроса и его конкретизации в вопросах для респондентов.
11. Научный статус качественных исследований случаев (case study, кейс-стади) в психологии.
12. Типы исследований случаев в психологии. Особенности планирования исследований индивидуального случая (single-case study) и коллекции случаев (multiple-case study).
13. Количественный и качественный контент-анализ. Работа с кодировочными категориями (на примере анализа текста). Контроль качества категоризаций.
14. Техника конденсации смысла (на примере анализа текста).
15. Феноменологический подход в качественном психологическом исследовании: общая характеристика. Классическая (интуитивная) и новая (эмпатическая) феноменология.
16. Феноменологический и герменевтический подходы в качественном психологическом исследовании: сходства и различия в философских основаниях, позициях исследователя, процедурах сбора и анализа данных.
17. Феноменологический и интерпретативный модусы понимания. Идея «глубинной герменевтики».
18. Контроль качества описаний и интерпретаций в качественном психологическом исследовании.
19. Основные техники подхода обоснованной теории. Контроль качества обоснованной теории.
20. Идея и методы комплексной интерпретации текста (на примере работы с фрагментом текста).
21. Зависимость интерпретации от вопросов, поставленных к тексту. Интерпретация содержания и симптоматическая интерпретация (на примере анализа текста). Уровни (контексты) интерпретации (С. Квале).
22. Дискурс-анализ в психологии: общая характеристика. Различные виды дискурс-анализа.
23. Дискурс-анализ Дж. Поттера и М. Уезерелл. Понятие интерпретативного репертуара.
24. Общая характеристика критического подхода в качественных психологических исследованиях.

Рекомендуемая литература

1. **Бусыгина Н.П.** Методология качественных исследований в психологии.
2. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология // Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297–340.

3. *Калая П., Хейкинен А.* Атрибуции в рамках дискурсивного подхода: объяснение успехов и неудач в изучении английского языка как иностранного // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: ВГТУ, 2002. С. 43–72. <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002/KALAJANEIKINENLSE2002.HTM>
4. *Калмыкова Е.С., Чеснова И.Г.* Анализ нарративов пациента: CCRT и дискурс-анализ // Моск. психотерапевт. журн. 1996. № 2. С. 177–201.
5. *Касавин И.Т.* Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопр. филос. 2007. № 6. С. 97–119.
6. *Квале С.* Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003.
7. *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. – М.: Аспект-Пресс, 2007.
8. *Руткевич А.М.* Глубинная герменевтика А. Лоренцера // Логос. 1992. № 3. С. 146–164.
9. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: КомКнига, 2007.
10. *Улановский А.М.* Феноменологическое описание в психологии // 2-я Всерос. научн.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М.: Смысл, 2004. <http://hpsy.ru/public/x825.htm>
11. *Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 130–150.
12. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. С. 152–211.
13. *Morse J.M., Mitcham C.* Exploring qualitatively-derived concepts: Inductive-deductive pitfalls // International Journal of Qualitative Methods. 2002. Vol. 1(4). Article 3. <http://www.ualberta.ca/~ijqm>
14. *Onwuegbuzie A.J., Leech N.L.* Sampling designs in qualitative research: making the sampling process more public // The Qualitative Report. 2007. Vol. 12(2). P. 238–254. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR12-2/onwuegbuzie1.pdf>

Бусыгина Н. П.
Методология качественных исследований в психологии.
Учебное пособие.

Подписано в печать: 16.06.2011.
Формат: 60*90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 17,8
Тираж 3000 экз.